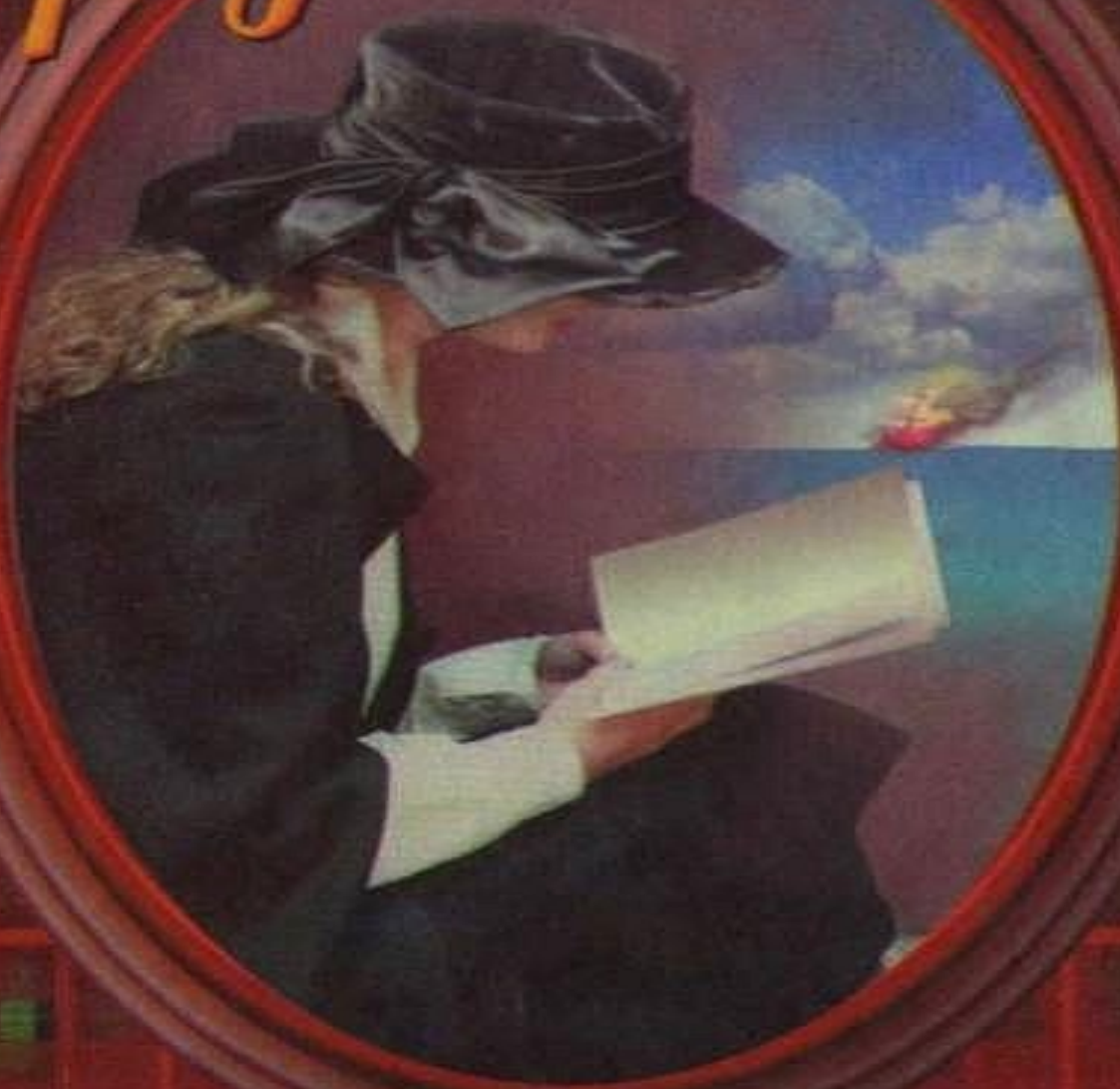

Фред Стюарт

БЛЕСК И БУДНИ

Annotation

Впереди у Адама Торна звание пэра Англии и титул графа Понтефракта — завидная судьба! И горькая: разлука с любимой в обмен на великосветский брак без любви. Но у судьбы есть в запасе милосердные сюрпризы...

- [Фред Стюарт](#)
  - [ПРОЛОГ](#)
  - [ЧАСТЬ ПЕРВАЯ](#)
    - [ГЛАВА ПЕРВАЯ](#)
    - [ГЛАВА ВТОРАЯ](#)
    - [ГЛАВА ТРЕТЬЯ](#)
    - [ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ](#)
    - [ГЛАВА ПЯТАЯ](#)
  - [ЧАСТЬ ВТОРАЯ](#)
    - [ГЛАВА ШЕСТАЯ](#)
    - [ГЛАВА СЕДЬМАЯ](#)
    - [ГЛАВА ВОСЬМАЯ](#)
    - [ГЛАВА ДЕВЯТАЯ](#)
    - [ГЛАВА ДЕСЯТАЯ](#)
    - [ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ](#)
    - [ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ](#)
    - [ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ](#)
    - [ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ](#)
    - [ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ](#)
  - [ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ](#)
    - [ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ](#)
    - [ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ](#)
    - [ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ](#)
    - [ГЛАВА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ](#)
    - [ГЛАВА ДВАДЦАТАЯ](#)
    - [ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЕРВАЯ](#)
    - [ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВТОРАЯ](#)
    - [ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ТРЕТЬЯ](#)
    - [ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЕРТАЯ](#)

- [ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЯТАЯ](#)
  - [ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ШЕСТАЯ](#)
  - [ГЛАВА ДВАДЦАТЬ СЕДЬМАЯ](#)
  - [ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВОСЬМАЯ](#)
  - [ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ДЕВЯТАЯ](#)
  - [ГЛАВА ТРИДЦАТАЯ](#)
  - [ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ](#)
    - [ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ПЕРВАЯ](#)
    - [ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ВТОРАЯ](#)
    - [ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ТРЕТЬЯ](#)
    - [ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ЧЕТВЕРТАЯ](#)
    - [ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ПЯТАЯ](#)
  - [notes](#)
    - [1](#)
    - [2](#)
    - [3](#)
    - [4](#)
-

Фред Стюарт
Блеск и будни

Как всегда моей
дорогой жене Джоан

ПРОЛОГ

АДАМ И ЛИЗА

— Я люблю тебя, Лиза, — сказал Адам Торн. — Думаю, что буду любить тебя до дня своей смерти.

— Ах, Адам, ты знаешь, что и я люблю *тебя!* Наши души слились в одно целое, ничто не может разлучить нас.

Эти клятвы любящих людей прозвучали без малейшего намека на застенчивость и с чувством страстной искренности. Произнесены они были двумя десятилетними подростками, стоявшими, держа друг друга за руки, на развалинах аббатства Ньюфилд. Сильный ветер, первый предвестник осени, дул над серовато-коричневым торфяником, взъерошивая волосы детей. Густые черные и нестриженные волосы Адама и светлые, выгоревшие на солнце до соломенного цвета локоны Лизы. Аббатство Ньюфилд, бывшее когда-то монастырем, было сожжено солдатами короля Генриха VIII, когда этот монарх разорил монастыри и учредил англиканскую церковь. Остатки каменных стен, наполовину разрушенные готические окна, пол, заросший сорняками и дикими цветами, — все делало аббатство неотразимо романтичным, любимым местом встреч Адама и Лизы.

И вот черноволосый мальчик в белой рубашке и порванных штанишках встает на колени перед красивой девочкой в домотканом платьице, берет ее руки в свои.

— Я, Адам Торн, торжественно клянусь быть твоим рыцарем! — восторженно произносит он, его темные глаза смотрят на обожаемое лицо. — Клянусь защищать тебя от жестокостей этого злого мира и любить тебя чистой любовью.

— А я, Елизавета Десмонд, принимаю эту клятву, сэръ рыцарь, и со своей стороны клянусь любить тебя всем сердцем.

Ветер продолжал завывать над торфяниками, а дождевые тучи стремительно и плавно неслись по небу.

Восемь лет спустя голый Адам Торн расслабился на голой Лизе Десмонд, которая лежала на спине в цветущей траве возле аббатства Ньюфилд.

— Моя любимая Лизочка, — шептал Адам. — Моя очаровательная Лизочка.

Он сжимал ее в объятиях, целовал ее груди. Лиза закрыла глаза и

сжала кулачки.

— Господи, — шептала она, — прости мне за мои прегрешения.

— Ш-ш, это не грех. Пред очами Господа мы — муж и жена. Всегда были ими.

— Но в глазах моего отца...

— Твой отец достаточно набожен, чтобы обеспечить рай нам обоим. Впрочем, не уверен, что захочу попасть туда, если там окажется он сам.

— Какое злобное высказывание, хотя и правильное.

«Не могу отказать себе в этом», — подумала она, разжимая кулаки и кладя ладони на его теплую, гладкую спину. Чистая, невинная любовь двух подростков, росших вместе на этих торфянистых землях, в начале этого лета переросла во что-то более серьезное и сложное. Адам Торн завладел всеми помыслами Лизы. Повзрослев, он стал смуглым красавцем с впечатляющей фигурой, превратился в мужчину, за поцелуями которого последовали ласки и довольно острые ощущения, в человека, периодические смены настроения которого зачаровывали и одновременно ставили ее в тупик. Лиза была дочерью приходского священника в Уайкхем Райз, и она знала, с каким играет огнем. Преподобный Хью Десмонд овдовел двенадцать лет назад. Он твердо верил, что грешники будут гореть в огне. Лиза знала, что если «начнет грешить», то и земная жизнь превратится для нее в ад.

Но она уже согрешила шесть раз, если считать точно, а она считала. Аббатство Ньюфилд, служившее местом их идиллических встреч в детстве, превратилось в то, что она рассматривала как непрерывную оргию. Несмотря на тот факт, что по существу она уже «пала», Лиза не хотела становиться «падшей женщиной», образ которой служил объектом бесконечных проповедей ее отца. Конечно, выходом стала бы свадьба, но пока что Адам не затрагивал этого вопроса. Лиза решила сама заговорить об этом.

— О Господи! — воскликнула она, сжимая руками его узкий стан в тот момент, когда он довел ее до оргазма. — О, любимый мой...

Он скатился с нее, лег на бок, тяжело дыша. Его тело от испарины стало скользким. Хотя, как и всегда, дул ветер, но августовское солнце еще сильно грело. К тому же Адам Торн оказался темпераментным любовником. Он поднял с травы рубашку и отер ею лицо.

— Завтра приезжает моя тетка, — сообщил он. — Мне сдается, что она начнет приставать к отцу, чтобы отправить меня учиться в Оксфорд. Сегодня утром отец получил от нее письмо, и это его так расстроило, что

он напился уже до обеда.

— Почему же он расстроился?

— Эта старая дева наводит на него ужас. Я видел ее один раз, когда мне было десять лет, она и на меня нагнала страху. Настоящая змея. Старшая сестра моей матери, леди Рокферн.

Лиза села, отогнала назойливую муху.

— Тебе хотелось бы поехать в университет? — спросила она.

— Не знаю, удастся ли это мне. Ты знаешь, что к учению я не очень склонен. К тому же, кто заплатит за это? Отец пропил большую часть своих денег, а дед не прислал нам за последние двадцать лет ни пенни. Но по традиции мои родичи учатся в Оксфорде. И думаю, что меня попытаются уговорить сделать то же самое. Может быть, где-нибудь подработаю, чтобы внести плату за обучение... Не знаю. Во всяком случае, не могу себе представить, зачем бы еще могла пожаловать сюда без приглашения моя тетка.

— Ты думаешь, она будет относиться к вам, как к бедным родственникам?

— А то? — Он обратил на нее свои темные глаза, и она увидела, как в них разгорается гнев. — Я знаю, что думают обо мне де Веры, по крайней мере догадываюсь. Для них я бедный родственник, невоспитанный мальчишка с дурными манерами, который не знает, как пишутся слова, и с которым попадешь в неловкое положение, коли пригласишь его на обед. Да и в любом случае в Оксфорде я не продержусь и семестра. Все они — орава чванливых снобов.

— Но ты же внук графа!

— Ну да, конечно, графа, которого я и в глаза не видел, который безо всяких веских оснований лишил наследства мою мать, человек, которого я ненавижу! — Гнев вспыхнул в его глазах, лицо посуровело, он поднялся, подошел к дверному проему развалин бывшего аббатства, чтобы осмотреть болотистую равнину. Ветер растрепал его волосы. Одной рукой он ухватился за сохранившуюся дверную раму, а другой потряс в воздухе, бросая вызов всему миру. — Чтобы ты провалился сквозь землю, милорд Понтефракт! — крикнул он. — Пусть тебя разжует и выплюнет сам черт. А если этого не сделает черт, то сделаю я сам! Иначе я буду поджариваться в аду, если не отплачу тебе за твое мерзкое чванство!

— Адам, — воскликнула Лиза, потрясенная такой отчаянной горячностью. — Он ведь твой дедушка!

Адам злобно уставился на нее. Она поняла, что сейчас не время заводить разговор о свадьбе.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

НАСЛЕДСТВО ПОНТЕФРАКТА

ГЛАВА ПЕРВАЯ

«И это поместье Торнов! — подумала леди Сидония Рокферн, когда открытый экипаж остановился перед поблекшим от времени каменным домом ее зятя. Может быть, когда-то он и был поместьем, но сейчас представлял собой развалины. — Поразительно, что моя дорогая покойная сестра растратила свою красу и блестящие перспективы в обществе на этого постыдного пьяницу-мужа, заживо схоронив себя в этом Богом забытом краю! Ну, пусть только попробует напиться сегодня, я ему покажу, где раки зимуют!»

Леди Рокферн, высокая, важная женщина, уже за пятьдесят, обладала продолговатым лошадиным лицом. Она сидела прямо, словно аршин проглотила, в своем экипаже, держа над собой черный зонт от солнечных лучей, черная шляпка без полей защищала от ветра ее седые волосы. Когда карета остановилась, один из ее двух грумов прыгнул на землю, чтобы открыть дверцу и опустить ступеньки. Леди Рокферн сошла на заросший сорняками кусочек травы, заменявший здесь лужайку, и огляделась. Поместье Торнов казалось заброшенным. Деревянные ставни кое-где болтались всего на одной петле, грязные стекла, а иных рам не было вовсе.

От неудовольствия леди Рокферн оттопырила губы.

— Объявите о моем приезде, — приказала она.

Курьер заторопился по гравиевой дорожке к парадному входу и постучал висевшим на двери железным молоточком. Леди Рокферн не могла скрыть нетерпения. Зелеными глазами она осматривала окна двухэтажного дома, надеясь заметить признаки жизни.

— Сидония! Дорогая сестра! — проворковал голос, и из парадной двери вывалился высокий седовласый мужчина. Он широко распростер руки, пустившись, покачиваясь, навстречу ей, сжимая в руке бутылку вина. — Добро пожаловать! Добро пожаловать в поместье Торнов! Так-как, дорогая леди, внешне вы не изменились, а? Все еще настоящая красавица, но ведь все вы девочки из семьи де Веров были потрясающими.

— Ты пьян, — отрезала леди Рокферн, — и не пытайся умаслить меня своими сладкоречивыми разговорами. Я никогда не отличалась красотой, так что терять мне нечего. Настоящей красавицей была Лавиния, хотя Господь знает, что она зря растратила свою красу на тебя. А теперь поставь где-нибудь эту бутылку, сэр. Надо кое-что обсудить. Где мальчик?

Сэр Персивал Торн, остановившись в нескольких шагах от

свояченицы, уставился на нее, опасно покачиваясь.

— Зачем это, дорогая леди? Зачем говорить так грубо? Ты сказала «пьян»? Это ложь, мадам, которая оскорбляет меня. Я просто попиваю прохладительное красное вино в этот адски жаркий день...

— Довольно, сэра! — она постучала своим зонтиком по его плечу. Ее голос походил на раскат пушечного выстрела. — Я проехала длинный путь от Холла Понтефракт, и у меня нет времени выслушивать твою пьяную болтовню. Позови мальчика. Я хочу повидать его.

Отодвинув в сторону сэра Персивала, она прошла по дорожке к парадной двери и вошла в дом. Сэр Персивал сделал большой глоток из бутылки и выпустил струю вина изо рта вслед свояченице.

Леди Рокферн миновала прихожую и вошла в гостиную.

— Грязь, — произнесла она вслух, ни к кому не обращаясь.

Она провела пальцем в перчатке по крышке сундука из орехового дерева. Поднялось облачко пыли. Красные бархатные шторы были такими же пыльными, в некоторых местах изъеденными молью, тускло-золотистая оборка оторвана. Впрочем, панели, покрывавшие стены, находились в сносном состоянии, хотя сделаны были еще в семнадцатом столетии, когда одним из предков сэра Персивала строилось поместье Торнов. Узорчатый потолок выглядел шедевром лепных работ.

— Какое преступление довести этот дом до столь запущенного состояния, — проворчала она, ударяя зонтом по подушке кресла с высокой спинкой. Новые клубы пыли. Потом присела на эту подушку, опираясь обеими руками о зонтик, и стала смотреть через дверь в прихожую, ожидая, когда подойдет сэр Персивал.

Она была страшно расстроена. Убийство! От самого слова несло такой вульгарностью, таким насилием. Убийства не происходят в семьях, подобных семье де Вер. И все-таки оно случилось. Насильственное, вульгарное убийство. О, да, отец не велел ей рассказывать об этом Адаму. Все надо держать в секрете, представлять как несчастный случай. Но это ужасное событие вверх дном перевернуло всю жизнь де Веров. А Адам? Как он отнесется к такой новости?

Она с любопытством ждала встречи с племянником. В прошлом месяце ему исполнилось восемнадцать лет. Она знала, что он закончил какую-то плохонькую школу в окрестностях Уайкхем Райз, но вел неупорядоченную жизнь, главным образом по вине своего пьяницы-папаши, никак не руководившего мальчиком, не говоря уже о том, чтобы подать ему пример христианина. Адам рос дикарем, совершенно в стороне от благовоспитанного общества. Возможно, отчасти в этом был виноват и

ее отец, она готова была признать это. Она подозревала, что Адам, скорее всего, испытывает горькие чувства к своей собственной семье. Но теперь все так изменилось. Она гадала, можно ли этого молодого человека, который по многу часов кряду скакал по болотистым торфяникам... можно ли его обтесать? Может быть, сделать это будет и трудно, но сделать это надо. И Сидония приглядела уже союзницу в этом деле — леди Сибил Хардвик.

Она взглянула на золотые, свисавшие на цепочке с ее шеи часы.

— Куда подевался этот идиот? — раздраженно спросила она. — Неужели он думает, что я буду торчать тут весь день? Персивал! — крикнула она.

Где-то в отдалении торжественно тикали часы. Солнечные лучи пытались пробиться сквозь грязные стекла высоких окон эпохи короля Якова I. Леди Рокферн собиралась было опять фыркнуть от раздражения, но тут в дверях появился молодой человек. Высокий, значительно выше шести футов, атлетического сложения, с широкими плечами и узким тазом. В темном, довольно потертом костюме и чистой белой рубашке, правда, без галстука. Черные курчавые волосы не были подстрижены.

— Адам? — вопросительно произнесла Сидония.

— Тетя Сидония?

Он вошел в комнату и приблизился к ее креслу, чтобы представиться.

— Можешь поцеловать меня в щеку, — разрешила леди Рокферн.

— Да, тетя.

Он наклонился и поцеловал ее в подставленную правую щеку. От него сильно пахло самодельным щелочным мылом.

— Так. Дай-ка я посмотрю на тебя, — сказала она, когда он выпрямился.

Она вынула из своей сумочки лорнет, чтобы получше рассмотреть его.

— Ты похож на свою мать... и на своего отца. Надо отдать ему должное: он — подлец, но красивый. Моя бедная сестра только раз взглянула на него и пропала. Кстати, куда он *делся*? Не может ли он протрезветь хотя бы на один день?

— Думаю, что папа боится вас. Он только что вскочил на лошадь и поехал в таверну.

— В таверну?! Возмутительно! Ну, он вправе бояться меня — он же загубил жизнь моей сестры.

— А что можно сказать о вас, тетя? — негромко спросил Адам, еле сдерживая ярость. — А что можно сказать о моем дедушке? Не погубил ли и он мою маму, выдворив ее за двери, как какую-нибудь потаскуху? Да, мой

отец пьет. Странно, что и я не пристрастился к этому.

Леди Рокферн нахмурилась.

— Твоя горечь понятна, Адам. Произошедшее можно объяснить, но я хочу, чтобы это сделал сам дедушка. А пока что, полагаю, ты не слышал о трагических новостях?

— Каких новостях?

— Ты видишь по моей одежде, что я в трауре, Адам. В семью пришла смерть, и не одна. Умерли четыре человека. Все это резко изменило права о наследстве на Понтефракте. Так же, как и твое будущее. — Она поднялась. — Пойдем, юноша. Упакуй свои вещи. Ты должен сегодня же отправиться в Понтефракте Холл. Поторопись! На дорогу уйдет три часа, а я хочу вернуться туда до захода солнца.

Адам, не отрываясь, смотрел на тетку, гадая, что же все-таки произошло.

— Лиза, Лиза, вот мои свадебные приглашения. Правда, они красивые?

Леттис Десмонд, старшая из сестер Десмонд, подала коробку с конвертами кремового цвета своей младшей сестре и надменно улыбнулась.

— Тиснение высшего качества, — продолжала она. — Папа выказал удивительную щедрость, но ведь все мы хотим, чтобы свадьба произвела впечатление, правда? В конце концов, мистер Белладон — хорошее приобретение для семьи, и заарканила его я.

«Ты бросилась ему на шею», — подумала Лиза и вынула одно из приглашений, на котором готическим шрифтом было написано:

«Преподобный Хью Фицалан Десмонд, Магистр наук, Доктор богословия, просит _____ оказать честь, прибыть на свадьбу его дочери Леттис Уинифред, сочетающейся браком с мистером Горасом Белладоном. Церемония состоится в церкви Святого Жилия, Уайкхем Райз.

Начало церемонии в 11 часов утра, 28 октября 1856 года».

— Поможешь заполнить их, дорогая Лиза? — спросила Леттис. — У тебя ведь такой красивый почерк. Ох! — Она исполнила несколько па в небольшой спальне, которую делили все три сестры на втором этаже дома

приходского священника. — И подумай только, Лиза: ты и Минна можете навещать меня в Прайори и гостить, сколько пожелаете. Нам будут подавать слуги, и мы сможем съесть шоколада, сколько захотим. Дорогой мистер Белладон обещал это. Ты знаешь, он такой щедрый. И такой богатый!

— И такой старый, — добавила Лиза, уложив пригласительный билет обратно в коробку и слезая с кровати.

— Ты мне просто завидуешь, — отпарировала Лет-тис, — потому что у тебя нет жениха или даже постоянного ухажера, если не считать этого уличного кота Адама, которого даже нельзя пригласить в приличное общество.

Лиза дернула сестру за один из ее светлых локонов:

— Об Адаме помалкивай.

— Ой... больно! Ты действительно завидуешь мне! Все знают, что из Адама Торна толку никогда не будет. Хорош и его папочка-пьяница.

— Ты что, считаешь, что я завидую тебе из-за Гораса Белладона, этого жирного кривляки, который смехотворно пыжится и чавкает, когда ест суп?

— Он не кривляка! И ему принадлежит текстильное предприятие. У него три фабрики, и он зарабатывает в год двадцать тысяч фунтов стерлингов...

— Он жирный, вдвое старше тебя и пальцем вытирает нос.

Леттис прикусила губу. Хотя многие отмечали физическое сходство между Леттис и Лизой, которая была на год моложе сестры (некоторые даже думали, что они двойняшки), Леттис прекрасно знала также, что большинство находили Лизу более красивой, чего Леттис простить не могла. Теперь она, подбоченившись, свысока посмотрела на сестру.

— По крайней мере, он моется, чего не скажешь о твоём драгоценном Адаме.

— Я люблю запах Адама!

— Ах! И ты, конечно, была с ним достаточно близка, держу пари, чтобы слышать, как он пахнет. Как близко ты к нему приближалась, Лиза? Достаточно близко, чтобы поцеловаться, г-м-м?

Лиза схватила книжку и швырнула ее через всю комнату в сестру. Леттис пригнулась. Книга попала в синий фарфоровый графинчик и сбила его с туалетного столика. Он разлетелся вдребезги, стукнувшись об пол.

— Тебе влетит за это, — крикнула Леттис, подбегая к двери. — Я все расскажу папе, и он отлупцует тебя, как ты того заслужила.

— Жаль, что книжка не сшибла *головус* твоих плеч! — взвизгнула Лиза.

— Можешь прикидываться, мисс, но я догадываюсь, чем вы занимаетесь возле аббатства Ньюфилд... и я расскажу папе и об этом!

Она отворила дверь, собираясь выбежать, но наткнулась на третью сестру, Минну.

— О, Минна, ты такая клуша... всегда мешаешь.

Она с раздражением прошмыгнула мимо Минны и побежала в зал на второй этаж. В спальню вошла Минна, столь близорукая, что вынуждена была носить очки.

— Что это с ней? — спросила Минна, прикрывая дверь. Из трех сестер Десмонд Минна была самая застенчивая.

— О, она расхвасталась своим ужасным Горасом, — ответила Лиза, опускаясь в кресло возле окна.

— Ну, Лиза, — отозвалась Минна, — надо признать, что Леттис — единственная из нас троих подает надежды.

Лиза улыбнулась сестре:

— Я лично не беспокоюсь за *тебя*, Минна. Все свободные женихи страны скоро начнут увиваться вокруг тебя. И хотя Адам не сделал мне еще предложения...

— Кстати, об Адаме. Старый Джетро из поместья Торн только что привез вот это.

Минна вынула конверт из кармана юбки и подала его сестре.

— Ты, гусыня, почему не сказала мне раньше?

Вскочив с кресла, она выхватила конверт и вынула оттуда записку:

«Дорогая моя Лиза, — она со страхом взглянула на неразборчивый, корявый почерк Адама. Сама Лиза была лучшей ученицей школы для дочерей священников в соседнем Каствлтоне. — Моя тетка, леди Рокферн, просит меня посетить моего деда в Понтефракте Холле. У меня мало времени, потому что тетка торопится. Позже напишу подробнее. Люблю тебя. Твой настоящий рыцарь Адам».

— Что он пишет? — спросила Минна, стгорая от любопытства.

— Он уезжает, чтобы повидать своего деда, лорда Понтефракта, — ответила Лиза. — Как странно... Любопытно, что бы это могло значить?

— Мне известно, что неблагоприятное материальное положение помешало тебе посещать приличную школу в Итоне или Харроу, — сказала леди Рокферн Адаму, сидевшему напротив нее в карете, подпрыгивавшей на рытвинах, — но мне сказали, что ты только что закончил какое-то местное училище.

— Да, четырехгодичные курсы мистера Кадбури.

— Знаешь ли ты хоть немного латинский язык?

— Ну, совсем чуть-чуть. Я так и не смог осилить звательный падеж. Зачем мне знать, как можно сказать по-латыни «О, стол»? Я не разговариваю со столами.

— Тут ты в чем-то прав. Я абсолютно уверена, что Римская империя пала, в частности, из-за своей дурацкой грамматики. Зачем вообще надо обращаться к неодушевленным предметам? Знаешь ли ты французский язык?

— Не знаю.

— Можешь ли ты по правилам разобрать английское предложение?

— Да, но орфография у меня ужасная.

— Г-м-м... Похоже, ты достаточно образован, чтобы стать английским джентльменом. Лично я не верю во всю эту болтовню о просвещении широких масс. Избыток знаний может исковеркать характер человека.

— Значит, вы не будете стараться отправить меня в Оксфорд?

— Оксфорд?! Конечно, нет. Послушай меня, Адам. Полагаю, что тебе кое-что известно об истории твоего рода?

— Нет. Мама никогда не рассказывала мне об этом, во всяком случае, не углублялась в подробности.

— Тогда мне придется объяснить это довольно пространно и утомительно, потому что важно, чтобы ты узнал обо всем. Мой отец, лорд Понтефракт, произвел на свет троих детей. Тебе он приходится дедом по материнской линии. Первенец, мой брат, лорд Аугустус де Вер, стал наследником графства, которое передается по мужской линии. Я родилась второй. Вышла замуж за покойного теперь лорда Рокферна. Наша дочь умерла в детстве.

Без всяких сомнений, брат был прямым наследником, тем более что у него родились двое отличных сыновей. Но семью постигло несчастье. Лорд Аугустус, его жена и оба сына поднялись на борт моторной яхты, принадлежащей лорду Уиллоуби Фейну, для поездки в Индию. Они прошли по Темзе менее полумили, когда на борту произошел взрыв, и все, включая экипаж, погибли... Мы предполагаем, что взорвался паровой котел. Одним ударом, если так можно выразиться, наследственная ветвь семьи Понтефрактов коренным образом изменилась.

Как ей и было велено, Сидония солгала Адаму. Она-то знала, что было совершено убийство.

Адам уставился на нее:

— Вы хотите сказать... — Он замялся в нерешительности, — ...что я могу стать следующим графом Понтефрактом?

— Сможешь ли? Я хочу сказать, что ты непременно им *станешь*.

Как часто ночами он свертывался калачиком в своей кровати, прислушиваясь к завыванию ветра на торфяных болотах вокруг их старого нетопленного имения и проклиная коварную судьбу, которая сделала его бедным родственником, а его кузенов — наследниками того, что, как было ему известно, представляло собой огромное богатство. Капризы рождения и так казались ему несправедливыми. Но в отношении деда к матери несправедливость дополнилась еще и жестокостью. Но даже в самых безумных фантазиях он не предполагал, что в один прекрасный день сможет стать наследником. Единственное, что он мог вымолвить теперь, было:

— И мой... дедушка ничего не имеет против?

— Конечно, он скорбит о смерти сына и двоих внуков. Для него это большой удар. Но он горит желанием увидеть тебя, Адам. Ему надо сказать тебе очень многое. И мне тоже. Позволь сначала ознакомить тебя с некоторыми сведениями о его владениях. Лорд Понтефракт владеет сорока тысячами акров земли в Англии, главным образом в Йоркшире. В прошлом столетии там были открыты богатые залежи угля, и теперь шахты дают ежегодный доход примерно в пятьдесят тысяч фунтов стерлингов.

— Пятьдесят тысяч? — прошептал Адам, совершенно не представляя себе столь огромную сумму.

— В дополнение к этому он владеет двенадцатью тысячами акров земли в Шотландии — Эйрширс — и земельным участком в западной части Лондона. Доходы от арендной платы с этого района приносят еще двадцать тысяч фунтов в год. Помимо этого, полмиллиона фунтов вложены в различные фонды. Естественно, в качестве наследника ты унаследуешь Понтефракт Холл, дом Понтефрактов в Лондоне и довольно противную виллу на морском побережье в Шотландии.

— Тетя, — произнес Адам в состоянии полнейшего изумления, — вы не... не шутка ли это?

Она напряглась.

— Шутка, сэр? Я не считаю, что можно шутить с наследством.

— Значит, это правда? И когда-нибудь я... ну, разбогатею?

— Твоя сообразительность делает тебе честь, племянничек. Но теперь, может быть, ты начнешь отдавать себе отчет о величии задачи, что лежит перед нами. Ты был ничтожеством, а теперь станешь всемогущим. Мы должны привить тебе изысканные манеры, чтобы ты по праву занял принадлежащее тебе в обществе место. Мы должны подыскать тебе подходящую жену. К счастью, твоя удивительно привлекательная

внешность, а также твой вероятный доход значительно облегчат эту задачу. Я составлю список подходящих наследниц...

— Минуточку, тетя. Это, конечно, очень любезно с вашей стороны, но, видите ли, я уже полюбил.

Леди Рокферн нахмурилась.

— Вот как? Помилуй, и кого же?

— Самую очаровательную девушку во всей Англии и самую милую: Лизу Десмонд.

— Лизу? Вот уж не знала, что такое имя, как Лиза, встречается в благовоспитанном обществе. Скажи на милость, кто же такая эта твоя Лиза?

— О, вполне уважаемая девушка. Ее отец — приходской священник в Уайкхем Райз. Они бедны, как церковные крысы, но у Лизы на плечах сметливая голова — она гораздо лучше образована, чем я. Поэтому забудьте о своем списке. Когда я стану третьим графом в роду Понтефрактов, то женюсь на Лизе и сделаю ее третьей графиней... Третий граф Понтефракт. — Смакуя, он повторил этот титул. — Просто невозможно. Все эти годы я ненавидел вас и деда. А теперь... — Он заколебался. Невероятные новости повергли его в смятение и возбуждение.

— Как я уже сказала, твоя горечь вполне понятна. Но ты, Адам, должен постараться забыть о прошлом. Судьба преподнесла тебе прекрасное наследство, и в один прекрасный день — возможно, увы, скоро, — ты станешь главой нашего рода. Высокое положение требует и большой ответственности. Пока ты не женишься и не обзаведешься детьми, ты останешься последним мужчиной из рода де Веров. Ты должен заставить нас гордиться собой. Ты должен смотреть сквозь пальцы на то, что мы тебе сделали. Твой христианский долг заключается в том, чтобы прощать, дорогой Адам. И, к счастью для всех нас, ты теперь в состоянии проявить щедрость.

— Да, — отозвался он задумчиво, — возможно, вы правы. Я должен попытаться простить... Как выглядит дедушка, тетя?

— Как ты можешь догадываться, он не чудовище, не людоед. Он такой же, как все мы. У него есть и недостатки, и добродетели. К тому же, он очень стар, Адам. Будь с ним помягче. Не исключено, что, может быть, он даже понравится тебе.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Адам с трудом верил своим ушам, когда леди Рокферн говорила ему, что он станет графом, а теперь просто не мог поверить своим глазам, когда увидел Понтефракт Холл. Он что-то смутно припоминал из рассказов матери об этом огромном строении, в котором она выросла. Но мать умерла от чахотки, когда ему было всего семь лет.

— Этот дом стоит здесь с 1760 года, — сообщила тетка, когда колеса кареты застучали по булыжнику необыкновенно длинной въездной аллеи. — Он был построен первым графом, твоим прадедушкой, который являлся одновременно набобом Калькутты.

— Кем, кем, тетя?

— Набобом Калькутты. Твой прадед, Алгернон де Вер, служил там писарем в Ост-Индской компании. Ты слышал об Ост-Индской компании?

Адам нервно сглотнул. История не являлась его сильным местом.

— Да.

— Алгернон был смышленным и предприимчивым человеком, он продвинулся по службе. В тот период он подружился с Робертом Клайвом. Ты слышал о Клайве из Индии?

Новое глотательное движение.

— Да.

— Ты слышал о Калькутте?

— Это в восточной Индии, верно? На реке?

— Bravo! Точнее, в Бенгалии, на реке Хугли. Там ужасный климат. Как бы там ни было, прадед обладал не только хорошей головой для бизнеса и, скажем, приемлемыми морально-нравственными принципами его ведения, но и отличался большой физической силой и смелостью. Ты никогда не слышал о битве при Пласси?

Адам нахмурился. Тетка слишком много набросала вопросов, но ему не хотелось выглядеть совершенным олухом.

— Это не тогда ли, когда мы победили французов в Индии?

— Совершенно правильно. В 1757 году, почти ровно сто лет назад, в Калькутте правил так называемый Наваб Бенгалии, презренный человек по имени Сираж-уд-Даула — у них странные имена, но потом привыкаешь. Годом раньше этот Наваб устроил «черный мешок» Калькутты. Ты когда-нибудь слышал об этом?

— Это когда всех английских заложников загнали в одну комнату и

большинство из них погибли?

— Совершенно правильно. Туда втиснули, возможно, сто пятьдесят человек — о точной цифре идут споры. В комнату размером восемнадцать на четырнадцать футов с двумя отверстиями для воздуха. Выдалась самая жаркая ночь в году. На следующее утро, когда открыли дверь, то обнаружили, что от удушья или перегрева погибли все, за исключением двадцати трех человек. Дикий, ошеломляющий случай. Твой прадед вместе с Клайвом организовали в Мадрасе карательную экспедицию против Наваба, выступили походом на Калькутту и захватили ее. Потом они преследовали Сираж-уд-Даулу до местечка, называемого Пласси, где они разгромили войска мерзавцев, так же как и французские войска. Позже Сираж-уд-Даула был убит, что вполне заслужил. Клайв поставил проанглийского генерала из потомков Великих Моголов новым Навабом Бенгалии и тем самым заложил основы нашей империи в Индии. Клайв, Алгернон де Вер и другие руководители Ост-Индской компании получили тогда крупные суммы денег от нового Наваба Мир Джафара в качестве вознаграждения. Твой прадед получил двести восемьдесят тысяч фунтов стерлингов. Огромную сумму по тем временам.

— Это и *теперь* громадная сумма, — заметил Адам.

— Твой прадед и другие, которых завистливые современники называли «ловкачами», стали известны как набобы Калькутты. Алгернон возвратился в Англию, купил эту землю, построил Понтефракт Холл и купил себе место депутата в Палате общин. Позже, во время несчастной американской революции, он поддержал короля Георга III, который наградил его графским титулом. Алгернон де Вер стал первым графом Понтефрактом. Надеюсь, ты слушаешь меня внимательно? Я рассказываю историю твоего рода.

— Да, тетя. Но это очень... огромно!

— Огромно?! Странная манера характеризовать историю своего рода!

— Я не об этом. Я имею в виду здание Понтефракт Холл!

Адам неотрывно, все с большим возбуждением смотрел на громаду соединенных друг с другом зданий, к которым они подъезжали.

— Говорят, что тут больше сотни комнат, хотя я их никогда не считала. Считать комнаты представляется мне невыразимой вульгарностью. Однако могу сообщить тебе, что обслуга насчитывает пятьдесят человек. Правда, с провозглашением нынешних радикальных идей становится все труднее подыскивать слуг.

Адам просто упивался великолепием дома, который предстал перед их взором, если в данном случае вообще подходило слово «дом».

Классический фасад здания протянулся, как казалось Адаму, более чем на шестьсот футов. В центральной части доминировала галерея, напоминая своды собора, по бокам симметрично протянулись более низкие флигели, каждый из которых заканчивался квадратной башней с куполом. Центральную галерею с ее шестью колоннами и треугольным фронтоном, украшенным статуей, огибали две широкие лестницы, плавными уступами поднимавшиеся вверх. Огромные, от пола до потолка, застекленные двери также заканчивались классическими фронтонами, а на крыше возвышались каменные вазы и скульптуры, вдоль карниза протянулась каменная балюстрада. Дом располагался в огромном парке. Перед ним журчал фонтан, струя которого взлетала на высоту пятидесяти футов. Вечерний ветерок относил в сторону водяные брызги.

Адам с первого же взгляда полюбил этот архитектурный шедевр.

— Тетя Сидония! — воскликнул он. — Это прекраснее всего, что я мог только представить себе. Лизе это очень понравится. Какое она испытает счастье!

Леди Рокферн фыркнула. «Дочь приходского священника по имени Лиза, — думала она. — Это мы еще посмотрим. Нет, прекрасной женой Адаму станет Сибил Хардвик, и чем быстрее я их сведу друг с другом, тем лучше...» Как и подавляющая часть аристократов, Сидония, когда дело касалось бракосочетания, больше думала о родословной, чем о любви. Если же жених и невеста влюблялись друг в друга, это служило приятным дополнением. Но, как и с лошадьми, главное состояло в выведении породы, а родословная Сибил относилась к лучшим в Англии.

Адам, взиравший на Понтефракт Холл, не думал о выведении породы. Он думал о том, какую радость доставит ему показать этот дом своей любимой.

— Тетя, вам понравится Лиза. Она самая замечательная девушка во всей Англии! — Он взглянул на Сидонию и улыбнулся. — Конечно, присутствующие в счет не идут.

Его тетка ничего не сказала. «Он обладает некоторой природной деликатностью, — подумала она. — Он далеко не безнадежен».

Дом приходского священника в Уайкхем Райз представлял собой довольно скромное строение, хотя и не был лишен некоторого мрачного очарования. Деревня Уайкхем Райз насчитывала около четырехсот душ, большинство ее жителей были прихожанами собора Святого Жилия на окраине селения. Дом священника стоял у края болотистой равнины. От церкви его отделяло кладбище. Деревня располагалась на склоне холма, и

Верхняя улица была вымощена каменными плитками, уложенными поперек, чтобы меньше скользили копыта лошадей. Улицаспускалась к церкви и дому священника. Оба эти здания были выстроены из одинакового серого камня, впрочем, как и другие дома селения. Крыша дома священника была покрыта точно такими же плитками, что использовались для мощения улицы (любое более легкое покрытие не выдержало бы сильных ветров). Над домом высились две трубы. Он был обнесен низкой каменной оградой, что позволяло сестрам Десмонд выращивать симпатичные цветы в палисаднике, а также бузину и сирень. В холодном дождливом климате этих болотистых мест дом священника обычно выглядел мрачно, хотя в солнечных лучах он казался несколько веселее. Нездоровый климат, соседство кладбища могли бы повлиять на характер Лизы, сделать его просто ужасным, а получилось наоборот. Она была веселой и жизнерадостной.

Иначе и не могло быть, если живешь с преподобным Десмондом. Ее отец, высокий мужчина с окладистой белой бородой, сосредоточил в себе наихудшие недостатки викторианской эпохи. Напыщенный, самодовольный, без чувства юмора, с предубеждениями и безжалостно прямолинейный. Единственное, что позволяло выносить его, так это его любовь к животным — некоторые даже утверждали, что преподобному животные нравятся больше, чем люди, — и дом его кишел кошками, собаками и птицами. Когда Лизу позвали в кабинет отца, он сидел за заваленным бумагами письменным столом и гладил по спине Эзекиель, свою любимую персидскую кошку.

— А, Елизавета, — приветствовал он ее тихим голосом, который контрастировал с его же гулким басом на клиросе. — Садись, моя дорогая.

— Хорошо, папа.

Лиза села на стул перед письменным столом. Небольшой кабинет был забит всяким мусором, но стояли и шкафы, до отказа заполненные книгами. В камине тлели угли, две другие кошки потягивались и лениво обходили комнату.

— Леттис сказала мне, что ты швырнула в нее книжку и разбила фарфоровый графинчик. Это правда?

— Да, папа.

— Господь не одобряет вспышки гнева.

— Господь не заставляет терпеть Леттис.

Щетинистые изогнутые брови отца нахмурились.

— У тебя острый язычок, но острее всего мой слух режет твоя легкомысленная манера произносить имя Господне. Ты должна извиниться.

— Прости, папа.

— Насколько мне известно, работник сэра Персивала Торна, Джетро, передал тебе после обеда записку. От кого она?

— От Адама. Он сообщил мне, что уезжает со своей теткой в Понтефракт Холл. По-видимому, они хотят отправить его в университет.

— Это было бы благословением для Адама, бедного неотесанного парня. Лорд Понтефракт относился к нему гнусно, но ведь над де Верами тяготеет проклятие большой гордыни. Славная киска, славная киска...

Казалось, он забыл на время о Лизе, почесывая за ухом кошку, но она достаточно хорошо знала своего отца и понимала, что он использует этот прием, чтобы усыпить ее бдительность, устраивает своего рода затишье перед бурей.

— Леттис, похоже, думает, что твое поведение с Адамом вызывает некоторые вопросы относительно приличий. Она говорит, что ты ходишь с ним к аббатству Ньюфилд.

— Мы ходим туда с пятилетнего возраста.

— Но Леттис говорит, что видела, как вы целуетесь.

Он смертельно побледнел, продолжая поглаживать кошку.

— Папа, не буду отрицать этого. Я позволила Адаму некоторые вольности с собой. — «Мягко говоря», — подумала она, испытывая чувство вины.

— Твоя мать отличалась несколько фривольным поведением, которое, опасаясь, ты унаследовала от нее. Ты знаешь, что я божий человек, непреклонный в вопросах морали. Разреши предупредить тебя, что если ты запятнаешь себя грехом, я не только выкину тебя из этого дома и буду молить о проклятии твоей бессмертной души, — он подался вперед и понизил голос, — но и выпорю тебя до полусмерти. А сейчас цитирую из пятой главы Книги Притчей: «ибо мед источают уста чужой жены, и мягче ея речь ее; но последствия от нее горьки, как полынь, остры, как меч обоюдоострый; ноги ее нисходят к смерти, стопы ее достигают преисподней...» — Он помолчал, потом откинулся в кресле. — Подумай об этом, дорогая моя. А теперь можешь идти.

Лиза поднялась, лицо ее побелело. Она поклонилась и вышла из комнаты. Будучи молодым человеком, ее отец входил вместе с Уильямом Уилберфорсом в число лидеров борьбы за отмену рабства в английских колониях. Лиза мало что знала о рабстве, но восторгалась мужеством отца, отстаивавшего свои принципы. Но она знала, что у него вспыльчивый характер. Покидая кабинет, Лиза не только испытывала чувство вины, но и чувство страха. Она знала, что угрозы отца — не пустые слова.

— Так это и есть сын Лавинии? — прошипел, тяжело дыша, старик, сидевший в инвалидной коляске перед большим камином. Аугустус Гаскуань Гримторп де Вер, второй граф Понтефракта, скосил свои слезящиеся глаза, пытаясь сфокусировать взгляд на Адаме. Лорду Понтефракту уже исполнилось восемьдесят семь лет. Похожий на высохшую мумию, он сидел в своей коляске в халате и колпаке с кисточкой. Сжатые руки лежали поверх пледа на его коленях. Через прозрачную кожу просматривались синие вены. Когда он шевелил пальцами, они напоминали полудохлых червей, копошившихся вокруг суставов. Адам тоже уставился на деда. Ему пришла в голову мысль, что этот старец когда-то, должно быть, был привлекательным человеком, несмотря на удивительно смуглую кожу.

Спальня Понтефракта выглядела как настоящий дворец, хотя занимавший ее человек превратился теперь в дряхлую развалину. Комната двадцати футов высотой была обтянута специально обработанным голубым шелком, на стенах — великолепные картины в причудливых рамах. Огромная дорогая кровать украшена резьбой и пыльными страусовыми перьями. У кровати дородная сиделка наливала в стакан какое-то лекарство.

— Подойди сюда, — попросил лорд Понтефракта. — Подойди поближе.

Адам подошел к коляске. Он подумал, что действительно трудно ненавидеть столь жалкого старичка. «Забудь прошлое, — думал он. — Прости». И все же не так-то легко было отринуть горечь прожитых лет. Едва он вспоминал жалкую жизнь своей матери, как в нем опять вспыхивало пламя.

— Мои глаза теперь не так зорки, — пояснил старик, искоса всматриваясь в лицо Адама. — Да, да... ты похож на Лавинию. Те же глаза, тот же нос. Лавиния была красавицей, но слишком необузданной. Впрочем, я любил ее. Жаль, что она убежала из дома.

— Убежала? — воскликнул Адам. — Вы же сами ее выгнали! Если вы любили ее, почему отказали ей в содержании?

— На это имелись свои причины.

— Какие? Разве может что-либо оправдать такое жестокое отношение?

— Я все объясню... в свое время.

Старик закашлялся. Сиделка торопливо подошла к инвалидной коляске со стаканом в руке.

— Не надо расстраивать его светлость, — буркнула она Адаму, подавая графу лекарство. — Выпейте вот это, милорд.

— Убирайся, — огрызнулся он. — Проклятая мучительница, только и знает, что пытается влить мне в глотку какую-нибудь вонючую дрянь, как будто что-либо способно продлить мои дни.

— Вы становитесь трудным человеком, милорд.

— Не надо со мной нянчиться как с капризным ребенком! — Старик взглянул на Адама, который тут же устыдился своего выпада. Было совершенно ясно, что дни лорда Понтефракта сочтены. — Знаешь, ты теперь наследник, — произнес он. — Проклятые капризы судьбы... У моего сына открывалась блестящая карьера. Он отправлялся в Индию служить в компании и вдруг — БУМ! — Он опять закашлялся.

Сиделка насильно сунула ему в руку стакан.

— А теперь выпейте это, упрямец, — велела она.

Беря стакан одной рукой, лорд Понтефракт попытался другой оцарапать ей лицо. Потом поднес стакан ко рту и выпил содержимое, пролив часть микстуры на подбородок. Сиделка, чья тень от пламени колыхалась на стене и потолке, как черное чудовище, наблюдала за ним. Потом забрала стакан и вытерла ему подбородок.

— Так-то лучше, — проворковала она.

— Жизнь, — прошипел лорд Понтефракт. — Какой в ней смысл? Заканчиваешь ее хуже, чем начинаешь ребенком. Так же беспомощен... Сидония!

— Да, папа? — отозвалась леди Рокферн, стоявшая рядом с Адамом.

— Свяжись с портным, надо сшить ему приличную одежду. Потом организуй бал, чтобы представить его людям нашего графства. Денег не жалея.

— Но, дедушка, — недоуменно произнес Адам, — разве я остаюсь здесь жить?

— Конечно. Ты же наследник. Верно? Сестра!

— Милорд?

— Мне нужно к письменному столу. Потом убирайся. Все убирайтесь кроме Адама.

Пока сиделка катила старика через всю комнату к прекрасно позолоченной, с инкрустацией, конторке, Адам взглянул на свою тетку, которая кивнула ему, как бы давая понять: «Делай, что он говорит», а сама вышла из комнаты.

— Подойди сюда, юноша, — позвал его старик, пытаясь вставить ключ трясущимися пальцами в дверцу конторки. Адам повиновался, столкнувшись с сиделкой, направляющейся к двери.

— Смею думать, что все это свалилось тебе, как снег на голову, а? —

сказал лорд Понтефракт, поднимая верх конторки. — Но тебя ждет еще один сюрприз, который может оказаться не таким приятным, как весть о том, что ты становишься моим наследником, потому что ты унаследуешь не только мой титул и мое состояние. Ты унаследуешь кое-что еще: семейную тайну.

Старик положил руки на деревянную шкатулку, прекрасно изукрашенную по бокам и на крышке — индусы с миндалевидными глазами, в белых тюрбанах, женщины в тонких, как паутинка, сари. Их фигурки были нарисованы почти что в сюрреалистической индийской манере. Казалось, они плывут по стилизованным садам. Перед тем как открыть шкатулку, граф Понтефракт взглянул на внука и проговорил шепотом:

— Ты должен поклясться, что будешь молчать о том, что я сейчас открою тебе. О тайне знал только мой покойный сын, и я открываю ее тебе только потому, что ты теперь стал моим наследником. Клянешься ли ты хранить ее?

Старик смотрел с таким напряжением, что заставил Адама гадать, какой же дьявол сидит в этой шкатулке.

— Да, клянусь, — тихо ответил он.

— Господь поразит тебя насмерть, если ты нарушишь эту клятву.

Руки старика медленно открыли шкатулку. Адам смотрел, как дед вынул из нее небольшую акварель в простой рамке. Он некоторое время смотрел на нее, потом передал Адаму, который взял миниатюру и стал разглядывать ее. Это был портрет молодой и очень красивой индийской женщины, сидевшей в тростниковом кресле. Бледно-голубое сари не закрывало ее лица. Она смотрела на художника большими дерзкими черными глазами.

— Она очаровательна, — произнес Адам. — Кто это?

— Ее звали Камала Шах, она была дочерью богатого брамина из Калькутты. Это — моя мать.

Адам уставился на него. Дед медленно кивнул:

— Да, Адам. Я, ты, твоя мать, твоя тетка Сидония — у всех де Веров течет в жилах индусская кровь. Но сейчас знают об этом только двое — ты и я.

Из всех сюрпризов этого дня, по крайней мере, этот поразил его меньше всего. Как у Лизы было только смутное представление о рабстве чернокожих, так и у Адама имелось весьма туманное представление об Индии. За свою недолгую жизнь он еще ни разу не встречался с индусом. Более того, его первая реакция была почти что восторженной. Но, наблюдая

за дедом, он начинал осознавать смысл мерзкого слова, которого еще не знал: расизм.

— Всю свою жизнь я ненавидел Индию, — продолжал дед. — Ненавидел мать, которую почти не знал, — она умерла от холеры, когда мне было пять лет. Конечно, мой отец скрывал все это как только мог. Он привез меня в Англию и воспитал как белого человека. Его друзья по Индии, знавшие об этой тайне, не раскрывали ее другим, насколько могли. Многие из них сами женились на индусках или спали с ними. Они повторяли слова моего отца о том, что моя мать была *фирингииз Белайта*, что на хинди означает «иностранка из Англии». Люди им верили. Шли годы и никому даже в голову не приходило, что я не стопроцентный англичанин. Я учился в Итоне и Оксфорде как сын английского графа. Просто моя кожа не теряла загара круглый год. Но никогда я не забывал об истинном положении вещей и стыдился его. — Старик вздохнул. — Теперь я на грани смерти. Не знаю, может быть, я всю жизнь ужасно ошибался. Если бы моя мать не умерла так рано, то, возможно, все бы сложилось иначе — кто знает? А теперь я расплачиваюсь за свои грехи. И один мой грех, Адам, заключается в том, как я поступил с твоей бедной матерью. Я старался стать более правоверным англичанином, чем сами англичане, и когда твоя мать полюбила человека, который мне не понравился, и убежала с ним, я наказал ее, отрезав от семьи. Теперь я вижу, что был не прав. Но в то время, когда я пытался соблюдать условности общества, я думал, что поступал правильно. Сможешь ли ты простить мне когда-нибудь это?

Теперь Адам увидел, насколько уязвим его дед, и почувствовал прилив жалости к нему. Он взял его узловатую руку и поднес к своей щеке.

— Я прощаю тебе, дедушка, — мягко произнес он. — Как сказала тетя Сидония, что было, то прошло. И, думаю, что по-своему ты страдал не меньше моей мамы.

— Интересно, простила бы она меня, — вздохнул граф. — И простит ли, если мы встретимся в загробной жизни. Лично я считаю, что любая религия — пустая болтовня, что нет никакой загробной жизни, но могу и ошибаться. Но тем не менее я страшно расплачиваюсь за свои грехи. Сидония сообщила тебе, что яхта лорда Фейна случайно взорвалась. Но это ложь. Было совершено преднамеренное убийство. — Адам отпустил его руку. — Перекати мою коляску через комнату. Я должен показать тебе что-то еще.

Гадая, какие же последуют новые откровения, Адам взялся за ручки инвалидной коляски и покатил ее в указанном направлении.

— За этой картиной находится сейф, — сказал старик, показывая на

пейзаж, изображенный на холсте. — Возьмись за правую сторону рамы и отодвинь ее в сторону. — Адам послушался. В стену был вмонтирован стальной сейф. — Вот ключи, — продолжал лорд Понтефракт, вытаскивая из кармана халата два ключа. — Бронзовый ключ от верхнего замка, стальной от нижнего. Поворачивай их налево, а не направо. — Адам сделал так, как ему велели. — Внутри находится обитая бархатом коробочка. Вынь ее и открой.

Адам вынул коробочку из сейфа и открыл крышку.

— Господи, — прошептал он. — Что это такое?

Перед ним лежал огромный розовый бриллиант величиной с яйцо.

— Его называют «Глаз идола».

— Огромный драгоценный камень, — с трепетом в голосе проговорил Адам. — Припоминаю, что мама что-то говорила о нем.

— Мой отец похитил его из храма в Лакнау вскоре после битвы у Пласси. Камень не был глазом. Он лежал в одной из четырех рук статуи богини Кали. Осмелюсь предположить, что ты мало что знаешь о религии индусов. У них три главных божества: Брахма — создатель, Вишну — хранитель и Шива — разрушитель. Жена Шивы — Кали, которая почитается как олицетворение разрушения и смерти. Возможно, ты слышал о таггис?

— О душителях? — спросил Адам, все еще не отрывая глаз от огненной красоты камня.

— Да. Об индусах, которые бродят по стране и душат двадцать или тридцать тысяч человек в год, освящая все это именем Кали. Лорд Бентинк провел кампанию двадцать лет назад, чтобы ликвидировать их, но к тому времени им уже удалось поубивать лишь одному Богу известно сколько англичан и индусов. Я к тому, что Кали — это могущественная богиня. Ее обычно изображают в виде черной фигуры с раскрытым ртом и высунутым языком, обвитой змеями, танцующей на трупе. В ее ушах вместо сережек висят мертвецы, ее бусинки — черепа. Ее предназначение — наводить страх, и она наводит его на индусов. Мой отец поступил чертовски глупо, что спер этот камень — может, даже вернее будет сказать, не глупо, а самонадеянно, — но он не почитал индийских богов. Как бы там ни было, но несколько месяцев назад я начал получать письма с угрозами в адрес моей семьи, если я не верну «Глаз идола» в храм Лакнау. До последних дней я отмахивался от этих записок, как от писанины сумасшедших.

Адам взглянул на деда.

— Вы думаете, что ваш сын и его семья были убиты преднамеренно?

— Вот именно. Это не простое совпадение. Кроме того, вчера по почте

я получил вот это.

Он вынул клочок бумаги из-под пледа и передал его Адаму. Молодой человек развернул листок. Дешевая, запачканная чернилами бумага, но, несмотря на это, неряшливо написанные слова производили впечатление: «Сначала семья. Потом вы. Именем Кали».

Впервые после приезда в Понтефракт Холл Адама обдало холодком дурных предчувствий.

— Но, дедушка, вам грозит опасность! — воскликнул он.

Старик пожал плечами.

— Возможно. Я нанял еще двух ночных сторожей. К тому же, что за опасности могут существовать для человека моего возраста? В любом случае я долго не протяну. Поэтому, если какой-нибудь грязный нищий заколет меня, то, возможно, я и заслужил это, ибо все эти годы выступал против соотечественников своей матери. Но, Адам, я говорю тебе все это не просто так. Опасность грозит не только мне. Она нависла также над тобой и Сидонией. Если эти люди настолько кровожадны, что взорвали яхту, то все мы оказались в опасном положении, верно?

— Естественно.

— Поэтому, Адам, ты должен возвратить «Глаз идола» в храм Лакнау. Может быть, Кали и является языческой богиней, хотя мне иногда кажется, что она настоящая богиня, но это их богиня, так же как и этот камень. Поклянись ли ты мне, что отвезешь камень в их храм?

Адам был здесь совершенно посторонним человеком. Теперь же он стал близким и своим, наследником одного из богатейших состояний в Англии. Но на мгновение он стал опять чужаком, узнав о тайне своего происхождения от индийской женщины. Самая большая ирония заключалась в том, что гордые де Веры платили теперь кровью за то, что похитили столетие назад. Хотя Адаму и было непонятно, почему через сто лет какие-то таинственные личности или отдельный человек вдруг стали требовать возвращения этого камня, у него даже не возникало сомнений в том, что он должен выполнить просьбу деда. Он был последним мужчиной из рода де Веров, наследник этого рода, и был обязан исправить совершенное в прошлом преступление. К тому же воображение рисовало ему необычайные приключения. Его юная кровь просто забурлила от предвосхищений.

— Конечно, дедушка, — согласился он.

Старик откинулся на спинку своего кресла, на лице его отразилось чувство облегчения.

— Через шесть недель из Лондона в Бомбей отплывает пароход

«Звезда Востока». Я прикажу своему управляющему заказать тебе билет, и ты сможешь отплыть туда сразу же после бала, который организует Сидония. Индия необычная страна, но мы обязаны ей своим богатством, она у нас в буквальном смысле в крови. Тебе не мешает познакомиться с ней.

Индия! Взор Адама опять упал на огромный розовый бриллиант, который он все еще держал в руке. Для молодого человека, который не побывал еще даже в Лондоне, Индия воплощала в себе всю сказочную привлекательность Востока.

Показав глазами на бриллиант, дед добавил:

— Понятно, что ты должен будешь вооружиться.

— Ну, душечка, сомнений нет, ты забеременела.

Старуху звали мать Кроуфорд, известную в Уайкхем Райзе повивальную бабку. Лиза зажмурилась.

— Бедняжка, знаю, о чем ты думаешь: как сообщить об этом отцу, нашему приходскому священнику? Да, согласна, дело трудное, — прокряхтела старуха.

Мать Кроуфорд подумала, что получается забавно: у незамужней дочери приходского священника возникает вроде бы как семья. Но для Лизы забавного в этом ничего не было. Она сидела у камина в небольшой гостиной дома матери Кроуфорд на Верхней улице. Уже стемнело, на дворе завывал ветер, но Лиза не решилась прийти сюда днем из опасения, что ее могут увидеть.

— Кто же отец, дорогуша? — спросила повивальная бабка, очень походившая на ведьму.

— Этого я не скажу.

— Ты не доверяешь мне? — прокудахтала старуха.

— Не очень-то доверяю. Да и какая разница?

— Могу прервать беременность, дорогуша, — шепнула мать Кроуфорд. — А для такой славной девушки сделаю хорошую скидку.

Лиза поднялась.

— Прерывать беременность не понадобится, — заявила она, — потому что все будет законно. Сколько я вам должна?

— Ах, с дочери приходского священника хватит и одной гинеи, детка. Но лучше сделать аборт. Какая разница, одним человеком больше или меньше в этом жалком мире?

Лиза открыла свой небольшой кошелек. Она забрала из дома все свои сбережения, ибо решила, что если она попалась, то все свои надежды

возложит на Адама и поедет прямо к нему. Когда она найдет Адама, все устроится. Разве он для нее не настоящий рыцарь, поклявшийся оберегать свою даму сердца?

Она подала монету матери Кроуфорд.

— Спасибо, — сказала она. — И постарайтесь не проболтаться об этом. У этого ребенка будет отец.

— Ах, дорогуша, ни одна душа не прознает. Можешь не сомневаться. Я давно бы перестала заниматься такими делами, если бы выбалтывала то, что знаю. Счастливо, дорогая. Удачи.

Лиза направилась к дубовой двери невысокой комнаты, освещенной отсветом горящих дров.

— Когда отец ребенка узнает об этом, он поступит правильно.

Она вышла на улицу. Завывал ветер и хлестал дождь — отвратительная погода, чтобы выходить на улицу и тем более идти куда-то. Но у нее было слишком мало денег, чтобы сесть в дилижанс, идущий до Понтефракт Холла, а железная дорога еще не дошла до этого отдаленного уголка Йоркшира.

Придется пройти всю дорогу пешком.

Нагнувшись навстречу ветру, она направилась к перекрестку на краю селения, откуда начиналась дорога в сторону Понтефракт Холла. Она не просто шла, ее преследовал ужас. Она думала о том, что с ней сделает отец, если Адам не поступит правильно... но он не подведет. Поступит правильно.

Он — ее любовь, ее единственный настоящий рыцарь.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

— Значит, это новый наследник? — размышляла вслух леди Сибил Хардвик. — У него удивительно романтическая внешность. Мне нравятся черные волосы. Смуглые мужчины кажутся мне такими привлекательными.

— Да, он красив, — согласилась леди Рокферн, стоявшая рядом с величавой красавицей. Они находились в большом салоне Понтефракт Холла, комнате поистине дворцового великолепия, и смотрели через одно из высоких окон на Адама, только что спрыгнувшего с лошади по кличке Грейлинг, в то время как конюх придерживал ее за уздечку. — Красивый, но на него находит... Я заметила это всего за два дня. Он вспыльчив и не стесняется показывать свое настроение. Но я видела также, как он задумчиво смотрит на огонь камина, тоскуя вроде влюбленного Гамлета. Кто знает, что у него на уме?

— Ох, а кто знает, что вообще на уме у молодых людей? Но мне нравится форма его головы.

— Я так и подумала, что он понравится тебе, дорогая Сибил. Конечно, в графстве так много говорят, что между тобой и Эдгаром Масгрейвом существует глубокая привязанность. — Сидония играла с собеседницей в кошки-мышки. Ей хотелось заполучить самую лучшую невесту для племянника, и, по мнению Сидонии, никого не было лучше Сибил, дочери графа Неттлфилда, этой красавицы с зелеными глазами, роскошными каштановыми волосами и безупречной родословной, хотя род ее нынче изрядно обеднел.

— Мы с Эдгаром друзья детства, — пояснила Сибил, все еще не отводя взгляда от Адама, который разговаривал с конюхом. — Конечно, мы вместе ездим верхом на прогулки, явы знаете, что он сопровождал меня в качестве кавалера на многих балах. Но я не жду от Эдгара предложения, если вы намекаете на это. Всем известно, что Эдгар ищет себе богатую невесту, а я слишком бедна, чтобы заинтересовать его.

— Восхищаюсь твоей проницательностью, так же как и твоей откровенностью. Тогда и я буду с тобой откровенна. Ведь я знаю тебя на протяжении всей твоей жизни, так же как и твою семью. Ничего не могу представить себе более удачного, чем если бы наши семьи — во многих отношениях соседи — объединились. Положение, которое мой племянник займет теперь в обществе, окажется для него трудным, если он не возьмет в жены женщину, чувствующую себя в высшем свете непринужденно.

Надеюсь, ты понимаешь меня. Адам воспитывался без благословения любящих родителей и не получил образования джентльмена. Ты бы идеально подошла ему, дорогая Сибил. Конечно, если ты им заинтересуешься.

Сибил продолжала наблюдать за Адамом. «Господи милостивый, — думала она, — ну разве можно им не заинтересоваться? Он действительно удивительно красивый мужчина...»

— Мне вряд ли стоит указывать на то, что Адам унаследует значительное состояние, — продолжала Сидония.

Сибил слегка улыбнулась.

— О деньгах можно не говорить, — отозвалась она. — Я об этом хорошо знаю и покривила бы душой, если бы сказала, что деньги не содержат в себе дополнительной привлекательности. Графиня Понтефракт — кто бы ни оказался ею — станет одной из виднейших леди в нашей стране, так что и ваш племянник является наиболее желаемым призом. Но я не пойду за него замуж только из-за одних денег. Пусть я бедна, но не опущусь, как это делает Эдгар, до охоты за богатыми женихами. Нет, я выйду замуж по любви или вообще останусь незамужней. Если между вашим племянником и мною возникнут нежные чувства, я с радостью приму его предложение, коль он удостоит меня такой чести. В противном случае мы так и останемся соседями и, надеюсь, друзьями.

«Она гордая, — подумала Сидония. — А Адам своевольный».

— Опять же восхищаюсь твоей прямоотой, — произнесла она вслух. — Ну что же, посмотрим, как будут развиваться события. Ах, мистер Хоукинс принес нам чаю.

Сидония взяла Сибил за руку и отвела ее в угол салона, где мистер Хоукинс — дворецкий — давал распоряжения двум слугам, которые расставляли чайные приборы. В сложной иерархии слуг к дворецкому всегда обращались со словом «мистер», чтобы подчеркнуть его начальственное положение среди других, слуг.

Алгернон де Вер, первый граф, дал указание своему архитектору не жалеть средств на строительство Понтефракта Холла. Сын портного из Йорка, Алгернон был ослеплен огромным состоянием, которое он составил себе в Индии, и решил поразить всех у себя на родине. К счастью, его архитектор, в свое время работавший с гениальным Робертом Адамом, уже построившим — или собиравшимся построить — такие замечательные парадные дома, как Сион Хауз, Кедлстон, Хервуд и Остерли, обладал хорошим вкусом и ясным видением, поэтому смог создать великолепие без помпезности. Большой салон превратился в главный зал всего дома, место

небывалой красоты. Стены обтянули малиновой шелковой парчой. У дверей сделали классические отводы с изощренной резьбой, позолоченными пилястрами и фронтонами, на высоких окнах висели дорогие занавеси из голубого шелка. Окна же выходили на парадные террасы, фонтан и большую лужайку. Все стулья и диванчики были изготовлены в деликатном стиле эпохи Людовика XVI, с изящными ножками и подлокотниками с позолотой, сидения и спинки обтянуты тканью бледно-персикового цвета. Огромный ковер, по размерам самого зала, сотканный в прекрасном классическом стиле с ярким красно-голубым узором. Но гордостью этого зала стал великолепный плафон, сочетание золотистого, голубого, малинового и кремового цветов, с овальными рисунками классических фигур, которые были выполнены известной художницей Анжеликой Кауфман.

— Должна предупредить тебя, он сказал мне, что влюблен, — Сидония села на диванчик и стала разливать чай из серебряного чайника, — в какую-то там Лизу, дочь приходского священника в Уайкхем Райз. Конечно, подобная партия абсолютно исключается, но действовать надо осторожно. Как я уже сказала, на Адама находит, а мы, дорогая Сибил, очень хорошо знаем, что сердце мужчины подвержено капризам. К счастью, мне удалось отговорить его от намерения пригласить это существо, Лизу, на бал в субботу вечером. Я объяснила, что это было бы несправедливо по отношению к ней, так как у нее нет подходящего наряда. Впрочем, в действительности я подумала, что бедная девушка окажется совершенно не в своей тарелке. Ему не понравились мои слова, но в конечном итоге он сдался, что дает вам, моя дорогая, свободу действий. Но тише, кажется, он приближается... А-а, вот и он! Добрый день, дорогой Адам. Ты как раз подоспел к чаю. Хочу познакомить тебя с одной из наших соседок, с леди Сибил Хардвик.

Адам окинул взглядом Сибил. Средства ее были весьма скромны, но она обладала хорошим вкусом. Бледно-голубое шелковое платье и короткий жакет представляли собой последний крик парижской моды. Хотя она сидела, Адам понял, что у нее прекрасная фигура.

— Леди Сибил живет в Неттлфилд Парке, — продолжала Сидония. — Ее отец, лорд Неттлфилд, — милейший человек. В субботу вся семья пожалует на наш бал.

Адам подошел поцеловать руку Сибил.

— Тогда, надеюсь, — произнес он, — я смогу удостоиться чести танцевать с вами, леди Сибил?

«Браво, — подумала Сидония. — Отличное начало».

— Однако, — продолжал Адам, — хочу предупредить вас: я танцую ужасно. Даже хуже, чем ужасно. Я совершенно не умею танцевать, если не считать нескольких поворотов.

Сибил одарила его самой соблазнительной улыбкой:

— Значит, я должна буду научить вас танцевать, верно? — пропела она. — И даже не возьму за это с вас плату.

«Толково сказано», — подумала Сидония.

«Он не остолоп, — решила Сибил, — напротив, даже очень интересный человек».

«Я пошел навстречу тетке Сидонии, — думал Адам, — ибо знаю, что она пытается навязать мне эту женщину. Не стану попусту огорчать тетушку, но будущей графиней Понтефракта станет Лиза. Тетя не догадывается об этом, но завтра я отправлюсь в Уайкхем Райз, чтобы сделать ей предложение».

Начавшийся вечером штормовой ветер к середине ночи превратился в настоящую бурю. Лиза промокла до костей и продрогла. На ней была только черная шаль поверх синего платья, к груди она прижимала небольшую сумку с некоторыми вещами, прихваченными с собой из отцовского дома. Она понимала, что эта ужасная ночь совсем не годилась, чтобы идти в Понтефракта Холл, но так боялась, что отец может погнаться за ней, что не видела для себя иного выхода, как попытаться как можно скорее добраться до Адама. С трудом ковыляя по дороге, преодолевая порывы дождя, гонимого сильным северным ветром, измазав в грязи подолы своих юбок, она в конце концов решила, что должна найти какое-то укрытие, хотя бы на время, пока не улучшится погода. Хотя на торфянистой равнине жило не так много людей, она знала, что недалеко находится коттедж фермера-арендатора, известный под названием Грандж. Ей почему-то казалось, что там проживал фермер-скотовод по имени Макги или Макдаф, и хотя ей не улыбалась мысль провести ночь в доме незнакомого человека, она поняла, что выбора у нее нет. Хотя возможность того, что отец пустится за ней в погоню, оставалась, она все-таки сбросила ее со счетов из-за отвратительной погоды.

Через пять минут она заметила коттедж и прибавила шагу в его направлении. Дом был покрыт соломой, с которой ручьями стекала вода. Лиза не могла укрыться от этих потоков из-за отсутствия карниза и начала торопливо барабанить в массивную дверь. Через несколько минут ей открыл огромный бородач в красной фланелевой ночной рубашке. В руке он держал керосиновую лампу, которую приподнял, чтобы рассмотреть лицо

Лизы.

— Скажите мне, ради Бога, что вы делаете на улице в такое время и в такую погоду?

— Иду в Понтефракт Холл и...

— Заходите скорее, а то я тоже промокну насквозь! Проклятье, что за ночь! Держу пари, что вы ищете укрытие на ночь.

Он захлопнул за нею дверь и задвинул засов. Дрожащая от холода Лиза прохлюпала по низкой комнате к печке, в которой догорали дрова. Мужчина торопливо последовал за ней, чтобы подбросить в печку новых поленьев.

— Меня зовут Стрингер Макдаф. А вас, мисс?

— Лиза Десмонд.

— Десмонд? Не родственница ли вы приходскому священнику храма Святого Жилия?

— Я его дочь.

— Ах! И почему же дочка приходского священника оказалась на торфяных болотах в такую ночь?

Он зажег еще лампу, и она увидела, что в комнате мало мебели, но у нее достаточно веселый вид с самодельными занавесками на окнах. Она решила, что же сказать ему, так как правду говорить было нельзя.

— Я иду навестить родственника лорда Понтефракта, — объяснила она, полагая, что такой ответ по крайней мере недалек от истины.

— Хотите посетить набоба? Вы выбрали не самый короткий путь. И почему же вы идете пешком к такой важной птице?

Она заметила, что он косо и плотоядно посматривает на нее.

— Дома ли миссис Макдаф? — холодно спросила она.

Он ухмыльнулся:

— О нет, мисс. Я холостяк. Для меня большое удовольствие, когда кто-нибудь зайдет, особенно если забредет такая красивая девочка, как вы. Но вы насквозь промокли! Может быть, вы снимете свою одежду, чтобы просушить ее? Давайте я сейчас принесу вам одеяло... Нет, даже лучше, если вы пойдете в спальню. На моей кровати лежит одеяло. Завернитесь в него и приходите сюда, а я налью вам рюмочку виски для согрева.

Она посмотрела на него, прекрасно понимая, что происходит в голове Стрингера Макдафа. С другой стороны, если она не снимет с себя промокшую одежду, то может серьезно заболеть, что повредит ее будущему ребенку. Взгляд Лизы остановился на длинной железной кочерге, прислоненной к каминной решетке. Она решила, что в крайнем случае осадит Макдафа этой кочергой.

— Спасибо, — поблагодарила она. — Воспользуюсь вашим предложением.

Она направилась к двери в спальню.

— Вот, возьмите эту лампу.

Он подал ей керосиновую лампу. Она вошла в спальню и закрыла за собой дверь. Поставив лампу на низкий комод, она присела на край смятой кровати и стала развязывать шнурки своих башмаков.

— Ну и каша заваривается, — пробормотала она, снимая левый башмак и переворачивая его, чтобы вылить воду на дощатый пол. На вид Макдафу было лет тридцать, и он казался сильным мужиком. Но если у него возникли идеи о том, чтобы положить ее с собой в кровать...

Именно в этот момент она услышала стук в переднюю дверь коттеджа, настойчивый грохот. Она замерла, прислушиваясь. Макдаф открыл дверь. До нее донеслись голоса. Потом к спальне стали приближаться шаги. Дверь отворилась.

— СУКА! — рявкнул ее отец. Он загородил собой весь дверной проем. С его черной сутаны стекала вода. В правой руке он сжимал кнут.

— ШЛЮХА!

Он затопал к ней, замахнулся кнутом. Она закричала, а он принялся стегать ее по голове и плечам. Она соскочила с кровати и попыталась пробежать мимо него к двери, но он схватил ее за руку и швырнул на середину комнаты. Она стукнулась о сундук, продолжая издавать вопли.

— Папа, не надо... ребенок...

— Ты хочешь сказать, ублюдок! — заревел он, принявшись опять стегать ее. Она попыталась закрыть лицо левой рукой. Кнут щелкал очень больно. — Три часа назад к нам домой пришла мать Кроуфорд и пыталась шантажировать меня! — бушевал он, продолжая стегать ее. — Она сказала, что расскажет по всему Йоркширу, что дочь преподобного Десмонда — ПОТАСКУХА!

— Папа, перестань...

— Я убью тебя, проститутка... ПОТАСКУХА!

— Нет, ты этого НЕ СДЕЛАЕШЬ!

Она схватила керосиновую лампу и запустила ею в него. Лампа попала ему в грудь и разбилась. Она с ужасом увидела, как его грудь охватило пламенем. Он скорчился, завопил, когда вспыхнула его борода. Шатаясь, он подался назад, выронил кнут.

— О Господи... Папа! Мистер Макдаф, принесите же воды... О Боже!

Отец повалился навзничь на кровать, теперь почти весь охваченный пламенем. Она схватила подушку и начала колотить по нему, сбивая пламя.

В комнату с кувшином влетел Макдаф. Он выплеснул воду на Десмонда, но теперь загорелось постельное белье.

— Убирайся! — завопил он.

Панически испугавшись, она бросилась к двери. «Я погубила отца!» Эта мысль промелькнула в ее голове. У двери она обернулась. Макдаф сорвал стеганое одеяло, висевшее на стене, и накрыл им кровать, загасив языки пламени. Но маленькую комнату заполнил ужасный запах, и когда тяжело дышавший арендатор сдернул с кровати одеяло, Лиза поняла, что это за запах — запах поджаренного человеческого тела. Лицо ее отца обуглилось, вверх поднимались струйки дыма.

— Он... — прошептала она.

— Да, скончался. И, держу пари, что это не самый легкий путь, чтобы покинуть этот мир. — Он швырнул стеганое одеяло на пол, потом подошел к одному из окон и растворил его. В комнату ворвались ветер и дождь. — Комната вся провоняла, — сказал он, подходя к Лизе. — Давайте ее немного проветрим.

Она как бы помертвела, затем прошла в переднюю комнату, а он затворил за нею дверь. Она смотрела на пылающие дрова и удивлялась, почему не может плакать.

— Теперь я начинаю понимать, в чем дело, — произнес он. Он стоял рядом с ней, глядя на нее со странным выражением на лице. — Ваш отец постучал ко мне в дверь, чтобы узнать, не укрылись ли вы здесь от непогоды. А у вас под сердцем зародилась новая жизнь. Как вы объясните все это в полиции?

— В полиции?

— Ну как же, у нас тут появился труп, вы ведь не забыли об этом? Я должен сообщить властям о том, что произошло. Предстоит любопытный судебный процесс. Представляю, какие появятся заголовки в газетах: «Незамужняя мать убивает приходского батюшку».

Ее глаза расширились:

— Убивает? Вы же видели, что произошло. Я лишь защищалась.

Стрингер Макдаф улыбнулся.

— Да, конечно. И присяжные клюнут на эту байку. Байку незамужней девчонки, которая позволила уложить себя? Когда адвокаты и следователи закончат с вами, они будут помирать с хохоту, хохотать до самой виселицы.

Она побелела.

— До виселицы... Но это несправедливо...

— А что справедливо в этом прогнившем мире? — спросил он, подходя к входной двери и снимая брюки с крючка на стене. — Тут либо

ты, либо я, моя красавица. Полиция будет утверждать, что один из нас убил твоего отца, но я первым изложу, что тут случилось. Я дьявольски уверен в том, что не хочу качаться на виселице.

— Подождите! Пожалуйста!

Она попыталась спорить с ним, но бесполезно. Он натянул брюки поверх своей ночной рубахи, надел башмаки, накинул на плечи плащ, а на голову надвинул шляпу и вышел из дома, хлопнув дверью. Порыв ветра опять распахнул дверь в спальню. Она уставилась на почерневшую кровать со страшным телом своего отца. Одну ладонь она поднесла к щеке.

— О, что я наделала! — прошептала она. Потом нахмурилась. — Важнее другое: что мне надо *делать* теперь?

Двое индусов присели на корточки на террасе Понтефракт Холла и подсматривали в нижнюю часть высокой застекленной двери за шикарно разодетыми танцорами в зале. Очень смуглые — один почти совсем черный, — но одеты они были в европейскую одежду, выделяясь лишь бородами и тюрбанами на головах.

Из зала доносились великолепные мелодичные звуки вальса Вебера «Приглашение к танцу», сочиненного в 1819 году. Зал для танцев по другую сторону прихожей представлял собой еще один шедевр архитектурного оформления. Золотисто-белые стены поддерживали сводчатый потолок, с которого свисали две великолепные люстры. Оркестр из восьми человек, нанятый Сидонией, располагался в конце зала и играл примерно для пятидесяти гостей, которые пожаловали, чтобы познакомиться с наследником Понтефракт Холла.

— *Чоукидар*, — шепнул один из сикхов и оттолкнул своего товарища, на которого падал струившийся из окна свет. Как раз в это время один из сторожей лорда Понтефракта проходил возле террасы...

— Поздравляю! — воскликнула леди Сибил Хардвик, танцевавшая с Адамом. — Вы великолепно вальсируете. Вы, несомненно, мой лучший ученик.

— Я ваш *единственный* ученик, — угрюмо отозвался Адам. На нем был новый черный фрак и белый шелковый бант, безупречно завязанный Сидни, камердинером деда.

— Ах, вы очень скромны, сэр, — улыбнулась Сибил. Она выглядела восхитительно в своем платье цвета слоновой кости, с широкой юбкой, лежавшей не менее чем на четырех нижних юбках, которые, в свою очередь, покоились на железном каркасе, называвшемся кринолином, неприятно ударявшим Адама по коленям. Вооружившись до зубов, Сибил

позаимствовала у матери ожерелье Неттлфилд, две нитки розового жемчуга с бриллиантами, которые украшали ее действительно великолепную грудь. Глубокое декольте, обнажавшее ее плечи и грудь в такой степени, в какой она посмела сделать это, к ее удовольствию, привлекло немало взоров со стороны мужчин в зале.

Она сделала пробор в своих блестящих каштановых волосах, закрутила их в пучок сбоку, выпустив из-под него целые гроздья завитушек. От нее исходил соблазнительный запах лондонских духов «Английские фиалки», единственных духов, которыми пользовались только представители высшего общества. Она решила ослепить Адама. Но ее озадачило то, что новый наследник поместий Понтефракта казался озабоченным и рассеянным. Несомненно, мысленно Адам Торн находился где-то в другом месте, что только усиливало стремление Сибил сосредоточить его внимание на себе. Леди Рокферн сказала ей, что у него склонность к гамлетовским грустным настроениям, и, вероятно, она не ошибалась. Но подобная черта делала его для Сибил еще более привлекательным.

— Какая красивая пара, — мурлыкала леди Рокферн, восседая на мягком кресле у стены между графом и графиней Неттлфилд. — Сибил такая красавица!

— Ах, дорогая Сидония, ваш племянник такой яркий, — ответила леди Неттлфилд. — Он привлекателен чуть ли не до неприличия.

— Ну что же, знаете ли, чистая нормандская кровь. — Леди Рокферн блаженно улыбнулась, не ведая, что в ее собственных жилах течет кровь на четверть индусская. — Она производит на свет самых красивых людей.

— Какая жалость, что лорд Аугустус погиб, — произнес лорд Неттлфилд, краснолицый мужчина лет пятидесяти, который, употребляя ежедневно по две бутылки красного вина, набрал несколько лишних десятков фунтов. — Но для Адама, наверное, было приятным сюрпризом узнать, что теперь он стал наследником. Какие ослепительные перспективы открываются теперь перед ним! — «И какое счастье, если Сибил сумеет прибрать его к рукам, — подумал он. — Конечно, де Веры — безнадежные выскочки, но сто тысяч в год! Интересно, насколько мне удастся уменьшить приданое...»

— Его отец, кажется, безнадежный пьяница? — вопросительно произнесла Каролина, леди Неттлфилд, сухопарая красавица в аметистовом бархатном бальном платье с двумя перышками в седых волосах за диадемой Неттлфилдов — одной из немногих драгоценных вещей семьи, которые ей удалось сохранить, не дав мужу заложить ее. На левой щеке

леди Неттлфилд красовалось пятнышко в форме сердца — пережиток моды ее юности.

— Не стану возражать, — согласилась Сидония. На ее лошадином лице появилось выражение сурового неодобрения. — Увы, Персивал, насколько я знаю, не обладает чертами характера, могущими спасти его душу. Он ленивый, вздорный, материально плохо обеспеченный выпивоха.

— Но все-таки он джентльмен, — заметил лорд Неттлфилд, которому стало не по себе от сознания того, что леди Рокферн практически описала *его самого*. — Как христиане мы должны быть милосердны.

— Леди Рокферн сказала мне, что вы влюблены, — обратилась Сибил к Адаму, когда он провожал ее на террасу подышать свежим воздухом. В бальном зале стало душно от сотен свечей и разгорячившихся танцоров. — Кто же эта счастливая дама?

— Ее зовут Елизавета Десмонд, — ответил Адам, подводя свою спутницу к каменной балюстраде, откуда открывался вид на фонтан. — И если я кажусь несколько рассеянным сегодня, то это потому, что вчера получил о ней ужасные новости.

— Надеюсь, ничего серьезного?

— Увы, очень серьезно! Лизу обвиняют в убийстве отца.

— Убийстве? — Услышанное потрясло обычно невозмутимую Сибил. — Неужели это возможно?

— Ни в коем случае! Я знаю Лизу как самого себя. Она не способна на насилие. Не может убить никого, тем более своего отца. Я съездил вчера в Уайкхем Райз, чтобы сделать ей предложение, и застал в селении всеобщий переполох. Это событие потрясло всех.

— Могу себе представить! Полиция задержала ее? — Сибил не относилась к разряду злых женщин, но все-таки не могла не почувствовать некоторого облегчения от того, что ее соперница попала в серьезную переделку.

— Нет. Она куда-то пропала. Полиция разыскивает ее по всему Йоркширу. Видно, она страшно перепугалась. Я... — Он зажмурился и сжал кулаки, опершись ими на каменную балюстраду. Сибил начала понимать глубину его привязанности к дочери приходского священника. К своему удивлению, она почувствовала, что в ее сердце появилось чувство ревности.

Он открыл глаза, и она увидела в них слезы.

— Я должен защитить ее, — медленно выговорил он. — Видите ли, когда я еще был ребенком, я поклялся стать ее рыцарем. Знаю, что это

звучит глупо, но тогда я серьезно дал эту клятву и серьезно отношусь к ней до сих пор.

— Не думаю, что это звучит глупо, — возразила Сибил. — Думаю, что это очаровательно старомодно и романтично. — «Хотелось бы мне, чтобы он стал *моим*рыцарем», — подумала она.

— Простите, — извинился Адам, — я не собирался отягощать вас своими проблемами.

— Au contraire [\[1\]](#), мистер Торн, я восхищена тем, что вы сочли возможным довериться мне. Надеюсь, что наша дружба — простите мою смелость, что я произношу это слово, — со временем окрепнет, а ничто так не способствует развитию дружбы, как взаимное доверие.

— Вы очень добры, леди Сибил, — относитесь ко мне с таким пониманием...

— Пожалуйста, называйте меня просто Сибил.

Он посмотрел на нее при мерцающем лунном свете. Хотя он и был совершенно ослеплен красотой Лизы, в его глазах другие женщины бледнели в сравнении с ней, он все-таки должен был признать, что Сибил великолепна.

— А меня называйте просто Адам. Во всяком случае, я пытался убедить шерифа в том, что вышла какая-то ошибка, но, похоже, имеется свидетель. Просто не знаю, что делать. Ничего не могу придумать лучшего, как оставаться здесь и надеяться, что Лиза найдет способ дать о себе весточку...

Прогремел выстрел. Сибил и Адам повернулись в сторону обширного парка. Ночь выдалась довольно облачная, но ветер разогнал тучи, обнажив луну, и в ее свете можно было различить две бегущие по лужайке фигуры.

— Простите, — бросил Адам и кинулся к одной из лестниц, огибавших балюстраду. Раздался второй выстрел, и Сибил охнула, когда увидела, что один из бегущих споткнулся и упал. Из-за угла огромного особняка выбежали еще два человека. Это были сторожа. В руках они держали ружья и стреляли из них.

— Что такое? — спросил отец Сибил, выходя на террасу вместе с несколькими другими гостями.

— Должно быть, браконьеры.

— Проклятые нахальные попрошайки!

Адам сбежал с лестницы и помчался к упавшему человеку. Он обратил внимание, что у того на голове было надето что-то белое, но как раз в этот момент тучи опять закрыли луну. Сторожа выстрелили еще два раза в сторону бегущего, но он успел убежать в лесную чащу, с трех сторон

примыкавшую к парку.

Адам подбежал к упавшему одновременно со сторожами.

— Это чертов индус! — воскликнул один из сторожей, показывая на белый тюрбан.

На спине упавшего Адам увидел пулевую рану. Он припал на колени, чтобы повернуть его.

— Осторожно, хозяин, эти чернокожие вероломны.

Адам взглянул на говорившего. Уже второй раз при нем произносили это слово с тех пор, как он узнал, что и в его жилах течет индийская кровь, и он начинал ненавидеть это слово.

— Он индус, — подчеркнуто заявил Адам. — Бегите и постарайтесь поймать второго.

— Слушаемся, сэр.

Оба сторожа побежали дальше, а Адам перевернул индуса на спину. Он был убит. Что-то выпало из его правой руки и лежало рядом с трупом. Адам поднял с земли бриллиант «Глаз идола».

— Дедушка! — прошептал он.

Вскочив на ноги, он сунул бриллиант в карман и помчался назад в дом. Теперь все гости вышли на террасу и наблюдали развертывающуюся драму. Адам бежал, пытаясь подавить в себе панические настроения. За эти несколько дней он привязался к старику, стал о нем заботиться, хотя до этого всю жизнь его ненавидел. Адам видел, что дед испытывал искреннее раскаяние за свое прежнее отношение к матери Адама и к нему самому. Как сказал сам лорд Понтефракт, за грехи ему пришлось заплатить гибелью сына и всей его семьи. Теперь, узнав, что индусы как-то раздобыли большой бриллиант, Адам опасался худшего. Он посмотрел на окна третьего этажа, где была спальня его деда. Там было темно. Лорд Понтефракт слишком ослабел и не мог присутствовать на балу. Обычно в такое время он уже спал. Можно было бы предположить, что шум разбудил его, но... Адам поднялся по зигзагообразной лестнице на террасу, где стояли его тетка и лорд Неттлфилд.

— Что случилось? — спросила леди Рокферн.

— Два индуса, — произнес он тяжело дыша и не останавливаясь.

— Индусы? — фыркнул лорд Неттлфилд. — Мерзавцы! Что этим индусам понадобилось здесь?

Адам влетел в большую прихожую, пробежал по мраморному полу и стал подниматься по внутренней лестнице. Он промчался мимо большой картины Пуссена, висевшей на стене первой лестничной площадки, поднялся на третий этаж дома. Здесь спальни соединялись увешанными

картинами коридорами. Адам понимал, что если индусам удалось пробраться на крышу особняка — любой достаточно ловкий человек мог бы легко подняться туда по толстой водосточной трубе, — то тогда им ничего не стоило пробраться внутрь дома: надо было просто сломать замок на двери, ведущей на чердак. Оттуда по лестнице можно спуститься на половину слуг на верхнем этаже дома. Там сегодня никого не было, поскольку все слуги находились внизу, обслуживая гостей. И потом...

Он распахнул дверь в спальню лорда Понтефракта.

— Дедушка!

Зажег свечу и ахнул. В комнате все было перевернуто как после грабежа: ящики вывернуты на пол, крышка конторки взломана, картины сброшены со стен... Он увидел, что полотно с пейзажем отодвинуто в сторону, дверца сейфа раскрыта.

Адам медленно подошел к большой кровати, высоко подняв над собой серебряный подсвечник. Свет упал на кровать, и он увидел старика. Казалось, что тот спит.

— Дедушка!

Молчание. Адам склонился над кроватью и содрогнулся. На шее старика он увидел шелковую тесьму, а рядом лежала монетка.

Индусы удавили его, как это делают *таггис*.

На груди лорда Понтефракта лежала записка. Адам взял ее. Там было написано: «Кали отомщена».

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Гольий фермерский мальчуган спрыгнул с камня и, зажав нос рукой, шлепнулся, как ядро, в воду пруда, расположенного в сосновом лесу. Он переплыл на другую сторону, потом медленно, по-собачьи, вернулся на середину и там перевернулся на спину. Стоял жаркий день позднего лета. Прошло три дня после сильнейшей бури, что обрушилась на северные районы Англии. Легкий ветерок шелестел в ветвях величественных сосен, наполняя воздух их сладковатым запахом.

Из-за ствола сосны выглядывала Лиза, грязная и уставшая. Две ночи она пряталась на чердаке амбара, тряслась от ужаса не только из-за того, что она сделала со своим отцом, но и из-за боязни, что ее найдут полицейские. Наконец минувшей ночью она решила, что у нее нет другого выхода, кроме как продолжать свой путь к Понтефракт Холлу. «Адам, — мысленно произносила она, — мой верный рыцарь. Никогда он не был мне нужен так сильно, как теперь».

Она дождалась темноты, выскользнула из амбара и направилась в сторону дороги. Лиза умирала с голоду. Проходя мимо сада, она сорвала незрелое яблоко и с жадностью съела его, хотя от кислоты ей сводило рот. В ее голове засела навязчивая мысль: Адам знает, что надо делать.

Знает ли он? Она замедлила шаг. Что он сделает? Если он не передаст ее властям, то станет соучастником преступления.

Эта мысль заставила ее остановиться. Сознание того, что она может впутать любимого человека в уголовное дело, оказалось для нее таким же ужасающим, как и понимание, что сама она совершила уголовный поступок — хотя и нечаянно.

Она присела на камень и стала взвешивать варианты своего поведения. Если она не пойдет к Адаму, то куда же ей тогда идти? В Лондон.

Лондон с миллионами людей, с безликими толпами. Лондон, где ей легче всего будет скрыться. Потом она напишет Адаму, и он к ней приедет. Они спокойно смогут встретиться в обстановке большого города. А что потом?

«Не все сразу», — сказала она себе и решила идти на юг. Вначале ей надо добраться до Лондона, а это не так-то легко сделать.

К рассвету, по ее расчетам, она прошла около пяти миль. Она выбилась из сил, натерла ноги, измазалась и проголодалась. И тут она увидела хвойный лес. Прекрасное место, чтобы спрятаться на день. Она

направилась в прохладную тень. «Я превращаюсь в вампира, — подумала она. — В чудовище, которое рыскает по ночам».

Она почувствовала себя лучше среди прохладных, издающих сладковатый запах сосен. Лес был полон жизни: птицы, зайцы, белки. Она даже увидела вдалеке оленя, который с любопытством посмотрел на нее и прыжками скрылся из виду. Когда она углубилась в лес на расстояние мили, то легла на сухую сосновую хвою и заснула.

Проснувшись, она почувствовала себя посвежевшей, но по-прежнему очень голодной. Она посмотрела на верхушки сосен и увидела, что солнце поднялось уже очень высоко. Она поднялась и пошла дальше, решив, что, оставаясь в лесу, она может продолжать путь и днем, особенно не опасаясь.

Вот в это время она и заметила фермерского мальчика, который сбрасывал с себя одежду, чтобы искупаться. Прячась за стволом, она остановила свой взгляд на его одежде.

Она сообразила, во что она может переодеться для маскировки.

— Arrêtez vous! Arrêtez la diligence! [\[2\]](#) Остановите!

Молодой француз колотил тростью с серебряным наконечником по крыше кареты и кричал, высунувшись в окно. Толстый кучер с досадой повел глазами и натянул вожжи, остановив четверку лошадей. Экипаж замер посреди сельской дороги. Люсьен Делорм — именно так звали единственного пассажира — открыл дверцу и спрыгнул на землю.

— Мальчик, эй, мальчик! — обратился он к грязному крестьянскому пареньку, шагавшему по дороге, — куда ты идешь?

— В Лондон, — ответила Лиза, осторожно осматривая Люсьена. На французе, которому на вид было лет тридцать, была дорогая одежда — желтовато-коричневые брюки и прекрасно сшитый серый камзол. Отлично завязанный галстук скрепляла булавка с жемчугом. Черная бобровая шапка отливала на солнце мягким блеском.

— Я тоже направляюсь в Лондон, — сказал он. — Хочешь, я подвезу тебя?

В кармане штанов мальчика Лиза нашла перочинный ножичек. Она ужасно намучилась, но все же сумела подрезать свои светлые волосы, чтобы завершить маскировку. У нее и представления не было, почему этот незнакомец проявляет такую любезность, но, возможно, Бог услышал ее молитву.

— Это очень любезно с вашей стороны, сэр. Да, с восторгом принимаю ваше предложение.

— Прекрасно. Забирайся в карету. Ты составишь мне компанию. —

Улыбаясь, Люсьен поднялся в экипаж вслед за Лизой и крикнул кучеру: — Поезжайте!

Раздалось щелканье кнута, и карета тронулась.

— Как тебя зовут, молодой человек? — спросил Люсьен, усевшись напротив Лизы.

— Чарли, — ответила она, быстренько придумав себе новое имя.

— Чарли? Очень приятное имя. А сколько же тебе лет?

— Восемнадцать, сэр.

— Ты голоден, Чарли?

— О да, сэр, — с большой искренностью ответила Лиза.

— Вот, угощайся. — Он открыл плетеную корзинку, стоявшую рядом с ним на кожаном сиденье. — Jambon — ветчина? Колбаса? Э-э... как у вас называется? Чертово яйцо? Угощайся, Чарли. А я налью тебе хороший стаканчик красного вина, а? Ты хочешь немного вина?

Лиза чуть не нырнула в корзинку, засунула себе в рот сразу два яйца, приготовленных со специями, и стала глотать их с такой жадностью, что чуть не подавилась. Она кивнула в знак согласия и издала звук, приблизительно похожий на «пожалуйста». Люсьен, вытаскивая пробку из бутылки «Côtes du Rhona» и наливая ей вина в небольшой стакан, не мог оторвать от нее глаз.

— Tiens, бери, ты же проголодался, — он причмокнул, подавая стакан. Карета подпрыгнула на ухабе, и вино выплеснулось из стакана на колено Лизы. — Merde! Ваши дороги в Англии такие cahotant... ухабистые. Подожди, я вытру вино на твоих штанах...

Лиза взяла стакан, а он вынул салфетку из корзинки и начал вытирать ее грязные черные штаны.

Лиза залпом выпила вино, гадая, почему он так чертовски любезен.

Его рука стала поглаживать ее бедро.

— О, сэр, мои штаны все равно грязные, — сказала она, отстраняясь от него.

— Мне нравится твоя нога, — его шепот был полон страсти.

Лиза опешила.

— Сэр, перестаньте, я же... мужчина!

— Да, и мне хочется покрыть тебя поцелуями. Ах, Чарли! Ты пробудил во мне такое желание, просто сводишь меня с ума... Merde! — Он чуть ли не завизжал. Рукой он шарил уже между ее ног. — Ты что, евнух?!

— Никакой я не евнух! — завопила она, схватила увесистый кусок колбасы из корзины и начала им отбиваться от него. — Я женщина!

— Перестань! — крикнул он, откидываясь на спинку своего сиденья и

уклоняясь от ее ударов. — Перестань бить меня! Ты мне испортишь камзол! Но если ты женщина, почему ты одета как юноша? Ты совсем сбила меня с толку.

Лиза швырнула колбасу назад в корзину и попыталась успокоиться, голова же ее лихорадочно работала.

— Ну, я... убежала из дома, — объяснила она, не очень отходя от истины.

Люсьен пялил на нее глаза. Через некоторое время он хихикнул. Хихиканье перешло в громкий смех. Потом смех прекратился, он наклонился к ней и стал изучать ее лицо.

— Ты очень красивый юноша, — тихо произнес он. — И, должно быть, великолепная женщина. Я бы с удовольствием одел тебя. Да, да... Я бы для тебя смоделировал прекрасные платья... — Он выпрямился, сложил руки на груди. — Чарли, — сказал он, — не хотел бы ты поехать со мной в Париж?

— В Париж? — повторила она деревянным голосом. Лиза совершенно не понимала этого странного молодого мужчину.

— В Париж, где я разрабатываю эскизы одежды для самых благородных женщин Франции, включая саму императрицу. К несчастью, у большинства из них скверные фигуры. Буду хорошо платить тебе.

Лиза замерла при упоминании оплаты.

— Я не имею в виду древнейшую профессию, — успокоил он ее. — Я говорю о самой *новой* профессии в мире.

— Его светлость составил это завещание только на прошлой неделе, — сказал мистер Барлет, поправляя очки в золотой оправе на своем орлином носу, — что при сложившихся обстоятельствах очень кстати.

Леди Рокферн коснулась глаз носовым платочком. Она и Адам сидели возле письменного стола в обитой панелями библиотеке Понтефракт Холла. Стряпчий сломал красную восковую печать и развернул пергаментный лист. Откашлявшись, он начал читать: «Я, Аугустус Гаскуань Гримторп де Вер, второй граф Понтефракт, находясь в здравом уме, объявляю мою последнюю волю и завещание. Я завещаю моей любимой дочери Сидонии сумму в двести пятьдесят тысяч фунтов. Остальную часть поместья я завещаю во всей полноте моему внуку Адаму де Вер Торну».

«Теперь я богач, — подумал Адам. — Я — третий граф Понтефракт. Невероятно!»

Через двадцать минут после того как мистер Барлет уехал, дворецкий, мистер Хоукинс, закрыл передние двери и обратился к Адаму:

— Милорд, — произнес он елейным голосом, — разрешите поздравить вас по поводу вступления в наследство.

Милорд... Это прозвучало очень странно.

— Спасибо, мистер Хоукинс.

— Если вы не сочтете это дерзким, то разрешите спросить вас уже сейчас... Слуги проявляют некоторое беспокойство...

Адам несколько смутился.

— О чем же?

— Не собирается ли милорд как-то менять обслуживающий персонал?

— А, понимаю. А сколько здесь занято людей?

— В настоящее время в Холле работают пятьдесят четыре человека, включая садовников.

«Похоже на целую армию», — подумал он, удивляясь количеству обслуживающего персонала.

— Можете объявить, что в настоящее время я не собираюсь менять людей и что дополнительно выплачу каждому по десять фунтов по случаю своего вступления в наследство.

Чванливый дворецкий в белом парике и в голубой с золотом ливрее удивился:

— Десять фунтов, милорд? Каждому? Это необычайно щедро, милорд. От имени всех служащих я выражаю вам сердечную благодарность.

Он откланялся. Тетка Адама, стоявшая рядом с ним, взяла его под руку и повела в большой салон.

— Понимаешь ли ты, племянничек, что десять фунтов — это годовой заработок посудомойки? — спросила она его тихим голосом. — Вы можете испортить слуг, сэр. Поступок щедрый, но ошибочный.

— Тетя Сидония, судьба, или как бы это ни называлось, превратила меня в исключительно богатого человека. Когда у меня оказалось всего так много, я не считаю ошибкой поделиться с теми, у кого имеется очень мало.

Она стрельнула в него подозрительным взглядом.

— Надеюсь, ты не придерживаешься радикальных взглядов социалистов?

Он улыбнулся.

— Я даже не знаю, в чем заключаются их радикальные взгляды. А теперь, тетя, мы должны поговорить о вас. Как вы знаете, я уезжаю в Индию. Не знаю, долго ли я там пробуду, но, может быть, не меньше года. Я беспокоюсь о вашей безопасности. Ясно, что приглашение дополнительных сторожей оказалось недостаточным.

— Дорогой Адам, я уже приняла решение, — прервала его леди

Рокферн. — Я не собираюсь оставаться в Понтефракт Холле после трагической смерти отца и уже договорилась переехать к леди Холлсдейл, моей дорогой подруге, которая имеет очаровательный дом в Лондоне. Уверена, что буду на Найтсбридже в безопасности от этих презренных *таггис*. Помимо этого, хозяином Понтефракт Холла стал теперь ты, и я уверена, что молодой человек вроде тебя не захочет, чтобы его стесняла престарелая тетка.

— Это неверно! — воскликнул Адам. — Вы знаете, что вольны оставаться здесь, сколько хотите.

Она улыбнулась и похлопала его по руке.

— Это очень мило с твоей стороны, Адам, но для меня пришло время уехать отсюда. К тому же, Лондон доставляет мне удовольствие. Но нам надо подумать о твоём будущем. Теперь, когда мисс Десмонд пропала при таких загадочных обстоятельствах, что ты собираешься делать?

— Других планов, кроме поездки в Индию, у меня нет.

— Но, Адам, ты пускаешься в путешествие, которое, по твоему собственному признанию, может оказаться опасным. Действительно, Индия — опасное место с ее отвратительной жарой и массой заболеваний. Племянница дорогой леди Холлсдейл, которая вышла замуж за служащего в Калькутте всего два года назад, умерла от холеры. Бедняжке было всего около тридцати лет. Избави Бог, чтобы на нас свалилась новая трагедия после стольких ужасных несчастий, обрушившихся в последнее время на нашу семью. И если с тобой случится что-нибудь в Индии, то наш графский род прервется, потому что других наследников по мужской линии не осталось.

Адам остановился возле полочки прекрасной резной работы. Он полюбил Понтефракт Холл. Ему была неприятна мысль о том, что можно быстро потерять все, что свалилось на него, но он дал деду обещание возвратить бриллиант.

— Тетя, что вы предлагаете?

— Не стану миנדальничать, поскольку времени у нас в обрез. Леди Сибил — милая женщина, очень утонченный человек. Родственными узами она связана с самыми благородными семьями нашей страны, и вряд ли мне надо говорить тебе о ее красоте. Другие варианты могут оказаться значительно хуже, племянник. Значительно хуже.

— Но, тетя, даже оставляя в стороне тот факт, что я не люблю ее, ведь мой корабль отплывает через пять недель...

— Конечно, все это нескладно. К тому же, у нас сейчас траур. Но все можно устроить даже при таких чрезвычайных обстоятельствах, особенно

если ты не потребуешь приданого от лорда Неттлфилда, который сейчас оказался в трудном положении...

Адам покачал головой.

— Нет, это исключено. Я люблю Лизу Десмонд.

— Но где находится эта Лиза Десмонд? — хладнокровно спросила его тетка.

— Видит Бог, мне хотелось бы знать это, — вздохнул он.

— Адам, мой отец плохо относился к твоей матери, — продолжала тетка. — Но теперь ты сам стал графом Понтефрактом, главой нашего рода. Ты обязан передо мной, так же как и перед собой, позаботиться о наследовании до того, как отправишься в Индию. Ты можешь любить мисс Десмонд, но в нашем положении любовь мало что общего имеет с женитьбой. К тому же Лиза скрывается от закона и совершенно не подходит, чтобы стать твоей женой, даже если ты ее и отыщешь. Хочу настоятельно просить тебя еще раз подумать о Сибил.

— Но даже если я и женюсь на Сибил, нет гарантии в том, что за несколько дней я смогу зачать ребенка.

— По крайней мере такая возможность возникнет. И да будет тебе известно, что у Сибил много ухажеров. Среди них младший сын Уолтера Масгрейва — Эдгар, который без ума влюблен в нее. И лорд Дадли, страшно богатый человек, уже дважды делал ей предложение. Сибил сказала мне, что отказала ему, потому что не любит его и что она хочет выйти замуж по любви. Но незамужней она долго не останется.

— Но, может быть, она *меня* не любит, — усомнился Адам.

— Ей не так просто полюбить тебя, поскольку ты думаешь только о своей Десмонд. Более того, ты даже не оказал Сибил любезность и не побывал у нее.

— Хорошо, я об этом подумаю, — вздохнул он. — Но тогда я отплыву в Индию не на «Звезде Востока», хотя не буду сдавать билет до последнего момента.

— Не понимаю.

— У меня такое предчувствие, что со «Звездой Востока» произойдет несчастный случай. Я собираюсь написать в это пароходство, чтобы они усилили охрану в индийских доках, когда пароход прибудет туда.

— А, понимаю. Да, это мудро. Куда же ты, Адам?

— Нанесу визит Сибил.

Он продолжал любить Лизу. Но он нес ответственность перед семьей.

Через пятнадцать минут он уже спрыгнул со своего Грейлинга перед

Неттлфилд Холлом. Дом, хотя и не такой импозантный и большой, как Понтефракт Холл, был полон своеобразия. Но все находилось в довольно запущенном состоянии, что напомнило Адаму о поместье Торнов. На лужайке перед домом паслись несколько овец, сама же лужайка заросла сорняками. Хотя он уже и привык к великолепно ухоженным лужайкам и садам Понтефракт Холла, Адам вдруг почувствовал какую-то стыдливость за свое богатство и жалость к Сибил и ее семье.

Он заметил ее на дорожке у дома. Она прогуливалась, закрывшись от жаркого солнца бледно-голубым зонтиком, который гармонировал с ее платьем. Адам направился к ней, думая о том, как сильно она отличается от Лизы. В Лизе было что-то естественное, идущее от самой природы, а Сибил держала себя невозмутимо и собранно. Между ними такая же разница, как между художниками Гейнсборо и Рубенсом.

— Мистер Торн, — она улыбнулась, когда он подошел к ней. — Скорее даже лорд Понтефракт. — Она протянула ему руку в перчатке, которую он поцеловал. — Я еще не имела возможности сказать вам, как мы все огорчены смертью вашего дедушки. Из местной газеты я знаю, что полиция пока что не нашла второго индуса.

— Это верно. И сомневаюсь, что найдет. У меня такое ощущение, что он уже на пути в Индию. Разрешите я погуляю вместе с вами, Сибил?

— Сочту за удовольствие. Замечательный день, хотя этим летом много надоедливых мух. Может быть, нам пойти к озеру? Там открываются такие славные виды. Что-нибудь слышно о мисс Десмонд?

— К сожалению, ничего.

Некоторое время они шли молча по направлению к круглому озеру. Он пытался решить, что же ему делать: поддаться ли настояниям тетки и тем самым предать Лизу или сохранить ей верность и, поступив так, подвести семью. В пользу Сибил, конечно, говорило многое, и его влекло к ней. Наконец он сказал:

— Сибил, я не очень умею вести беседу... Я не получил хорошего образования и думаю, что многие люди не сочтут меня даже джентльменом...

— Джентльмена определяют не только манеры. Как говорил лорд Теннисон, добрые сердца значат больше, чем короны.

Адам смотрел на нее и думал, что ее правильный профиль был почти что классическим.

— Возможно, вы правы, — заметил он. — Или, по крайней мере, надеюсь, что правы.

Она улыбнулась ему:

— Теперь, милорд, вы получили свою корону, а как насчет доброго сердца?

Он нахмурился.

— Именно об этом я и хотел поговорить с вами. Видите ли, мне вскоре надо отправляться в Индию, и тетка давит на меня, чтобы до отъезда я нашел себе жену. У меня имеются обязательства перед семьей... — Он помолчал. — Я, наверное, не очень хорошо излагаю все это?

— Дорогой лорд Понтефракт...

— Просто Адам.

— Хорошо, Адам. У меня нет ни малейшего представления о том, что вы собираетесь сказать. Посмотрите на этих двух лебедей. Разве они не прекрасны? Трудно даже поверить, что они могут становиться злыми. Но ведь внешность бывает обманчива, правда?

Они остановились на берегу озера. Адам отогнал от своего носа овода.

— Я хочу сказать, не согласились бы вы выйти за меня замуж?

— Но вы же любите мисс Десмонд, — возразила она. — Я никогда не выйду за человека, который любит другую женщину. Пойдемте назад? Туча на горизонте выглядит довольно мрачной.

Она повернулась и пошла к Неттлфилд Холлу, оставив Адама позади. На его лице появилось злобное выражение. Неожиданно он кинулся за ней, схватил ее за правую руку и так сильно повернул, что она выронила зонтик. Он обнял ее и поцеловал. Она тут же оттолкнула его и дала ему звонкую затрещину.

— Не знаю, как вы обращались со своей мисс Десмонд, — сказала она, — но ко мне вы будете относиться с уважением, сэр. — Она подняла с земли свой зонтик. — А при данных обстоятельствах я пожелаю вам всего хорошего.

Она пошла от него прочь. Адам смотрел ей вслед, злость на его лице сменилась удивлением.

— Проклятье, — выругался он.

— Я сделал ей предложение, но она невозможна! — кричал он в этот вечер своей тетке. — Невозможна! Простите, что я огорчаю вас, тетя, но вы должны признать, что я пытался. Нашей семье придется рискнуть и надеяться, что я не погибну от какой-нибудь ужасной болезни в Индии. У этой женщины вместо сердца ледышка.

Сидония сидела в библиотеке возле пылающего камина и вышивала.

— Мне в это не верится, — заметила она. — Что ты ей сказал?

— То же, что говорили мне вы. Что она мне лежит ответственность, и

я должен жениться, и не согласится ли она выйти за меня замуж.

— Звучит ужасно романтично. Удивляюсь, как она не упала в обморок от восторга.

Адам быстро посмотрел на тетку.

— Ладно. Признаю, что это выглядело не очень романтично. Но я же не люблю ее! О, вся эта затея просто невозможна. Куда же подевалась Лиза, черт побери? Все было бы очень просто, если бы она... — От отчаяния он махнул рукой, не закончив фразы, потом направился к двери. — Пойду спать, — бросил он. — Спокойной ночи, тетя.

После того как он вышел из комнаты, Сидония положила на рабочий столик спицы, встала и позвонила в колокольчик. Через несколько минут появился дворецкий.

— Миледи?

— Понимаю, что сейчас уже очень поздно, мистер Хоукинс, но попросите Честера подать карету. Я желаю поехать в Неттлфилд Холл.

— Я не выйду за него! — горячо воскликнула Сибил часом позже. — Почему я должна выходить замуж за человека, каким бы он ни был привлекательным. Да, я признаю, что он интересный, но Адам безнадежно влюблен в другую женщину! — Она стояла у камина небольшой гостиной Неттлфилд Холла. Ее обеспокоенные родители сидели на диване с потертой обивкой. Сидония устроилась напротив в кресле, ситец которого весьма поблек.

— Ему надо дать время, Сибил, — урезонивала ее Сидония. — Он упрямый и импульсивный, и он любит эту Лизу с детских лет.

— Все равно как ты с Эдгаром, — вставила леди Неттлфилд, обращаясь к дочери.

Сибил нахмурилась.

— Пожалуйста, не впутывай в этот разговор Эдгара Масгрейва, — попросила она. — За него я *тожене* пойду.

— Давно пора, чтобы ты вышла хоть за кого-нибудь, — буркнул ее отец, отпив глоток портвейна. — А если хочешь знать мое мнение, то тебе стоит просто кинуться Адаму на шею. Сдается мне, что он обладает всем, что могла бы пожелать здравомыслящая — и даже бестолковая — женщина.

— Но он же меня не любит, — упрямылась дочь.

— Что такое любовь? — фыркнул отец. — Когда ты доживешь до моих лет, то от любви останется лишь туманное воспоминание, как о зуде юношеских лет.

— Что?! — воскликнула его жена.

Лорд Неттлфилд поднялся на ноги, его живот вывалился из расстегнутого сюртука.

— Сибил, ты дважды отказала лорду Дадли, а я оба раза умолял тебя согласиться. Господи, у него же двадцать тысяч акров...

— Лорд Дадли нагоняет на меня скуку, — прервала его Сибил.

— Ах, вот как? Ну, молодая леди, разрешите мне сказать, что ваша несговорчивость начинает надоедать и *мне*. Мне надо выдать замуж троих дочерей, а это чертовски дорогостоящее занятие. Сидония сказала мне, что можно обойтись без приданого, если ты пойдешь за Адама. Он прекрасный молодой человек, богатый, обладатель титула. Тебе уже двадцать, и ты можешь засидеться в девках. Как ты думаешь, сколько еще таких лакомых кусочков, как Адам, упадет на твою голову?

При упоминании о ее возрасте выражение лица Сибил стало ледяным.

— Возможно, я предпочту остаться старой девой, — выпалила она.

— И жить в задних комнатах за счет своих родственников? Не очень привлекательная перспектива, моя дорогая, — возразил отец. — Нет, Сибил. Ты дьявольски горда. Всегда была такой. Ну, я не стану заставлять тебя венчаться с кем бы то ни было. Но я буду очень огорчен, если твоя глупая гордость помешает тебе пойти за мужчину, за которого любая другая женщина просто ухватилась бы зубами и ногтями. Чрезвычайно огорчишь. Мне больше нечего сказать по этому поводу.

— Конечно, — подхватила Сидония самым любезным тоном, поскольку Сибил чуть не плакала, — ты ведь равнодушна к Адаму?

— Если хотите знать правду, — выдавила из себя Сибил, — я обожаю его. — Все уставились на нее. — Но неужели вам непонятно, как мне неприятно сознавать, что он думает только о мисс Десмонд?

Наступило молчание.

— Если дело только в этом, — продолжала Сидония, — то для меня, например, совершенно очевидно, что ты должна выйти за него и влюбить в себя. Так уже делали, и не раз.

— Да, — с энтузиазмом поддержал ее лорд Неттлфилд. — Сидония права. Заставь Адама полюбить себя. Соблазни его, черт побери!

— Это шокирует, — пробормотала его жена.

— Любопытный вызов, — добавила Сидония.

Сибил выпрямилась.

— Хорошо, я принимаю этот вызов. Я обвенчаюсь с Адамом. И клянусь, что придет время, когда он полюбит меня больше, чем Лизу Десмонд.

— У тебя очень хорошая природная осанка, моя дорогая, — похвалил Люсьен Делорм Лизу, — но запомни: ты станешь показывать модели самой императрице, поэтому твоя осанка должна стать безупречной, так?

— Я стараюсь изо всех сил, — отозвалась Лиза, которая ходила по кругу, положив книгу на парик, который смастерил для нее Люсьен. Дело происходило в его ателье, на втором этаже дома, расположенного на улице Касетт в Париже. Два сотрудника Люсьена — женщина средних лет и юноша-подросток деловито укладывали изысканные платья в большие кожаные сундуки, а Люсьен наблюдал, как Лиза отрабатывает походку.

— Императрица — самая элегантная женщина в Европе, и если я стану ее портным, то наживу большое состояние. Многое зависит от тебя, моя дорогая: ты будешь демонстрировать мои модели. Поэтому представь себе, что ты сама — императрица.

«Императрица, которая скрывается от закона», — подумала она.

— Henri! Imbécile! Prends garde! [\[3\]](#)

Юноша чуть не уронил платья на пол.

— Простите, Люсьен.

— Все такие нервные! — простонал Люсьен, заламывая руки. — Вы как будто сговорились расшатать мне нервы! Стройнее, Аделаида! Стройнее! Ты — императрица и должна ступать соответственно. Через два дня мы будем уже в Биаррице показывать модели для Евгении. Всего через два дня! Двигайся, как императрица! Говори: «Я императрица».

— Я императрица, — повторила Лиза, ступавшая так напряженно, что у нее разболелась спина.

— Ваше Величество, прибыл месье Делорм со своей коллекцией одежды, — объявила мадемуазель Бувер, приближенная императрицы.

Мария Евгения Игнасия Аугустина, в прошлом графиня де Монтихо, а теперь императрица Франции, повернулась, сидя за столом в кабинете на своей вилле в Биаррице, и улыбнулась.

— Хорошо. Пригласите сюда месье Делорма.

Очаровательная тридцатилетняя жена императора Наполеона III поднялась. Потрясающая женщина с царственной осанкой, высокая, стройная, с длинной округлой шеей.

Дочь испанского гранда, невестка герцога Альбы, она обладала природным стилем, живостью интеллекта и огненно-рыжими волосами. Ее венчание в 1853 году со вновь провозглашенным императором Франции удивило все царствующие дворы Европы. Но счастье улыбалось этой паре

«авантюристов», как их все еще часто называли заочно. Вторая французская империя пребывала в зените своей славы. И как раз прошлой весной Евгения обеспечила преемственность династии, родив мальчика, наследного принца для трона своего отца.

— Ваше Величество, — произнес Люсьен Делорм, кланяясь при входе в зал с высоким потолком, окна которого выходили на Атлантический океан. Евгения протянула ему руку, которую портной поцеловал.

— Месье Делорм, я приготовилась быть ослепленной вашими творениями, — заявила императрица.

— Ах, Ваше Величество, ослепляет ваша красота, — проговорил Люсьен, привыкший к беспардонной лести. — Все мои скромные наряды затмевает ваша улыбка.

— Тогда, возможно, я буду продолжать пользоваться услугами мадам Пальмир, — подзадорила Евгения, намекая на одну из двух официальных портних двора, чью монополию Люсьен надеялся подорвать.

— Но ведь Ваше Величество желает вдохновить промышленность французских мод, а не губить ее серостью, — возразил Люсьен.

Евгения рассмеялась.

— Мой дорогой месье Делорм, вижу, что вы настоящий скорпион с жалом. Но давайте больше не будем попусту тратить время: я с нетерпением жду показа ваших изделий. Где ваши эскизы?

Люсьен хлопнул в ладоши.

— У меня для вас сюрприз, Ваше Величество. Свои работы я называю «живые эскизы».

В зал вошла прекрасная девушка в черном платье и желтом жакете.

— Это Диана, — представил Люсьен. — На ней дневное платье, возможно, удобное для Компьена. — Он говорил о королевском охотничьем шато, расположенном к северу от Парижа.

На лице Евгении отразилось восхищение:

— Какая великолепная идея, месье, — воскликнула она, — показывать модели платьев на живых людях! Я потрясена. И мне также нравится этот наряд. Сколько он стоит?

— Две тысячи франков.

— Не слишком ли это дорого?

— Для императрицы недорого.

Евгения засмеялась. Когда манекенщица повернулась перед ней, большая черная юбка раздулась колоколом.

— Моя следующая манекенщица, Ваше Величество, девушка, которую на прошлой неделе я нанял в Англии. Я наткнулся на нее, когда

возвращался после закупок на фабриках в северной части страны. Ее зовут Аделаида.

Лиза сказала Люсьену, что ее зовут Аделаида Маркхэм. Вымышленное имя «Чарли» она заменила на другой псевдоним. Лиза все еще, даже во Франции, со страхом думала о полиции.

Через минуту Люсьен подошел к двери и выглянул из нее. То, что он увидел, встревожило его. Луи Наполеон, император Франции, чьи любовные похождения стали поводом для грязных шуток всей Европы, стоял рядом с Лизой и разговаривал с ней приглушенным голосом, пальцами правой руки подкручивая свои усы. Император был ниже Лизы ростом, непривлекательный человек с непропорционально для своего туловища большой головой, с выдающимся брюшком. Но Люсьен знал, что если тот завлечет эту красивую английскую манекенщицу себе в постель, а Евгения узнает об этом, то его бизнесу с императрицей придет конец.

— Аделаида, — тихо позвал он.

Лиза, одетая в захватывающее дух белое бальное платье, украшенное гирляндами розовых бантов, взглянула на него. Потом сделала реверанс императору и поспешила к Люсьену.

Луи Наполеон погладил свою козлиную бородку, которую стали называть в его честь «императорской». Когда Лиза скрылась в кабинете Евгении, император начал строить планы о том, как затащить эту английскую красотку в свою императорскую постель.

Джек Рандольф Кавана посмотрел в зеркало, и ему понравилось увиденное. Этот хозяин плантации в Виргинии, двадцати девяти лет от роду, выглядел очень милостиво. Он знал это и этим восторгался. Кудрявые от природы каштановые волосы, голубые глаза со стальным оттенком и пушистые усы, которые, как ему казалось, придавали ему лихой вид главаря банды. Сегодня ему хотелось выглядеть особенно лихим, потому что он отправлялся на бал во дворце Тюильри. Приглашение туда он получил через знакомого американца, доктора Гарри Эванса, который работал дантистом императора. Влияние доктора Эванса при дворе было значительным, поскольку зубы Наполеона III были на редкость скверными.

Джек, как его называли попросту, поправил белый галстук, еще раз махнул щеткой по широким плечам своего фрака, потом взял шляпу и белый плащ с шелковой подкладкой. Надев их, он вышел из номера гостиницы «Гранд Отель дю Лувр», самого шикарного нового отеля Парижа, где каждая ночь обходилась ему в двенадцать франков, и начал спускаться в вестибюль. Джеку Кавана принадлежало пять тысяч акров

отличной земли в Виргинии. А также триста рабов. Выращивал он главным образом табак, но богачом стал благодаря ловкости своих спекуляций на бирже. Он нажил состояние на железнодорожных акциях, приносящих ему ежегодный доход в сто тысяч долларов — огромные деньги в 1856 году, когда покупательная способность одного доллара была, возможно, в двадцать раз выше, чем стала потом. Джек был одним из богатейших людей американского Юга, и ему нравилось шиковать. В Париж, город с самой «нелестной» репутацией в мире, он приехал впервые и питал большие надежды, что встретит здесь одну из тех прекрасных куртизанок, о которой говорит весь город. Доктор Эванс предупредил его, что шикарных потаскух ко двору не пускают, но что новая любовь императора, английская девушка по имени Аделаида Маркхэм, в этот вечер будет присутствовать в Тюильри. Джек хотел все это увидеть. Его также подзуживало желание завоевать кого-нибудь.

Он взял экипаж прямо у гостиницы и отправился во дворец. Париж находился в процессе перестройки под руководством энергичного — некоторые говорили деспотичного — префекта Сены, барона Жоржа Османа. Большие участки средневекового Парижа сносились, на слом пошли более двенадцати тысяч жилищ, а на их месте разбили широкие современные бульвары. Парижане вопили от возмущения по поводу такого осквернения их города, хотя наиболее возмущавшиеся не могли не признать преимуществ новой канализации и сноса узких вонючих улиц, рассадников холеры. Для Джека Кавана этот новый, возникавший из руин Париж казался потрясающе прекрасным и беспредельно волнующим. Когда его фиакр приблизился к Арке Карусели, почетному въезду в огромный дворец Тюильри — Букингемский дворец Парижа, выстроенный Катериной Медичи, — молодой плантатор из Виргинии просто опьянел от Парижа.

Лиза Десмонд взяла экземпляр лондонской газеты «Таймс» со стола в парадном зале Люсьена Делорма. После карикатурного наскока на «Чарли» в карете Люсьен больше не проявлял к ней физического интереса, и когда он пригласил ее занять свободную спальню в его холостяцком доме на левом берегу Сены, она согласилась. Это было выгодно. Люсьен, отец которого был богатым биржевым брокером, пользовался денежными средствами родителей. Его двухэтажный дом в приятном и аристократическом квартале старого города по соседству с церквями и монастырями выглядел очаровательно и к тому же располагал небольшим закрытым садиком. Именно здесь Люсьен разрабатывал модели одежды, отдавал их швеям, получавшим гроши за рабский труд. Потом примерял

новые фасоны на Лизе. Такая работа казалась ей интересной и, что важнее, безопасной. Прошло уже почти три недели, как она уехала из Англии, и ее беспокойство начало ослабевать. Она наслаждалась фантастическим миром фасонов Люсьена и начинала загораться страстью к его прекрасным одеждам. Ей также доставляло удовольствие видеть восхищение со стороны парижских мужчин — не говоря уже о самом императоре, — потому что человеческое было ей не чуждо. Впервые в жизни она начинала осознавать свою собственную красоту.

Но все омрачало ее раскаяние и чувство вины за смерть отца. Снова и снова она ставила под вопрос правильность своего решения спастись бегством. Хотя в глубине души она понимала, что не виновата в убийстве, с точки зрения закона она, вероятно, была виновна, и ее побег только усугублял ее возможную виновность. Тот факт, что Люсьен заплатил за поддельный паспорт на имя Аделаиды Маркхэм, позволивший ей выехать из страны, только ухудшал дело (модельер подозревал, что Лиза не в ладах с законом, но, горя желанием использовать ее в качестве манекенщицы, не стал задавать ей слишком много вопросов). В ее памяти навсегда запечатлелся образ ее дорогого отца, дымящийся труп которого лежал на кровати в коттедже арендатора в ту ужасную ночь. Человек, который всю жизнь посвятил правому делу, был загублен своей греховной дочерью...

Переворачивая страницы газеты «Таймс» (Люсьен, как и многие другие щеголеватые французы, слыл англофилом и подписывался на лондонскую газету, чтобы не отставать от моды), она увидела заголовок: «Лорд Понтефракт венчается с леди Сибил Хардвик». Ее затрясло, когда она начала читать:

«Третий граф Понтефракт, унаследовавший две недели назад этот титул после сенсационного убийства его деда, второго графа, в Понтефракт Холле, Йоркшир, удивил графство женитьбой на леди Сибил Хардвик, состоявшейся вчера в Неттлфилд Холле. Непристойная торопливость новобрачных вызвана необходимостью отъезда лорда Понтефракта в Индию на пароходе «Звезда Востока». Новый граф, бывший Адам Торн, поклялся разыскать второго индуса — убийцу своего деда и предать его суду. Полагают, что двое мужчин, один из которых был убит на территории Понтефракт Холла, являются фанатиками из секты, поклоняющейся индусской богине Кали. Новая графиня Понтефракт —

дочь графа и графини Неттлфилд...»

— Аделаида, ты готова?

Она обернулась и увидела, что ее хозяин торопливо спускается по лестнице из своей спальни. Люсьен был изящного телосложения, на два дюйма ниже Лизы, но в своем великолепно сшитом вечернем одеянии он все же выглядел элегантно, а в Париже за элегантность прощалось многое.

У подножия лестницы он остановился.

— Что случилось? Почему ты плачешь?

— Это... ничего. — Она положила «Таймс» опять на стол и, зарыдав, упала в кресло. «Адам, — думала она. — Моя любовь, мой рыцарь, весь мир... и он женился на ком-то другом. А я вынашиваю его ребенка... что же мне делать?»

— Перестань плакать! Сейчас же перестань! Ты испортишь платье.

Люсьен подошел к ней и затопал ногами.

— Отстаньте от меня с вашим платьем, — всхлипывала она. — Я не могу пойти на бал. Мне хочется умереть. — Она закрыла лицо руками.

— Твои слезы оставят пятна на шелке! — Люсьен чуть ли не визжал. — Прекрати!

Она взглянула на него сердитыми глазами.

— Ах, успокойтесь, ужасный человек, — воскликнула она. — Мое сердце разбито, и мне наплевать на ваши дурацкие наряды.

— Дурацкие? — взвизгнул он. — Ты называешь эти выдающиеся вещи *дурацкими*? Вы... как говорят по-вашему? Уволены! Я вас увольняю! А теперь снимайте мое платье и сейчас же убирайтесь отсюда!

Лиза поняла, что зашла слишком далеко. Она создала второе «я» под именем Аделаиды Маркхэм, чтобы скрыться от полиции, и какие бы душевные боли ни переживала, она должна умасливать Люсьена, чтобы не лишиться этой работы. Она поднялась на ноги, вытерла глаза батистовым носовым платком. «Дурацкое» платье было великолепным, мечта из бледно-голубого шелка, огромная юбка отделана розовым шифоном. Она знала, что платье выглядит сказочно. Лиза холодно посмотрела на Люсьена, стараясь выбросить из сердца боль и вину.

— Люсьен, не думаю, что вы меня уволите, — сказала она. — Император окажется в ужасном настроении, если я не приеду сегодня в Тюильри. Я извиняюсь за сцену, которая только что произошла, но я прочла в «Таймс» некоторые очень тяжелые для меня известия...

— Какие известия? — прервал ее Люсьен, его страсть к сплетням взяла верх над всем остальным.

— О человеке, которого я знаю, — грустно прошептала она. — О человеке, которого я люблю, но, боюсь, навсегда потеряла. — «Нет! — подумала она, выпрямляясь. На лице ее появилось выражение решимости. — В один прекрасный день я отыщу Адама». Она взглянула на Люсьена: — Так мы едем во дворец?

Она набросила на плечи кашемировую шаль и направилась к двери. Люсьен подумал, что он никогда в жизни не видел, чтобы женщина выглядела так прекрасно.

— Берете ли вы, Леттис Уинфред Десмонд, этого мужчину в качестве законного мужа, чтобы...

Пока преподобный Бартоломей Крингал бубнил эти слова, Леттис смотрела через белую подвенечную вуаль на Гораса Белладона, мужчину, которого она чуть не потеряла из-за сестры. Горас Белладон так ужаснулся толков вокруг убийства преподобного Десмонда, что отказался от своей помолвки с Леттис. Убийство породило много сплетен и шума, а заголовки в газетах давались именно смачно-сенсационные, как и предсказывал Стрингер Макдаф: «Убийство на торфяниках!», «Дочь приходского священника убивает своего отца!», «Подозреваемая исчезает, считается, что она покинула Англию!». Вся страна, зачарованная загадочным преступлением, смаковала каждую деталь, и сестры Десмонд притаились за заросшими диким виноградом стенами дома приходского священника в Уайкхем Райз. Это продолжалось до тех пор, пока после похорон отца в склепе Йоркширской церкви церковное начальство не выселило их из дома, чтобы освободить место для семьи преемника преподобного Десмонда. Даже человек с таким черствым сердцем, как Горас Белладон, был тронут ужасным положением Леттис и Минны, которые практически остались без ничего. Он дал Леттис займы двести фунтов стерлингов, убедительно просил их приехать и пожить в монастыре, неподалеку от его дома в пригороде Манчестера, пока не уляжется весь этот шум. Леттис и не нуждалась в особых уговорах, она была в отчаянии. Они покинули дом священника, взяв с собой свои немногочисленные вещи, и поехали в Манчестер, вселились в просторную кирпичную виллу, где хозяйничала овдовевшая мать Гораса. Со временем страсть Гораса, мужчины среднего возраста, к прекрасной Леттис вспыхнула снова, и он возобновил свое предложение, которое она тут же приняла, не тратя время попусту.

Но она никогда не простит Лизе то, что чуть не потеряла богатого мистера Белладона.

— Я объявляю вас мужем и женой.

Слезы радости и облегчения наполнили ее глаза, когда она приподняла вуаль и повернулась к своему толстощекому, с бакенбардами жениху, который поцеловал ее. Готическая церковь Святого Стефана была заполнена лишь наполовину бизнесменами Манчестера и их подчеркнута благочестивыми женами, многие из которых хотели уклониться от этой церемонии, но пришли под нажимом мужей, которые, в конце концов, вели дела с Горасом. Тем более скандал начал утихать.

Когда новобрачные пошли по проходу, а орган заиграл свадебный марш Мендельсона, Леттис, ставшая теперь миссис Горас, поклялась, что когда-нибудь оплатит Лизе за все.

Праздничную атмосферу подчеркивали звуки вальса Штрауса. Когда карета Люсьена въехала на площадь Согласия, Лиза просто ахнула от удовольствия, увидев сады Тюильри, иллюминированные тысячами газовых ламп в белых стеклянных шарах. Фонтаны и бассейны были освещены сотнями цветных огней, а деревья увешаны светящимися шарами и бенгальскими огнями.

— Как в сказке! — воскликнула она.

— Император устроил отличное представление, — согласился Люсьен.

Им пришлось ждать на площади Карусели, потому что уже выстроилась длинная вереница экипажей, из которых выходили утонченно одетые гости перед Павильоном часов, находившимся в центральной части массивного каменного дворца. Наконец дверцу их кареты открыл карлик в зеленой шелковой куртке с белым тюрбаном на голове, и Лиза вышла. За ней последовал Люсьен, который вручил пригласительный билет с изображением короны камергеру короля в ярко-красном плаще. Затем они вошли во дворец, влившись в толпу, медленно поднимавшуюся по большой лестнице с высоким сводчатым потолком. С двух сторон каждой ступеньки стояли отборные гвардейцы из сотни императора. Выглядели они великолепно в своих небесно-голубых мундирах, белых бриджах, черных сапогах, с шишаков шлемов свисали конские гривы, сверкали полированные стальные нагрудники кирасиров.

— Ну разве они не великолепны? — восхитился Люсьен, влюбленно оглядывая гвардейцев. — Знаешь, их выбирают по внешнему виду. Не важно, могут ли они драться, главное — чтобы они были не ниже шести футов ростом.

Люсьен просто не мог оторвать глаз от гвардейцев. Они вошли вместе с другими гостями в Тронный зал, потом прошли в салон Аполлона, затем в салон Консула — все огромные высокие залы, отделанные в стиле барокко:

стены сверкали позолотой, под потолком — хрустальные люстры, повсюду — портреты членов императорской семьи. Целый ряд образов семьи императора. Изображения самого императора. Его кузена, грузного принца «Плон-Плон». Принцессы Матильды. И на самом видном месте портрет Евгении работы художника Винтерхолтера. Но, несмотря на блеск и очарование вечера, Лизу неотступно преследовала одна мысль: Адам и ее ребенок.

В огромном зале Маршалов Джек Кавана с изумлением глазел на позолоченные кариатиды, поддерживающие изысканно украшенный плафон, и на портреты маршалов Наполеона I. Мысленно он сравнивал эти дворцовые излишества с более скромными залами Белого дома в своей республике, где он раза два обедал. Джек решил про себя, что французский дворец ему нравится больше. Как рабовладелец-южанин, делавший большие взносы в пользу Демократической партии, Джек все больше разочаровывался Вашингтоном. Проклятые аболиционисты с каждым днем захватывали все больше власти.

Но он сразу же забыл об американской политике, когда заметил сияющую блондинку в бледно-голубом платье с тускло-розовым шифоном, волочившимся по полу, которая вошла в зал под руку с невысоким кудрявым мужчиной.

— Бог мой, — воскликнул он, — это самая красивая женщина из всех, кого я видел!

— Это — мисс Маркхэм, — пояснил доктор Эванс, подошедший к Джеку. Американский дантист был старомодным мужчиной с бородой. — Английская манекенщица. Император сходит с ума по ней.

— Она его любовница? — спросил Джек, взгляд которого просто прилип к Лизе.

— О, нет. Во всяком случае, пока что нет. Делорм, маленький мужичишка рядом с ней, не хочет, чтобы на него разозлилась императрица. А у Евгении вспыльчивый характер. Хочешь познакомиться с ней?

— С мисс Маркхэм? Конечно!

Доктор Эванс провел Джека сквозь толпу к Лизе и Люсьену, которые только что взяли бокалы с шампанским у проходившего мимо официанта. После представлений Джек пригласил Лизу на вальс — его начал наигрывать оркестр в конце зала. Лиза сразу же согласилась.

— Так, значит, вы американец? — вопросительно произнесла она, когда он закружил ее по паркету. — Никогда раньше не встречалась с американцами. Думала, что они ходят в шкурах, как Даниель Бун.

— Ну, — улыбнулся он, — думаю, что мы не такие утонченные, как

европейцы, но мы совсем не дикари.

— Из какого же района Америки вы приехали, мистер Кавана?

— Из Виргинии. У меня табачные плантации... Разрешите сказать вам, мисс Маркхэм, что вы самая очаровательная женщина в этом дворце, хотя здесь масса всего очаровательного.

Лиза улыбнулась. Ей показалось, что этот приятный американец со странно звучащим виргинским акцентом ей почему-то нравится. Ей пришло также в голову, что поскольку любимый ею человек женился на ком-то другом, то ей следует начать поиски нового любимого.

И отца ее ребенка.

Адам проснулся посреди ночи от рыданий. Он сел на своей кровати в комнате, соседней с главной спальней, где задушили его деда. Сквозь высокие окна струился бледный лунный свет. Он увидел свою жену, которая стояла возле окна и смотрела в парк. На ней была ночная рубашка.

— Сибил?

Молчание, если не считать всхлипываний.

— Что такое?

Он соскочил с кровати и подошел к ней. Обнял ее, но она оттолкнула его.

— Иди, ложись в кровать, — сказала она ему.

— Не лягу, пока ты не скажешь, в чем дело. Ты плачешь потому, что я завтра уезжаю в Индию?

Она хохотнула.

— Не льсти себе.

Поднесла носовой платочек к глазам, чтобы вытереть их.

— Ты действительно не можешь поехать со мной, — заметил он, когда она подошла к столу и зажгла лампу. — Корабль, на котором я отплываю, низкопробный, поездка на нем может оказаться опасной...

— Я плачу не из-за твоего отъезда в Индию, хотя отъезд всего через неделю после нашей свадьбы представляется мне довольно странным. Да просто проявлением невнимательности к моим чувствам. Люди здорово посмеются надо мной. Уверена, что они скажут: «Лорд Понтефракт так обалдел от своей суженой, что в медовый месяц убегает от нее на край света... один».

— Если они настолько глупы, чтобы говорить это, то и пусть себе. Ты знала, что мне надо ехать в Индию...

— Я же говорю тебе, что дело *нев* Индии!

— Тогда *в чем же*?

— Сегодня... вчера и позавчера... ты так крутился на кровати, что разбудил меня. Ты, наверное, видишь дурные сны, Адам. Во всяком случае, ты разговариваешь во сне. И знаешь, что ты произносишь? «Лиза». Без конца повторяешь это имя. Твердишь одно и то же: «Лиза, Лиза, Лиза». Как будто мало того, что ты только и думаешь о ней, когда не спишь. Ты оскорбляешь меня тем, что даже во сне думаешь только о ней.

Адам покраснел.

— Прости, Сибил.

— Ты не отрицаешь этого?

— Нет. Я вижу ее во сне. Я пытаюсь не думать о ней, когда бодрствую, но сны мне неподвластны.

— С моей точки зрения, ничего нет более нудного, чем ревнивая жена, но я не вижу оснований, почему надо постоянно повторять имя одной и той же женщины даже в моей кровати. Я проведу остаток ночи в другой комнате.

— Сибил, я сожалею. Я стараюсь...

— Возможно, когда ты возвратишься из Индии, тебе удастся освободиться от этого наваждения. А пока что, спокойной ночи.

Она взяла лампу и вышла из спальни. Оставшись один, Адам подошел к окну и прислонился к оконному переплету. Сжав кулаки, он зажмурил глаза.

Когда он их раскрыл, в них блестели слезы.

В другой спальне, в соседней комнате, Сибил опять разревелась.

— Значит, вы хотите на мне жениться? — спросила Лиза неделей позже, когда Джек Кавана опустился перед ней на одно колено. Они обедали в шестнадцатом кабинете кафе «Англэ», по словам некоторых, самого лучшего ресторана в мире. Лиза только что съела порцию креветок, приготовленных Адольфом Дуглером, опять же, по мнению некоторых, лучшим поваром в мире.

— Аделаида, драгоценная моя, у меня от тебя просто дух захватывает, — воскликнул Джек, молитвенно сложив на груди руки. Его глаза покраснели от выпитой бутылки «Шато лафит» — в кафе «Англэ» имелся подвал на двести тысяч бутылок, и вино можно было подавать на столы по миниатюрным рельсам. — Думаю, что я влюбился в тебя с первого взгляда. Но эту минувшую неделю... ну, я ни о чем другом не могу думать, как только о тебе. Ты ослепила меня. Пожалуйста, скажи, что станешь моей.

Как ни странно, но она видела, что он говорит это серьезно. Джек

безумно влюбился в нее. Его предложение звучало соблазнительно. Человек приятной наружности и богатый, может быть, не совсем отесанный, но ведь и Адам был не из вышколенных. Она встала из-за обильно уставленного блюдами стола, прошла по устланному ковром полу к зеркалу, чтобы взглянуть в него. Она знала, что этот кабинет — один из самых знаменитых в Европе. Шестнадцатый номер в кафе «Англэ» — «le grand Seize» ^[4], как он был известен в Париже, — нередко становился местом совращения дам. Джек не один раз за прошедшую неделю старался соблазнить ее, но она не сдалась. А теперь ей надо было принимать решение, потому что он скоро должен возвращаться в Америку. Америка для человека, которого разыскивала английская полиция, выглядела вполне привлекательно, хотя мысль о том, чтобы выйти замуж за рабовладельца, вызывала у нее некоторое беспокойство. Однако Джек успокоил ее, сказав, что с рабами «не строг», как он выразился. Джека она не любила, но суровый факт заключался в том, что ее беременность становилась заметной. Она отчаянно нуждалась в отце для своего ребенка, и вот перед ней на одно колено опустился Джек, предлагая безопасность, законность и благосостояние. Лиза решила поступить с ним справедливо, частично открыв ему *правду*.

Она обернулась к нему:

— Я польщена, что удостоена чести, сэр, услышать ваше предложение. Но перед тем как ответить вам, считаю, что должна рассказать о себе правду. Меня зовут не Аделаида Маркхэм. Я придумала это имя, когда скрылась из своего дома в Англии.

Он медленно поднялся на ноги.

— Почему вы убежали из дома? — спросил он.

— Я обнаружила, что забеременела.

Он моргнул.

— От кого ребенок? — спросил Джек глухим голосом.

— От англичанина, которого, возможно, я никогда в своей жизни больше не увижу.

Она увидела, как он сжал кулаки. На лбу его выступила испарина. Он молчал почти целую минуту. Наконец прошептал:

— Позвольте ли вы мне объявить о своем отцовстве?

Она заколебалась, потом ответила:

— Да. Почему бы и нет?

— Сохраните ли вы это в секрете?

— Да.

— Поклянетесь ли вы мне, что у вас никогда не будет другого

мужчины, пока я остаюсь вашим мужем?

Она вся напряглась.

— Сэр, хотя я и не невинна, — произнесла она, — но никогда не стану обманывать. Конечно, я буду выполнять свои брачные клятвы.

Он лишь на мгновение проявил нерешительность, но затем кинулся к ней, заключил ее в свои объятия и прижал свои пахнущие вином губы к ее губам в страстном поцелуе. Потом вздернул голову и завопил:

— Яаху! Я-а-ху! Я оторвал себе самую красивую невесту в мире! Ах, радость моя, когда мои друзья дома, в Виргинии, увидят тебя, они позеленеют от зависти, как стручки гороха. Я-а-ху! Это надо отметить шампанским!

Он позвонил в колокольчик.

— Черт побери, — ухмыльнулся он, — не романтическая ли возникла ситуация? — Она заметила, что по мере опьянения его речь становилась все более простонародной. — Ты станешь самой замечательной штучкой во всем Глучестерском графстве! Но постой-ка, я даже не знаю твоего настоящего имени! Я же не смогу жениться на тебе, если не узнаю твоего имени, верно? Как тебя зовут?

— Елизавета Десмонд.

— Елизавета... Мне нравится это имя.

— Друзья зовут меня просто Лиза.

— Лиза, — он слегка вздохнул. — Послушай, любовь моя, это имя мне кажется самым прекрасным из всех, которые я когда-либо слышал. Самое красивое имя в мире. Я-а-ху!

«Я приняла правильное решение, — сказала она себе. — Да, уверена, что верное. Тогда почему же я сразу начинаю сомневаться?»

ГЛАВА ПЯТАЯ

Адам облокотился о борт корабля «Юпитер» и смотрел, как скользит мимо берег Темзы, гадая, что ждет его в Индии.

Хотя он и сказал Сибил, что второй убийца-сикх вернулся в Индию, доказательств этого у него не было. Не знал он также, имеются ли другие *таггисв* Лондоне, которые охотятся за ним и «Глазом идола», который он носил на себе в специально сшитом для этой цели поясе. Прошло уже шесть недель с того времени, когда убили его деда, но Скотланд-Ярд в лице инспектора Себастьяна Куеда, которому поручили это дело, все еще не располагал ни одной версией того, кто же стоит за этим убийством. Чтобы сбить со следа сикхов, Адам не только пустился в путь под своей старой фамилией Торн, а не под привлекающим большее внимание титулом «лорд Понтефракт», но и купил билет на «Юпитер», на котором было несколько дешевых кают для пассажиров в отличие от шикарного лайнера «Звезда Востока». К сожалению, он терял из-за этого много времени. Пароход «Звезда Востока» шел из Лондона в Александрию, Египет, откуда пассажиры ехали в Суэц через Каир по недавно построенной железной дороге, а оттуда уже плыли до Бомбея, потратив на дорогу в общей сложности два месяца. Но «Юпитер», на котором находилось множество грузов, должен был тащиться вокруг всей Африки, а стало быть, по Индийскому океану до Калькутты через Цейлон, а на это в общей сложности (с учетом ветров, так как «Юпитер» не был оборудован паровыми машинами) уходило полгода. Адам прихватил с собой книги по истории Индии, самоучители языков этой страны, решив с пользой провести время и как можно больше узнать об Индии.

— Взгляните в последний раз на нашу зеленую и замечательную страну, — сказал дородный мужчина с всклокоченной черной бородой, остановившись у борта судна рядом с Адамом. — В Индии вы не часто увидите такую зелень. Меня зовут Бентли Brent, молодой человек, и поскольку нам придется часто встречаться в последующие несколько месяцев, думаю, стоит познакомиться.

— Меня зовут Адам Торн.

Они пожали друг другу руки, потом Бентли облокотился на поручни.

— А почему вы едете в Индию, осмелюсь спросить?

— Я пишу книгу об этой стране, — уклончиво ответил Адам. Он никому не собирался говорить о бриллианте.

— Ну, об Индии можно написать большую книгу, потому что это огромная страна. Я провел там десять лет и все еще не могу считаться хорошим экспертом этой чертовой земли. Я капитан пятьдесят третьего национального полка пехоты, расквартированного в Коунпуре. Проводил дома полугодовой отпуск в Шропшире, но должен признаться, что скучал по Индии, какой бы грязной и жаркой она ни была. Кстати, у меня такое предчувствие, что пища на этой посудине отвратительная. Как вы думаете? А капитан вполне может сойти за пирата.

— Будем надеяться, что он им не является.

Адам воспринял с восхищением знакомство с этим рослым офицером, путешествующим в гражданской одежде. Он был уверен, что его спутник окажется золотой жилой достоверной информации о таинственном полуострове. И он угадал. В течение нескольких дней — предсказания Бентли о пище, к сожалению, оправдались — он рассказал Адаму о жизни в Индии, в частности дал краткий обзор истории Ост-Индской компании, устав которой был подписан еще королевой Елизаветой I в последний день 1599 года. В течение последующей сотни лет английские купцы соперничали с португальцами и французами из-за прибыльной торговли с Индией, по мере того как на полуострове ослабевала власть Великих Моголов. Когда умер великий император Аурангзеб и в борьбу за наследство вступили семнадцать его потомков, империя начала разваливаться. По мере того как центральная власть в Дели ослабевала, повсюду начали возникать новые центры власти. Появились иностранные завоеватели, которые захватывали, что могли, в таких государственных провинциях, как Хайдерабад, пытались установить там свое влияние за счет Дели. Закончилось все это хаосом. Английская Ост-Индская компания была вынуждена защищать свою торговлю военными средствами. К концу восемнадцатого столетия влияние этой компании настолько расширилось, что английское правительство решило национализировать ее. Территории Индии, контролируемые компанией, фактически превратились в колонию британского правительства под управлением назначавшегося из Лондона генерал-губернатора. В страну были введены английские войска, создали национальные подразделения под командованием английских офицеров вроде Бентли, национальную пехоту, называемую *сипаи*, и кавалерию под названием *совас*. Английское влияние возрастало, генерал-губернатор в Калькутте начал прибирать к рукам самостоятельные штаты, заменять там неугодных ему людей.

— Индия — это пороховой погреб, — подытожил Бентли, после того как они с Адамом в четвертый раз подряд отобедали вместе. — С тех пор

как военные начали брать туда своих жен с их дьявольски высокомерными моральными принципами и начали обращаться с туземцами как с неграми, белые и туземцы готовы вцепиться друг другу в глотку. Если хотите знать, Индия вот-вот взорвется...

— Лиза, — рыгнул Джек Кавана, — я самый счастливый человек на свете. Нет, скажу иначе: стану самым счастливым человеком на свете, когда ты снимешь с себя это подвенечное платье, хотя оно и очень красивое. Я просто *сгораю* от нетерпения... ну, ты сама знаешь, какого.

Он снова плеснул в бокал шампанского. Они находились в гостиной его номера-люкс отеля «Лувр». Только что они приехали прямо из американского посольства в Париже, где торжественно отметили свое бракосочетание. За последние десять дней Джек просто засыпал свою невесту подарками. Купил ей полный гардероб одежды работы Люсьена Делорма, прекрасные бриллиантовое и рубиновое ожерелья с такими же серьгами от лучшего парижского ювелира Лемонье, а также обручальное кольцо с двумя прекрасными прозрачными бриллиантами, от которых у нее просто захватило дух. Несчастной дочери йоркширского священника кошелек Джека казался просто бездонным. И хотя, как оказалось, он крепко закладывает за воротник, все равно его доброта и внимание к ней были такими, что она прониклась убеждением, что все-таки поступила правильно, выйдя за него замуж. Ее сердце всегда будет принадлежать Адаму, но в качестве миссис Джеймс Рандольф Кавана она сама и ее будущий ребенок стали американскими гражданами и теперь неподвластны законам Англии, как ей казалось. Она нежно улыбнулась, подходя к мужу, обняла его и расцеловала.

— Я очень счастлива, — прошептала она.

Джек поставил на стол бокал с шампанским и хотел поднять ее на руки.

— Черт, не могу больше ждать, — воскликнул он. — Перенесу тебя через порог спальни как заправский молодожен и опущу на кровать.

— Нет, Джек, мне придется повозиться, чтобы снять с себя это платье. Дай мне пятнадцать минут.

Она еще раз поцеловала его и, торопливо пройдя через двойные раздвигающиеся двери в спальню, затворила их за собой. Закрывает глаза, на мгновение подумав об Адаме. Потом начала снимать с себя изысканное свадебное платье, которое изготовил для нее Люсьен. Сначала сняла с головы фату в форме полумесяца, отороченную нежными кружевами, потом спустила вниз и перешагнула через белое платье, кринолин, нижнее

белье и трусики с оборками. Надела белую комбинацию, сшитую тоже по эскизу Люсьена, потом легла на большую кровать и стала ждать.

Точно через пятнадцать минут двойные двери разъехались, и в спальню вошел Джек. Он уже снял пиджак и галстук, его лицо покраснело от шампанского. Он задвинул двери и подошел к кровати, глядя на Лизу.

— Ты такая очаровательная, — прошептал он и начал расстегивать рубашку. — Такая прекрасная. Я самый счастливый человек на свете.

Раздевшись догола, он лег под шелковое одеяло и обнял ее.

— Должен предупредить тебя, сладость, моя, что я физически очень крепкий человек. Уверен, что это тебе понравится так же, как и мне. Предполагаю, что это так, потому что где-то по дороге ты потеряла свою девственность. Это отчасти и объясняет, почему я так безумно хочу тебя. У тебя есть опыт, ты не чета тем бледнолицым профессиональным девственницам у меня на родине.

Лиза подумала, что, возможно, это не самое тактичное замечание, которое она услышала в первую брачную ночь, но попридержала язык. Он поднял ее ночную рубашку и стал целовать соски, похотливыми руками ощупывая и гладя ее тело. Нежно и умело он снял с нее ночную рубашку, взобрался на нее, продолжая целовать и лизать ее тело.

— Твои сиси, — бормотал он. — Господи, как мне нравятся твои сисечки! Прелесть!

Когда он кончил, то, не выпуская ее из объятий, прошептал:

— Ягодка, тебе понравилось это? Получила ли ты удовольствие? Не подкачал ли я?

— Ты молодец, — шепнула она, почувствовав, что он нуждается в одобрении. И действительно, он хорошо показал себя в этом деле.

— Мне бы хотелось услышать от тебя «я люблю тебя». Любишь ли ты меня, Лиза?

— Да, дорогой мой, я люблю тебя.

— Ты не думала о нем... о другом мужчине?

— Конечно, нет.

Но она сказала неправду.

Сибил мелким галопом въехала на конюшенный двор, расположенный на задах Понтефракта Холла. Честер, конюх, вышел из добротной каменной конюшни, чтобы помочь ей сойти с лошади.

— Миледи, — сказал он, — мистер Масгрейв прибыл двадцать минут назад.

Сибил несколько удивилась. Потом вошла в дом, и мистер Хоукинс

сообщил ей, что Эдгар находится в гостиной. Ее охватили противоречивые чувства. В школе она влюбилась в Эдгара Масгрейва, единственного представителя мужского пола, который возбудил ее еще до Адама. Но она прекрасно знала, что Эдгар был эгоистом, бессердечным и вероломным, который полагался в жизни на свои чары и довольно привлекательную внешность.

Сибил вошла в комнату. Эдгар стоял возле камина, листая книгу. Он взглянул на нее и улыбнулся, положив книгу на стол.

— Сибил... Или мне надо называть тебя леди Понтефракт?

— Не говори глупостей. Когда ты возвратился?

— Три дня назад. А когда просмотрел пришедшую почту, то увидел приглашение на твою свадьбу. Я впал чуть ли не в протрацию из-за того, что пропустил это событие. А теперь узнал, что счастливый молодожен отплыл в туманную Индию. Как он мог так быстро оторваться от тебя?

Он выглядел безупречно. Она знала об огромных счетах его портного, но портному очень везло, если он получал деньги хотя бы через год. Эдгар был мастер жить не по средствам. Но смотреть на него было несомненно приятно. Высокий, худощавый, с удлинённым узким лицом, с пронзительными голубыми глазами и густыми вьющимися золотистыми волосами. Ей всегда нравились его волосы.

— Если ты читаешь что-нибудь кроме своей чековой книжки, Эдгар, то мог бы вычитать в «Таймс», что мой муж отправился в Индию за тем, чтобы отыскать убийцу своего деда.

— Ах, я никогда не смотрю на свои чековые книжки. Мое банковское сальдо меня ужасно угнетает. Да, я слышал об убийстве или вернее будет сказать — об «убийствах». Похоже, что какой-то злонамеренный индус собирается истребить всю семью твоего мужа. К счастью, для своей защиты ты располагаешь мною.

— Очень галантно с твоей стороны. Но спасибо, я и так чувствую себя в безопасности.

— Полагаю, что и в безопасности, и в одиночестве. Ну, поскольку ты не хочешь, чтобы я оберегал тебя, то уверен, ты не будешь против, если я повеселю тебя. И, конечно, я с удовольствием останусь на обед.

Она рассмеялась.

— Вижу, что ты не расстался со своей экстравагантностью.

— Наоборот, шесть недель одиночества в Италии сделали меня экстравагантным как никогда. И абсолютно неотразимо обворожительным.

Он взял ее руку в перчатке и поднес к губам, многозначительно глядя на нее голубыми глазами.

— Эдгар, позволь сказать тебе раз и навсегда, — заметила она, — я очень люблю своего мужа.

— Ах, но ведь когда-то ты очень любила меня.

— Это было еще до того, как я научилась лучше разбираться в мужчинах.

Он отпустил ее руку.

— Но первая любовь всегда крепче. Мне сказали, что и у твоего мужа была первая любовь — к пресловутой мисс Десмонд. Говорил ли он тебе когда-либо о ней?

Сибил отвернулась.

— Боже мой, кажется, я наступил на большую мозоль. — Эдгар подошел к ней сзади и положил ладони на ее руки. — Я не произнесу больше ее имени.

Она повернулась к нему со слезами на глазах.

— Ах, Эдгар, — прошептала она, — если бы я только смогла заставить его забыть о ней!

— Если бы только я мог бы заставить тебя забыть о своем муже, — негромко отозвался он.

Дождь лил как из ведра, сверкали молнии, гремел гром, и Адам задавался вопросом, сумеет ли «Юпитер» пройти через этот шторм.

— Здесь всегда бывают такие ливни? — крикнул он что есть силы Бентли Brentу, который, как и Адам, торчал на обращенном к берегу борту трехмачтового судна «Юпитер», преодолевавшего бурные воды Бенгальского залива.

— Это просто слабый дождичек по сравнению с мансуном, — крикнул в ответ Бентли. — Когда нагрянет мансун, то будто Господь выливает вам на голову весь Индийский океан. Здесь у природы явная склонность к мелодраматизму. Когда жарко, то словно сидишь на жаровне. А когда хлынет дождь, то кажется, что ты утонул.

И все же было нечто возбуждающее в такой феерии природы, и ни Адам, ни Бентли не собирались уходить в тесные каюты корабля хотя бы потому, что впервые за последние десять дней спала невыносимая жара, а пропитанный влагой воздух доносил приятные запахи.

— Земля! — завопил наблюдатель, сидевший высоко над их головами. Адам прикрыл глаза рукой, пытаясь защитить их от дождя, чтобы разглядеть в тумане берег. Во время своих долгих разговоров с Бентли за последние семь месяцев — путешествие заняло утомительно много времени из-за поломки мачты, когда они огибали Южную Африку, и

двухнедельного мертвого штиля — Адам скрыл от собеседника не только то, что является графом Понтефракт. Адам никому не сказал, в том числе и Сибил, что в его жилах течет индийская кровь. Его мучило сознание того, что он никому не может сказать об этом. Здравомысляя, он считал, что смешно хранить это в тайне. Только одна восьмая часть его крови была индийского происхождения, а выглядел он как настоящий англичанин, хотя волосы его были черны как смоль. К тому же, чего, собственно, он стыдился? Его прабабушка принадлежала к браминам, ко второй по значимости касте. И теперь он почерпнул достаточно сведений об истории и культуре Индии, чтобы понять: его английские предки еще разрисовывали свои тела красками, как дикари, в то время как его индийские предки уже наслаждались плодами утонченной цивилизации.

Но он все равно не мог заставить себя сказать: «Я частично индус». Бентли уверял, что с уважением относится к *сипаям*, но порой проговаривался, что из-за цвета кожи считает их более низкими существами. Он подтрунивал над их ленью, жуликоватостью или над их ребячеством. Иногда, следуя примеру жен английских офицеров, он критиковал их, даже называл черномазыми. Хотя собственное происхождение несколько беспокоило Адама и он стыдился этого, все же он сходил за безупречного англичанина.

Но вглядываясь через потоки дождя в даль, он знал, что у него есть и другая причина посещения Индии помимо возвращения бриллианта. Ему надо было как-то успокоиться. Надо было как-то решить для себя вопрос об индийской крови.

Неожиданно дождь ослабел, посветлело, и он увидел на горизонте низкий берег.

— Индия, — произнес он, обращаясь скорее к самому себе, чем к Бентли. В его голосе прозвучало благоговение. А еще — нотки страха.

На следующее утро «Юпитер» стал медленно подниматься по реке Хугли к Калькутте.

— Трупы, — сказал Бентли, указывая на какие-то черные предметы вдали, плывущие вниз по реке. — Бедные индусы не могут купить дров, чтобы сжечь трупы умерших родственников. Поэтому они просто кидают их в реку. В конце концов, их пожирают грифы и другие хищники, в том числе и рыбы. Даже трудно себе представить степень бедности, когда человек не может купить дров, чтобы сжечь мертвых.

Он говорил об этом как о чем-то само собой разумеющемся, но Адам, стоявший рядом с ним, почувствовал приступ отвращения. Стояло ужасно

жаркое утро, над головой нависло свинцово-серое небо, в воздухе витали странные запахи. Сначала Адам подумал, не запах ли это мертвечины, но позже узнал, что это запах Индии — экзотическая смесь жары, грязи и специй.

— Я знаю, что вы едете в Лакнау, — продолжал Бентли, — но ушло очень много времени, чтобы добраться сюда, и, думаю, будет правильно, если вы проведете несколько дней в Калькутте. Если хотите, я покажу вам достопримечательности. И поскольку здесь нет подходящих для белых людей гостиниц, то почему бы вам не остановиться вместе со мной в доме сэра Карлтона Макнера? Он нажил целое состояние на торговле чаем и построил себе один из самых больших в Калькутте домов. Уверен, что он с удовольствием примет вас.

Адам решил, что Бентли прав. Поскольку он приехал из таких дальних краев, то можно было особенно не торопиться возвращать бриллиант. Поэтому к тому времени, когда «Юпитер» вошел в док Чандпал Гат, основной причал города, он сообщил Бентли, что с «восторгом» принимает его предложение.

Почти голые туземцы заполнили палубу корабля, предлагая наперебой за небольшую плату отнести багаж на берег. Один из них украдкой пробрался в глубь корабля и нашел в списках пассажиров имя — Адам Торн.

— Этот англичанин прибыл в Калькутту на борту корабля «Юпитер», — сообщил хитроватый молодой индус по имени Азимулла. Жизнь Азимуллы началась с голодного сиротства в Коунпуре, городе на берегу Ганга в центральной Индии. Затем его поместили в бесплатную школу Коунпура, где он сначала приобрел специальность повара, потом учителя. В конце концов он стал доверенным слугой махараджи Битура, Донду Панта, известного также под именем Нана Саиб.

— Этот Адам Торн — умный человек, — отозвался тридцатидвухлетний Нана Саиб, склонившись над бильярдным столом.

Они разговаривали в бильярдной дворца Нана Саиба в Битуре, городе, расположенном в нескольких милях от Коунпура.

— Он провел моих людей в Лондоне, объявив, что поплывет на «Звезде Востока». Ну, а теперь он сам приехал в Индию. Здесь одного ума ему окажется недостаточно, чтобы провести меня. Хочет ли он остановиться в Калькутте?

Нана Саиб ударил по шару. Это был стройный, элегантный человек с вкрадчивыми повадками. На его смуглом лице выделялись узенькие черные

усики, подчеркивая небольшой чувственный рот. В дорогой национальной одежде, он вдобавок щеголял изысканными украшениями: три нитки огромных жемчужин мерцали на его шее, а на среднем пальце правой руки сверкало кольцо с огромным бриллиантом.

— Мой человек сообщил, что он поехал с неким капитаном Brentom в особняк сэра Карлтона Макнера, где и намерен оставаться, чтобы принять участие в обеде в честь генерал-губернатора, лорда Каннинга, который устраивает Макнер.

Нана Саиб прицелился в другой шар.

— Каннинг — льстец и подхалим. Все эти проклятые англичане — снобы, кичащиеся своими титулами. Еще год назад Адам Торн был ничтожеством, а теперь благодаря мне стал лордом Понтефрактом, одним из богатейших людей Англии, и, конечно, лорд Каннинг виляет перед ним хвостом.

— Простите, Ваше Высочество, — заметил Азимулла, — но мой человек сказал, что никто не знает о том, что он лорд Понтефракт. Англичанин известен только под именем Адама Торна.

Нана Саиб пожал плечами.

— Каннинг все равно льстец и подхалим. Готов прибить каждого проклятого белокожего *бурао*. И, может быть, мне удастся это сделать, — он подмигнул Азимулле. — Итак, друг мой, как обстоят наши дела с возвращением бриллианта?

Хотя Азимулла бегло говорил по-английски и отчасти пленил лондонское общество своей привлекательной внешностью и хорошим произношением, когда Нана Саиб направил его в прошлом году в Англию, с хозяином он разговаривал на хинди, так как сам махараджа английский язык знал плохо. Для обозначения англичан Нана Саиб использовал слово «бурао» — одно из самых оскорбительных слов на хинди. «Бур» означало «дырка».

— Очень хорошо, Ваше Высочество, — заявил Азимулла. — Мы доставим англичанина во дворец махараджи в Ранигани и отберем у него бриллиант. А потом убьем его.

Нана Саиб выпрямился.

— Хорошо, — согласился он. — Только не убивайте его быстрой смертью, как был убит его дед. Уготовьте ему медленную смерть.

Азимулла поклонился.

— Как пожелаете, Ваше Высочество.

Нана Саиб нахмурился. Держа кий обеими руками, он начал медленно гнуть его, пока тот не треснул и не сломался. Потом он швырнул обломки

через всю комнату в стену, испугав слугу, который оведал его опахалом. (К большому пальцу слуги была привязана бечевка, проходившая через дыру в стене и другим концом прикрепленная к большому опахалу из дерева и ткани, свисавшему с потолка в бильярдной.)

— Англичане, — желчно продолжал Нана Саиб, — лишили трона моего отца. Они лишили его власти, а взамен дали нищенскую пенсию. А после его смерти мне не оставили даже его пенсию. Генерал-губернатор заявил мне, что я ничего не могу требовать от правительства Ее Величества. Ее Величество — *бур!* — взвизгнул он. — Я перебую англичан! Всех перебую! И начну с Адама Торна! Большой бриллиант станет *моим!*

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

КОНФЛИКТЫ

ГЛАВА ШЕСТАЯ

— Ну, ягодка, помню, ты говорила мне о своем отце как об активном участнике движения за ликвидацию рабства в английских колониях, — говорил Джек Лизе по дороге из Ричмонда, штат Виргиния. Здесь они высадились из поезда и теперь ехали к себе на плантацию. Шел ноябрь 1856 года (месяц назад Адам отплыл в Индию). — Думаю, что мне лучше сразу предупредить тебя: аболиционист здесь воспринимается как грязное слово, так что на твоём месте я не стал бы распространяться на эту тему. Теперь, когда мы приехали домой, в страну рабства, тебе следует кое-что усвоить о черномазых, чтобы не осложнять себе жизнь и легче воспринять наш «своеобразный порядок», как называют это северяне. Например, первое, что ты должна узнать о неграх — это то, что они неумелые и ленивые.

— Джек! — предупреждающе воскликнула Лиза, показав взглядом на кучера в светло-зеленой ливрее, который сидел всего в четырех футах от них. Хотя погода выдалась довольно прохладной, экипаж был открытый. Лиза, которая раньше никогда не видела негров, проявила инстинктивную щепетильность к чувствам кучера.

— Не беспокойся за Мозеса, — успокоил ее Джек. — Он знает, что я говорю правду. Верно, Мозес?

— Да, масса, — ответил кучер, не поворачивая головы.

— Вот видишь, ягодка. Очень легко представить рабство как нечто порочное. Господу известно, что северяне заочно рассуждают о том, какая это ужасная вещь, и эта женщина, как там ее фамилия, миссис Стоу, написала дурацкую книжку, в которой показала всех нас, рабовладельцев, оравой чудовищ. А все это совершенно неверно. На деле рабство по-своему даже гуманное учреждение. Разве не правда, Мозес?

— Да, масса.

— Вот видишь, надо помнить, что у африканцев не было тех преимуществ, которыми пользовались мы, белые. Практически они только что слезли с деревьев. Рабство дает им приличный дом, работу и нормальное трехразовое питание в день. Можно многое сказать в пользу рабства. Разве я не прав, Мозес?

Молчание. Джек наклонился к кучеру:

— Я спрашиваю, разве я не прав?

— Да, масса.

Джек улыбнулся и откинулся назад, потом взял руку Лизы и пожал.

— Увидишь сама, как гладко все идет, — продолжал он. — Мы очень хорошо ладим, живем большой, счастливой семьей.

На Лизе была великолепная соболья шубка, которую он купил ей в Нью-Йорке, где они провели десять дней, делая покупки, после переезда через Атлантику. Лиза практически и не думала о рабстве, с легким сердцем расходуя огромные доходы своего мужа, получаемые именно от рабства. Но теперь, когда увидела рабство воочию, она начала более конкретно задумываться об этом.

— Джек, — сказала она, понизив голос, — не кажется ли тебе... даже если не касаться других вещей... это ужасно, когда христианин владеет живым существом? Другим человеком?

— Ах, милая, но они же не человеческие существа. Во всяком случае, не похожие на тебя или меня. Они скорее похожи на домашних животных или детей. И, конечно, домашних животных надо изредка стегать, чтобы держать их в рабочей форме.

Она выпрямилась на сиденье, уставившись на него.

— Конечно, ты не позволяешь стегать их? — вопросительно заметила она. — Ты сказал мне в Париже, что с рабами обращаешься мягко — именно так ты выразился: «не жестоко».

— Я мягок с ними. Верно я говорю, Мозес?

— Да, масса.

— Ну, конечно, изредка мистеру Дункану, моему надсмотрщику, приходится заботиться о некоторой дисциплине, но это касается только работающих в поле. Мы совершенно не сечем домашних слуг. Это было бы неправильно. К тому же, домашние слуги практически являются членами семьи. Возьмем, к примеру, Чарльза, дворецкого. Послушай, Лиза, ты вряд ли найдешь более представительного дворецкого во дворце герцога в Англии, а он такой же черный, как пики в карточной колоде. А Лида, его жена? Она кухарка. В детстве она практически заменила мне мать. Она мне и сейчас почти как мать. И подожди, ты еще попробуешь ее тушеного опоссума! Ну, это, конечно, не совсем то, что выделяет месье Дуглер в кафе «Англэ», но, уверяю, тебе понравится. И тебе понравится Дулси, внучка Чарльза и матушки Лиды. Она будет твоей горничной. Вот увидишь, ягодка. Мы хорошо относимся к своим черным и любим их. И они отвечают нам взаимностью. Думаю, что если бы твой папа приехал в Виргинию и своими глазами посмотрел, как действует эта система, он, возможно, изменил бы свое отношение к рабству. Конечно, есть и недостатки, а в какой системе их нет? Но она функционирует. Наша

экономика процветает, и цена рабов с каждым годом поднимается. Так что пусть твоя головушка не беспокоится о наказаниях. Когда ты поживешь с недельку на плантации «Эльвира», то сама увидишь, что у нас здесь чуть ли не райская жизнь.

Они ехали по сельской дороге. Неожиданно карета подскочила на ухабе, и с Джека чуть не слетела его шелковая шляпа. Он наклонился и ткнул в спину кучера своей тросточкой.

— Эй, Мозес! Притормаживай, когда видишь ухаб, слышишь?

Лиза видела, как повернулся широкоплечий кучер, чтобы взглянуть на ее мужа. Она еще на железнодорожном вокзале в Ричмонде заметила, что у него удивительно красивая внешность. Она не видела таких мужчин с кожей цвета светлого шоколада.

— Простите, масса, — извинился он.

Лиза не назвала бы выражение лица Мозеса приветливым. Тот опять повернулся, чтобы смотреть на дорогу. Джек улыбнулся жене:

— Видишь, черными можно руководить и иначе, не обязательно стегать их. Возьми, к примеру, Мозеса. Мозес — отличный негр, лучше всех других управляется с лошадьми. К тому же, он хорошо смотрится как мой кучер, а мне нравится показывать товар лицом, потому что я должен заботиться о своей репутации здесь, в Виргинии. Но, к несчастью, Мозес знает, что он смазлив. Он немного... ну, тут говорят о таких «заносится». К тому же, пару лет назад он украл из моей библиотеки несколько школьных учебников и даже пытался выучить алфавит... хочет научиться читать. Конечно, мы не можем этого позволить. Поэтому мне пришлось поставить его на место.

— Что же ты сделал? — спросила Лиза.

— Продал его жене и шестилетнего сына плантатору в штате Кентукки. Ну, а если Мозес станет вести себя примерно, то я обещал через пару лет выкупить его семью. Все получилось самым лучшим образом, верно, Мозес? Ты стал хорошим негром, правда?

— Да, масса.

— И останется хорошим негром, понятно?

Джек повернулся к Лизе.

— Совсем необязательно стегать их. Имеются разные способы держать негров в узде.

Лиза начала понимать со все возрастающей ясностью, что вышла замуж за чудовище.

Солнце уже начинало садиться, когда они подъехали к плантации

«Эльвира». Они задержались в таверне возле реки Йорк, где долго обедали, а Джек крепко выпил. Но Лизу остановка порадовала, потому что после обеда небо очистилось, и теперь она смогла увидеть свой новый дом при наилучшем освещении в сумерках осеннего дня.

— Он был построен моим прадедом в 1743 году, — рассказывал Джек, когда они подъезжали по длинной, обсаженной деревьями аллее к кирпичному особняку. — Он был так влюблен в мою прабабушку, которую звали Эльвира Рандольф Кавана, что назвал плантацию ее именем. Не собираюсь хвастаться, ягодка, но в Виргинии вряд ли найдешь дом лучше, чем этот.

— Великолепно, — искренне воскликнула она. Дом, построенный в георгианском стиле, был двухэтажный, с покатой крышей и двумя высокими трубами. По обеим сторонам к дому примыкали два флигеля пониже. Величественный портик с четырьмя колоннами, на которых расположились верхняя и нижняя открытые веранды. Перила и переплеты ограды выполнены из дерева, что придавало строению приятную легкость и элегантность. С правой стороны въездные дорожки были обсажены подстриженным кустарником. Такие же дорожки вели к ряду строений поодаль и огражденному саду. Черные ставни резко контрастировали с нежно-розовой кирпичной кладкой. Вокруг дома были разбиты лужайки, росли высокие старые деревья, ветви которых склонились над крышей.

— Это западная сторона дома, — объяснил Джек, когда Мозес остановил карету перед портиком и спрыгнул с козел, чтобы открыть дверцу. — Подожди, я покажу тебе восточную, лицевую сторону.

Лиза вышла из экипажа. Ее башмачки зашуршали по гравиевой дорожке, а глаза встретились с глазами Мозеса. Его пристальный взгляд был настолько напряжен, что она даже несколько испугалась.

— Добро пожаловать на плантацию «Эльвира», хозяйка, — произнес он хриплым с бархатными нотками голосом. — Мы, домашние слуги, постараемся угодить вам.

— Спасибо, Мозес, — ответила она. Откровения мужа о том, как он поступил с семьей этого кучера, просто оглушили ее чувством вины. Ей захотелось даже воскликнуть: «О, Господи, какая жалость!» Но говорить это, конечно же, было нельзя.

Оторвав от Мозеса взгляд, она поднялась по ступенькам к широкой парадной двери, над которой были прикреплены по бокам овальной рамы фонари на бронзовых подставках. Дверь открыл высокий, престарелого вида дворецкий, одетый в черное, с прилизанными седыми волосами. Его очень черное лицо удивило ее своим грустным видом.

— Добро пожаловать, добро пожаловать, мисс, — пробормотал он, выходя из двери и кланяясь ей.

— Это Чарльз, о котором я тебе рассказывал, — пояснил Джек, встав рядом с Лизой и обняв ее за талию. — Ну, Чарльз, как ты ее находишь? Не правда ли, она самая красивая из всех, кого тебе приходилось видеть?

— Да-са, хозяйка, правда, красивая, да-са, — согласился старик с натужной улыбкой. — Самая красивая хозяйка во всей Виргинии, в этом нет никаких сомнений.

Лиза улыбнулась ему:

— Спасибо, Чарльз, — поблагодарила она.

— Мозес, отнеси багаж на второй этаж и скажи Дулси, чтобы она распаковала вещи хозяйки, — приказал Джек. — Вели ей приготовить для нее ванну.

— Да, масса.

— Входи, ягодка. Хочу показать тебе самый прекрасный вид во всей Америке.

Он провел ее в дом, который делился на две части центральным залом, где помещалась прелестная лестница. Джек повел ее по залу с его сверкающим паркетом из широких дощечек к двери — копии той двери, в которую они вошли.

— Вот! — воскликнул он, распахивая дверь.

Лиза так и ахнула от удовольствия. Луг, начинавшийся от портика, спускался прямо к Атлантическому океану.

— Что ты думаешь об этом? — горячо спросил он. — Нравится?

— О, да! Просто великолепно!

Он обнял ее своими сильными руками.

— Любишь ли ты меня? — шепнул он, покрывая ее поцелуями.

Она заколебалась.

— Джек, окажи мне любезность, — шепнула она, — как... как свадебный подарок.

— Конечно, ягодка. Я уже подарил тебе медовый месяц, но, проклятье, я просто с ума схожу по тебе. Готов бросить к твоим ногам одну, а то и пару планет. Чего же ты хочешь, маленькая чародейка?

Она наградила его своей самой обольстительной улыбкой.

— Хочу, чтобы ты выкупил жену и сына Мозеса.

Его взгляд похолодел.

— Нет, — отрезал он.

— Пожалуйста...

Она почувствовала, как его пальцы стиснули ее руки.

— Нет. И я не хочу, чтобы ты вмешивалась в дела с неграми, понятно? Они принадлежат мне. Я знаю, как надо с ними обращаться. Кроме того, если они увидят, что ты их жалеешь, то станут пользоваться этим всевозможными способами. В рамках их можно держать только страхом. Нет, я бы даже сказал, не страхом, а террором. — Он отпустил ее. — Смотри.

Через зал он подошел к парадной двери, где Мозес и двое домашних слуг несли багаж. К ее ужасу, Джек взмахнул своей тростью и вlepил ее по левому плечу Мозеса. Огромный кучер выронил чемоданы и взревел от ярости. Он повернулся к Джеку, который опять замахнулся тростью. На мгновение Лизе показалось, что двое мужчин сейчас схватятся друг с другом. Потом Мозес отступил.

— Масса, — спокойно обратился он к хозяину, — за что вы меня ударили? Что я сделал?

На лице Джека появилась наглая улыбка. Золотым набалдашником трости он приподнял подбородок Мозеса.

— Ты родился черномазым, — негромко процедил он, потом, стрельнув взглядом в сторону жены, вышел из зала и завопил: — Чарльз, принеси мне виски!

— У хозяйки такая красивая белая кожа, — сказала Дулси получасом позже, выливая еще один кувшин горячей воды в серое мраморное корыто. Это была огромная ванна со стоком, хотя на плантации «Эльвира» водопровода еще не было. Лиза сидела в воде, мыльная пена покрывала ее плечи, сладковатый запах солей, закупленных в Нью-Йорке, заполнил комнату. Она с любопытством рассматривала Дулси. Горничная, которой еще не исполнилось двадцати лет, отличалась привлекательной внешностью, но Лизе показалось, что она ведет себя как-то странно, мысленно находится где-то в другом месте. Дулси поставила кувшин на столик, потом опять подошла к корыту.

— Хочет ли хозяйка, чтобы Дулси потерла ей спину?

— Да, спасибо, Дулси. — Лиза подала ей большую французскую губку. Дулси, одетая в черное платье с белым фартуком, встала на колени возле корыта и стала медленно натирать губкой плечи Лизы.

— Это единственная ванна во всей Виргинии, — сказала она. — Масса установил ее три года назад, когда заработал много денег на железнодорожных акциях. Он привез специалиста из самого Нью-Йорка, человека, которого зовут архитектор. Он говорит, что это корыто приплыло из самой Италии. И этот чудной плетеный стул с дыркой на сиденье. —

Она хихикнула. — Называется что-то вроде шаз пурсе.

— Chaise percée, — поправила Лиза. — Это означает стул с дыркой в сиденье.

— Ага. Я это знаю. Ну, как бы там ни было, я чищу этот горшок каждое утро. Дулси все делает аккуратно и хорошо для хозяйки, вот увидите. И для масса тоже. У масса тоже красивая белая кожа. Я увидела это летом, когда он купался в океане. Всего увидела. — Она опять захихикала. — Масса тоже красивый. Очень красивый мужчина.

Лиза опять посмотрела на нее. Она говорила довольно странные вещи. Улыбаясь, Дулси вытянула правую руку перед Лизой.

— Хозяйка видит мою кожу? — негромко сказала она. — Моя кожа тоже очень красивая, потому что, знаете, я наполовину белая. Мой отец был белым.

Дулси отдала ей губку и поднялась. Лиза наблюдала за странной девушкой, которая подошла к двери ванной комнаты. Она обернулась и сделала реверанс. Потом вышла из комнаты, тихо притворив за собой дверь.

Лиза прижала губку к своей шее и подумала, не попала ли она в сумасшедший дом.

— Я только что получил записку от своей кузины. Она приглашает нас завтра на обед, — сказал Джек, беря кусок ветчины с серебряного подноса, который держал Чарльз. — Она тебе понравится. Ее зовут Клемми Деври. Ее муж — мой адвокат.

Лиза, одетая в желтое платье, сидела на другом конце обеденного стола из красного дерева. Два канделябра, по восемь свечей каждый, стояли в центре стола, гармонируя с набором великолепной серебряной посуды в буфете. Подобную ей вряд ли когда-либо приходилось видеть. Обои на стенах изображали виды долины реки Гудзон, а окна, выходящие на Атлантический океан, закрывали тяжелые ярко-красные парчовые занавеси. Их полотнища лежали широкими изгибами. Этот зал, как и весь дом, был просто очаровательным, содержался в безупречном виде и выглядел только что построенным, хотя Джек сказал ей, что здесь ничего не менялось с тех пор, как четверть века назад мать обставила этот зал.

— А где живут Деври? — спросила Лиза, когда один из черных официантов-подростков наполнил ее хрустальный бокал десертным вином рубинового цвета из изящного графинчика.

— В Йорктауне, примерно в восьми милях отсюда. В том месте, где вашим англичанам всыпали восставшие колонисты.

— Я теперь американка, — поправила его Лиза.

— Да, конечно. Прости, ягодка. Как бы там ни было, Билли и Клемми только что выстроили новый дом, на мой взгляд, ужасный, но я помалкиваю об этом. Клемми недавно произвела на свет четвертого ребенка, я лично думаю, что Билли просто изматывает ее. Клемми познакомит тебя со всеми местными дамами, которые, возможно, покажутся тебе нудными, какими они представляются мне. Тебе нравится это вино?

— Прелестное. Какое это?

— «Шато Бешевель» 1839 года. Особый год для особого случая: первого вечера моей дорогой жены на плантации «Эльвира».

Он поднял свой бокал и улыбнулся ей.

«Ну, — подумала она, поднимая в ответ и свой бокал, — он ведет себя ужасно с рабами, но боготворит меня. Может быть, я сумею изменить его...»

— Ты не ответила после обеда, когда я спросил, любишь ли ты меня.

— Люблю тебя, — тут же сказала она, заставляя себя улыбнуться самой приятной улыбкой. Но, вспомнив о его диком нападении на кучера, она поняла, что сказала неправду.

К концу вечера он был уже пьян. Она начала привыкать к этому... Оказавшись в спальне, он быстро взял ее и, кончив, скатился с нее и растянулся рядом на их большой кровати со сводчатым вышитым балдахинном, заложив руки на голову.

— Расскажи мне о Дулси, — попросила она. — Она мне кажется несколько странной.

— Это точно. Она немного с приветом, но безобидная.

— Она сказала мне, что ее отец был белым.

Наступило долгое молчание.

— Джек?

— Ну, черт! Думаю, что тебе вполне можно сказать об этом. Я мог бы прибить ее за то, что она проговорила тебе, но дело сделано. Я буду признателен, если ты будешь помалкивать об этом. Видишь ли, ее отец был и моим отцом.

Лиза даже села на кровати.

— Ты хочешь сказать, что Дулси — твоя сестра? — прошептала она.

— Сводная сестра. И это слово «сводная» означает всю существующую между нами разницу. Да, мой папочка просто не удержался, чтобы не спустить штаны, извини за такие слова, ягодка, ему

особенно нравились цветные женщины. Моя мать была большой моралисткой, верующей, и случившееся разбило ее сердце. Вот почему она умерла в молодом возрасте. И, думаю, что он остро сознавал свою вину, потому что в ночь после ее похорон он заперся в библиотеке и выстрелом вышиб себе мозги.

— Как ужасно!

— Ничего ужасного нет. Меня это порадовало. Я возненавидел его за то, что он сделал с матерью, милейшей женщиной, когда-либо жившей на этом свете.

«На плантации «Эльвира» может находиться прекрасный дом, — размышляла Лиза, — но он наполнен отвратительными призраками».

— Когда же это случилось? — спросила она.

— В прошлом году. Поэтому-то я и решил отправиться в Европу, хотя бы ненадолго уехать от всего. И именно в это время я встретился с тобой, что изменило мою жизнь и опять придало ей прелесть. Вот почему ты так дорога мне.

Она уставилась на балдахин и ничего ему не ответила.

Следующий день выдался дождливым и холодным, поэтому в Йорктаун они отправились в закрытом экипаже — на каретном дворе у Джека было в общей сложности четыре экипажа. Лиза сидела на удобном кожаном сиденье напротив мужа, смотрела на плоские поля Виргинии, думала о бедном Мозесе, который ежился на открытых козлах под зонтиком, чтобы хоть как-то укрыться от проливного дождя.

— Клемми — самая смекалистая в семье, — рассказывал Джек. — Ее мать, моя тетка Паула, старшая сестра моей матери, отправила ее учиться в Париж, поэтому она значительно умнее многих здешних женщин. У нее свои «взгляды» на рабство, то есть мягкая форма ее неодобрения рабства. Она уговорила Билли дать вольную всем своим домашним слугам. Все это проходило не очень гладко. Но Клемми все подобные выходы сходят с рук, потому что у нее самая голубая кровь во всей Виргинии, и другие женщины не хотят становиться у нее поперек дороги.

— Джек, а ты одобряешь рабство? — спросила Лиза, стремясь вывести его на чистую воду. Джек в своем коричневом твидовом костюме и щегольском плаще взглянул на нее, как ей показалось, довольно уклончиво.

— Дело тут не в одобрении или неодобрении, — ответил он. — Это вопрос экономики. Я выращиваю табак. Средний американец выкуривает или жует примерно на сто долларов табака каждый год. В этой стране нет ни одной конторы, таверны, клуба или дома, где не стояли бы

плевательницы. Выращивание табака требует огромных трудовых затрат, на которые белокожие рабочие никогда не согласятся. У меня примерно сто работающих рабов плюс члены их семей. Их средняя цена равняется, скажем, тысяче долларов... и растет. Поэтому у меня большие капиталовложения.

— Но ты же говоришь просто о деньгах, — запротестовала она. — А ведь это живые люди, плоть и кровь...

Он крепко сжал ее запястье.

— Послушай, — негромко сказал он, — ты вынашиваешь у себя под сердцем ублюдка. Поэтому, Лиза, ягодка, не начинай лить на меня эти аболиционистские помои... Уж чья бы корова мычала, а твоя бы молчала. Не тебе читать мне мораль. Теперь тебе все понятно?

— Ты делаешь мне больно!

Он ослабил свою хватку.

— Ты мне не ответила, все ли тебе теперь понятно?

— Да.

— Так-то оно лучше.

Джек скрестил руки на груди и откинулся на сиденье кареты. Лиза больше ничего не говорила. Она поняла, что Джек прав, ей не пристало читать проповеди. Но у нее вызревал план действий. Она, конечно, не может вернуть к жизни своего отца, но может хоть чем-то помочь рабам Джека и таким образом продолжить деятельность преподобного Десмонда по освобождению рабов и, возможно, тем самым заплатить за свои грехи перед лицом неба.

Дом Деври был трехэтажным строением из красного кирпича, возвышавшимся на просторном, заросшем деревьями участке главной улицы Йорктауна. Крыша с мансардой блистала металлической балюстрадой, которая гармонировала с шикарной железной оградой вокруг всего участка. Карета въехала по дорожке, вымощенной кирпичом, и остановилась у бокового входа, где их ждали дворецкий, молодой конюх и мужчина с женщиной — красивая пара лет тридцати. Едва Лиза выбралась из экипажа, как к ней подошла женщина с роскошными каштановыми волосами и приветливо протянула вперед руки, улыбаясь.

— Меня зовут Клементина, — представилась она. — Добро пожаловать, дорогая Елизавета.

Женщины поцеловались. Потом Лизу представили Билли, рослому здоровяку шести футов роста с вьющимися волосами. Он уже явно вступал в средний возраст. Билли поцеловал ее руку в перчатке, и все четверо

вошли в дом, выдержанный в стиле королевы Виктории. Мозес продолжал стоять возле кареты, с его шляпы стекали дождевые потоки. Когда обе пары скрылись в помещении, он отправился на кухню, чтобы пообедать с другими слугами.

После обеда Клемми вывела Лизу из мрачной столовой, оставив там Джека и Билли с их сигарами. Она провела ее в небольшую музыкальную комнату, села на тахту и взяла в руки вязание.

— Я вяжу свитер Рандольфу, — пояснила она Лизе, которая села в соседнее кресло. — Это мой старший сын. Сейчас все дети в школе. Я надеюсь, что вы с Джеком дождетесь их возвращения.

— Клемми, можно мне спросить вас кое о чем, довольно личном?

— Конечно, дорогая.

— Видите ли, я пытаюсь стать американкой, но когда видишь рабство, то... В общем, это выглядит несколько иначе, чем когда только слышишь о нем.

Лиза в нерешительности умолкла. Клемми подняла глаза от вязания, бросила спокойный, уверенный взгляд на собеседницу.

— И вам это не нравится, — подсказала она.

— Больше чем не нравится! Думаю, что это... Джек сказал вчера, что единственный способ удержать рабов в повиновении — это терроризировать их. Неужели это правда?

— Да, несомненно так. Существует много сентиментальной пустой болтовни о любви рабов к своим хозяевам. Думаю, что в отдельных случаях так оно и есть, особенно когда речь идет о негрятках-кормилицах и няньках. Но истина в том, что только страх удерживает большинство рабов от того, чтобы перерезать нам глотки среди ночи. Учтите, что у них имеются веские основания для такого страха. Создана ухищренная система, чтобы держать их в повиновении. Организованы патрули, отслеживающие беглых негров. Но главное, рабы относятся к разряду движимого имущества — по закону являются *вещами*, — и рабовладельцы могут делать с ними все что хотят, даже убить. Думаю, что при некоторых неординарных обстоятельствах рабовладельца можно привлечь к суду, если он убьет одного из своих рабов. Но его никогда не осудят белые присяжные заседатели, и это всем известно. Но хозяевам и не надо прибегать к убийствам. Они применяют порки, что стало совершенно обыденным явлением, прибегают и к другим мерам наказания и террора, которых никогда не позволила бы себе добрая женская душа... Я слышала такие рассказы, от которых можно упасть в обморок. Рабство пробуждает в рабовладельцах самые низменные инстинкты, что является одной из

причин, почему я ненавижу его. Рабство — это дикая, ненормальная система, которая разрушает южные штаты. Вот почему я дала вольную зависевшим от нас людям, хотя у меня их было и немного. Не хочу, чтобы они боялись меня и не хочу и не могу... бояться их самих.

— Тогда...

— Тогда что, моя дорогая?

— Там, в моей стране, мы воспринимаем слуг как своего рода друзей, но здесь...

— Никогда нельзя стать настоящим другом человеку, который принадлежит тебе как вещь. Во всяком случае, Джек не позволит вам этого. Он ненавидит африканцев, думаю, частично из-за того, что его отец бегал за рабынями.

— Значит, вы об этом знаете?

— Да, конечно. Я знаю всю эту мерзкую историю. Ирония судьбы заключается в том, что Джек, который был милым, ласковым мальчиком, превратился в какое-то чудовище. Поэтому можно даже сказать, что он является еще одной жертвой существующего положения.

— Но это возмутительно — жить в таких условиях!

— Согласна. Меня восхищает, что вы разделяете мои чувства. Однако не обманывайтесь, дорогая Елизавета: мы здесь в меньшинстве, поэтому проявляйте осторожность, когда что-то говорите или делаете.

— Вы хотите сказать, если другие сочтут, что я ненавижу это «существующее положение», то они ополчатся на меня?

— Да.

— Тогда я такая же рабыня, как Чарльз или тетя Лида, или Дулси?

— В каком-то смысле мы все являемся рабами подобной организации общества. Хотя вряд ли надо говорить, что гораздо удобнее быть белым рабом, чем черным. Но, по моему мнению, о котором я не распространяюсь, когда-нибудь северяне заставят нас освободить рабов, и, с моей точки зрения, это принесет облегчение. Но даже и это не решит всей проблемы.

— Не понимаю.

— Видите ли, дорогая моя, когда в начале семнадцатого века в эту страну привезли первых рабов, то посеяли семена, которые в конечном итоге могут погубить Америку, потому что неестественно, когда одна нация состоит из белых и черных. Ах, может быть, через сотни лет все как-то само собой образуется. Но, конечно, не на моем веку, и сомневаюсь, что на веку моих детей или даже моих внуков.

— Вы, несомненно, настроены пессимистически, не правда ли?

— Да, потому что я на своем опыте знаю, что такое рабство. Рабство — проклятие этой страны. Эта система — адская машина, которая когда-нибудь может взорваться и всех нас уничтожить — как белых, так и черных.

— Если бы я знала... — Лиза не закончила начатой фразы.

Клемми взглянула на нее.

— Что бы вы сделали? Никогда не уехали бы из Англии? Мне иногда жаль, что я покинула Францию.

Лиза нахмурилась, но ничего не сказала, хотя подумала именно об этом. Конечно, в настоящий момент она не могла вернуться в Англию, но разговор с Клемми подействовал на нее настолько угнетающе, что она, сославшись на головную боль, поспешила прервать этот визит. Это оказалось кстати, потому что Джек и Билли так напились портвейна, что стали практически невменяемыми, что явно не понравилось Клемми.

— Мужайтесь, — шепнула она, целуя на прощание Лизу у дверей. — Не исключено, что я заблуждаюсь о том, что мы обсуждали. Будем хотя бы надеяться на это.

Джек, который спяну бормотал о бале, который даст на Рождество в честь своей жены, взобрался вслед за Лизой в карету и тут же заснул. Его храп сопровождал ее мыслям, пока карета гроыхала по обмытой дождем дороге. Клемми произвела на Лизу впечатление очень умной женщины и понравилась ей. Несомненно, ее оценка взрывоопасной расовой ситуации на Юге была верной. Но Лиза никак не могла заставить себя поверить в столь мрачные перспективы. Даже если они и таковы, это вовсе не означало, что она должна отказаться от личной обязанности установить какие-то человеческие контакты с рабами помимо простого и наглого террора, нравится это Джеку или нет.

К тому времени, когда они возвратились домой, она приняла решение. И начать она решила с Мозеса.

Джек проснулся и, разумеется, начал жаловаться на свое мерзкое состояние. Лиза помогла ему подняться в спальню, помогла раздеться и уложила в кровать. Он тут же опять заснул. Потом она на цыпочках вышла из комнаты, прикрыла дверь и направилась к лестнице. Она начала осваиваться с домом и, спускаясь по красивой лестнице, прошла мимо портрета привлекательной женщины в сером шелковом платье, как она уже знала теперь, матери Джека. Печальная история, которую он рассказал ей накануне вечером о своих родителях, объясняла ее грустный вид. В голове Лизы мелькали образы отца Джека, гонявшегося за черными женщинами ради новых острых сексуальных ощущений. Все это представлялось

диким, каким-то средневековым. В Виргинии история словно повернула вспять.

Она вошла в элегантную гостиную, обставленную отличной английской мебелью, и дернула за шнурок колокольчика. Через некоторое время появился престарелый дворецкий.

— Слушаю, хозяйка, — поклонился он.

— Чарльз, я бы хотела посмотреть помещения, в которых живут рабы.

Старик удивился.

— Пожалуйста, хозяйка.

— Попросите Мозеса проводить меня.

— Слушаюсь, хозяйка, — дворецкий старался не показывать своего неодобрения.

Через несколько минут в зал вошел Мозес. Лиза уже убедилась, что многочисленные домашние слуги неплохо содержались: на Чарльзе был вполне приличный черный фрак, Дулси носила черное платье с белым фартуком и капотом, слуги-подростки — голубые и желтые ливреи, что придавало им вид лакеев восемнадцатого столетия. Мозес, когда на нем была форма кучера, выглядел весьма солидно в черной шляпе, светло-зеленой ливрее, коричневых брюках и начищенных башмаках. Было ясно, что Джек стремился к показухе, внешнему блеску. Но сейчас Лиза увидела красивого кучера в обычной одежде полевого работника, которые иногда мелькали перед ее окном. На нем были домотканые штаны, подпоясанные веревкой, и ветхая рубашка, порванная в нескольких местах. Он надел грубые сандалии на босу ногу. Дождь прекратился, похолодало, но никакой теплой одежды, чтобы согреться, на нем не было. В руках он комкал ветхую коричневую шляпу.

— Хозяйка хочет посмотреть помещения рабов? — спросил он, глядя на нее взглядом, которого она не понимала.

— Да, пожалуйста.

— Зачем?

Вопрос удивил ее.

— Потому что это часть поместья, и я хочу осмотреть и ее.

— Знает ли об этом масса?

Она вся напряглась.

— Это тебя не касается.

— Простите меня, хозяйка, но масса сегодня утром велел мне докладывать ему обо всем, что вы попросите меня сделать. Вы вчера видели, как масса обращается со мной. Надеюсь, что вы не хотите, чтобы у меня возникли неприятности с масса.

Ее глаза засверкали от досады.

— Мой муж в настоящий момент спит, так как слишком много выпил. Ну, если хочешь, пойди на второй этаж, разбуди его и скажи, что я, в конце концов, хозяйка этой плантации, попросила тебя показать мне помещения рабов. А я подожду здесь, пока ты это сделаешь.

Он смотрел на нее с удивлением. Потом сказал:

— Значит, хозяйка хочет, чтобы он опять побил меня тростью?

Она отступила.

— Нет, конечно, нет. И об этом я тоже хотела поговорить с тобой. Я хочу извиниться за то, как мой муж поступил вчера с тобой. Думаю, что в каком-то смысле это была и моя вина.

— Почему так, хозяйка?

— Я... попросила его выкупить твою жену и сына.

Его глаза расширились.

— Вы сделали это? — прошептал он.

— Да. Видишь ли, я попала в совершенно незнакомый мне мир и... ну, меня потрясло, что он разбил твою семью. Считаю, что он поступил возмутительно, и хочу, чтобы ты знал, что я сделаю все возможное, чтобы убедить мужа воссоединить ее.

Оцепенев, он молча глазел на нее почти целую минуту. Потом приблизился к ней и взял ее за правую руку. Он поднял ее и на мгновение прислонил к своей щеке. Она почувствовала на своих пальцах его слезы.

— Первый раз белый человек сказал мне такую вещь, — прошептал он. Потом отпустил ее руку. Взглянув на нее, он повернулся и вышел из комнаты.

Лизу так поразил его поступок, что на некоторое время она совсем забыла, что хотела осмотреть помещения рабов. Она могла думать только об Адаме. Она вспомнила, как сестра дразнила ее, говоря о запахах Адама. Но Адам порождал только два вида запахов: запах перегревшейся страсти, когда делил с ней минуты близости, и запах щелочного мыла, когда надевал свежее белье.

От Мозеса тоже исходил запах щелочного мыла.

В это время в дверях центрального зала появился мужчина довольно мрачного вида. Отросшая щетина на его длинном лице свидетельствовала о том, что он несколько дней не брился, поросычьи глазки походили на бусинки. На нем был черный сюртук и коричневые брюки, в левой руке он сжимал черную шляпу. Длинные черные волосы казались грязными. Лиза решила, что ему лет сорок.

— Добрый день, мадам, — негромко поздоровался он, произнося слова

нараспев. — Чарльз сказал мне, что вы хотите осмотреть помещения рабов. Я — мистер Дункан, надсмотрщик, мадам, и буду рад организовать для вас такую экскурсию. Прошу прощения, мадам, но, возможно, не следует белой даме ходить без кавалера по этим местам, если вы понимаете, что я хочу этим сказать.

— Нет, не понимаю.

Он зловеще улыбнулся.

— Мы же не хотим создавать неприятности для негров, если вы понимаете, что я имею в виду.

Она нахмурилась от досады. В этом человеке сквозила хватка, которая ей сразу же не понравилась, хотя она и понимала, что надсмотрщики вряд ли бывают приятными людьми. И вдруг ей стала понятна мерзость всей этой системы. Ей расхотелось не только видеть, но даже и думать о рабах.

— Я попрошу мужа, чтобы он показал мне это в другой раз, — резко сказала она.

— Очень хорошо, мадам. И добро пожаловать на плантацию «Эльвира».

— Спасибо.

Она попыталась выбросить из своей головы мысли о рабстве, но ей не давало покоя ощущение теплых слез Мозеса на своих пальцах.

На следующей неделе Лиза узнала, что и среди рабов существует настоящая иерархия, на верху лестницы которой находятся домашние слуги, полевые же работники — в самом низу. Домашняя прислуга жила в небольших, симпатичных кирпичных коттеджах по другую сторону огороженного забором сада. Из основного дома их было не видно, хотя они стояли поблизости от особняка. Полевые работники жили в полумиле, в специальном «квартале», в своей деревне трущоб. Продукты для этого квартала отмерялись мистером Дунканом, и он использовал это средство, чтобы держать в узде жильцов квартала. А за питание домашней прислуги отвечала тетушка Лида, жена Чарльза, кухарка. В соответствии со своим положением Чарльз, Лида и Дулси жили в лучших коттеджах. Коттедж Мозеса находился чуть подалее. Джек милостиво разрешил ему продолжать жить в нем одному, после того как продал его жену и сына плантатору в Кентукки.

Лиза убедилась также в том, что высказывания Джека относительно экономической стороны рабства соответствовали действительности. Рабство давало огромный экономический эффект, что отчасти и объясняло отчаянную приверженность к нему южан. Сам факт, что только немногие,

вроде Клемми, усматривали в этой системе моральное уродство, приводил Лизу в отчаяние из-за невозможности улучшить положение рабов Джека. Более того, если не считать Мозеса, который весь кипел от еле скрываемого возмущения, казалось, что остальные рабы смирились с условиями своей жизни. Лиза просто диву давалась такому их поведению, пока не подумала о мистере Дункане и постоянно висевшей над ними угрозе физической расправы. Она начала понимать, что для большинства зависимых людей, несколько поколений предков которых прожили жизнь рабами, не существовало никакой альтернативы. И поскольку хозяева особенно заботились о том, чтобы помешать рабам научиться читать, то единственные сведения о нарастающей силе аболиционистского движения на Севере передавались устно, так что даже в лучшем случае они были отрывочными. Но Лиза должна была признать, что еще большее коварство заключалось в том, что бесчисленное количество слуг в доме и на полях придавало здешней жизни несомненное удобство. И когда Джек не напивался или не защищал «особую организацию общества», он неизменно проявлял к ней внимание и доброту. Было видно, что он все еще безумно в нее влюблен. Лиза стала сомневаться в реальности своего «рыцарского» плана. В общем-то значительно проще было просто плыть с комфортом по течению в этом мире, где даже негры не выглядели чересчур несчастными, во всяком случае, на первый взгляд.

Но однажды, как раз перед обедом, на восьмой день ее пребывания на плантации «Эльвира», Чарльз принес Джеку почту в гостиную, и ее комфортабельный мирок был разрушен.

— Саманта умерла, — сказал Джек, просмотрев письмо.

— Кто такая Саманта? — спросила Лиза, сидевшая на диване с вышиванием.

— Жена Мозеса. Пришло письмо от Карла Дуркенса, плантатора в Кентукки, которому я продал ее. Она скончалась при родах. Вот видишь, даже если бы я их опять выкупил, как ты просила, это не принесло бы Мозесу ничего хорошего.

Лиза отложила в сторону вышивание, как всегда удивленная равнодушием Джека к судьбе рабов.

— Какой ужас! Потерять жену и ребенка...

— Ребенок был не от Мозеса, — пояснил Джек, бросая письмо в корзину для мусора. — Дуркенс случил ее.

— Что ты хочешь сказать?

— Ягодка, ты никак не можешь запомнить, что рабы стоят денег. Многие владельцы устраивают случку для своих рабов, чтобы потом

продавать выросших детей.

— Какое варварство! — воскликнула Лиза.

Джек холодно взглянул на нее.

— Да, я никак не могу запомнить твоих деликатных моралистских сантиментов, дорогая моя. Как бы там ни было, мы больше не будем говорить об этом. И ничего не скажем Мозесу.

— Ты намерен не говорить ему об этом?

— А зачем мне делать это? Мозес — потенциальный бузотер, и пока я буду использовать его семью в качестве приманки, смогу держать его в узде. А как только он узнает о смерти жены, то морковка, которой я его контролирую, уменьшится вдвое.

— Но, Джек, это же очень жестоко!

Джек подошел и наклонился, чтобы поцеловать ее в лоб. Потом улыбнулся.

— Ну, ягодка, мы не станем затевать очередную свару из-за черных, верно? Я думал, что ты уже выкинула из своей милой головки весь аболиционистский мусор.

— Это не имеет отношения к аболиционизму. Сказать ему об этом велит простое человеческое приличие.

Он медленно покачал головой.

— Ягодка, ты все еще до конца не поняла. Они же не люди. Ну, будет, пошли обедать. Умираю от голода. А после обеда я с Бенсонами отправляюсь на охоту.

Он взял ее за руку и повел в столовую. На обед подали оленину, которую тетушка Лида приготовила великолепно. Но у Лизы пропал аппетит. Она поняла, что подошла к моральному перепутью. Если она намерена продолжать свою «рыцарскую» борьбу за улучшение условий жизни рабов, то, конечно, обязана сообщить Мозесу, что случилось с его женой. С другой стороны, у нее не было никаких иллюзий относительно того, как это воспримет Джек. «Может быть, — размышляла она, ковыряя вилкой содержимое тарелки, — все это не мое дело? Джек относится ко мне хорошо. Почему надо все делать ему наперекор?»

Но тут в ее памяти всплыл образ ее отца, и она поняла, что если хочет сохранить уважение к самой себе, то должна будет пойти против мужа. Если Мозес не человек, то, Боже, кто же он тогда? Разве его слезы не были человеческими слезами?

После обеда Джек ускакал на своем коне Авенжере вместе с братьями Бенсон, которым принадлежала соседняя плантация «Ститвуд». Едва они скрылись из виду, Лиза надела плащ, надвинула на глаза капюшон и вышла

через одну из дверей бального зала. Стояла довольно хорошая погода, хотя свинцовое небо и предвещало снег. Она прошла вдоль боковой стороны дома, потом через деревянные ворота вошла в сад, обнесенный кирпичной оградой, здесь же Лида выращивала летом овощи. Прошла через сад к калитке на противоположной стороне и, открыв ее, стала осматривать небольшие коттеджи домашней прислуги. Каждый коттедж был снабжен крыльчком. Лиза увидела Мозеса, сидевшего на своем крыльце и стругавшего что-то ножом. Она сделала ему знак, чтобы он прошел в сад. В недоумении он отложил в сторону нож и прыгнул с крыльца. Когда он вошел в калитку, Лиза прикрыла дверцу.

— Что-нибудь не так, хозяйка? — спросил он.

— Да, Мозес. Можешь ли ты хранить тайну?

— Да, мэм.

— Поклянись, что ты никому не передашь то, что я собираюсь сказать тебе, особенно моему мужу. Если мистер Кавана узнает, то у меня возникнут большие неприятности.

Он казался озадаченным.

— Я не хочу создавать для вас неприятности, хозяйка. Клянусь сохранить все в тайне.

Лиза колебалась.

— Это о твоей жене, Мозес, — тихо произнесла она. — О Саманте. Сегодня пришла весть о том, что она умерла.

Его глаза расширились.

— Умерла? — прошептал он. — Как? Такая молодая...

— Она умерла при родах. Очень сожалею.

Он тяжело дышал.

— Они случили ее, — прошептал он. — Должно быть, так. Саманта обещала хранить мне верность. Они, должно быть, случили ее...

Видя слезы на его глазах, она притронулась к его рукаву.

— Очень сожалею, — повторила она. Он тупо кивнул. Она повернулась и пошла к дому.

— Спасибо, хозяйка, — крикнул он прерывающимся голосом. — Второй раз вы проявили ко мне доброту. Я не забуду этого.

Лиза оглянулась, кивнула и заторопилась домой. Она знала, что поступила правильно.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

Индус в *дхоти*, набедренной повязке, выбрался из джунглей и побежал к расположенной в бунгало конторе Марка Торнхилла, магистрата Муттры — небольшого городка в центральной Индии недалеко от Тадж Махала в Агре. *Чоукидар*, сторож, дремал у главных ворот. Занимался рассвет. Индус подбежал к *чоукидару* и дернул его за рукав.

— Что тебе? — спросил *чоукидар*, пробуждаясь от дремоты.

Индус подал ему четыре небольшие лепешки из муки грубого помола.

— Положи их на письменный стол *ангези*, — шепнул пришелец. *Ангези* значило англичанин. *Чоукидар* кивнул, индус побежал обратно к опушке и скрылся в джунглях.

— Весьма таинственные вещи происходят в эти дни в Индии, — заявил достопочтенный Чарльз Каннинг, первый виконт Килбрахана и генерал-губернатор Индии. — Такое впечатление, что никто не знает смысла происходящего, кто за этим стоит и откуда все это идет. Мы не знаем, является ли это разновидностью религиозной церемонии или же это какое-то тайное общество. Называется это «Движение Чупатти».

Лорд Каннинг сидел рядом с леди Агатой Макнер, хозяйкой вечернего приема и женой богатейшего в Калькутте чайного плантатора сэра Карлтона Макнера. Ужин проходил в великолепной обстановке. Столовая сэра Карлтона представляла собой продолговатый зал, окаймленный высокими мраморными колоннами, между которыми располагались высокие окна-двери, открывавшиеся на веранду и в сад. В окна веял небольшой ветерок к удовольствию сидевших за столом двенадцати человек. На них была парадная вечерняя одежда, и огромные юбки женщин, топорщившиеся между подлокотниками кресел, практически лишали их возможности двигаться. В те времена быть парадно и неудобно одетыми в такую жару не казалось англичанам абсурдным, как это теперь показалось бы их потомкам. Частично сила английского *раж*, или правления, покоилась на внешнем блеске, имевшем целью ослепить индусов, которые в общем-то привыкли к великолепию императоров Моголов и махараджей. Поэтому, хотя температура в столовой далеко превышала тридцать градусов, мужчины сидели либо в мундирах, либо в костюмах с белыми галстуками, либо во фраках, а женщины мучились в кипах тканей, но на их вспотевших прелестях все равно поблескивали

бриллианты. Все, однако, молча радовались, что над их головами мерно покачивались два огромных опахала. Зал освещался двумя огромными хрустальными люстрами, свечи которых были укрыты противощтормовыми колпаками.

— Вы имеете в виду небольшие лепешки, милорд? — спросила леди Макнер, сидевшая по правую руку от генерал-губернатора.

— Да, — ответил лорд Каннинг, представительный мужчина за сорок, сын бывшего премьер-министра. — По четыре *чупаттис* — иногда по пять — начали появляться в самых неожиданных местах. Например, мне доложил Торнхилл из Муттры, что на его письменном столе появились четыре лепешки и что у него нет представления, откуда они взялись и что они означают. И то же самое происходит по всей стране. Это похоже на то, что индусы шлют нам какие-то послания.

Адам, который сидел на противоположном конце стола, был заинтригован, как и другие гости.

— Я скажу вам, что это означает, милорд, — пробасил сэр Карлтон Макнер, похожий на моржа здоровяк с красной физиономией и шотландским акцентом. — Мне докладывают мои надсмотрщики на плантациях. Местные жители боятся этих проклятых посланцев, которые кишат по всей стране, крутя доморощенными библиями под носом здешних туземцев, пытаются обратить их в методистов или неизвестно в кого. Считаю, что всех миссионеров надо выслать обратно в Англию, и тогда в Индии воцарится мир.

— Но, конечно же, сэр Карлтон, — заметила очаровательная леди Каннинг, урожденная Шарлотта Елизавета Стюарт, дочь графа и правнучка премьер-министра, третьего графа Бюта, — туземцы только выиграют, если обратятся в христианство. Это, в конце концов, более приятная религия. Индуизм может становиться ужасно эмоциональным.

За столом послышались смешки, а дюжина слуг сэра Карлтона, которые стояли за креслами гостей, скрестив руки, наострили уши (один слуга придавил подошвой огромного таракана, который быстро полз к левой ноге леди Каннинг).

— Да, но ведь это их религия, и нам было бы глупо вмешиваться в это, — сказал сэр Карлтон. — Туземцы находятся в состоянии крайнего ужаса, потому что их могут обратить насильственно и они потеряют кастовую систему. Вы знаете, они все верят в перевоплощение, и если они потеряют свою принадлежность к кастам в этой жизни, то в следующей жизни будут относиться к неприкасаемым. Если вы простите мне такую прямоту, милорд, то я бы заметил, что вы избавите всех нас от больших

неприятностей, если обнарудите заявление, успокаивающее туземцев в том плане, что мы не одобряем деятельность миссионеров.

Адам перевел свой взгляд на лорда Каннинга.

— Боюсь, что для правительства Ее Величества будет нелегко отказаться от поддержки христианских миссионеров, — отозвался генерал-губернатор. — Мы не можем забывать, что королева является главой англиканской церкви.

— Но ясно, что дело не только в этом, — подхватила его жена с блестящими каштановыми волосами. — Ясно, что это является нашим долгом христиан — и представителей более высокой цивилизации — попытаться обратить этих несчастных язычников в настоящую веру.

— Прошу прощения, мадам, — возразил сэр Карлтон, — не следует забывать, что они-то думают, что *ихвера* является настоящей. Если вспомнить о миллионах человеческих жертв в религиозных войнах истекших столетий, то придется подумать дважды, прежде чем ополчаться на какую-либо религию. Я слышал, что на фасадах зданий появились лозунги «*Суб лал хогеа хай*», что означает «Все станет красным». Не хочу шокировать дам, но смею предположить, что в этом скрыт зловещий смысл.

— И еще появились эти новые пули, — добавил Бентли Brent, явившийся в военной форме. — Я слышал, что туземцы подняли страшный скандал в связи с тем, что им надо надкусывать новые пули для энфилдских ружей. Мусульмане утверждают, что пули смазаны свиным жиром, который они не приемлют. А индусы заявляют, что они смазаны коровьим жиром, который им противопоказан. *И те и другие* уверяют, что эти пули являются составной частью плана заставить их обратиться в христианство.

— Да, мне из ряда полков докладывали о проблеме с пулями, — подтвердил лорд Каннинг, вылавливая большого черного муравья из своего бокала. — Офицеры информируют *сипаеви соваров*, что пули смазываются бараньим жиром, а это не противоречит ни той ни другой религии. Я абсолютно уверен, что наши туземные войска сохраняют верность королеве. И несмотря на некоторое неизбежное ворчание среди местного населения, думаю, что каждый здравомыслящий индус отдает себе ясный отчет в том, какое благо принесли англичане на этот полуостров.

Адам Торн провел в Индии всего четыре дня, но пока что ему было трудно понять, в чем же именно заключаются эти таинственные блага. Он попридержал язык. И после того как подали набор различных сладостей, приготовленных из местных экзотических фруктов, вместе с поджаренными хлебцами, женщины удалились, позволив мужчинам

закурить свои сигары. Кое-кто начал курить бурлящий кальян, к которому англичане довольно быстро пристрастились. Адам, испытывавший к табаку аллергию, извинился и вышел на веранду. Жара уже несколько спала, и над головой опрокинулось черное небо, по которому плыла луна, похожая на ломоть арбуза. Адаму понравился уютный, обнесенный стеной сад со множеством экзотических деревьев. Журчал великолепный фонтан с каменным постаментом в центре, на котором присела забавная каменная лягушка с открытым ртом. Из ее глаз струями била вода. Здесь, в саду сэра Карлтона, чудесно пахло. Но Адам уже увидел в Калькутте достаточно, чтобы оценить резкие контрасты между богатыми и бедными. Миллионеры, подобные сэру Карлтону, жили в небольших дворцах — белых строениях классического стиля, как этот, с колоннами на фронтонах. Но Адам подробно осмотрел Калькутту, и увиденное потрясло его. Он знал, что в сотне шагов от особняка сэра Карлтона можно было сразу же погрузиться в совершенно иной мир — мир темных закоулков и убогих земляных лачуг, кишевших насекомыми, крысами и детьми, в мир вони открытых канализационных стоков и горящих на пристани трупов. Адам гадал, чувствовали ли какую-либо связь украшенные ожерельями матроны, перебивавшие последние европейские сплетни, с этим другим миром, которому они вместе со своими мужьями несли «блага» английской цивилизации и христианство.

— Мистер Торн!

Он обернулся и увидел дочь сэра Карлтона Эмилию, миловидную девушку лет восемнадцати с яркими золотистыми волосами и слегка веснушчатым лицом. На ней было очень идущее ей белое платье. Она подошла к нему, немного хмурясь.

— Уверена, что вы нас обманули, сэр, — заявила она.

— Разве? Как же?

— Леди Каннинг уверяет, что вы тот самый мистер Торн, который стал новым графом Понтефрактом. И действительно, теперь, когда все присутствующие здесь дамы услышали об этом, припомнили, что читали в газетах об убийстве вашего деда, и пришли к заключению, что леди Каннинг права. Согласны?

— И что же, если это и так?

— Тогда, сэр, вы виноваты в злонамеренном обмане. Для такого привлекательного представителя мужского пола, как вы, выдавать себя за холостяка и разжигать интерес, а может даже и надежды в сердцах незамужних женщин Калькутты, таких как я, до крайности жестоко. Потому что если вы лорд Понтефракт, то вы уже женаты. Разве это не так?

Адам улыбнулся. Ему нравилась Эмилия Макнер. В ней проглядывала какая-то проказливость, напоминая ему о Лизе.

— Должен признаться, что вы разгадали мою тайну, — ответил он, отвешивая насмешливый поклон. — Да, я женат, но ради справедливости надо признать, что и не утверждал обратного.

— Тогда, сэр, вы нас обманули также относительно причины вашего приезда в Индию. Вы сказали капитану Бренту и моему отцу, что приехали сюда, чтобы собирать материал для книги. А на самом деле вы приплыли в Индию, чтобы отомстить за смерть своего деда, что является гораздо более волнующей причиной. Все это мы вычитали из газет. Как вы это собираетесь сделать?

— Это очень хороший вопрос, мисс Макнер.

— О, милорд, называйте меня Эмилия. Мне кажется, что условности социального общения стали в современном обществе слишком обременительными.

— Очень хорошо. Я буду обращаться к вам по имени, если вы будете называть меня Адамом, а не милордом.

— О, Адам! Мне так нравится это имя! В нем отзвуки такой романтической старины, что-то от Адама и Евы в саду Эдема.

Он улыбнулся.

— Вы очень романтически настроенная юная леди, верно?

— *Страшноромантическая*. Я просто глотаю романтические повести, и чем они запутаннее, тем лучше. Впрочем, в Индии кроме этого особенно и делать-то нечего.

— Если верить вашему отцу, то Индия скоро станет такой, что здесь не соскучишься.

— Вы имеете в виду лепешки и пули? Да, все это очень странно, правда? Как вы думаете, что это значит?

— Я в Индии слишком недавно, чтобы мнить себя экспертом. Знаете, Эмилия, вы очень красивая девушка, но в лунном освещении вы... — он замолчал.

— О, *пожалуйста*, продолжайте, — воскликнула она.

Он рассмеялся.

— Я чуть не забыл, что я старый женатый человек.

Она вздохнула.

— Полагаю, что вы безумно любите свою жену.

На его лицо набежала тень грусти.

— Да нет, — возразил он. — Не думаю, что слова «безумно любить» здесь уместны.

Эмилия подумала, глядя на этого печального и удивительно красивого молодого человека, что он возник из ее детских грез.

— Эмилия!

На террасу вышла леди Макнер. Дочь взглянула на нее с сожалением.

— Эмилия, дорогая, ты беспокоишь мистера Торна? — спросила леди Макнер, походя к ним.

— Конечно, нет, мама. Я развлекаю его, правда, Адам?

— Адам? — Ее мать была просто шокирована. — Уверена, что мистер Торн не разрешал тебе обращаться к нему по имени.

— Нет, он разрешил. — Она ликующе улыбнулась. — Больше того, я знаю сокровенный секрет Адама. Он действительно граф Понтефракт.

Леди Макнер, красивая женщина за сорок, взглянула с новым интересом на молодого гостя.

— Значит, леди Каннинг права? — проворковала она. — *Дорогой* лорд Понтефракт, почему вы держите себя так таинственно, странный вы человек? Если бы я знала... Мы должны принимать вас должным образом. Я устрою бал... да, на будущей неделе... Утром направлю приглашения... уверена, что и генерал-губернатор пожелает принять вас в правительственной резиденции...

— Пожалуйста, леди Макнер, — вежливо прервал ее Адам, — вы очень любезны, но я и в самом деле предпочел бы, чтобы люди не знали, кто я такой. Понимаю, что полную тайну теперь соблюсти нельзя, но... Во всяком случае, вам известно, что утром я уезжаю в Лакнау и, право, не могу изменить своих планов.

Выражение возбужденной надежды на лице леди Макнер сменилось холодным разочарованием.

— Ну, конечно, милорд, хотя общество Калькутты будет разочаровано. Однако, что делать. Пойдем, Эмилия. Тебе пора в постель.

— Ах, мама, ты относишься ко мне, как к ребенку.

— Я и считаю, что ты ребенок, — холодно заметила мать. — А теперь пошли. Не надо зря отнимать у лорда Понтефракта дорогое время.

Она взяла дочь за руку. Эмилия повернулась к Адаму.

— Я вас увижу завтра утром до отъезда, хорошо? — спросила она задумчиво.

Адам улыбнулся.

— Конечно. Спокойной ночи, Эмилия.

— Спокойной ночи, Адам... — она мечтательно прошептала его имя. Мать буквально тянула ее обратно в дом.

— Ты ведешь себя неприлично! — донеслось до Адама шипение леди

Макнер, и они скрылись, оставив его на террасе в одиночестве. Он огляделся по сторонам и, облокотясь о балюстраду, вновь стал смотреть на луну и звезды. В разговоре с Эмилией он пренебрежительно отозвался о своей женитьбе, потому что Эмилия напомнила ему Лизу. На деле же Сибил ему нравилась, и его не покидало чувство вины с тех пор, как он оставил ее. Совсем некстати было произносить во сне имя Лизы, но все как-то чертовски не ладилось с тех самых пор, как пропала Лиза...

Именно в этот момент он почувствовал укол в шею. Он махнул рукой, чтобы отогнать, как он подумал, осу или пчелу, но вместо этого нащупал небольшую иглу. К тому времени, когда он выдернул ее, сознание уже стало покидать его. Он попытался устоять, крепче уцепившись за балюстраду, но его колени подогнулись, и он упал на бок, потеряв сознание.

Из темного сада выскочили три индуса и бесшумно поспешили к его телу.

Он не проснулся сразу, как обычно по утрам, скорее, к нему постепенно начало возвращаться сознание. Он не знал, насколько длинной была эта ночь — прошли минуты или часы, у него не было представления об этом, — а теперь начал материализовываться реальный окружающий мир. Он находился в белой комнате, лежал на кровати, заваленной круглыми подушками, через стрельчатое открытое окно врывался и обдувал его горячий ветерок. Он неуверенно сел, вспомнил об иголке в шее. Он приложил к месту укола руку, но нащупал лишь небольшую припухлость. По отросшей щетине на подбородке, а также по чувству голода он понял, что, должно быть, провел в бессознательном состоянии по меньшей мере сутки. В это время отворилась дверь, и в комнату вошла одна из самых прекрасных девушек, каких он когда-либо видел. Она несла серебряную вазу, наполненную фруктами. Подойдя, она поставила ее возле постели. У нее была гладкая, красновато-коричневая кожа, пухлые чувственные губы, карие глаза блестели под накрашенными ресницами. В центре лба виднелся знак принадлежности к касте. Ей шло изумительное бледно-зеленое сари, волосы покрывала газовая вуаль.

— Проснулись? — улыбнулась она. — Вы, наверное, голодны. Я принесла кое-что поесть.

— Где я нахожусь? — спросил он, беря грушу и жадно ее надкусывая.

— Во дворце Его Высочества махараджи Раниганжа, кузена Нана Саиба. Он расположен к северу от Калькутты. Вас привезли сюда слуги Его Высочества Нана Саиба.

— Привезли? Вы хотите сказать — похитили? А кто такой Нана Саиб?

Она переставила серебряную вазу на инкрустированный восьмиугольный стол и провела своей прохладной ладонью по щеке Адама.

— Вам все объяснят в свое время. Вы устали и выпачкались. Разрешите мне отвести вас в *гуссакхану* Его Высочества, я вас там вымою.

Она обольстительно улыбнулась, взяла его за руку и помогла подняться на ноги. Он понял, что не раздевался, хотя кто-то снял с него фрак и галстук. И хотя он сгорал от любопытства, он обнаружил также, что, несмотря на головокружение, он сгорал также и от другого желания. Прошло, в конце концов, более полугода с тех пор, как он спал с женщиной.

Девушка провела его по комнате и вывела в длинный коридор из белого мрамора. Дворец казался пустым и таинственным, и Адаму пришло в голову, что если его действительно похитили, то он оказался в странной тюрьме. В конце коридора она отворила решетчатые мраморные двери, напоминавшие легкие ширмы. Сразу же начинались ступеньки, спускавшиеся к квадратному бассейну. Окна в зале были открыты, несколько попугаев с ярким оперением сидели на подоконниках.

— Его Высочество дарует вам чистую одежду, — сообщила женщина на отличном английском языке, хотя в интонации чувствовалась индийская музыкальность. — То есть, если вы не возражаете одеться в национальное платье.

Она показала на мраморную скамейку, на которой лежал индийский костюм. Адам устался на *акхан*, камзол цвета слоновой кости. Его охватило странное чувство. В его памяти промелькнула индийская шкатулка с миниатюрой прекрасной девушки, его прабабки.

— Пойдемте, мистер Торн.

Он обернулся и увидел, что она уже сняла с себя сари и совершенно голая стояла на ступеньках, ведущих в воду.

— Что это, образец национального гостеприимства? — спросил Адам, отстегивая подтяжки. — Мне это нравится.

Он снял ботинки и брюки, белую рубашку, от которой пахло потом. Затем, тоже совершенно нагой, подошел к ступенькам, ведущим в бассейн. В удивительно приятной прохладной воде плавали лилии.

— Нана Саиб покупает самые лучшие сорта мыла в Калькутте, — сказала девушка, указывая на поднос с мылом. — Нана Саибу нравятся многие английские вещи. К сожалению, самих англичан он не любит.

— Поэтому-то он меня и похитил?

Она опять улыбнулась.

— Торн Саиб не должен задавать так много вопросов.

Адам медленно поплыл к подносу с мылом. Он взял кусок мыла и принялся намыливать свои руки и грудь.

— Разрешите мне задать вам еще один вопрос? Как вас зовут?

— Лакшми. Я девушка-науч.

Адам уже достаточно почерпнул сведений об Индии, чтобы понять, что *девушки-науч* — профессиональные танцовщицы, которые очень часто одновременно являлись и куртизанками. Он окунулся, чтобы смыть мыльную пену, потом неторопливо поплыл к Лакшми, хотя бассейн был мелкий и можно было идти по дну. Для такого дикаря, как молодой Адам Торн с торфяников Йоркшира, вся эта обстановка показалась необычайно экзотической. Он почувствовал необычайно сильное половое возбуждение. Остановившись возле Лакшми, он положил ладони на ее гладкие плечи.

— От вас теперь лучше пахнет, — довольно прямо заметила она.

— Представилась возможность позаботиться о себе. В чем заключается ваша игра, Лакшми? Вы служите Нана Саибу или же его кузену махарадже Раниганжа? Или обоим?

— Возможно, я служу обоим.

— Махараджа Раниганжа, должно быть, богатый человек, судя по этому дворцу. А этот таинственный Нана Саиб тоже богач?

— Богачом был его отец, пешва Битура. Но когда он умер, то англичане перестали платить Нана Саибу пенсию его отца.

— Поэтому-то Нана Саиб и ненавидит англичан? — Он провел ладонями по ее выпуклым грудям. — Что будем делать дальше? — шепнул он.

— Это зависит от вас, Торн Саиб. Нет ли у вас каких болезней вроде сифилиса?

Адам отшатнулся.

— Конечно, нет.

— У меня их тоже нет. Хорошо. В Индии надо соблюдать осторожность. Очень многие солдаты *ангрезизаражены*.

— И на этой романтической ноте...

Он нежно привлек ее к себе и поцеловал в губы, обхватив ее руками. Ее груди прижались к его груди, возбуждив в нем желание овладеть ею. Он почувствовал, как она своими пальчиками взяла его поднявшийся член и помогла вставить его.

— Ты знаешь некоторые хитрости? — шепнул он.

— Любовные ласки — это моя жизнь.

Ему еще не приходилось заниматься сексом, стоя по пояс в воде, но

Адам обнаружил, что гладкость ее мокрой кожи производит ужасно эротическое воздействие. Руками она обхватила его за шею, а ноги обвила вокруг его бедер, так что наполовину плыла, наполовину висела на Адаме, горячо целовавшем ее.

Через некоторое время он просто ахнул от удовольствия, когда глубоко вошел в нее, чуть даже не потеряв равновесие. Лакшми взвизгнула от удовольствия, потом отпустила его шею и на спине поплыла от него.

— Ты действуешь, как настоящий индус, — сказала она, становясь на ноги. — Горячо и страстно. А солдаты *ангрезистаряются* сначала как следует напиться. Думаю, что *ангрезибольше* любят пиво, чем бур.

— Что такое бур?

В воде она показала на свое влагалище.

— А теперь, Торн Саиб, поскольку ты доставил мне такое удовольствие, я дам тебе небольшой совет. Как я уже сказала, Нана Саиб ненавидит *ангрезии*. Я краем уха слышала во дворце разговоры о том, что он носит с идеей убить тебя, хотя, быть может, и не отважится на это.

— Почему именно меня? Что у него против меня?

— Больше ничего не знаю, кроме самого факта, что ты *ангрезии*. Нана Саиб во многом напоминает великовозрастное дитя. Неуравновешенный и ужасно возбуждаемый. Я заготовила для тебя индийскую одежду. Если разрешишь подкрасить твою кожу, чтобы она стала более смуглой, то станешь больше походить на индуса, чем на *ангрезии*.

Он уставился на нее. «Как странно! — думал он. — Я и *есть* индус, во всяком случае, частично индус, и стыжусь признаться в этом. А теперь она хочет спасти мне, жизнь, выдав меня за индуса». И все-таки идея показалась ему привлекательной. Если он приехал в Индию, чтобы разобраться со своей родословной, то почему бы действительно ему не выглядеть так, будто он на самом деле индус? В конце концов, англичане основывали свои антииндийские предрассудки на цвете кожи. И неожиданно дремавшее доселе желание, зародившееся еще тогда, когда он узнал правду о своем смешанном происхождении, вылилось в приятное возбуждение.

— Да, — шепнул он, и нетерпение отразилось в его темных глазах. — Сделай из меня индуса.

— Хорошо. Следуй за мной, Торн Саиб.

Она вышла из бассейна, взяла со скамьи белый халат, набросила его на себя. Другой халат подала Адаму, который пошел вслед за ней.

— Протришь хорошенько этим халатом, — сказала она, — потом мы применим красящее вещество.

Девушка открыла шкаф, достала из него фарфоровый кувшин.

— Садись, — велела она и показала на скамейку. Он повинился. Она сняла с кувшина крышку, взяла темно-коричневую краску и начала втирать в его лоб. — Пройдет не меньше месяца, пока эта краска отойдет, — пояснила она, ловко работая умелыми пальцами. — Ты не сможешь просто смыть ее. Я бы тебе посоветовала отрастить бороду, поскольку ежедневное бритье может смыть эту краску с нижней части твоего лица, и ты станешь разноцветным, что будет вызывать у людей естественное удивление.

— Понятно.

После того как она наложила краску на его лицо и уши, она велела ему снять халат.

— Зачем? — спросил он.

— Я покраю краской твое тело, — сказала она как о само собой разумеющемся деле. — Нана Саиб неразумный человек. Он, например, поедает столько, сколько хватило бы на десятерых. Никто не сможет предсказать, что он выкинет. К тому же он жесток. Ему может прийти в голову пытаться тебя, и если он увидит, что твое тело белого цвета, что мы обманули его, он разгневается, и его никто не сможет остановить. Моя жизнь тоже будет загублена.

Ее рассуждения выглядели такими же идиотскими, каким идиотом она представляла и самого Нана Саиба. Адам решил не возражать и превратиться в стопроцентного индуса. Он поднялся со скамейки и снял с себя халат. После того как она наложила краску на верхнюю часть его тела, она встала на колени за его спиной и начала намазывать его ягодицы и бедра, которые, особенно с внутренней стороны, оказались очень чувствительными. Когда она намазала ноги, то зашла с передней стороны и начала красить его член и мошонку.

— И это тоже? — с любопытством спросил он.

— У индусов здесь самая черная часть тела. Я знаю это...

Закончив втирать краску, на что ушло больше часа, она опять провела его к бассейну, где он облачился в индийскую одежду.

— Просто поразительно, — воскликнула она, когда он закончил одеваться. — Ты вполне можешь сойти за настоящего индуса.

— Нет ли здесь зеркала?

— Да, вон там. — Она провела его в предбанник, где висело зеркало до пола. Адам подошел и посмотрел на свое отражение.

— Господи, — прошептал он, — но я же просто настоящий индус!

И, что самое любопытное, он и почувствовал себя настоящим индусом. Он подумал, не смотрит ли на него призрак его прабабки, а если

смотрит, то что думает.

— Подойди, сюда, Торн Саиб, — сказала Лакшми. — Я отведу тебя к Нана Саибу.

Она провела его через коридоры дворца. Наконец они подошли к дверям, которые охранялись двумя индусами в набедренных повязках и со зверскими лицами. Адама удивило, что стражники были вооружены новыми ружьями «Энфильд», о которых шла речь в доме сэра Карлтона Макнера в Калькутте. Охранники раскрыли двери, и Лакшми ввела его в большой зал, где в глаза бросалась огромная люстра. На окнах были решетки, на которых висели пучки *таттис* —приятно пахнущей травы. Ее постоянно смачивали, чтобы охлаждать дуящий ветерок. Мебель в зале, который, по мнению Адама, был парадным, была позолочена во французском стиле, обивка местами порвана, создавая удобные гнездилища насекомым. Лениво помахивало свисавшее с потолка опахало, покрывшееся в некоторых местах паутиной.

Нана Саиб сидел на одном из диванов с позолоченной спинкой, а рядом с ним стоял Азимулла. Нана Саиб взглянул на Адама, приснул от хохота и радостно захлопал в ладоши.

— Великолепно, — воскликнул он на хинди. — Он похож на настоящего индуса. Ты отлично поработала, Лакшми.

— Спасибо, Ваше Высочество. Но я не сказала ему, почему вы захотели, чтобы он был похож на индуса.

— Конечно, нет. Я бы прибил тебя, если бы ты это сделала. А теперь, Азимулла, скажи этому *ангрезу*, скажи ему, что мы хотим от него.

— Слушаюсь, Ваше Высочество. — Индус любезно повернулся к Адаму и заговорил по-английски: — Его Высочество, пешва Битура, требует ответа: почему вы набрались нахальства угрожать его жизни?

Адам просто оторопел.

— Вы сошли с ума? Я услышал о существовании Нана Саиба только час назад!

— Вы заявили в английских газетах несколько месяцев назад, что поедете в Индию, чтобы найти убийцу своего дедушки, усопшего графа Понтефракта. Вы сказали, что предадите его суду. Так вот, Торн Саиб, вы смотрите на убийцу своего дедушки — или даже лучше сказать, — на «убийц». Нана Саиб отправил меня в Лондон год назад, чтобы исправить несправедливость к нему английского правительства и отомстить за осквернение нашей святыни вашим предком, первым лордом Понтефрактом. Именно я организовал взрыв на яхте лорда Фейна и именно я подослал *таггисв* Понтефракт Холл. Поэтому, сэр, мы открыто признаем

то, что вы почитаете за преступление, но мы считаем месть вполне оправданной за те преступления, которые ваша семья совершила против Святой Индии.

— Моя семья, может быть, и совершила преступление — не стану отрицать этого, — сказал Адам, — но это не оправдывает убийство невинных людей...

— Белые не бывают невинными! — горячо прервал его Азимулла. — Белокожие люди пытаются хозяйничать на этой земле, порабощая людей с более темной кожей, которых они считают низшей расой. Но скоро придет день, когда все изменится. Ты не знаешь о том, что великое восстание против неверных англичан, предсказанное столетие назад, уже началось. Оно охватит всю Индию и напоит наши поля кровью белых людей.

— Вы говорите это с такой уверенностью, — произнес Адам, стараясь выглядеть хладнокровным, хотя с содроганием внимал тому, что говорилось. Он думал о милой Эмилии Макнер. Она-то не была виновна ни в каких несправедливостях, которые принесли Индии англичане. Неужели и над ней нависла угроза?

— Я уверен в себе, потому что мы правы, — отозвался Азимулла, понизив голос до обычного бархатистого звучания.

— Оставил ли он бриллиант в Англии? — спросил Нана Саиб на хинди. — И если оставил, мы будем его держать в заложниках, пока он не договорится о пересылке этого драгоценного камня. Камня на нем не было — Лакшми обыскала его, пока он находился под воздействием наркотиков. Где же он?

— Я сейчас узнаю это, Ваше Высочество, — ответил Азимулла на хинди. Потом опять перешел на английскую речь: — Его Высочество поручил мне предать вас смерти...

— Подожди минуту! Смертный приговор? За что? И разве не нужен суд?

— Вы уже осуждены.

— Но я не заметил присяжных заседателей.

— Присяжных заседателей? — Азимулла с презрением рассмеялся. — Какую дурацкую организацию вы, *ангези*, пытаетесь навязать нам. Разве можно сравнить ум двенадцати тупиц с мудростью одного великого человека, такого как Нана Саиб? Он сам судил тебя и признал виновным. И вот твое наказание: ты глупо согласился, чтобы эта девушка-науч выкрасила твою кожу в коричневый цвет. Теперь ты похож на индуса, хотя и не можешь разговаривать на нашем языке. Мы отвезем тебя в Дели, где восставшие из Миирута уже атакуют английские казармы, и там мы тебя

выпустим. Тебя убьют либо англичане, которые примут тебя за индуса, либо индусы прикончат тебя, подумав, что ты решил избежать их гнева и замаскировался под индуса — так уже бывало в Миируте. В любом случае тебя поджидает явная смерть.

«Бунт в Миируте? — подумал Адам. — А теперь и в Дели? Неужели это правда?» Но если это так, то он должен признать, что они придумали хороший способ расправиться с ним.

— Почему по его виду не скажешь, что он боится? — спросил Нана Саиб на хинди. — Бурне показывает страха, наверное, он прикидывается. Я хочу, чтобы он испытывал страх! Если мы собираемся вернуть бриллиант, то должны именем Кали нагнать на него страху. Пригрози ему пытками.

— Слушаю, сэр. — Азимулла опять повернулся к Адаму: — У тебя остается одна надежда благодаря великодушию Нана Саиба. Но если ты откажешься от этого предложения, то он пригрозил предать тебя пыткам, отдать в руки палачей, которые знают, как причинять боль. Есть и яма со змеями, в которой человек может свихнуться.

По коже Адама поползли мурашки, когда он услышал о яме со змеями.

— Получилось, — буркнул Нана Саиб на хинди и хохотнул. — Теперь он выглядит напуганным! Хорошо! Теперь бриллиант.

— Где большой бриллиант? — спросил Азимулла. — Если ты возвратишь большой бриллиант Нана Саибу, то он готов помиловать тебя и отменить смертный приговор.

«Так вот как, значит они *все-таки* блефуют! — подумал Адам. — Вся эта комедия разыграна лишь для того, чтобы запугать меня и заставить отдать им бриллиант. Ублюдки».

— Большой бриллиант находится в сейфах банка Калькутты, — ответил он. — Я положил его туда в первый же день приезда. И только я могу его оттуда взять. Должен напомнить, что ваши *таггисодин* раз уже пытались его украсть...

— Не «украсть»! — воскликнул Азимулла. — Мы собирались его вернуть в Индию. А украл его твой прадед.

— Согласен. И я приехал в Индию, чтобы вернуть его в храм в Лакнау. Что и собирался сделать на следующий день после званого обеда, но вы похитили меня. Если Нана Саиб хочет заполучить этот камень, то должен будет просто поехать в храм и забрать его оттуда, после того как я водворю его на место. Но если он убьет меня, то никогда не получит камня, потому что в завещании я распорядился продать его, если... скажем, со мной что-нибудь «случится». Передайте это большому Пуа-Ба, и увидим, захочет ли он так быстро убивать меня.

Азимулле стало несколько не по себе. Он перевел слова Адама Нана Саибу, который тоже почувствовал некоторую неловкость.

— Бхайншут! — выругался он по адресу Адама, назвав его «насильником сестры», одним из самых скверных ругательств на языке хинди. Потом оскал на его лице сменился елейной улыбкой. — Скажи ему, что все это была шутка. Скажи ему, что он у нас почетный гость. Скажи ему, что сегодня мы устроим пир, а завтра отпустим его в Калькутту. Скажи, что я лично побеспокоюсь о его безопасности, когда он повезет бриллиант в Лакнау. — Его улыбка стала еще более лучезарной. — Но не говори ему, что как только бриллиант окажется в руке Кали, он сам превратится еще в одного убитого *ангези*.

— Слушаю, Ваше Высочество, — поклонился Азимулла, потом повернулся к Адаму. Но пока говорил Нана Саиб, Адам дал себе клятву прикончить этого жирного, улыбающегося убийцу своего деда.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

Три всадника ехали по заснеженному берегу реки Раппаханнок в центральной Виргинии. Они хорошо знали друг друга с самого детства. Два брата — Клейтон и Захарий Карр проживали на ферме Карров рядом с плантацией «Феарвью», принадлежавшей родителям их подружки, Шарлотты Уитни.

— Пригласили ли вас к мистеру Кавана на рождественский бал, чтобы познакомиться с его новой женой? — спросила Шарлотта. Ей уже исполнилось восемнадцать лет. У нее была хорошая фигура, и она выглядела весьма элегантно в костюме наездницы. Каштановые волосы были прикрыты черной шапочкой.

— Да, но папа сказал, что не хочет ехать, — ответил Клейтон, который был старшим из двух братьев, примерно одного возраста с Шарлоттой. — Он сказал, что слишком далеко ехать.

— Всего три часа. И вы тут же сдались? — спросила Шарлотта.

— Ну, ты знаешь папу, когда он что-нибудь решит.

— Клейтон Карр, объявляю тебе, что ты не только лишен сообразительности, но еще и закоренелый ретроград. Этот бал станет событием всего сезона. Каждый из всех сил старается попасть туда, познакомиться с миссис Кавана, которая, как говорят, очаровательна. Говорят также, что у нее темное прошлое... Что же ты будешь делать с Захом? Сидеть дома и играть со своими охотничьими собаками?

— Думаю, что да, — уныло отозвался Зах. Ему исполнилось только четырнадцать. Братья во многом походили друг на друга, хотя у Клейтона волосы были песочного цвета, а у Заха темно-каштановые. Да еще лицо Клейтона было усыпано веснушками. Оба крепкие, привлекательные мальчики, любители скачек и охоты. Зах учился в интернате в Ричмонде, а Клейтон уже кончал первый курс в Принстоне. Он взял с собой слугу-раба, как было принято у студентов в южных штатах. Их овдовевший отец Брандон Карр был состоятельным человеком, но не шел ни в какое сравнение по богатству с отцом Шарлотты Пинеасом Тюрлоу Уитни, сенатором штата Виргиния. У Карров было пятьдесят рабов, а у сенатора Уитни более трехсот.

— Я просто не могу понять вас обоих, — продолжала Шарлотта, потрянув головой. — Вы такие бесхребетные. Вы совершенно не боретесь за свои права, а провести хорошо время на рождественские каникулы — ваше

законное право. Ну, думаю, мне придется танцевать с кем-либо другим. Думаю, что в этом НС будет особой жертвы, учитывая, что вы ходите по струнке.

Последние слова были нацелены в Клейтона, который выглядел раздосадованным. Она пришпорила своего коня и пустила в галоп.

— Да-а, она наступила мне на ноги, — проворчал Клейтон.

— Верно, но, думаю, что она права, Клейтон, — сказал Зах. — Думаю, что отец поступил некрасиво, не пустив нас туда.

— Знаю. — Клейтон наблюдал, как Шарлотта скачет к своему дому на плантации «Феарвью», на возвышенности берега реки.

— Ты всегда говоришь, что любишь Шарлотту, — подковырнул его Зах. — Ну, значит, надо за нее драться. И я не против того, чтобы хорошо провести время, познакомиться с некоторыми девочками. Мне приходится учиться в чертовой школе, похожей на монастырь.

— Поехали, — предложил Клейтон, поворачивая своего коня. — Поедем домой и заявим отцу наши права. И поедем на этот бал.

— Вот так-то лучше, — гикнул Зах.

Они пришпорили лошадей и галопом скатились с берега реки, испуская пронзительные крики: «Ээ-х-ха-ха!»

— Ну, разве она не красавица? — спросила Элли Мэй Уитни, мать Шарлотты, наблюдая, как кружатся в вальсе Джек и Лиза Кавана в бальном зале поместья «Эльвира». — Я благодарна Господу, что не из завистливых, иначе бы я позеленела от зависти, как гороховый стручок.

На нее взглянула Клемми Деври. Жену сенатора Пинеаса Тюрлоу Уитни даже с большой натяжкой нельзя было назвать красивой. Чего стоили одни лошадиные зубы и костлявые плечи. Обе женщины стояли около рождественской елки в углу комнаты.

— Не говорите глупостей, Элли Мэй, — сказала Клемми. — Вы так же завидуете Лизе Кавана, как и я, как и все остальные женщины в этом зале. А все мужчины с удовольствием удавили бы Джека, чтобы начать тут же ухаживать за вдовой. Неужели вы думаете, что я не вижу, как поглядывает на нее мой муж?

— Ах, Клемми. Билли Деври никогда и не подумает взглянуть на другую женщину, он без ума влюблен в вас.

— Еще как подумает. Вам когда-нибудь приходилось видеть такой жемчуг? Джек потратил на нее целое состояние. Он дико влюбился. Думаю, что это очень романтично.

— Ну, я-то думаю, что эта связь слишком неприкрытая и вульгарная, и

если бы я не знала Джека как облупленного, то могла бы принять его за картежного шулера с речных судов. Моя тетка Минни слышала от своего кузена в Нью-Йорке, который недавно побывал в Париже, что новая миссис Кавана была... — она понизила голос до шепота, — наложницей французского императора.

Клемми, выглядевшая эффектно в бледно-зеленом платье с черной бахромой, молча закатила глаза.

— Элли, я бы действительно хотела, чтобы вы перестали распространять эти ужасные слухи, которые являются не чем иным, как сплетнями. Думаю, что Лиза приятная женщина. Ведь ее отец в конце концов был священником.

— У-гу. У Изабель Кларксон отец тоже был священником, а вы знаете, кем она стала. Что она вытворяла прямо в церкви своего отца!

— Элли Мэй, это так и не было доказано.

— Хотела бы я знать, почему ее выслали на полгода в Теннесси. Вы слишком миндальничаете, милочка Клемми. Ее служанка Дулси сказала моей служанке Делии, что Лиза Кавана на четвертом месяце беременности, и если посчитать дни, то почти что сойдется, если хотите знать. Меня несколько не удивит, если миссис Кавана со своим воркующим английским акцентом в свою брачную ночь была уже беременна.

— Элли Мэй, вы поступаете не по-христиански. Больше того, вы ведете себя очень некрасиво. Этой несчастной женщине надо дать шанс.

— Ну, я повторяю то, что говорят все.

— От этого сплетни не становятся правдивее. О Господи, к нам идет Билли, и мне кажется, что он опять набрался.

Зал для танцев был полон танцорами, кружившимися под музыку оркестра мистера Макильхенни (оркестр рекламировался как восьмерка наиболее выдающихся и профессионально подготовленных музыкантов в этих краях). Музыканты сидели в одном конце большого зала, наигрывая новейшие мелодии, привезенные из Европы. При свете свечей сверкали музыкальные инструменты. Рождественский бал действительно превратился в большое событие в графстве Глочестер. Те несчастные, что не получили приглашения на этот бал к Кавана, маскировали свою досаду, заявляя, что никогда не захотят быть в одном зале с «этой женщиной», имея в виду Лизу. Очаровательная миссис Кавана, просто одурманившая Джека, породила настоящую бурю сплетен, которыми буквально захлебнулись местные кумушки. Общество в штате Виргиния было, пожалуй, одним из самых аристократических в Америке, но все равно удушливо провинциальным и ограниченным. Одежда Лизы, ее украшения, ее якобы

бурное прошлое разделили местных жителей на два лагеря: за Лизу и против. Но Лиза нравилась Клемми. Она ей нравилась гораздо больше, чем Элли Мэй Уитни, у которой, на ее взгляд, был зловредный характер, а муж которой, видный сенатор, снискал известность своим жестоким обращением с рабами.

Билли Деври, держа в руке бокал, пробрался с той стороны зала, где на позолоченных стульях и креслах сидели женщины более преклонного возраста и чесали языки, и подошел к своей жене и Элли Мэй.

— Билли Деври, я же *просил* тебя не увлекаться спиртным, — негромко сказала Клемми. — Ты уже прилично нагрузился, а к столу пригласят только через час. Ты делаешь из себя посмешище...

Билли с глупой улыбкой на лице приложил к своим губам палец.

— Ш-ш-ш, Клемми. Не надо проповедей.

— Тогда поставь бокал и потанцуй со мной. Немного движений лишь прочистят твою голову.

— Конечно, любовь моя. Привет, Элли Мэй. Сегодня вы выглядите очень красиво.

Элли Мэй улыбнулась, обнажив свои лошадиные зубы.

— Спасибо, Билли, — поблагодарила она с миссисипским акцентом, который звучал гораздо «южнее», чем виргинский.

— И если хотите, можете взять мой бокал, — Билли сунул ей в руку бокал, потом пустился довольно нетвердо вальсировать.

— У тебя просто ужасно пахнет изо рта, — заметила Клемми, морща свой носик.

— Правда, Лиза выглядит великолепно? — Билли быстро сменил тему разговора. Они посмотрели в другой конец зала, где вальсировали хозяин и хозяйка. Лиза, в голубом бархатном платье, декольте которого обнажало то, что наиболее видные виргинские дамы считали неприличным показывать, хотя по парижским меркам такое платье ничем особым не выделялось. Ее бриллианты сверкали, когда она поворачивалась.

— Должна сказать, что на меня она произвела большое впечатление, — поделилась Шарлотта Уитни, танцуя с Клейтоном Карром. — Вижу, тебе удалось заставить отца изменить свое решение. Но где же Зах?

— Я заключил с отцом сделку. Мы договорились, что я поеду, если Зах останется дома, чтобы составить ему компанию. Ты знаешь, он тоскует с тех пор, как умерла мама.

— Объявляю тебе, что это жестоко по отношению к Заху. Я знаю, что ему тоже хотелось поехать.

— Ему всего четырнадцать лет. Он должен иногда и жертвовать чем-то ради меня.

— Ты бессердечный человек.

— Ну, Зах все равно простудился. Но я очень рад, что приехал. Шарлотта, ты выглядишь просто великолепно.

Шарлотта чем-то напоминала мать, правда, не унаследовала ее лошадиных зубов, но молодость придавала ее квадратному лицу мягкость и даже красоту. А ее коже, ее карим глазам, шелковистым каштановым волосам просто нельзя было не позавидовать. Она улыбнулась.

— Спасибо, Клейтон, — поблагодарила она. — Я не замечала, чтобы ты интересовался девочками. Думала, что тебя интересует только охота на белок.

— Ты же знаешь, Шарлотта, что это не так, — возразил он с юношеской горячностью. — Напротив, я с ума схожу по девушкам! И особенно меня увлекла одна конкретная девушка.

— И кто же это может быть, скажи на милость?

— Ты знаешь, о ком я говорю. Это ты.

— Очень мило с твоей стороны, Клейтон Карр. Я действительно думаю, что ты можешь говорить это искренне. Конечно, девушка должна проявлять осторожность. Так много молодых людей, склонных к обману.

— О, Шарлотта, я говорю искренне... честно. И я к этому отношусь так серьезно, что... ну... — Он сглотнул, и на его веснушчатом лице отразилась настоящая мука... — Мне бы хотелось думать, что в один прекрасный день, может быть, когда я закончу Принстон...

Его объяснение в любви прервалось звоном колокола, раздавшегося в отдалении. Звуки оркестра смолкли, и танцующие пары остановились. Все поняли, что ударили в колокол тревоги. Джек нахмурил брови и сказал:

— Прости, ягодка, — сказал он, обращаясь к своей жене, и заторопился к одному из высоких, от пола до потолка, окон-дверей. Открыв его, он выскочил наружу. Стояла холодная, снежная ночь, в зал влетели хлопья снега, задуваемые свежим ветерком, создавая сказочную картину, пока один из слуг не притворил окно-дверь. В зале, в котором до этого установилась тишина, опять загудели голоса.

Затем в дверях опять появился Джек. Он поднял руки, призывая всех к тишине.

— Попрошу всех, кто входит в патрульные группы, присоединиться ко мне. Захватите оружие. Совершил побег Мозес, мой кучер.

Это заявление подействовало как электрический разряд. Молодые люди начали вопить: «Я-я-ху! Я-я-ху!» и пробираться через толпу в

центральное помещение, чтобы забрать свои пальто и пистолеты с ружьями.

— Как будто они собираются на пикник, — воскликнула Лиза, подходя к Клемми.

— Скорее, как на лисью охоту, — мрачно заметила Клемми. — Им ничто так не нравится, как гоняться за беглецами.

— Клейтон, почему ты здесь стоишь? — спросила Шарлотта. — Почему ты не участвуешь в погоне?

Он посмотрел на нее.

— Я не состою в патрульной службе.

— Но совершил побег раб. Ты должен отправиться с другими, чтобы помочь поймать его.

— Я предпочитаю остаться здесь, с тобой.

— Клейтон Карр, ты кто — мужчина или мышка? Каждый молодой южанин, в жилах которого течет нормальная кровь, обязан помогать вылавливать беглецов. А что если один из *ваших* рабов убежит? Разве вы не захотите, чтобы вам помогли? Нам надо действовать заодно.

Клейтон колебался. Он не хотел говорить ей о том, что семестр в северном университетском городе Принстоне посеял в его голове серьезные сомнения относительно «особой организации общества». Два его напарника по общежитию были северянами, один из них — ярым аболиционистом. Много ночей в Нью-Джерси они провели в горячих спорах по проблеме, которая уже постепенно начала раскалывать нацию на две части. И Клейтон должен был признаться, что ему становилось все труднее защищать рабство. К тому же он знал, что если Шарлотта узнает даже о малейшем намеке на его отступничество от веры в необходимость рабства, а он знал, что вся семья Уитни слепо верила в это, то погаснет всякая надежда на роман между ними. Поэтому он произнес без всякого рвения:

— Думаю, ты права. Прошу прощения...

Он тоже направился в центральный зал. Между тем в комнате опять зазвучал смех и разговоры, женщины вернулись к сплетням, а оставшиеся мужчины к своим бокалам. Лиза подошла к одной из высоких застекленных дверей и протерла запотевшее стекло пальчиком. На улице мужчины, многие из них в сильном подпитии, садились на своих коней, а рабы стояли рядом и держали факелы. Джек уже сидел в седле Авенжера и что-то кричал мистеру Дункану, который держал свору лающих волкодавов на нескольких поводках. По крайней мере две дюжины молодых гостей, в их числе и Клейтон, включились в погоню. Когда к окну подошла Клемми,

Лиза тихо спросила ее:

— Что они сделают с Мозесом, если поймают его?

— Может быть, они его и не поймают. Волкодавам будет трудно взять след по снегу. С другой стороны, если они нападут на его следы...

— Есть ли у него шанс?

— Боюсь, что небольшой.

— Что они с ним сделают? — повторила она. — Скажите мне. Я не неженка.

Клемми вздохнула.

— В большинстве случаев они спускают собак и позволяют им некоторое время рвать беглеца.

Лиза посмотрела на нее.

— Что вы имеете в виду?

— Когда они настигают беглеца, то нацеливают ружья и пистолеты ему в голову и предупреждают, что если он пошевелится, то они вышибут из него мозги. Потом натравливают псов и позволяют им рвать беглеца минут пять... Лиза! Что с тобой?

Лиза прислонилась к стене, ее лицо побледнело. Потом она выпрямилась и кивнула:

— Невероятно, что... что так называемые цивилизованные люди могут...

Ее прервал мистер Макильхенни, дирижер оркестра, который постучал своей дирижерской палочкой по бронзовой подставке.

— Дамы и господа, — объявил он, — занимайте, пожалуйста, места для хоровода.

К удивлению Лизы, пожилые мужчины начали выстраиваться в шеренгу на танцевальной площадке, а не прекращавшие трескотню дамы выстроились в другую шеренгу напротив мужчин. Потом оркестр грянул веселую мелодию, две шеренги сошлись, пары закружились и поплыли по залу. В такт им хлопали все остальные, находившиеся в зале.

— Они решили не прерывать эту вечеринку! — воскликнула Лиза.

— Ну, понятно, — заметила Клемми. — Беглецы здесь — явление редкое.

— Но это поразительно! Я не позволю этого!

С загоревшимися глазами она уже было отошла от высокой двери, но Клемми схватила ее за руку.

— Лиза, не делайте ничего необдуманного, — посоветовала она ей негромким голосом. — Не забывайте, что я вам сказала. Вы можете не любить эту систему, не люблю ее и я, но все эти люди связали с ней свои

жизни. Если они решат, что вы выступаете против них, они обратятся против вас, и вы станете отверженной.

Лиза некоторое время смотрела на нее, потом взмахнула рукой и вышла на танцевальную площадку.

— Прекратите! — крикнула она мистеру Макильхенни. — Прекратите музыку!

Дирижер со смущенным видом постучал своей дирижерской палочкой, и оркестр прекратил игру, прекратился и танец. Все воззрились на Лизу.

— Как же вы можете танцевать? — вопросительно произнесла она. — Разве вы не понимаете, что происходит? За человеком гоняются как за зверем!

Элли Мэй Уитни заметила:

— Полноте, моя дорогая, это всего-навсего раб.

— Но он такое же человеческое существо, как вы и я.

Раздалось несколько смешков и возгласов удивления. Вперед вышел сенатор Пинеас Тюрлоу Уитни, муж Элли Мэй, который был старше ее лет на двадцать. Это был высокий джентльмен, одетый в безукоризненный фрак, длинные седые волосы свисали ему на плечи, лицо украшали щеголеватые седые усы. В нем было что-то франтоватое. Элегантный белый шарф подвязан на шее, что он перенял еще с тех пор, когда был послом при дворе короля Якова во время администрации президента Франклина Пирса. Это стало криком моды в Лондоне в последнее время. (У большинства мужчин в зале для танцев были повязаны цветные шарфы, потому что американцы еще не начали различать дневную одежду и вечернюю.) Когда другие гости увидели движение сенатора Уитни, то во всем зале зашикали, призывая из-за уважения к нему к тишине. Старший сенатор от Виргинии считался одним из самых могущественных демократов в Вашингтоне, в городе, где все еще верховодили южане, защищавшие интересы рабовладельцев.

— Мадам, мы понимаем, что вы иностранка, — начал он покровительственным тоном, его виргинский акцент отличался музыкальностью и голос был хорошо поставлен, — и, конечно, очень рады, что наш дорогой друг и сосед Джек Кавана привез нам из Европы такую сияющую жемчужину женского очарования и красоты, как вы. Но, дорогая леди, в Виргинии даже нельзя представить себе никакими усилиями воображения, что негра можно назвать «человеческим существом», как вы или я. Со всем должным уважением, мадам, и отдавая себе отчет в том, что вы непривычны к нашим обычаям здесь, на Юге, я прошу вас взять назад свое неудачное замечание. И я думаю, что говорю от имени всех

присутствующих здесь дам и господ. Правильно я понимаю?

Он осмотрел зал. Другие гости кивали и что-то бормотали в знак согласия. Элли Мэй подошла к своему мужу, соединила свои руки с его руками и, глядя на Лизу, улыбнулась ей самой приветливой улыбкой.

— Конечно, здесь, в графстве Глочестер, мы все хотим оставаться в дружеских и добрососедских отношениях, — сказала она. — И вы, Лиза, конечно, знаете, что все мы не слушаем глупых слухов о вашей жизни во Франции, когда вы были... Кажется, это называется показ нарядов для жены императора Наполеона? Здесь, на Юге, мы *вседолжны* держаться вместе. Нам только не хватало завести врагов прямо в нашей среде, если так можно выразиться. Поэтому знаю, что вы поступите так, как вас просил мой дорогой супруг, и возьмете обратно это... глупое замечание о негре.

Лиза осмотрела весь зал, сохраняя спокойное выражение лица. Клемми наблюдала за ней, находясь под впечатлением ее смелости, но молясь, чтобы она отступила. Клемми знала этот народ. «Но как великолепно она выглядит!» — подумала она, с завистью глядя на ее поистине поразительное лицо, прекрасную фигуру, роскошное голубое платье, сверкающие бриллианты и рубины на шее и в ушах. «О небеса, — подумала она, — пусть она даже дочка священника, но она могла бы сойти и за императрицу. Тренировки у Люсьена Делорма помогли ей приобрести величавую осанку».

— Я не возьму назад ни одного слова из того, что сказала, — наконец отрезала Лиза звонким голосом. — Мистер Макильхенни, можете музыкантов отправить домой. Бал окончен.

Подхватив свою длинную юбку, она прошла между гостями, которые расступились перед ней, уставившись на нее как на прокаженную, которой она только что и стала.

— О, хозяйка, они час назад обнаружили, что Мозес дал тягу, — двадцать минут спустя рассказывала Дулси, когда вынимала заколки из замысловатого нагромождения локонов на голове Лизы (это был дорогой парик, который Лиза купила в Нью-Йорке — ее собственные волосы отросли еще недостаточно). Я находилась тогда на кухне, ела пирожки с мясом — вы знаете, что тетя Лида делает самые вкусные пирожки на свете, — и вот на кухню влетает разгневанный Броувард и говорит: «Мозес пропал». — Дулси сняла парик и положила его в черную кожаную коробку. Лиза объяснила ей, что отрезала свои волосы, потому что это модно в Париже. — Хозяйка хочет, чтобы я расчесала ей волосы? У хозяйки такие красивые волосы, ну прямо медовые. Скоро они опять отрастут и тогда

станут еще лучше.

Дулси взяла серебряную расческу и начала расчесывать волосы Лизы. Лиза, придя к себе в спальню, облачилась в пеньюар цвета слоновой кости. К этому времени все гости уже разъехались, вокруг дома завывал ветер, шелестя занавесями из золотистой парчи, которыми были прикрыты неплотно закрывающиеся углубленные в стенах рамы. В кирпичной печи трещали поленья, являясь единственным источником тепла в прохладной комнате. Дулси продолжала расчесывать ей волосы, а Лиза гадала, нет ли какой связи между тем, что она сказала Мозесу о его жене, и его побегом. Если это так, то, значит, она поступила все-таки неправильно? Она не знала, но у нее просто стыла кровь в жилах, когда она думала о том, что натасканные волкодавы рвут его.

— Тетя Лида начнет печь рождественские пироги завтра с утра, — продолжала тараторить Дулси. — Я очень люблю Рождество, а вы, хозяйка?

— Тоже. Достаточно, Дулси. Здесь холодно, я хочу лечь в постель.

— Да, хозяйка.

— Похоже, что я где-то обронила свой носовой платок, — добавила Лиза, поднимаясь со стула у туалетного столика. — Если ты его где-нибудь увидишь внизу...

— Да, хозяйка. Я поищу...

Девушка сделала реверанс и вышла из комнаты, а Лиза загасила восемь свечей на круглых хрустальных подсвечниках. Потом направилась к кровати с балдахином, полог которого уже откинула Дулси. Порыв ветра загудел в трубе, задув в комнату клуб дыма. Золотистые занавеси слегка зашевелились. Вздвогнув, Лиза сбросила шлепанцы, которые она купила в Париже, и забралась в кровать. Керосиновая лампа с шелковым абажуром, стоявшая на столике у кровати, отбрасывала в комнате темные тени. Лиза взяла роман, лежавший возле лампы, и открыла его на закладке. Это было произведение Чарльза Рида «Никогда не поздно исправить», сенсационный английский бестселлер предыдущего года. В нем рассказывалось о молодом английском воре, сосланном в Австралию. Лиза продолжила чтение с того места, где она остановилась, — с ужасающего отчета о зверском обращении с заключенными на корабле «Бирмингам Гоал». Рид был первым писателем-«документалистом», который драматически показал современные злоупотребления. Прочитав всего несколько строк, она тут же отложила книгу в сторону. С нее хватит зверств на сегодняшний вечер. Было похоже на то, что одной половине человечества нечем больше заниматься, кроме как зверски издеваться над другой.

Лиза протянула руку, чтобы привернуть фитиль, когда увидела ноги в

сандалиях за золотистым занавесом одного из окон. Она вся замерла. Цвет кожи ног был кофейный.

Воцарившуюся тишину нарушали лишь завывания ветра. Не сводя с ног глаз, Лиза протянула правую руку к выдвижному ящичку ночного столика. В этом ящичке Джек хранил револьвер. Она потихоньку выдвинула ящик и вынула оттуда пистолет. Потом, подняв его обеими трясущимися руками, она нацелилась на занавес.

— Кто бы там ни был, — произнесла она хриплым шепотом, — выходите, я вижу ваши ноги. У меня пистолет, и я не побоюсь выстрелить.

— Хозяйка, опустите пистолет, — раздался ответный шепот. — Я не причиню вам никакого зла, честно.

Сбитая с толку, она опустила пистолет.

— Мозес, что ты тут делаешь?

— Я смекнул, хозяйка, они никогда не додумаются, что я спрятался здесь. Пока они ищут меня с собаками по всему графству, Мозес находится прямо здесь, на плантации «Эльвира».

— Придумано хитро. Но это не покажется умным, если мой муж поймает тебя именно здесь. Здесь ты в большой опасности.

— Знаю, хозяйка, — отозвался он, подходя ближе к кровати. На нем была одежда раба — шерстяная рубашка и брюки. Она задавалась вопросом, почему не испытывает страха, почему интуитивно решила, что он не опасен для нее. — Видите, когда вы мне сказали, что Саманта умерла, я решил бежать из-за сына. Он хороший мальчик, хозяйка, очень, а ему всего семь лет, а теперь у него нет ни мамы, ни папы — никого. И я сказал себе, что должен отыскать его и увезти на Север, чтобы он стал свободным и жил бы совсем другой жизнью. И тут я вспомнил про вас. Вы дважды проявили доброту ко мне, и я нутром чувствую, что вы отличаетесь от других белых людей и... ну, понадеялся, что, может быть, вы поможете мне и в третий раз.

— Помогу тебе? Но как? — прошептала она.

— Есть такой рыбак по имени Стэнли на Стрингрей Пойнт на Чезапикском заливе, который перевозит рабов на свободную территорию за сто долларов золотом. Я услышал об этом в негритянском квартале. Если хозяйка пожелает мне добраться до Стрингрей Пойнт и ссудит мне деньги, я могу добраться до свободной территории и найду своего мальчика. И, клянусь, хозяйка, что когда-нибудь верну эти деньги. Клянусь.

Она напряженно смотрела на него.

— Но помощь рабам в побеге является преступлением...

Он молча смотрел на нее. Его лицо оставалось бесстрастным. Лиза

колебалась. Потом положила револьвер назад в ящичек.

— Конечно, деньги я тебе ссужу, — продолжала она размышлять, но теперь вслух. — И, может быть, можно будет что-нибудь придумать... Я хочу сказать, если муж не узнает... — Она задвинула ящичек и опять взглянула на Мозеса. — Рождество! — как будто вспомнила она. — Завтра я собиралась съездить в Йорктаун за праздничными покупками. Но вместо этого я смогла бы отвезти тебя на Стрингрей Пойнт. Точно, это идея. Иди тогда на каретный двор и спрячься в одной из карет...

— В двуколке! Я спрячусь в багажной нише! Ах, хозяйка, если вы сделаете это для меня, то я стану молить Бога, чтобы он выделил для вас в раю специальное местечко.

— Но если мой муж обнаружит это, то только одному Всевышнему известно, что он со мной сделает. Мозес, нам надо соблюдать крайнюю осторожность. А теперь уходи. Не имею понятия, когда может вернуться мистер Кавана.

Мозес подошел к кровати, взял ее правую руку и пожал.

— Если бы только, — прошептал он, — мы могли бы стать друзьями.

Она поразилась его замечанию.

— Возможно, мы уже и так друзья, — сказала она.

Его лицо омрачилось. Он отпустил ее руку.

— Нет, — возразил он, — мы никогда не сможем стать друзьями. Пока вы замужем за масса Джеком. Сам он перестал мучить меня, как он это делал до вашего приезда на плантацию «Эльвира», но напустил на меня мистера Дункана и двух его глупых сыновей с кнутами. — Он повернулся и поднял свою шерстяную рубашку. Она ахнула от того, что увидела. Его широкая спина была крест-накрест исхлестана дюжинами отвратительных рубцов, как будто вся спина покрылась ходами неведомых кротов.

— Хотите ли вы знать, что такое боль, хозяйка? Если бы я умел писать, я бы написал большую, толстую книгу о боли.

Она неотрывно смотрела на рубцы и понимала, что видела перед собой совокупный итог всех ужасов двух с половиной столетий американского рабства. Она не знала, что сказать. Мозес опустил рубашку и опять повернулся к ней лицом.

— Придет день расплаты, хозяйка, — прошептал он. — В один прекрасный день белые заплатят за свои злодеяния. Но вы доказали мне, что не все белые люди плохие, хозяйка. Да благословит вас Господь!

— Поторопись, Мозес, — подтолкнула она его.

Он подошел к двери спальни и открыл ее. Но на пороге обернулся и прошептал:

— Вы самая прекрасная женщина, которую я когда-либо видел: прекрасная снаружи и изнутри.

Потом он вышел из комнаты, тихо прикрыв за собой дверь. Лиза поразилась степени риска, на который она шла, соглашаясь помочь рабу.

Но ее радовало, что она идет на этот риск.

Тетя Лида была высокой сухопарой женщиной с грубым лицом. На следующее утро она стояла возле печи, топившейся углем, на кухне имения «Эльвира». Седые волосы были покрыты белым платочком, на ситцевом клетчатом платье — безупречно белый фартук. Она разбивала яйца в небольшую кастрюльку с ручкой. Кухня представляла собой большую веселую комнату с видом на сад, теперь покрытый снегом. Недавним нововведением стала большая черная плита с духовкой. Джек гордился тем, что жил в ногу со временем. Тетя Лида уже привыкла к ней, хотя прошло немало месяцев, прежде чем она сумела оторваться от огромной кирпичной печи, в которой она всю жизнь готовила пищу.

— Спускается масса, — объявил Чарльз, выходя из комнатки дворецкого. — Выглядит уставшим и не в духе, потому что патрули вернулись только в четыре часа утра и не поймали Мозеса.

— Кофе готов. Пусть выпьет немного кофе, почувствует себя лучше. Готова побожиться, что Мозес — настоящий бузотер. Не может жить спокойно. Ему подавай обучение, хочет читать. Ха! Негры вроде него добром не кончают. Им приходится носиться, сверкая пятками, за которые их хватают рычащие псы. Вот, Чарльз, отнеси ему кофе.

— Сейчас отнесу, сейчас отнесу.

Старик взял серебряный поднос с кофейником и направился сначала в комнатку дворецкого, а потом в столовую. Джек сидел в конце обеденного стола.

— Хороший, горячий кофе, масса, а тетя Лида поджаривает для вас яйца. Вижу, что вы устали.

— Спасибо, Чарльз. Поскольку мне нужен новый кучер, то что ты скажешь о Броуварде?

— О, Броувард — хороший парень, да-са. Выйдет хороший кучер.

— И он примерно такой же комплекции, как Мозес. Пусть он заберет ливрею Мозеса, оденется и запряжет двуколку. Моя жена отправляется за рождественскими покупками в Йорктаун. Она спустится примерно через двадцать минут.

— Да, масса. Броувард, из него выйдет хороший кучер, да-са.

Чарльз налил кофе, потом вышел из столовой, а Джек развернул

йорктаунскую газету, о доставке которой он договорился, с точки зрения некоторых, за чрезмерную плату. Пять минут спустя он ел яичницу с беконом, и в это время из центрального зала в столовую забрела Дулси. На руках у нее была тряпичная игрушка. Она подошла к столу.

— Масса хочет повидать Марси? — спросила она.

— Оставь меня в покое, Дулси. Я устал.

— О, масса, пожалуйста. Взгляните. Марси — моя любимая кукла.

Джек вздохнул.

— Г-м... симпатичная. Но ты уже слишком большая, чтобы играть в куклы.

— Ее дал мне Шримпбоат, — продолжала она, ссылаясь на одного из сыновей мистера Дункана. — Намедни он возил меня в Йорктаун, и, оу, там столько было красивых вещей в окнах! Платья, шляпы, всякие нарядные одежды для дам. Вот если масса даст мне немного денег, я куплю некоторые из этих нарядных вещей. Может быть, платьице для Марси. Может быть, даже платье для... себя.

Нетерпеливое выражение Джека сменилось любопытством. Он знал дурацкую привычку Дулси ходить вокруг да около.

— Почему же я должен дать тебе денег? — спросил он.

— Ой, потому что я расскажу масса вещи, которые я видела и слышала.

Джек прожевывал бекон и изучающе смотрел на нее. Потом сунул руку в карман, достал оттуда золотую монету и положил ее на стол.

— И что же ты видела и слышала, Дулси?

— Ну, вчера вечером, когда хозяйка отправила гостей по домам...

— Отправила?

— Да, масса. Хозяйка велела гостям отправляться домой, когда вы уехали с патрулями.

— Почему?

— Не знаю.

— До того, как подали ужин?

— Да, масса. А тетя Лида сказала всем домашним слугам, что она не хочет, чтобы пропадала вся эта хорошая еда, поэтому все отнесли в холодный погреб... Когда я нашла платочек хозяйки — красивый, кружевной, с инициалами, который вы купили ей в Париже, он валялся на лестнице, — я понесла его хозяйке, но когда подошла к двери, услышала там голоса. Да, масса, она с кем-то разговаривала в спальне. — Она замолчала, па ее лице появилась лукавая улыбка. — Она разговаривала с мужчиной.

Молчание. Взгляд Дулси с лица Джека перешел на золотую монету.

— Кто был этот мужчина? — прошептал он.

Дулси схватила монетку и сунула ее в карман своего фартука.

— Мозес.

Джек закашлялся. Когда кашель прошел, он схватил Дулси за кисть.

— Ты уверена в этом? — прошептал он.

— Да, конечно, масса, я его видела. Вы мне делаете больно. Я не люблю, когда мне делают больно!

Джек отпустил ее запястье. Она холодно смотрела на него. Впервые он понял, что эта девушка, которую он принимал за полоумную, довольно продувное создание.

— Прости, Дулси, — медленно произнес он. — Итак, ты видела Мозеса?

— Да, масса.

— Ну, продолжай.

Она побаякала куклу, продолжая смотреть на него.

— Знаете, масса, — наконец сказала она, — поскольку я рассказала это вам, мне сдается, что вы должны относиться ко мне лучше, чем к другим рабам.

Джек с трудом сдержал гнев.

— В каком отношении?

— Ну, мне сдается, что у такой симпатичной девочки, как я, должна быть красивая одежда и к ней надо хорошо относиться — целовать и миловать... — она слегка улыбнулась. — Масса такой красивый, — добавила она с намеком.

Джек не был тупицей, он понял намек. «Но она же моя сестра, — подумал он, — и, черт побери, я не стану такой же свиньей, как отец... Но она симпатичная...»

— Возможно, ты права, Дулси, — отозвался он. — Возможно, я не относился к тебе... с достаточной теплотой. Но впредь я изменю к тебе свое отношение.

— Обещаете?

— Да, обещаю. Итак, ты видела Мозеса?

— Угу. Ну, сначала я услышала его голос за дверью. Потом она сказала ему: уходи, да поживее, и он подошел к двери. Я спряталась в тени. И он открыл дверь и сказал хозяйке: «Вы самая прекрасная женщина, которую я когда-либо видел. Снаружи и изнутри».

Лицо Джека побагровело. Его кулаки сжимались и разжимались.

— Кричала ли хозяйка, звала ли на помощь? — прошептал он.

Дулси улыбнулась.

— О нет, масса. Она ничего не сказала.

— Понятно. И что случилось потом?

— Ну, Мозес торопливо спустился по лестнице в бальный зал, где никого не было — все разъехались по домам. Я сбежала вниз и смотрела, как он через одну из дверей зала для танцев вышел в темноту ночи... видите ли, все домашние слуги находились на кухне, занимались уборкой. Поэтому я подбежала к двери и выглянула наружу. И угадайте, куда он пошел.

— Куда?

Она помолчала, баюкая свою куклу Марси.

— Перекреститесь и обещайте хорошо относиться к Дулси.

— Проклятье, куда же он пошел?

Лицо Дулси помрачнело.

— Вы опять плохо относитесь к Дулси.

Джек прикусил губу.

— Извиняюсь.

— Поцелуйте Дулси. Вы никогда, никогда не целовали меня.

Он взял ее свободную руку и медленно поднес к своим губам. Она улыбнулась.

— До чего приятно, — промурлыкала она.

— Так говори же, куда он пошел?

Она снова стала покачивать свою куклу.

— Он пошел на каретный двор и больше оттуда не выходил. Подозреваю, что он все еще там. Я слышала, как хозяйка приказала ему спрятаться в багажном отсеке большой кареты.

Глаза Джека расширились. Потом он вскочил на ноги.

— Спасибо, Дулси, — шепнул он. — Я этого не забуду. Если хочешь, можешь занять домик Мозеса и жить там отдельно.

Ее лицо просияло.

— О, масса, спасибо! Очень благодарна! И, может быть, вы как-нибудь вечером зайдете к Дулси?

— Вполне вероятно. А теперь бегом к хозяйке, попроси ее спуститься вниз. И ни слова о том, что ты рассказала мне.

— Ну, конечно, масса. Я не раскрою и рта.

Она торопливо вышла из столовой, а Джек прошел в комнатку дворецкого и оттуда на кухню. За деревянным столом сидел Броувард, раб-подросток, которого Джек определил в новые конюхи, и пил с Чарльзом кофе.

— Броувард, иди позови мистера Дункана, — приказал Джек. — Живо. Скажи ему, чтобы он прихватил своих ребят и оружие.

— Да, масса.

Броувард вскочил с места и помчался выполнять приказание, а Джек возвратился в столовую. Он допил свою чашку кофе, потом прошел в центральный зал. По лестнице спускалась Лиза, за ней шла Дулси. На Лизе была белая шляпка «а ля императрица Евгения» с большим пером, которое загибалось вниз и нависало над одной стороной ее лица. На свое дорожное платье она накинула бархатный плащ на горностаевой подкладке, фасон которого был разработан Люсьеном Делормом. Джек стоял у подножия лестницы, смотрел на нее и убеждал себя в том, что он видит это восхитительное создание совершенно в новом и возмутительном свете.

— Ты просила денег на покупки, — встретил он ее словами. — Сколько именно тебе надо?

— Ну, думаю, пары сотен долларов будет довольно. Золотом.

— Двести долларов? Теперь я вижу, что моя очаровательная жена охвачена страстью к покупкам, но мне все равно представляется, что это слишком большая сумма.

— Ну, я хотела купить кое-что особенно приятное для Клемми и Билли. И не забыть обо всех их детях. Ну, и, естественно, — она подарила ему обворожительную улыбку, когда сошла с последней ступеньки, — позаботиться о тебе.

— Угу. Конечно, приятно, когда у тебя заботливая жена. И к тому же верная.

Она с любопытством взглянула на него.

— Тебя повезет Броувард. Он скоро вернется. Я послал его по делу. А пока что, ягодка, подожди здесь, а я пойду и принесу тебе деньги.

— Спасибо, дорогой.

Дулси юркнула на кухню. Джек отправился в свой обитый панелями кабинет, открыл сейф, вмонтированный в стену, и вынул оттуда стальной ящик. Он поставил его на свой письменный стол и открыл. Внутри лежала большая пачка бумажных денег, перевязанная бечевкой, и несколько тысяч долларов золотыми монетами. Отсчитав двести долларов золотом, он поставил ящик обратно в сейф. Потом достал свой пистолет и заткнул за кожаный ремень. Закрыв дверцу сейфа и заперев его на ключ, он возвратился в центральный зал, где его ждала Лиза.

— Расстегни свою сумочку, — попросил он. Лиза сделала это, и он высыпал туда золотые монеты.

— Я чувствую себя богатой, — улыбнулась она, застегивая сумочку.

— Броувард, наверное, уже возвратился. Может, мы уже пойдем на каретный двор?

— Тебе совсем необязательно сопровождать меня. Знаю, что ты устал.

— Но я джентльмен, ягодка. А джентльмен всегда сопровождает даму. Ведь ты же *настоящая* дама?

Он взял ее под руку и повел к парадной двери. На улице выдался холодный, ветреный день. Лиза чувствовала, что что-то не так, но сказала себе, что лучшая защита заключается в том, чтобы внешне не подавать никакого вида. А на самом деле ей было безумно страшно. Она понимала, насколько серьезное создалось положение. Поощрение к бегству раба рассматривалось как преступление. Она опять нарушала закон, только на этот раз она делала это преднамеренно. Но она не могла не оказать помощь Мозесу в побеге, и она заранее знала, что его наверняка поймают, если ему не будет оказана такая помощь. Виргиния, конечно, не относилась к глубокому Югу, подобно штатам Алабама и Миссисипи, но она все же находилась далеко от свободных территорий. У него практически не было шансов вырваться из рабства без посторонней помощи.

Каретный двор, холодильные погреба и конюшни располагались в длинном кирпичном здании возле огороженного стеной сада, недалеко от помещений для домашней прислуги. Когда Лиза и Джек подходили к этому казарменного вида низкому строению, туда же галопом прискакал Броувард, сопровождаемый мистером Дунканом и его двумя сыновьями, Шримпбоатом и Пи-Ви. Мужчины спрыгнули с коней, когда Лиза и Джек поравнялись с ними.

— Броувард, подай экипаж для хозяйки, — велел Джек.

— Слушаюсь, масса.

Новоиспеченный конюх вошел в каретный зал. Джек знаком показал мистеру Дункану и его сыновьям приготовиться. Надсмотрщик выглядел несколько смущенным, но все трое вынули свои ружья. Броувард вскарабкался на козлы закрытого экипажа и дернул поводья. Карета с грохотом выкатилась на заснеженную площадку. Джек подошел к карете и, открыв дверцу, театрально поклонился Лизе.

— Карета подана, миледи, — произнес он наигранно весело. — Ах, прости, кажется, что-то скрипнуло! — Он вытащил из-за пояса пистолет и стал осматривать карету. — Не мог ли какой-нибудь злоумышленник забраться в багажный отсек под задним сиденьем? А может быть, какой-нибудь негр спрятался в этой поленнице дров? Увы, я обязан защитить свою милую, беззащитную женушку от этой угрозы. Я сосчитаю до трех, и если негр, сидящий под задним сиденьем, не вылезет наружу, я начну

стрелять по багажному отсеку. Слышишь, черномазый? Раз. — Он нацелил свой пистолет. — Два...

— Джек! — закричала Лиза. — Ты не сделаешь этого!

Он взглянул на нее.

— Вот как? Почему же нет?

— Убери свой пистолет. Мозес, вылезай, пока тебя не убили.

Кожаное сиденье поднялось, и появился охваченный ужасом Мозес.

— Так-так, — улыбнулся Джек. — Наш беглец нашелся. Добро пожаловать домой, Мозес. А теперь, приятель, выходи из кареты. Тебя ждет по-настоящему горячий прием. Действительно горячий. Шримпбоат, надень кандалы на этого черномазого.

— Слушаюсь, сэр, мистер Кавана.

— Сначала закуй ему колени. Парень уже *никогдане* сможет убежать.

— Да, сэр.

Шримпбоат с удовольствием вытащил железные кандалы из своей сумки. Джек подошел к Лизе.

— Этот черномазый находился вчера вечером в твоей спальне, — сказал он намеренно тихим голосом, чтобы не слышали другие. — Ты этого не отрицаешь?

— Кто сказал тебе это?

— Не твое дело. Ты это не отрицаешь?

Она колебалась.

— Не отрицаю.

— Пытался ли он изнасиловать тебя?

— Конечно, нет.

— Угу. Это твоя версия случившегося. А теперь слушай меня, Лиза. Не думаю, что мне придется наказывать тебя. В конце концов, ты моя жена. Не думаю, что ты могла пасть так низко, что начала путаться с черномазым. И я склонен верить, что Мозес, так или иначе, прокрался вечером в твою спальню, чтобы спрятаться. Может быть, я последний осел, что могу поверить в это. Но это уж ты сама решай, осел ли я. Но ты должна будешь заявить, что он пытался изнасиловать тебя. И ты будешь держаться этой версии, как тонущий цепляется за соломинку, потому что если ты этого не сделаешь, ягодка, ты окажешься в большой беде перед законом за то, что помогала бегству этого парня. Итак, сделаешь ли то, что я говорю тебе?

— Что ты собираешься сделать с Мозесом? — прошептала она. Ветер трепал перо на ее шляпке.

— Я поступлю с ним так же, как поступают с любым черномазым, который попытается изнасиловать мою жену. Я кастрирую его.

— Нет! — вырвалось из ее груди. — Джек, ты не можешь этого сделать! Это бесчеловечно... нелепо!

— Будь ты проклята...

— Я не позволю тебе сделать это. Я расскажу правду!

— Заткнись!

Он врезал ей такую затрещину, что она навзничь упала на снег.

— Сво-лочь! — взревел Мозес, хватая ружье Шримпбоата, который легкомысленно прислонил его к карете, когда стал надевать кандалы. — Белая тварь! Не тронь эту женщину!

Он прицелился в спину Джека и выстрелил. Лиза издала вопль ужаса. Джек дернулся вперед, потом ничком рухнул на заснеженную землю. Он немного покорчился и затих.

— Шримпбоат, ложись! — завопил мистер Дункан, целясь в Мозеса. Он выстрелил. Пуля попала Мозесу в живот, отбросив его к карете. Лиза, рыдая, поднялась на ноги и бросилась к Джеку. Встав на колени, она попыталась прощупать пульс. Но его не было. Джек был мертв. Выпрямившись, она побежала к карете, где Дункан, поднеся ружье к лицу Мозеса, собирался разнести его в клочья.

— Подожди! — крикнула она. Оскалившись, мистер Дункан опустил ружье, и Лиза встала на колени возле Мозеса. Она знала, что он умирает. Рубаха на животе пропиталась кровью, его грудь вздымалась, он тяжело дышал. Глаза полузакрылись. Свою ладонь она приложила к его щеке.

— Мозес...

Несчастный посмотрел ей в глаза.

— Хозяйка, — прошептал он. — Такая добрая...

— Дорогой Мозес. Как мне жаль...

— Хозяйка, разыщите моего сына и помогите ему так же, как вы пытались помочь мне.

— Да, клянусь, что сделаю это.

— Его зовут Гавриил... Из Библии. Хороший мальчик... может быть, ему больше повезет... — Он попытался поднять руку. Она взяла ее и пожала. В ее глазах стояли слезы.

— Хозяйка такая... прекрасная. Самая прекрасная... — Он с трудом ловил воздух, глаза стали закатываться. — Хотелось стать с вами... друзьями.

Из его горла вылетел негромкий хрип, и он... скончался.

Лиза медленно поднялась на ноги, отпустив его руку. На нее смотрели мистер Дункан и два его сына, Шримпбоат и Пи-Ви. На их мрачных лицах было написано подозрение.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

Адам во весь опор мчался в Калькутту на белом арабском скакуне, сопровождаемый Азимуллой и дюжиной *бадмашес*— такой бандой отчаянных убийц, которых ему не приходилось встречать. Он поражался доверчивости Нана Саиба, который клюнул на его выдумку о том, что большой бриллиант находится в сейфе банка. В первую же ночь своего пребывания в Калькутте Адам спрятал огромный драгоценный камень, на его взгляд, в необычном и очень подходящем месте. Дальнейшее развитие событий не оставило в нем сомнений, что его предусмотрительность сохранила ему жизнь, поскольку у Адама не было иллюзий относительно «отряда охранников». *Бадмашес*, скакавшие по бокам от него, — грязные мужчины в отрепьях и тюрбанах, вооруженные до зубов кинжалами, саблями и ружьями, — бросали на него такие взгляды, которые не понял бы только слепой или глупец. Хотя Азимулла проявлял внимание и согласился с просьбой Адама провести ночь в Калькутте в доме сэра Карлтона Макнера, Адам знал, что как только он возьмет бриллиант из «банка», то, считай, пропал.

Лошадей, на которых они скакали, предоставил им махараджа Баниханжа, конюшни которого славились арабскими рысаками. Выглядели они великолепно, но Адам с удивлением убедился, что сказочные кони оказались не такими уж резвыми. Они проезжали выжженную солнцем местность — пыльную, красновато-коричневую плоскую равнину, где изредка попадались камни, кустарник и тропические деревья, в частности фиговые, священные для индусов деревья. Время от времени Адам замечал коричневых обезьян на деревьях, и когда они остановились в грязной деревне чтобы пообедать, он слышал визг древесных крыс и каких-то птиц. Адам заполнял свою дорожную фляжку водой из деревенского колодца, когда к нему подошел Азимулла.

— Я только что побывал в телеграфном отделении этой деревни, — сказал он. — Вы знаете, что в городе Меерут вспыхнул бунт, когда *сипаи*отказались пользоваться пулями неверных. Сейчас они двигаются к Дели, чтобы упротить Бахадура Шаха возглавить их в великом восстании против англичан. Англичанам, которые сейчас оказались в Индии, не повезло.

Адам отпил глоток воды из своей фляжки.

— Насколько я понимаю, лепешки, которые столь таинственно

появлялись в английских домах, означали предупреждение?

— Совершенно правильно, предупреждение вам, англичанам, убираться из Индии до того, как грянет гром. Но бунтовщики совершают ошибку, направляясь к Бахадуру Шаху. Пусть он последний законный наследник империи Моголов, но ведь ему восемьдесят два года, он сошел с ума: думает, что может превратить себя в муху. Кроме того, он — английская марионетка. Настоящим вождем революции станет Нана Саиб.

— Вы так уверены в этом...

Азимулла улыбнулся:

— Я знаю, как бунтовщики поступают с вами, англичанами. Англичанки в Мееруте попытались замаскироваться под индусок, чтобы избежать гнева бунтовщиков, но их всех разоблачили и уничтожили. Вы тоже перекрасились под индуса, но помните, Торн Саиб: без нашей защиты вас тоже разоблачат и уничтожат.

Адам посмотрел на своих «телохранителей», потом улыбнулся Азимулле.

— Не могу сказать, насколько безопасно я чувствую себя в ваших руках, — отозвался он.

Азимулле не понравилась его ирония.

Эмилия Макнер умирала от жары и скуки. Ее родители обычно, когда начиналась жара в конце апреля, переезжали в домик в горах. Их чайная плантация находилась в Даржилинге, в трехстах милях к северу от Калькутты, в горной местности возле границы штата, где климат был благословенно прохладным и идеальным для разведения чайного кустарника. Леди Макнер, дочь хирурга из Манчестера, могла разводить там цветы и мысленно как бы возвращаться в Англию. Эмилия любила Даржилинг. Ее свобода в Калькутте была более ограничена, потому что Калькутта была резиденцией генерал-губернатора, лорда Кеннинга, и во всем надо было подчиняться протоколу. Но в Даржилинге она чувствовала себя гораздо свободнее. Она превращалась в сорванца: скакала на лошади, лазила по деревьям и вообще приводила свою чопорную мамашу в ужас своими шалостями.

Но в этом году из-за неопределенности, связанной с разрастающимся бунтом, отец решил остаться в Калькутте. Но когда до английских жителей дошли слухи о массовых убийствах в Мееруте и о марше бунтовщиков на Дели, в Калькутте среди англичан началась паника. Всего двадцать три тысячи человек насчитывалось в королевских полках, как именовались соединения только из европейцев, и всего четырнадцать тысяч английских

офицеров в огромной индийской армии. Другими словами, во всей Индии находилось всего лишь сорок тысяч воинов, на которых можно было положиться при защите от 150-миллионного населения страны. Неожиданно Калькутта превратилась в безопасное место, а остальная часть Индии — в западню смерти.

Но в Калькутте стояла страшная жара. В середине мая температура достигала сорока пяти градусов в тени, что, помноженное на влажность, создавало эффект парной бани. Откуда ни возьмись появились кукушки со своим диким кукованием и мелкие пташки, шум которых просто сводил с ума. Духота породила также москитов и множество насекомых с их отвратительной особенностью оказываться у людей в супе. И, естественно, жара привлекла змей, ядовитых кобр и других ползучих тварей, которые могли проникать в ванные через канализационные стоки или прятаться в самых неожиданных местах. Эмилия ненавидела жару и, прогуливаясь по гостиной дома своих родителей, окна которой были закрыты отражателями, чтобы ослабить натиск жары, думала, что не выдержит и сейчас закричит.

— Думаю, что у меня начинается потница, — сказала она матери, которая сидела в кресле под медленно двигающимся опахалом.

— Эмилия, прекрати наконец ходить взад и вперед. А если у тебя начинается потница, то нужно смазать это место. Вот и все.

Дверь отворилась, и вошел дворецкий леди Макнер — Ранжи.

— Мемсахиб, — обратился он к хозяйке, — индийский джентльмен просит принять его.

— Индийский джентльмен? — повторила леди Макнер, как будто эти два слова исключали друг друга. — Кто же это?

— Он назвал себя лордом Понтефрактом.

— Адам! — воскликнула Эмилия. Одной из причин ее плохого настроения было то, что в этом году она лишилась компании молодых офицеров, которые тоже проводили лето в Даржилинге, а мятеж и жара в городе лишили возможности всякого общения.

— Эмилия, веди себя прилично, — одернула ее мать. — Ранжи, тут несомненно какая-то ошибка. Лорд Понтефракт не индус.

— И все же, мемсахиб, именно такую фамилию назвал этот индийский джентльмен. Его сопровождает группа всадников, которые, на мой взгляд, похожи на бандитов.

— На бандитов? — выдохнула Эмилия. — Адам попал в руки шайки бандитов! Как романтично!

— Эмилия, или ты попридержишь свой язычок, или я расскажу отцу о твоём поведении. Ранжи, не... угрожал ли тебе этот индийский

джентльмен?

— О нет, мемсахиб, он производит впечатление мирно настроенного человека. Но другие... — он пожал плечами.

— Хорошо,пусти его. Но если и другие захотят войти, то не пускай их — захлопни дверь.

— Слушаюсь, мемсахиб.

Ранжи поклонился, выходя из гостиной, а Эмилия подбежала к одному из окон, чтобы приоткрыть отражатель.

— Эмилия, что ты делаешь?

— Ах, мама, если это Адам, то я должна поправить прическу!

— Невозможное дитя! Тыпустишь солнечные лучи, и в считанные секунды это помещение превратится в жаровню. Но даже если это и лорд Понтефракт, что очень сомнительно, я все равно не позволю тебе бросаться ему на шею. Не забывай, что он женатый человек.

Эмилия подошла к зеркалу и стала поправлять свои золотистые волосы.

— Свою жену он не любит.

— Откуда тебе это известно?

— Это и так видно. Ах, мама, в нем столько грусти! Это делает его совершенно неотразимым.

— Хочу напомнить тебе, что молодые барышни должны вести себя скромно и сдержанно. Увы, боюсь, что эти два слова тебе неизвестны.

— Добрый день, леди Макнер.

Голос показался знакомым, но человека, который произнес эти слова, Эмилия никогда не видела. Индийский джентльмен с короткой черной бородкой, в камзоле цвета слоновой кости, белых штанах и белом тюрбане походил на принца из *«Тысяча и одной ночи»*. Эмилия, которая упивалась такими романами с детских лет, встречалась уже со многими принцами за пятнадцать лет пребывания на полуострове, но большинство из них были либо чрезмерными толстяками, трясущимися маразматиками вроде Бахадур Шаха, либо пьяницами и наркоманами. Но сейчас в дверях стоял мужчина, в точности похожий на воображаемых ею принцев. Она подошла к двери.

— Адам? — тихо спросила она, потому что, подойдя ближе, стала узнавать его. — Это вы?

Он улыбнулся:

— Да, это я — скорее, более темный вариант моей персоны.

— Вы так неожиданно исчезли! Мы не знали, что и подумать! Больше всего мы боялись, что вас похитили и убили!

— Меня действительно похитили, леди Макнер. Меня сопровождал

сюда эскорт людей с довольно скверной репутацией.

— Со скверной репутацией? — фыркнула леди Агата. — Мой дворецкий сказал, что они выглядят как шайка бандитов.

Адам улыбнулся.

— Действительно, они так и выглядят, но на самом деле это добрые души, которые не обидят и мухи. Завтра я должен встретиться с ними в банке Калькутты — они помогут мне снять деньги. А пока что я хотел бы спросить, не могу ли я еще раз воспользоваться вашим гостеприимством и провести здесь еще одну ночь?

— Ах, Адам, конечно.

— Подожди, Эмилия, — прервала ее мать, величаво поднимаясь на ноги. — Теперь я вижу, что это действительно вы, лорд Понтефракт. Но мне в жизни не понять, почему вы себе позволили такую странную выходку — измазали себя под негра.

Адам уже начал привыкать к такому описанию индийских туземцев, хотя ему все еще само слово «негр», «негритос» или «черномазый» не нравилось. Однако ему надо было переночевать в этом доме, и он сохранил хладнокровие.

— Это своего рода трюк, мадам, — ответил он елейным тоном, — или, если сказать более точно, шутка.

— Ну, сэр, с моей точки зрения, это дурная шутка. Чтобы порядочный англичанин вымазал свою кожу в темный цвет без всякой веской причины, поражает меня, как попытка изменить Богом заведенный порядок вещей. Особенно это неуместно в такое время испытаний, как ныне. Несмотря на это, сэр, мы, конечно, будем рады приютить вас на ночь. Ранжи, — обратилась она к дворецкому, который стоял за спиной Адама, — проведи лорда Понтефракта в восточную комнату для гостей.

— Слушаюсь, мемсахиб, — поклонился дворецкий и взглянул на Адама с плохо скрываемым недоумением.

Недоумевал при виде Адама не только дворецкий. Эмилию восхитило его новое таинственное появление в одежде индуса. За ужином в этот вечер она забрасывала его вопросами о его загадочной маскировке, но он проявил удивительную сдержанность. Родители Эмилии были так же изумлены, как и она сама. Но в английской колониальной империи существовали строгие правила «сдержанности», которые не позволяли ни сэру Карлтону, ни его супруге проявлять любопытство. Адам был исключительно богатым аристократом, а английская аристократия славилась своим чудачеством.

Да и вообще мысли Карлтона были больше заняты мятежом. По мере того как продолжался ужин в столовой, напоминавшей жаровню, он метал

громы и молнии по поводу малодушия и нерешительности лорда Каннинга перед лицом острейшего кризиса в британской Индии. Адама удивило, что сэр Карлтон, который на обеде с участием лорда Каннинга, казалось, считал, что англичане виновны в недостаточном внимании к национальным индийским конфессиям, теперь вину за массовые убийства в Меетуре возлагал на «кровожадность и черную неблагодарность» национальных солдат — *сипаев*.

— Каннинг должен вешать этих зверей на деревьях, — говорил сэр Карлтон в то время, когда слуга наполнял его бокал из обернутой полотенцем винной бутылки. (Это делалось, чтобы вино оставалось охлажденным.) — Запомните, будет еще не то. Положение станет ухудшаться перед тем как выправиться. Хуже того, до меня доходят сообщения о том, что эти скоты повсюду убивают нашего брата, англичан.

Он запустил нож в кусок маринованной козлятины, зажаренной в горчичном масле с картофелем и луком. Адам подумал, что, может быть, Карлтон переборщил, что частично отражало охватившую всех европейцев в Индии панику, и в первую очередь англичан, но все же его тревога не была излишней. Беспокоило то, что мятеж принимал характер ситуации «мы-против-них», когда почти не оставалось места для компромиссного решения проблем между черными и белыми.

В эту ночь Эмилия никак не могла заснуть в своей невероятно жаркой спальне. Она не понимала, почему так тянулось всем своим существом к Адаму, особенно теперь, что было очень странно, когда его кожа потемнела, чем раньше, когда он был более светлокожим. Ей снова и снова приходила мысль о том, что она влюбилась в него. Но горячие страсти, обуревавшие ее молодое тело, казались ей далекими от бледнокожих сдержанных любовников с картин художников-прерафаэлитов, которые она видела в музеях Англии. Если это любовь, то она обладает мистической силой, несравненно более мощной, чем она представляла себе раньше.

Эмилия не могла заснуть. Она обливалась потом в своей спальне, потому что даже в полночь температура воздуха была за тридцать градусов. Наконец, в два часа утра, когда первое дыхание прохлады принесло некоторое облегчение и ей удалось задремать от простого изнеможения, она вдруг услышала шум в саду, как раз под ее окном.

Девушка прислушалась. Было тихо. Сад, окружавший особняк ее родителей, был отгорожен стеной от нищенского убожества Калькутты, но в такое беспокойное время, конечно же, кто-нибудь мог перелезть через кирпичную стену высотой в шесть футов. Более того, она знала, что два

сторожа-туземца обычно дремали на протяжении всей ночи. Подняв сетку от москитов, она взяла шлепанцы со столика возле кровати (никто в Индии не оставляет обувь на полу из страха, что туда могут заползти скорпионы), надела их, слезла с кровати и поспешила приоткрыть окно. Хотя спальня находилась на втором этаже, она без труда заметила мужчину в тюрбане, который стоял в чаше фонтана с лягушкой — разбудил ее шум, когда он влез в воду. Поднявшись на носках, мужчина протянул руку вверх к пасти фигуры лягушки на каменном постаменте в центре фонтана.

Это был Адам.

Она выбежала в гардеробную, набросила на себя купальный халат, быстро прошмыгнула в темный и тихий зал второго этажа и сбежала вниз по лестнице. Торопясь попасть в большой салон, она выбежала через одну из дверей на заднюю террасу. Как раз в этот момент на террасу поднялся Адам. Из-под подвернутых брючин выглядывали мокрые голые ноги. Увидев Эмилию, он вздрогнул.

— Что вы здесь делаете? — прошептала она, подбегая к нему. — Что вы вынули из пасти лягушки?

Он заколебался, стоит ли ей показывать. Потом медленно раскрыл кулак правой руки. Она как замороженная уставилась на огромный бриллиант, который даже в темноте звездной ночи, казалось, излучал бледное пламя.

— Это — «Глаз идола», — прошептал он. — Я взял на себя смелость использовать ваш фонтан в качестве банковского сейфа.

Ее потрясли размеры драгоценного камня.

— Он был похищен из храма в Лакнау. Я, возможно, единственный человек, который за всю историю человечества старается вернуть бриллиант, вместо того чтобы похитить его, но на это я трачу чертовски много времени.

— Вы хотите сказать, что попытаетесь вернуть его обратно в Лакнау?

— Ну да. Я обещал своему дедушке, что сделаю это, как раз перед тем, как его убили. Но некий толстяк по имени Нана Саиб пытается прикончить меня до того, как я возвращу этот бриллиант. Вот почему я покидаю вас именно сейчас. Поблагодарите своих родителей за их гостеприимство. Если мне повезет, то через несколько недель я вернусь сюда.

— Но вы не можете один путешествовать по Индии, — прошептала она. — Вы не говорите на их языке... вас наверняка убьют! Вы слышали, что сказал папа во время ужина: мятеж распространяется чрезвычайно быстро, и на англичан нападают повсюду. У вас нет никаких шансов.

— Так думает и Нана Саиб. Вот почему он изменил цвет моей кожи —

чтобы бросить меня на растерзание волкам. Но у меня есть пистолет, и...

— Пожалуйста, подождите! Разрешите мне поехать с вами!

— Эмилия, не смешите.

— Но я же знаю их язык! Я прожила тут всю жизнь... Я могу даже разговаривать на бенгальском диалекте. Дайте мне всего полчаса на сборы. У меня имеется черная краска из сажи, и я смогу позаимствовать кое-какую одежду у слуг. Я замаскируюсь под вашу служанку — всякий индийский господин путешествует со служанкой, и если нас остановят, то разговаривать буду я и объясню им, что у вас ларингит, что вы потеряли голос.

Адам с трудом сдержал улыбку.

— Дикая, но прекрасная идея. Восхищен вашей сообразительностью, но...

Она выхватила бриллиант из его руки и припустилась в дом через заднюю дверь.

— Эмилия!

— Вы не уедете без бриллианта, — негромко крикнула она возле дверей, — поэтому вам *придется* меня подождать. И я ни за что на свете не откажусь от такой возможности!

— Эмилия, за этими стенами дюжина вооруженных людей, — горячился Адам, пытаясь догнать ее. — Я надеюсь лишь на то, что смогу перемахнуть через стену в темноте и попытаться улизнуть от них. А теперь отдайте мне бриллиант! Двоих людей гораздо легче поймать!

Эмилия заколебалась.

— Тогда нам не надо пробираться украдкой, — сказала она. — Вы говорили мне, что у них арабские рысаки. Эти лошади не из быстрых. А в конюшне моего отца самые резвые в Индии лошади. Мы оседлаем пару таких коней, и они никогда не догонят нас. Подождите меня.

Адам просто застонал, когда она скрылась в доме.

— Проклятье!

Но хотя все это осложняло путешествие и он должен был нести ответственность за безопасность девушки, Адам все же не мог не признать, что получил огромное преимущество: рядом будет Эмилия, которая знает язык хинди. Он немного изучал хинди во время своего морского путешествия из Англии, но не говорил на нем бегло, и в трудную минуту его знаний могло оказаться недостаточно.

Эмилия, задыхаясь от возбуждения, взбежала по широкой лестнице. Она твердила себе, что, убегая вместе с Адамом, нарушает все мыслимые нормы девичьего поведения. Это потрясет ее родителей. Она, может быть,

даже навлечет на себя опасность, но ей это было безразлично. Она окуналась в величайшее приключение своей жизни! К тому же, она влюбилась!

Адам торопливо перебежал через сад, подпрыгнул, ухватившись за верх стены. Подтянувшись на руках, он осмотрел улицу. На другой стороне улицы он увидел Азимуллу, стоявшего возле своей лошади. Другие *бадмашес*, спешившись, уселись на мостовой, большинство из них спали.

— По крайней мере, мы можем застать их врасплох, — прошептал Адам через полчаса, когда Эмилия снова вышла из дома. Она намазала свое лицо сажей, надела грязный тюрбан и не менее грязные панталоны и рубаху. — Большинство из них находятся на улице и спят. Где вы достали одежду?

— Взяла займы у одной из своих служанок. Бриллиант я спрятала в своем тюрбане. Сойду ли я за индуску?

— Меня бы вы провели запросто. Но еще раз предупреждаю вас, что это путешествие может оказаться опасным.

— Ах, Адам, не будьте таким ворчуном. Я не боюсь. И, кроме того, я сама могу позаботиться о себе.

— Я поскачу первым и отвлеку их. Когда они скроются, выезжайте и вы. Где мы встретимся?

Она ненадолго задумалась.

— В Барракпоре, — предложила она. — Это в четырнадцати милях к северу от Калькутты. У генерал-губернатора там загородный дом, и место хорошо охраняется английскими войсками. Они вряд ли отважатся ехать в Барракпор. Мы встретимся там перед рассветом, возле поместья лорда Каннинга.

— Идет. — Он вытащил пистолет из-за пояса. — Это я взял на время из стола вашего отца. Надеюсь, он не рассердится.

— Он придет в ярость.

— Пожалуй. И, думаю, что ему не очень понравится, когда он узнает, что вы уехали со мной. Где стоят лошади?

— Вон там.

Она провела его к задней части дома, где располагалась конюшня на восемь стойл, рядом с каретным сараем. Эмилия отворила дверцу одного стойла. Во тьме захрапел конь.

— Мы оседлаем Синнамону и Занзибара, — шепнула она Адаму. — Синнамона — это моя кобыла, а Занзибар — конь отца. Обе эти лошади чемпионы. Папа собирается выставить их на скачках за кубок губернатора.

Они быстро оседлали двух прекрасных скакунов, потом провели их

вокруг дома к деревянным воротам, выходящим на улицу. Адам вскочил на Занзибара, держа пистолет в правой руке.

— Порядок, — шепнул он. — Открывайте ворота. Мы встречаемся на рассвете в Барракторе.

— Поворачивайте направо и скачите к реке. Знаки укажут вам дорогу. Удачи!

— Она нужна нам обоим. И все же с вашей стороны безумство пускаться на это.

— Я никогда в жизни не получу большего удовольствия.

Она подошла к деревянным воротам, приподняла толстый засов, которым они закрывались, и отворила одну створку ворот. Адам пришпорил Занзибара. Конь рванулся вперед, застучав копытами по мостовой. Адам знал, что его пистолет однозарядный, и надеялся сразить Азимулла одним выстрелом. Когда он несясь вскачь мимо оторопевшего от неожиданности индуса, он выстрелил, но попал лишь в плечо.

Азимулла, схватившись за плечо, взвизгнул что-то на хинди. Адам низко пригнулся, несясь во весь опор по улице. Он вспомнил, как он лихо скакал еще мальчиком на йоркширских торфяниках, но тогда его не преследовали кровожадные индусы. Он оглянулся назад. Все бадмашесвскочили на коней, за исключением Азимуллы, и пустились в погоню, на ходу стреляя из ружей. Адам повернул на перекрестке и пустил коня в такой аллюр, в каком не скакал еще ни разу в жизни. Занзибар проявил себя отлично. Адам даже подумал, что если он останется в живых, то постарается купить такого редкостного скакуна.

В предрассветные часы Калькутта только начинала просыпаться. Летя опроретью в направлении площади, Адам увидел торговцев, которые расставляли свои рыночные навесы на базаре. Он проскочил через эти навесы, рассыпав кошелки и опрокинув столики. Торговцы возмущенно загорланили, размахивая кулаками. Потом он понесся по узким улицам и, наконец, выскочил к реке Хугли и к главной дороге, ведущей на север. Увидев знак с названием «Баррактор», он вонзил каблуки в бока Занзибара и как ветер понесся в этом направлении.

На востоке начинала заниматься заря.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

— Подготовьте бумаги о предоставлении вольной всем моим рабам. — Лиза стояла перед камином в гостиной особняка на плантации «Эльвира». — Я освобождаю всех зависящих от меня людей. Они получат достойную оплату, если захотят остаться здесь и работать на меня. Но на плантации «Эльвира» с рабством будет покончено.

Оба Девре, Билли и Клемми, удивились. Дело происходило два дня спустя после похорон Джека Кавана. Лиза прелестно выглядела в черном траурном одеянии. Клемми, которая тоже носила траур по своему кузену, поднялась, подошла к Лизе и обняла ее.

— Какой замечательный поступок, — сказала она, улыбаясь.

— Я хорошо все обдумала, — продолжала Лиза, — и пришла к заключению, что смогу наладить на этой плантации работу, используя свободный труд. Может быть, и некоторые другие рабовладельцы поймут, что существует альтернатива рабству.

— Но я должен напомнить вам, Лиза, — вмешался Билли, адвокат Джека, — что речь идет о разбазаривании больших капиталов, возможно, о полумиллионе долларов! Огромной суммы денег!

— Деньги не имеют значения, — заявила Лиза, которая удивилась, когда Билли зачитал ей завещание Джека после похорон. Там было написано, что он оставил ей в наследство более трех миллионов долларов, оглушительную сумму для того времени. — И я отказываюсь относиться к людям как к финансовому капиталу.

— О, Лиза, просто не могу высказать, как я счастлива слышать это от вас! — воскликнула Клемми. — Это такой благородный поступок.

— Ну, в какой-то степени выподали мне пример тем, что освободили своих собственных рабов.

— Да, но их у меня было всего несколько человек, а вы освобождаете более трехсот.

— И именно это обстоятельство создает проблему, — заметил Билли, который тоже поднялся со своего стула и подошел к высокому, из трех рам окну, чтобы посмотреть на морозящий дождь.

— Что за проблема? — спросила Лиза.

— То, что вы освобождаете сразу очень многих, — ответил Билли, повернувшись к ней. — Этого испугаются другие рабовладельцы. Послушайте, Лиза, у вас есть право иметь свои собственные политические

убеждения, так же как и у нас. Но Джек был одним из виднейших рабовладельцев Юга, а теперь таким рабовладельцем стали вы. Если вы сразу освободите столько рабов, то другие рабовладельцы просто помрут от страха.

— Почему же?

— Вы начнете создавать рынок свободного труда, а это значит, что вы начнете раскачивать лодку, возможно, породить новые идеи не только в головах рабовладельцев, но и самих рабов. Если вольную своим рабам начнут давать другие, то тогда упадет стоимость других рабов. Может быть, лично вас не сильно затронет потеря денег от освобождения рабов, но другие рабовладельцы ощутят это очень болезненно, и они вас возненавидят.

— Они уже меня возненавидели после того, что я сказала во время бала. Пусть эти узколобые идиоты ненавидят меня еще сильнее. Мне было бы стыдно, если бы я им понравилась.

— Но ваша репутация как дамы...

— Ха! Как будто у меня она хорошая. Не думайте, что я не знаю, что тут говорят обо мне: что я была наложницей Наполеона и Бог знает что еще. Глупые кошки.

— Они говорят не только это.

Молчание.

— Что вы имеете в виду?

Билли взглянул на жену.

— Скажи ей, Клемми.

Клемми Деври отрицательно покачала головой.

Лиза напряглась.

— В чем же дело? Скажи мне, Клемми.

— Не хочу повторять такую грязь.

— Сладкая моя, она же должна знать правду, — воскликнул Билли. — Ей это необходимо знать. Лиза, говорят, что вы и Мозес были...

— Билли Девре, заткнись! — воскликнула его жена.

— Пусть скажет, — возразила Лиза. — Что говорят? Что Мозес был моим любовником?

— Лиза, только самые испорченные головы могут поверить этому, — вмешалась Клемми, взяв ее за руку. — Видите ли, мистер Дункан и два его отпетых сынка рассказывают всем, что когда они застрелили Мозеса, то вы подбежали к нему... и взяли его за руку.

— Да, это правда, — подтвердила Лиза. — И я не стыжусь этого. Но моим любовником он не был. Если что-то и было, то лишь желание

подружиться. Впрочем, думаю, что с моей стороны было глупо пытаться делать даже *это*.

— То, что я хочу довести до вашего сведения, Лиза, — продолжал Билли, — так это то, что вы нажили себе могущественных врагов. Сенатор Уитни — один из самых влиятельных людей в Вашингтоне, а вы одернули его вместе с Элли Мэй на рождественском балу. И, поверьте мне, Элли Мэй распространяет теперь ядовитые сплетни о вас по всему графству Глочестер. А теперь, радость моя, если вы освободите сразу всех рабов, одному Господу известно, что они могут выкинуть в отместку вам.

— Но *почему же*? — воскликнула Лиза.

— Разве вам непонятно? Здесь же круговая порука: либо всё, либо ничего. И вы окажетесь предателем благородного дела.

— Рабство — благородное дело?

— Да!

— Но что они мне могут сделать? Освободить рабов законом не запрещается.

— Но закон запрещает белым женщинам спать с неграми.

Она уставилась на него.

— А я с ним и не спала, — негромко ответила она.

— Я это знаю, радость моя. Но наши присяжные могут заявить, что вы это делали, особенно если все влиятельные рабовладельцы начнут на них давить, а без этого, уверяю вас, не обойдется. Положение может приобрести очень мерзкий оборот. Как ваш адвокат и друг советую вам не высовываться. Может быть, можно освободить пару рабов в качестве рождественского подарка. А потом еще пару на будущий год. Но если вы сразу отпустите на волю триста рабов, у вас будут большие неприятности! *Очень большие неприятности!*

Нахмурившись, Лиза обдумала сказанное и пришла к выводу, что Билли, возможно, прав.

— Думаю, — произнесла она после некоторого молчания, — что не существует законов, которые препятствовали бы улучшению жизни рабов? Запрещали бы относиться к ним по-человечески?

— Ну, конечно, таких законов нет. Но на практике многие рабовладельцы поступают именно так.

— Хорошо. Я последую вашему совету. Боюсь, что вы правы. Но сообщите этому отвратительному мистеру Дункану, что с сегодняшнего дня он уволен. Пусть он и оба его сына убираются с этой плантации до рассвета, или я прикажу их выбросить отсюда. Подготовьте также бумаги о предоставлении вольной Чарльзу, тете Лиде и Дулси. Я даю им вольную

хотя бы ради Рождества. Надеюсь, что вы проведете Рождество вместе со мной?

— О, с большой радостью, дорогая! И не будем вспоминать о постигшей вас утрате, — отозвалась Клемми.

Лиза опустила глаза при упоминании ее усопшего мужа. Увы, она не могла заставить себя горевать об этой потере.

— Тебе нравится это платье? — Леттис Белладон стояла перед зеркалом во весь рост в номере «люкс» отеля «Уиллард» в Вашингтоне. На ней было великолепное шелковое бальное платье. Декольте, отороченное вышивкой, открывало значительную часть ее пышной груди.

— Очень мило, моя дорогая, но нам надо торопиться. Не хотелось бы опаздывать на прием к сенатору Уитни. У него соберутся все, возможно, приедет сам президент.

Леттис взяла со стула шаль и набросила ее себе на плечи.

— Уверена, что прием пойдет блистательно, — заметила она, — если вообще в этом мерзком городе можно что-либо назвать блистательным.

— Мы должны быть снисходительными, дорогая. Нельзя же сравнивать Вашингтон с Лондоном или Парижем.

Направляясь к двери, Леттис рассмеялась.

— Это точно, нельзя. Здесь просто большая деревня с претензиями, если хочешь знать мое мнение. И я нигде не видела так ужасно одетых женщин, как жен местной знати в Вашингтоне.

— Не надо забывать, что Америка — один из самых быстро растущих рынков для нашего предприятия «Текстиль Белладона». И, конечно, мы не должны обидеть хозяйку, миссис Уитни. Ее брат выращивает один из самых лучших сортов хлопка в штате Миссисипи и продает его мне по очень выгодной цене.

— Ее брат также приставал ко мне с сальными предложениями, — сказала Леттис с видом опороченной добродетели, хотя в тот момент ее позабавило приглашение подвыпившего плантатора поехать к нему в имение, чтобы немного «порезвиться».

— Ну, сегодня мы об этом вспоминать не будем, — заметил Горас, отворяя дверь.

Горас и Леттис Белладоны приехали в Америку для осмотра ведущих магазинов одежды на Восточном побережье страны, а также для посещения крупнейших хлопковых плантаций. Они вышли из гостиницы и сели в экипаж.

— Езжайте к дому сенатора Уитни на улице... — назвал кучеру адрес

Горас. Когда экипаж тронулся, Леттис обратила внимание на толпы черных бродяг возле гостиницы.

— Как ты думаешь, они рабы? — спросила она мужа.

— Вполне может быть, — ответил Горас, приглаживая свои пышные бакенбарды. — Насколько я разбираюсь в здешней ситуации, южане контролируют Сенат и Верховный суд, и, конечно, президент тоже демократ и относится пристрастно к рабовладельцам. Практически весь этот город принадлежит южанам.

За два дня пребывания в молодой Американской республике у Леттис создалось весьма нелестное представление об этой стране. Она осмотрела Капитолий. Зал Сената и круглый, красный с золотом зал Палаты представителей были уже отделаны, а большой мраморный флигель, который возводился уже семь лет, был почти готов. Леттис подумала, что все это производит довольно хорошее впечатление, хотя ощущение величия несколько снижалось за счет того, что территория Капитолия была замусорена кусками мрамора, валяющимися колоннами, досками, железными плитами и камнями, а также домиками для рабочих. Они проехали мимо департаментов почты и патентов, которые расположились по диагонали между Седьмой и Восьмой улицами. Она посмотрела на огромное здание казначейства на Пятнадцатой улице, строительство которого еще не закончилось. Ее позабавило небольшое кирпичное строение государственного департамента, которое выглядело так же скромно, как и департаменты армии и военно-морского флота, разместившиеся в старомодных постройках к востоку от Дома правительства. И она решила, что Белый дом проигрывал в роскоши, если его сравнивать, например, с Букингемским дворцом. Она слышала о том, что приемы в Белом доме при таком скаредном бюджете были так скромны, что даже не ставились цветы на обеденные столы. Люди без всякой радости принимали приглашения посетить Белый дом. Президент, уроженец Пенсильвании, вдовец, и его племянница, молодая мисс Хариет Лейн, выступали в качестве хозяев правительственного особняка. Хотя в народе мисс Хариет Лейн любили (новая песня «Послушай пересмешника» была посвящена ей), вашингтонское общество считало, что она жеманница и зануда. «Что за столица! — думала Леттис. — Что за страна!»

Их экипаж въехал на подъездную площадку претенциозного особняка с колоннами, который сенатор построил три года назад. Горас и Леттис вышли из экипажа. Ярко освещенный дом уже заполнили гости. Когда Леттис поднималась на крыльцо, она услышала звуки оркестра, наигрывавшего веселые мелодии «Дикси».

Белладоны находились в Вашингтоне всего два дня, но уже знали о напряженности в отношениях между политиками — северянами и южанами, сторонниками рабства. Эта напряженность распространилась также и на социальную жизнь. Росло число людей, которые приглашали либо только северян, либо только южан, в зависимости от своих убеждений. Однако несмотря на свои явные симпатии к рабовладельцам, сенатор Уитни и его родившаяся в штате Миссисипи жена все еще общались и с теми, и с другими, во всяком случае на социальных мероприятиях.

В центральном зале Белладонов встретил исполненный достоинства черный дворецкий, и они присоединились к другим гостям, которые двигались цепочкой, чтобы поздороваться с хозяевами. Леттис подумала, что Элли Мэй Уитни, конечно, была некрасива со своим большим носом и лошадиными зубами, но умелая горничная подкрасила ее внешность, и она выглядела вполне представительно в своем огромном платье из сатина в бледно-розовую полоску на зеленом фоне. «Довольно привлекательное платье, — думала Леттис. — Правда, Элли Мэй слишком обнажила свои костлявые плечи и плоскую грудь...» Но ее муж был олицетворением сенаторского достоинства со своими серебристыми волосами до плеч, в безупречно сшитом фраке. Леттис подумала, что он один из наиболее представительных американцев, которых ей пришлось до сих пор видеть. Наблюдая, как он ведет разговор и здоровается с гостями, она заметила, что он обладает профессиональным даром политика — умеет дать почувствовать своему собеседнику или собеседнице, что из всех людей на свете в данный момент его интересует только этот человек. Очарование так и распирало этого патриция, когда он, пожимая руки, улыбался и обращался своим музыкальным голосом с виргинским акцентом к богатым гостям — людям с большими связями, которые медленно проходили мимо него и его жены.

— Судья Кемпбелл из Верховного суда и миссис Кемпбелл! — громко выкрикнул молодой черный лакей, по всей видимости, получая огромное удовольствие от исполнения своих обязанностей. Он протянул серебряный поднос, на который гости клали приглашения (правда, прочесть фамилии он не мог, и гости должны были шептать ему на ухо свои имена). — Сенатор и миссис Слиделл из Луизианы! Мистер и миссис Белладон из Манчестера, Англия!

Когда Элли Мэй Уитни с улыбкой на тонких губах повернулась к Леттис, то замерла от удивления.

— Миссис Белладон! — воскликнула она с сильным южным

акцентом. — Мой брат написал мне, какая вы хорошенькая, и он не ошибся. Но вы должны извинить меня, дорогая леди. Признаюсь, что я сначала приняла вас за кого-то другого. Да, да, вы так похожи на нее... Нет ли у вас родственников в Виргинии?

Леттис выглядела смущенной.

— Нет...

Элли Мэй повернулась к своему мужу:

— Пинеас, посмотри. Ну, разве миссис Белладон не вылитая копия Лизы Кавана?

Глаза Леттис расширились.

— Лиза? — повторила она. — Вы знаете женщину с таким именем, которая похожа на меня?

— Да, конечно. Пресловутая миссис Джек Кавана с плантации «Эльвира» в графстве Глочестер. Потрясающее сходство... С вами все в порядке?

Леттис смертельно побледнела и оперлась на руку своего мужа.

— У меня была сестра, которую звали Лиза. В прошлом году она пропала... никто не знает, куда она подевалась. Она убила моего отца.

Глаза у Элли Мэй полезли на лоб.

— Убила? — прошептала она.

Горас что-то шепнул жене на ухо, но Леттис выпрямилась и потрясла головой.

— Мой муж советует не говорить об этом, но это, конечно, не является секретом.

— Мы должны поговорить об этом, — быстро сказала Элли Мэй. — Подождите, пока не закончится представление гостей, и тогда мы встретимся в кофейной комнате. Гости пусть развлекаются сами, а эта новость слишком важна, чтобы откладывать разговор о ней. Убийство! Кто бы мог подумать?

Через двадцать минут Элли Мэй, сенатор, Горас и Леттис уединились в небольшой кофейной комнатке, изолированной от большой столовой. Элли Мэй закрыла двойные двери, потом повернулась к Белладонам, шелестя своей огромной юбкой.

— Расскажите мне все, — сказала она. В горящих зеленых глазах отразилась страсть к сплетням.

— Леттис, я не уверен, что ты поступаешь правильно, — нервно заметил Горас. — Не следует ворошить грязное белье твоей семьи...

— Моей семьи?! — огрызнулась Леттис. — Теперь это и твоя семья. И если Лиза скрывается в Америке, то тем более ее надо привлечь к суду. В

конце концов, никакого нет сомнения в том, что именно она убила папу.

— Как?! — спросил сенатор Уитни.

— Она направлялась к мужчине, с которым завела шашни...

— Скандально, — прошептала Элли Мэй, которая сидела на плюшевом диване и ловила каждое слово.

— Ах, у Лизы всегда была кошачья мораль!

— Значит, слухи о ее связи с императором Франции подтверждаются.

— Императором Франции? — Леттис почувствовала замешательство.

— Пожалуйста, давайте не будем разбрасываться, — предложил сенатор Уитни. — Как же она убила своего отца?

— Ну, ночь была бурная. Она остановилась в коттедже арендатора, некоего Стрингера Макдафа. Как он рассказывает, он предложил ей переночевать в его доме. Но вскоре в коттедж заявился отец. Его предупредила местная повивальная бабка, сказав ему, что Лиза забеременела... Он сразу догадался, кто отец ребенка...

— Кто? — прервала ее Элли Мэй.

— Точно никто не знает, но я уверена, что это сделал уличный ловелас Адам Торн, который стал теперь графом Понтефрактом.

— *Графом?*

У Элли Мэй голова пошла кругом. Как и большинство состоятельных американцев, она питала страсть к английским титулам.

— Отец догадался, что Лиза отправилась в Понтефракт Холл, и погнался за ней. Увидев свет в окнах коттеджа, он зашел туда, чтобы спросить Стрингера Макдафа, не видел ли он Лизы. А она как раз оказалась там. Лиза бросила в отца керосиновую лампу, и он сгорел насмерть. А сама она исчезла. До сегодняшнего дня мы ничего о ней не слышали. Вы говорите, что теперь она миссис Джек Кавана? Кто он?

— Джек был одним из самых богатых плантаторов Юга США. С вашей сестрой он познакомился в Париже. Но его убил раб, который... — Элли Мэй пождала губы и взглянула на мужа.

Пинеас понизил голос:

— Говорят, хотя это не было доказано, что этот раб был любовником вашей сестры.

Леттис ахнула.

— Лиза... и раб.

— Да, скандал на всю Виргинию, — подтвердил сенатор. — К счастью, этого раба застрелили. Но ваша сестра выкупила его сына у рабовладельца в Кентукки, дала ему вольную и отправила его учиться в частную школу возле Бостона. Кроме этого, она строит новые дома для

своих рабов и небольшую лечебницу для них. Она портит рабов, и другие рабовладельцы, включая и меня, по горло сыты ее чудачествами. Конечно, до сегодняшнего дня мы ничего не могли поделать с ней, разве что привлечь ее за связь с черным рабом. Но мы не хотели этого делать, боясь скомпрометировать весь слабый пол в глазах наших детей. Но если она разыскивается в Англии по обвинению в убийстве...

— Да, разыскивается, — твердо отчеканила Леттис. — Я никогда особенно не любила Лизу, но после всего, что она натворила, я совершенно не расстроюсь, если ее посадят в тюрьму. И мне наплевать, если это звучит не по-родственному! Но можно ли ее сдать властям Англии, чтобы там учинили над ней суд? Теперь она, наверное, американская гражданка, верно?

— Да, но мне кажется, что у нас с Великобританией имеется договор, по которому убийцы подпадают под выдачу, — объяснил сенатор. — Но если даже и нет такого документа, то в Вашингтоне можно все устроить. Здесь случайно оказался английский министр. Сейчас же пойду и переговорю с ним, с вашего разрешения.

Слегка поклонившись, сенатор вышел из комнаты. Он тем более хотел отделаться от Лизы, так как узнал о ее денежных переводах на Север в пользу аболиционистов.

Когда Лиза узнала, что стала одной из самых богатых вдов Америки, она обрадовалась. Она не была жадным человеком, хотя и страстно любила делать покупки, как всякая другая нормальная женщина. Но теперь она поняла также, что огромное влияние денег можно использовать на благо или во зло. Лиза решила резко изменить жизнь примерно трехсот рабов, имена, возраст, вес и цены на которых были записаны в журнале, как будто речь шла о скоте. Первое, что она сделала, доставив большое удовольствие хозяину обувного магазина в Ричмонде, — это заказала шесть сотен мужской и женской обуви различных размеров и раздала ее рабам. Рабы были поражены. Многие из них не знали даже, как надо завязывать шнурки. Потом она поручила Билли Девре съездить в Кентукки и выкупить сына Мозеса, как она и обещала. Семилетний Гавриил был здоровым, смышленным мальчиком. Билли заплатил за него восемьсот долларов, дал ему вольную, отвез его в Бостон, где определил в школу, которую открыли аболиционисты, чтобы обучать детей рабов, тайно убежавших с Юга по железной дороге или каким-нибудь другим способом. Затем она приступила к строительству. Теперь, когда Броувард провозил ее в открытом экипаже через квартал рабов, она с удовольствием поздравляла

себя с тем, что ей удалось сделать до сих пор, хотя других дел был непочатый край. Десять кирпичных коттеджей уже сдали, заканчивалось строительство еще шести. Эти коттеджи были построены по образцам домиков для домашней прислуги на плантации «Эльвира». Они были чистыми, теплыми и комфортабельными. Более того, были построены отхожие места, и Лиза убеждала рабов содержать свои помещения в порядке. Несчастливые люди, все время жившие в грязи, и не думали об этом, но Лиза проявила в этом деле настойчивость и стала добиваться успеха. Новый квартал, возникший в полумиле от старого, выглядел довольно опрятно.

У Лизы, конечно, не было иллюзий относительно огромности задачи, которую она поставила перед собой. Попытаться поднять жизненный уровень рабов от почти животного существования до такого состояния, чтобы они умственно и морально подготовились к возможному освобождению, — задача не из легких. Уволив мистера Дункана, она устранила физические ужасы рабства — порки и запугивания. Надсмотрщиком она сделала одного из рабов, интеллигентного вида молодого человека по имени Роско, который оказался природным вожаком — рабы его слушались. Но хотя и удалось устранить ужас, привычки двух столетий принудительной службы все же сохранялись. Она обнаружила, что большинство ее рабов не имели никаких целей. Им надо было говорить, что делать, подчас повторять по многу раз. Ее раздражало, что такая действительность точно совпадала со снисходительными стереотипами белых южан о том, что негры как дети, и она вынуждена была признать, что большинство ее людей сразу не смогут стать независимыми, не сумеют самостоятельно распорядиться своей жизнью.

Но одна вещь ей все-таки удалась, утешала она себя, когда карета покатила обратно по направлению к дому. Она теперь может без всякого опасения, безоружная ездить в негритянский квартал. И рабы начинали верить ей, хотя некоторые все еще ворчали. Если учесть степень их запуганности прошлой осенью, когда она впервые появилась здесь в качестве жены Джека, то надо было признать, что достигнуто немало.

Стоял теплый апрельский день, в воздухе пахло весной, когда она подъезжала к дому, который полюбила. Теперь, когда здесь не было больше ни Джека, ни мистера Дункана, природная красота этого места просто зачаровывала ее, хотя она должна была признать, что чувствовала себя все более одиноко. Единственными белыми, кто соглашался разговаривать с ней, были доктор Локвуд, ее личный врач, и Деври. Она заметила, что в последнее время даже их приезды стали более редкими. Хотя Клемми

всегда находила отговорку, чтобы не приезжать на ужин, но Лиза задавалась вопросом: не оказывают ли другие белые все более сильное давление на них, такой нажим, который было не под силу выдержать даже Клемми. Лиза знала, что ее возненавидели за то, как она поступает со своими рабами. И хотя у нее и не было желания что-либо менять в своем поведении, брошенная всеми, она чувствовала себя довольно одиноко. По ночам ее молодое тело жаждало ласки, ее мысли снова и снова возвращались к Адаму. Господи! Как она тосковала по нему! Но Адам находился за тридевять земель, так что любовь к нему походила на любовь к призраку. Когда она клала руки на свой огромный живот, она знала, что, по крайней мере, к ней скоро присоединится его сын. Доктор Локвуд из Йорктауна говорил, что у нее со дня на день могут начаться схватки. Пусть Адам и женился на ком-то другом — она давно уже простила ему это, учитывая сложившиеся обстоятельства, но их кровь слилась воедино, и это было для нее главным.

— Броувар, кто это к нам приехал? — просила она, когда они подъехали к дому. У западного портика стояла черная закрытая коляска. Возле нее — двое мужчин в темных костюмах и черных шляпах.

— Не знаю, хозяйка.

Он натянул вожжи, карета остановилась.

— Миссис Кавана? — спросил мужчина с густой черной бородой.

— Да.

— Я — Марк Чаннон, судебный исполнитель, мадам. Вот мой значок.

А это — мистер Эдгар Даунинг, юридический атташе британской миссии в Вашингтоне. Я взял на себя смелость, мадам, и велел вашим людям собрать в сумку кое-какие вещи. Вы поедете с нами в Вашингтон.

Лиза окаменела, уставившись на него.

— Зачем?

— Вас выдают Англии, миссис Кавана, — пояснил Эдгар Даунинг, — чтобы предать суду за убийство вашего отца, преподобного Хью Десмонда.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

Нана Саиб, самостийный махараджа Битура, полулежал на диване и ложками поедал мармелад фирмы «Джеймс Кейлер и сыновья» из вазы и одновременно смотрел, как Лакшми, девушка-науч, томно исполняет танец живота. Несмотря на всю свою ненависть к англичанам, Нана Саиб пристрастился ко многим английским продуктам, включая мармелад. Его запущенный дворец располагался в небольшом городке Битур, в нескольких милях от реки Ганг и города центральной Индии Каунпура.

В комнату вошел дворецкий Нана Саиба, сложил свои ладони в традиционном поклоне и сказал:

— Ваше Высочество, приехал лорд Азимулла и просит принять его.

Нана Саиб сел, вытер губы, а Лакшми скромно прикрыла свою наготу вуалью. Поскольку Нана Саиб настаивал на том, что он является махараджей Битура, англичане официально не признавали за ним этого титула, хотя и потакали ему, чтобы он не шумел, то он произвел Азимуллу в «лорды», создавая тем самым свой «липовый» двор.

— Проси.

— Слушаюсь, Ваше Высочество.

Нана Саиб слез с дивана, застегнул камзол на своем довольно большом животе. Вскоре в комнату вошел Азимулла и поклонился. Его левое плечо было перевязано. Нана Саиб почувствовал, что его обычно спокойный доверенный слуга нервничает.

— Ну, — обратился он, — бриллиант у тебя?

— Хозяин, я — презренный пес, который больше не заслуживает, чтобы на него нисходила ваша благосклонность. Я хуже червя...

— Что случилось? — закричал Нана Саиб.

Азимулла подбежал к своему толстому хозяину, упал перед ним на колени и стукнулся головой об пол. Азимулла знал, как можно умиротворить Нана Саиба. Но он знал также, что находится в большой беде.

— О, Божество! Эта английская собака всех нас провела. Бриллианта не оказалось в банке Калькутты...

Нана Саиб схватил бамбуковую трость.

— А где же он?

— Видимо, он прятал его в особняке сэра Карлтона Макнера, в котором он провел ночь...

— Ты выпустил его из виду?! — взревел Нана Саиб и начал бить Азимуллу тростью по спине.

— Нет, нет, Ваше Высочество. Мы стерегли дом всю ночь напролет. Но во втором часу утра, перед рассветом, ворота распахнулись, и Торн Саиб вылетел из них на лихом скакуне...

— И вы его не остановили? — завопил Нана Саиб, еще сильнее колотя его тростью.

— Мы стали его преследовать, конечно, Ваше Высочество. Но арабские кони не такие быстрые, а жеребец Торна Саиба летел, как пущенная стрела. И вскоре он исчез из виду.

— Трус! Собака! — Нана Саиб продолжал ожесточенно бить тростью новоиспеченного «лорда». — Ездил ли ты в Лакнау? Ты же знаешь, что именно туда повез он этот бриллиант!

— Положение в стране из-за мятежа обострилось. В Лакнау пускают одних англичан. Поэтому я решил поступить умнее — приехать сюда. С вашего позволения, Лучезарный, осмелюсь сказать: захват большого бриллианта теперь не так важен, как возможный захват самой Индии.

Нана Саиб замер, тяжело дыша, с его круглого лица стекал пот.

— Что ты хочешь этим сказать?

— У меня есть новости, сэр. Бахадур Шах согласился стать предводителем восставших, но, как вы знаете, этот старый маразматик не может так вдохновить *сипаев*, как это можете сделать вы.

Нана Саиб отер лицо рукавом.

— Ну? И что ты предлагаешь?

Азимулла приподнял голову от пола, чтобы взглянуть на Нана Саиба. Вся его рубашка была в крови.

— У Каунпура стоят четыре национальных полка, — продолжал Азимулла. — Первый, пятьдесят третий и шестьдесят шестой полки национальной пехоты и второй полк кавалерии. В общей сложности около трех тысяч солдат. На каждого европейца там приходится по десять индусов...

— Да-да. Я это знаю, — прервал его Нана Саиб. — Ими командует генерал-майор Уилер.

— Верно, Лучезарный. Но прошел слух, что генерал Уилер боится. Все *ангрез* боятся, находясь в таком меньшинстве. Но генерал Уилер доверяет вам. Если вы поедете в Каунпур и предложите ему свое содействие, сделаете вид, что вы его друг, мы сможем проникнуть в центр города и захватить руководство над мятежом. А когда мы захватим Каунпур, то сможем потом взять Лакнау и Дели. И тогда вся Индия станет

вашей.

На лице Нана Саиба появилась улыбка. Может быть, Азимулла подвел его с Адамом и бриллиантом, но ловкий помощник сейчас показал ему, как стать во главе большого мятежа.

— Да, — мягко отозвался он, — именно так и надо поступить. Мы превратимся в червоточину в яблоке *ангези*. Индия! Она станет моей! — Он потряс кулаком. — Встань, лорд Азимулла. С рассветом мы выезжаем в Каунпур.

Азимулла поднялся на ноги.

— Что случилось с твоим плечом?

— Меня задела пуля Торна Саиба.

— Мы посчитаемся с Торном Саибом. Ты прав: Индия гораздо важнее большого бриллианта. Но скоро мне будет принадлежать и то и другое.

Адам скакал на Занзибаре. Перед ним и Эмилией поднимались клубы красной пыли, закрывая пылающее жарой небо.

— Кто-то приближается, — сказал он, прикрывая глаза рукой. Солнце палило нещадно. Воздух прогрелся до сорока градусов. — Похоже на пару дюжин туземцев.

— Это наше первое настоящее испытание, — сказала Эмилия, оглядываясь по сторонам. Они находились посередине выжженной равнины, почти совершенно лишенной растительности. — Здесь не спрячешься. Запомните: вы сорвали себе голос.

Они двигались по Великой магистрали длиной в полторы тысячи миль, которая разрезала всю Индию по диагонали — от Калькутты на юго-востоке до Пешавара, возле северо-западной границы с Афганистаном. Пока у них все шло довольно гладко. Как и условились, Эмилия встретила Адама возле Барракпора. Приехав в город, они обнаружили, что гарнизон разбежался, а загородный дом генерал-губернатора разграблен. Жители города рассказали Эмилиии, что из-за распространяющегося мятежа лорд Каннинг с охраной решил оставаться в Калькутте и оттуда руководить сопротивлением восстанию. Хотя Адам первоначально думал передать бриллиант лорду Каннингу, чтобы не подвергать Эмилию опасностям, теперь он считал, что у него нет другого выхода, как продолжать двигаться в Лакнау. Азимулла и его *бадмашес* могли появиться в любой момент, поэтому остаток дня они гнали лошадей во весь опор по Великой дорожной магистрали. Отдохнули только после захода солнца в небольшой низине недалеко от дороги, где чахлые деревья дали им ненадежное укрытие.

Вечером они услышали топот копыт. Мимо проскакала группа всадников.

— Это Азимулла, — шепнул Адам Эмилии. И действительно, это был Азимулла, направлявшийся в Битур.

Когда отпала угроза встречи с подонками Нана Саиба, беспокойство Адама за Эмилию начало ослабевать. Неловкость, с точки зрения правил приличия, от того, что он путешествует вдвоем с юной девушкой, пропала, когда они спокойно поехали по просторам Индии. Несомненно, родители Эмилии просто умирали от беспокойства за репутацию дочери, но Адам и не собирался воспользоваться удобным случаем, чтобы совратить ее. Ирония заключалась в том, что хотя он пошел на сближение с Лакшми, девушкой- *науц*, без всяких раздумий, Эмилия — молодая английская барышня — была для него поистине неприкасаемой...

Когда группа туземцев приблизилась к ним, Адам предложил:

— Давайте съедем с дороги и пропустим их.

Съехав с дороги, они остановились, но бородатый мужчина, по-видимому вожак, поднял руку и натянул поводья своей лошади. Остановилась вся ватага, подняв новые клубы пыли. Адам заметил, что они были хорошо вооружены ружьями и саблями. На некоторых была форма национальных солдат, хотя они оторвали знаки различия, и Адам понял, что это мятежные *сипаи*.

Вожак обратился к ним на хинди. Адам показал на свое горло, потом на Эмилию. Она ответила на хинди. На мгновение наступило молчание. Вожак подозрительно смотрел на Адама, который несколько раз кашлянул. Потом бородач подъехал к Адаму вплотную и, приставив саблю к его груди, опять начал что-то тараторить на хинди. Эмилия отвечала ему, гневно возвысив свой голос. Мужчина наклонился и провел пальцем по щеке Адама. Несомненно, он пытался удостовериться, не перекрашена ли она. Потом он схватил Адама за шиворот, порвав на нем рубашку, — обнажилась часть его груди. Он внимательно рассмотрел грудь Адама, и тот поблагодарил Господа и предусмотрительность Лакшми, которая покрыла краской все его тело.

Мужчина ухмыльнулся. Он повернулся к спутникам, что-то крикнул и вонзил шпоры в бока лошади. Ватага рванула дальше, оставив Эмилию и Адама в облаках пыли.

— Он думал, что вы *ангези*, потому что не разговариваете, — объяснила Эмилия. — Если бы ваша краска не оказалась столь замечательной, они бы прикончили нас обоих.

Адам стер пот со своего лба.

— Я обязан вам своей жизнью, — сказал он.

Она взглянула на него и заметила:

— Я не позволю вам забыть про это.

— Расскажите мне о своей жене, — попросила Эмилия на следующий вечер, съев *дахи бара*, которое они купили у уличного торговца в соседнем городишке Султанпуре, в центральном штате Индии Уттар Прадеше. Эмилия и Адам сидели в роще чинар и ужинали при свете луны. Было почти десять вечера. Лошадей они привязали к одному из деревьев.

— О моей жене? — повторил Адам, заканчивая свою порцию *дахи бара* — смеси бобов, йогурта, специй, сдобренных манго, — завернутой в большие листья. — Почему это вас заинтересовала моя жена?

— Ясно почему — меня интересует вы. Красивая ли она?

— Сибил? Да, она красавица.

— Вы любите ее?

— Ну, Эмилия... Думаю, что это слишком личный вопрос.

— При сложившихся обстоятельствах не могу себе представить, какой вопрос не носит личного характера!

— Вы в чем-то правы. Давайте скажем так: думаю, что моя жена — настоящая дама, женщина утонченная и благородная.

— Но вы не ответили на мой вопрос. Любите ли вы ее?

Адам вздохнул.

— Я восхищаюсь ей, — наконец произнес он. — Я уважаю ее. Меня даже влечет к ней.

— Но любите ли вы ее?

— Я... Нет, — наконец сознался он. — Нет, думаю, я не люблю ее.

— Тогда почему же вы на ней женились?

— Женщина, которую я действительно люблю, куда-то пропала. Боюсь, что я потерял ее навсегда.

— Кто она такая?

— Девушка, которую я знал с раннего детства. Очень дорогой и близкий мне человек. Поверьте мне, Эмилия, я не горжусь тем, что сделал. Я женился на Сибил, будучи уже влюбленным, и она это знает. Думаю, что это ее ужасно задело. И виноват в этом только я. Единственное, что я сделаю, когда возвращусь в Англию, — это постараюсь как-то вознаградить ее за это.

Эмилия испытала чувство удовлетворения. Если Адам не любит свою жену, что она и подозревала, тогда за него можно побороться. И ничего на этом свете Эмилия Макнер не хотела больше, чем любить Адама Торна.

На следующее утро они продолжили путь в Лакнау, пытаясь преодолеть как можно большее расстояние в прохладные часы. Но не проехали они и сорока минут, как натолкнулись на вызывающее ужас свидетельство того, что могло бы накануне произойти и с ними. Они проезжали через жаркую, пыльную равнину Уттар Прадеша, когда увидели в небе стаю стервятников. Когда они подъехали к перевернутой на бок карете, Адам предупредил ее:

— Это зрелище может быть не из приятных.

На вымазанном сажей лице Эмилии был ужас. Они подъехали поближе и увидели на земле рядом с каретой растерзанные тела. Лошадей не было.

— Не смотрите, — предупредил Адам.

— Нет, я хочу посмотреть.

Стервятники, которые клевали один из трупов, теперь расправили широкие крылья и взлетели в воздух. До Адама донесся отвратительный запах. Они подъехали достаточно близко, чтобы насчитать четыре трупа, на которых гнездились кучи черных мух. На спине лежала англичанка примерно тридцати лет, глаза безжизненно уставились на солнце, горло перерезано, кровь залила черный сатин. Рядом с ней лежала женщина помоложе, возможно сестра или соседка, которая спасалась от насилия. У нее были отрезаны нос, уши и груди. Рядом с ними лежали тела двух детей — мальчика и девочки, — возможно, семи или восьми лет, одетые в богатые одежды. Обе светловолосые головки детей были отсечены.

— Господи милостивый, — прошептала Эмилия.

— Я бы не удивился, если бы узнал, что все это сделала шайка вчерашних бандитов, — заметил Адам. Он вспомнил взгляд вожака, когда тот провел пальцем по его щеке.

— Да, — подтвердила Эмилия. — С нами могло случиться... то же самое.

Над ними бесшумно кружили стервятники.

— Грязные побирушки, — выругался капитан Бентли Brent из пятьдесят третьего туземного полка пехоты. Здоровяк с бородой, кадровый офицер, который приехал в Индию вместе с Адамом на «Юпитере», стоял на крыше одного из армейских барачков и рассматривал через бинокль пламя и дым, поднявшиеся над Каунпуром в миле от военного городка. — Они жгут европейские кварталы.

— Да, и одному Господу известно, что они делают с европейцами,

капитан, — отозвался лейтенант Ангус О'Гилви, белокурый уроженец Глазго, который стоял рядом и тоже смотрел в бинокль.

— Проклятый Уилер! — воскликнул Brent. — Ну, разве можно было довериться Нана Саибу. Позволить ему и его проклятым головорезам взять под охрану казначейство только потому, что у нас мало людей... Я сказал ему, что он помещает раковую опухоль прямо в кишечнике Каунпура.

Час назад пришло сообщение о том, что Нана Саиб перешел на сторону мятежников в Каунпуре, предал генерала Уилера и англичан, которым он лживо клялся в верности. Укрепленный военный городок состоял из двух главных казарм красного кирпича, каждая вместимостью по сто человек. Одна казарма была с покато́й крышей, другая, на которой стояли Brent и О'Гилви, — с плоской, выложенной плитками. Наряду с несколькими другими хозяйственными зданиями, в городке виднелись несколько незаконченных бараков, окруженных хлипкими лесами из бамбука. Весь городок был окружен рвом и четырехфутовым земляным валом, работы на котором еще не были завершены. Городок разбили на открытом месте, на песчаной равнине, к востоку от Каунпура, примерно в миле от реки Ганг. Все в Каунпуре знали, что город находится на грани бунта, и поэтому слабо укрепленный военный городок, открытый со всех сторон и законченный лишь наполовину, считался самым ненадежным местом для европейцев. В течение нескольких дней из Каунпура шел поток людей, ищущих безопасности в бараках военного городка. Мужчины, женщины и дети, неся с собой посильное количество провианта, теперь забили бараки, надеясь отсидеться здесь во время мятежа под защитой индийской армии — или тех ее остатков, которые еще сохранили лояльность. В качестве одного из старших офицеров городка Бентли Brent наблюдал за толпами сбитых с толку, запуганных людей, которые тянулись по равнине под безжалостно палящим солнцем, и предчувствовал неладное. Он знал генерала Уилера как удивительно благодушного человека, который передал Нана Саибу не только казначейство, но и сделал запасы всего на двадцать пять дней. Он был уверен, что «неприятности» дольше не продлятся. Жена генерала была из местных жительниц, и это создавало у него фальшивое чувство безопасности. Бентли Brent определенно считал Уилера круглым идиотом.

В Каунпуре на главной улице города Кандни Чоук Нана Саиба приветствовали как героя сотни туземных жителей. «Нана Саиб! Нана Саиб!» — скандировали они снова и снова, водоворотом кружась вокруг его коня, поднимая вверх сжатые кулаки, а чаще всего ружья и сабли. На

жаркой, забитой народом улице попахивало бойней. Торговцы шелком и серебром, магазины которых выходили на Кандни Чоук, стояли в дверях своих лавок или под навесами витрин, и кричали вместе с другими. Нана Саиб, одутловатое, вспотевшее лицо которого разгорелось от возбуждения, помахал руками, призывая к тишине. Через некоторое время шум несколько стих, и он смог говорить.

— Пришло время, — заорал он, — снова объявить священную Индию нашей землей. — Рев одобрения. — Пришло время, — продолжал он, — прогнать шакалов опять в Англию или отправить их к праотцам!

— Смерть им! Смерть! — взревела толпа, многие участники которой все еще оставались в форме индийской армии, хотя большинство сорвали знаки принадлежности к пехоте или кавалерии, а также свои колодки и медали. Бывший сержант с устрашающими усами выскочил из магазина, таща за собой португальского торговца, который безуспешно пытался вырваться из рук *сипая*.

— Нана Саиб! — завопил торговец, которому можно было дать лет сорок и который был таким же толстым, как самостийный махараджа Битура. — Вы знаете меня, Нана Саиб! Я продавал вам английский мармелад, который вы так любите! Спасите меня, великий человек!

Нана Саиб, сидевший на коне, скосил глаза на кричавшего.

— Да, я знаю тебя, — крикнул он в ответ. — И признаюсь, что люблю английский мармелад. Но клянусь именем богини Кали, что с этого момента никогда больше не притронусь и английскому мармеладу, не возьму в руки английское мыло, не куплю какие бы то ни было английские продукты, пока не сдохнет последний англичанин в Индии, включая их женщин и детей. Смерть им всем! Что же касается тебя, португальская собака, — прощай!

Он провел пальцем по своему двойному подбородку. Толпа загоготала и засвистела, когда *сипай* выдернул из ножен свою саблю и тут же рассек горло торговца, который свалился замертво, обдав мундир убийцы своей кровью.

— Смерть! — взвизгнул Нана Саиб, потрясая кулаком. — Смерть неверным!

— Смерть всем неверным! — эхом отозвалась толпа.

— А теперь отправимся в военный городок и перебьем там всех английских шакалов!

— Нана Саиб! Нана Саиб! Нана Саиб!

Скандирующая толпа рванула вперед, людской поток потек по Кандни Чоук, как прорвавшая плотину река устремляется в пропасть ущелья.

В отличие от Каунпура, который был построен сравнительно недавно как пункт расположения гарнизона Ост-Индской компании и был лишен каких-либо достопримечательностей, огромный город Лакнау, расположенный примерно в восьмидесяти милях к востоку, олицетворял архитектурную и историческую ценность. Адам и Эмилия, сидя на конях, осматривали панораму этого города, насчитывавшего свыше шестисот тысяч жителей, который раскинулся на территории в двенадцать квадратных миль по берегам реки Гунди. Они оба были просто ослеплены представшей перед их глазами красотой. Открывшиеся холмы венчались великолепными дворцами, храмами и минаретами, сверкавшими золотыми с голубым куполами.

— Папа говорил, что Лакнау является колыбелью *сипаев*, — сказала Эмилия, — потому что многие из них родом из Оудха.

— Что за Оудх? — спросил Адам, сгоняя муху со своего носа.

— Когда-то так называлось королевство — Королевство Оудх, а Лакнау был его столицей. Но в прошлом году мы его аннексировали и выкинули короля и всю его семью из дворца, который, по словам отца, королю совершенно не нравился.

— Могу себе представить.

— Теперь этот город стал столицей Уттар Прадеша. Посмотрите-ка на эти великолепные ворота.

Она указала на огромные желтоватые ворота, весьма величественного вида. Центральная арка, соединявшая два стройных минарета, взметнулась на высоту в шестьдесят футов. Все это было окружено красноватой зубчатой стеной, протянувшейся вокруг всего города. Это были Римские ворота, или, по-местному, *Руми Дарваза*, которые были точной копией ворот в Стамбуле.

— Вы говорили, что главным комиссаром здесь является сэр Генри Лоуренс, — напомнил Адам. — Можно ли ему доверять?

— Ах, уверена, что можно. Папа говорил, что он праведный христианин.

— Существует немало праведных христиан, которым я бы не доверился.

Эмилия с удивлением взглянула на него.

— Неужели вы это говорите серьезно?

— Конечно. Кто затеял здесь всю эту заваруху? Ваш отец говорил, что это дело рук христианских миссионеров, и, думаю, он прав. Мы, англичане, поступаем неправильно, что стараемся навязать свою религию индусам. У

них много своих собственных отличных конфессий, и большинство из этих вероучений древнее христианства.

Она заколебалась с ответом.

— Я не знаю, к какой конфессии отношусь сама, — наконец вымолвила она грустно. — Однако давайте поедем и узнаем, сможем ли мы повидать сэра Генри. Может быть, следует заручиться его помощью, когда мы возвратим этот бриллиант.

Они спустились с холма по направлению к городским воротам.

Великая магистраль обычно была заполнена караванами, купцами, солдатами и путешественниками, но на этот раз грязная дорога была удивительно пустынной. Адам хранил молчание, потрясенный ослепительной красотой Лакнау. Этот город не шел ни в какое сравнение с Лондоном.

Ворота охранялись дюжиной английских солдат, половина из них на конях. Когда приблизились Адам и Эмилия, один из них взял ружье наизготовку и крикнул:

— Стой! Туземцев не впускаем и не выпускаем из города, если у вас нет документов, подписанных комиссаром.

— Мы не туземцы, — сказал Адам. — Я граф Понтефракт и прошу аудиенции у сэра Генри Лоуренса.

Солдаты рассмеялись.

— Этот черномазый думает, что он светлый граф, — загоготал один из солдат. — Какая наглость!

— Давай, давай, — поддержал его другой. — Почему бы тебе не назваться герцогом? А может быть, его сиятельством, как насчет этого титула?

— Но он действительно граф, — гневно крикнула Эмилия, сорвав с себя тюрбан и позволив рассыпаться своим золотистым локонам. — А я дочь сэра Карлтона Макнера из Калькутты и Даржилинга. И попрошу вас вести себя прилично!

Солдаты вперились взглядами в ее золотистые волосы, и с их лиц тут же слетели ухмылки.

— Тогда почему вы одеты как туземцы? — спросил сержант, который явно был за старшего.

— Именно это мы и хотим объяснить сэру Генри, — пояснил Адам. — Уверяю вас, я действительно граф Понтефракт.

Его позабавило, как резко изменилось поведение английских солдат. Как меняется погода от перемены ветра, так и их отравленные классовыми предрассудками души тут же склонились перед титулом. Сержант знаком

приказал опустить ружья, потом четко отдал честь.

— Простите, милорд, — произнес он, — но обстановка здесь не совсем спокойная. Мы вынуждены принимать меры предосторожности. Но я слышал, что граф Понтефракт находится в Индии, поэтому добро пожаловать в Лакнау. Садбури!

— Слушаю!

— Проводи его светлость в резиденцию.

— Слушаюсь!

Один из конных солдат отдал честь и, дернув уздечку, тронул свою лошадь.

— Прошу следовать за мной, милорд, — любезно произнес Садбури и въехал в ворота. Эмилия опять прикрыла свои волосы тюрбаном и вместе с Адамом поехала вслед за Садбури через ворота в город. За воротами шла обычная жизнь, но Эмилия заметила, что местные жители бросали па Садбури злобные взгляды. Из своего закутка вышел лавочник и что-то прокричал на хинди.

— Что он сказал? — спросил Адам.

— Он крикнул солдату, что тот подохнет через неделю, — ответила Эмилия.

— Находиться здесь противно, — мрачно заметил Садбури. — В этом можно не сомневаться. Они говорят, что если Нана Саиб захватит военный городок в Каунпуре, то двинется сюда.

— Нана Саиб? — переспросил Адам. — Он уже в Каунпуре?

— Говорят, милорд. Этот мерзкий побирушка — прошу прощения, мисс, — этот побирушка предал генерала Уилера и перешел на сторону мятежников. Теперь он и его *бадмашес* посадили военный городок, где нашли укрытие подданные английской королевы. Говорят, что их положение отчаянное при такой жаре, отсутствии воды и небольших запасах продовольствия. Наши соотечественники гибнут там, как мухи, а трупы сбрасывают в колодцы, поскольку нет места для их захоронения. Трупы начинают мгновенно разлагаться в этом дьявольском климате. Опять прошу вашего прощения, мисс.

Адам подумал, что Нана Саиб создает себе репутацию самого большого злодея в истории Англии. Но не мог не понимать, что одновременно Нана Саиб выглядит героем в глазах индийцев.

Они проехали мимо великолепной усыпальницы *Бара Имамбара*, возведенной в восемнадцатом столетии королем Оудха Навабом Асафуд-Даулой. Миновали красивый королевский дворец, называвшийся Сердечная Отрада, или, по-местному, Дил Куша, в котором величаво

расхаживали павлины. По мере продвижения к резиденции путешественникам встречались только местные жители.

— Куда подевались европейцы? — спросил Адам Садбури.

— Прячутся, — услышал он краткий ответ.

Резиденция, построенная в 1780 году, представляла впечатляющее здание с видом на реку Гунди, окруженное банкетным залом для британских официальных лиц и солдат, церковью, учреждениями, магазинами, конюшнями и частными домами. В этот анклав — а на деле целый город внутри города — можно было попасть только через сводчатые ворота и караульную, известные под названием Сторожевые ворота Бейли. При подъезде к воротам Адам увидел дюжину закованных в кандалы заключенных, рывших траншею вокруг стен резиденции, которые просто оцетинились пушками. Адаму не было необходимости спрашивать, зачем рыли траншею.

За стенами резиденции картина была прямо противоположной по сравнению с Лакнау: Адам видел только белые лица, если не считать иногда мелькавших слуг. Более того, если отбросить в сторону невыносимую жару, можно было подумать, что находишься в Англии, потому что все выглядело, как в Европе: горшки с цветами, опрятно расставленные на верандах, кружевные занавески на окнах небольших домиков. Садбури проводил их до центрального здания и передал там лейтенанту. Молодой офицер провел их через залы с высокими потолками, в которых находилось много чиновников. Они с любопытством и враждебностью посматривали на «индусов». Наконец они пришли в приемную комиссара, где их приветствовал полковник Перкинс. Перкинс, на минутку заглянув в кабинет своего начальника, тут же возвратился и знаком предложил им войти.

— Сэр Генри, — объявил он, — граф Понтефракт и мисс Эмилия Макнер.

Сэр Генри поднялся из-за своего огромного письменного стола, над которым висел портрет королевы Виктории в полный рост, обошел стол, чтобы за руку поздороваться с Адамом. Хотя офицеру, получившему недавно ранг бригадного генерала, был всего пятьдесят один год, он выглядел значительно старше: его суровое лицо, изрытое морщинами и покрытое темным загаром, было окаймлено длинной черной, почти патриархальной бородой.

— Добро пожаловать, милорд, — приветствовал он Адама. Потом с любопытством посмотрел на Эмилию. — А это, значит, дочка моего друга сэра Карлтона? — протянул он. — Знает ли он о том, что вы разъезжаете по

Индии переодетой в костюм туземки?

— Нет, не знает. А если бы узнал, то его бы хватил апоплексический удар. Но, видите ли, лорд Понтефракт не говорит на хинди, а я говорю. А когда вы узнаете, зачем мы приехали в Лакнау, то, думаю, согласитесь с тем, что для меня было важно помочь ему.

Через некоторое время сэра Генри неотрывно смотрел на огромный бриллиант, который Адам достал из своего пояса.

— «Глаз идола», — прошептал он, взяв драгоценный камень. — Конечно, я знаю историю о вашем прадеде — кто ее не знает? И вы возвращаете его в храм?

— Совершенно верно. Хотя, может быть, во время мятежа это и не совсем своевременно.

— Наоборот. Это принесет нам большую пропагандистскую выгоду. Конечно, как христианин я с сожалением отношусь к этим языческим конфессиям. Но несомненно, новость о том, что англичанин возвратил драгоценную реликвию Индии, может изменить антианглийские настроения, которые сейчас очень усилились. Если вы позволите, милорд, то я телеграфом попрошу лорда Каннинга распространить эту новость по всей Индии. А пока что я выставлю особую охрану у храма для защиты драгоценного камня, хотя мало кто из индусов рискнет навлечь на себя гнев Кали осквернением храма. Это просто невероятно! Не согласитесь ли вы и мисс Макнер быть моими гостями?

— Спасибо. И если это возможно, я хотел бы лично возвратить этот бриллиант в храм. Таким образом я до конца исполню волю моего деда.

— Это вполне понятно. Во избежание неприятностей мы отправимся в храм в полночь, когда большинство туземцев спят.

Потом Адам будет вспоминать об этом как об одной из самых ярких страниц своей полной приключений жизни, где соединились вся прелесть, таинственность и зловещее величие Индии. Сначала по темным улицам Лакнау быстро проехала процессия: карета с Адамом, Эмилией и комиссаром сэром Генри, окруженная дюжиной офицеров на конях из тридцать второго полка, единственного европейского соединения, расквартированного в Лакнау (Адам узнал, что «надежный» полк по какой-то таинственной причине был размещен в полутора милях от стен города, а менее «надежные» национальные полки сосредоточены ближе к резиденции). Потом прибытие в темный храм Кали, который освещался только четырьмя факелами в руках английских офицеров в красных мундирах и фонарями от кареты сэра Генри. Они все вышли из кареты.

Адам взглянул на темные стены храма, на его башни. В прыгающем свете факелов многие изваяния фигур на фасаде храма, казалось, двигались, нагоняя жуть.

Вся группа во главе с сэром Генри вошла в храм, внутренняя часть которого представляла собой нагромождение каменных колонн, все с густой резьбой, показывающей сцены из жизни Вишну и других индийских богов. Адам знал, что индуизм является одной из наиболее развитых религий, что индусы могут верить как в одно какое-либо божество, так и во все божества, или не верить ни в одного божка из несметного количества божеств индийского пантеона. У этой религии не было единого основателя, наподобие Иисуса или Будды, не было и «священных книг» типа Библии, хотя индусы могли рассматривать в качестве своих «библей» такие книги, как *Ригведа*, *Упанишады* или *Бхагавадгита*. Возможно, огромная популярность этой религии зиждилась на ее невероятном разнообразии в Индии: ее мог исповедовать кто хочет и как хочет. Как бы там ни было, страстные проявления религиозных чувств находили свое выражение в изобильной резьбе на колоннах, некоторые сцены из которых, как заметил Адам, носили чрезмерно эротический характер, просто граничивший с порнографией. Он взглянул на Эмилию, но ее эти картины совершенно не шокировали, потому что она не понимала, чем же в действительности занимались эти изображенные фигуры людей.

Приблизившись к огромной статуе богини Кали, Эмилия с Адамом вздрогнули от страшного впечатления, которое произвела на них эта огромная, нависшая над ними каменная женщина с красным языком, горчащим изо рта, искаженного отвратительной гримасой. Ее туловище было черным, груди обнажены. Две из ее четырех рук держали меч и отсеченную голову, две другие руки были протянуты ладонями вверх в жесте благословения и защиты, так как Кали была не только богиней смерти, она была также богиней-матерью, могущей проявить нежность.

— Согласно преданию, — сказал сэр Генри, — бриллиант она держала в нижней левой руке.

У постамента статуи было четыре каменных ступеньки. И вот Адам медленно поднимается по ним, не сводя своих глаз с глаз богини, нависшей над ним всей своей громадой. Эмилия, сэр Генри и английские офицеры молча наблюдали за ним. Когда Адам поднялся на верхнюю ступеньку, он поднял руку с огромным бриллиантом, который радужно переливался в отсветах факелов.

— Сто лет назад, — звонкий голос Адама эхом отдавался в каменном помещении, — мой прадед похитил бриллиант из этого священного места.

Теперь я возвращаю его на законное место и прошу прощения у великой богини Кали за святотатство своего предка.

Он опустил бриллиант в руку богини, на мгновение прикоснувшись к ней. Немного помолчал и сошел со ступенек.

— Хорошо исполнено, милорд, — похвалил сэр Генри. — А теперь вернемся в резиденцию и поужинаем. Вы с такой страстью произнесли «великая богиня Кали», что я чуть ли не подумал, что вы верите в нее.

— Может быть, и верю, — тихо сказал Адам.

Пораженный сэр Генри нервно рассмеялся.

— Смотрите! — крикнула Эмилия.

Проскользнув мимо их ног, огромная змея обогнула постамент статуи и исчезла во тьме храма.

— Телеграмма из Каунпура, сэр Генри! — Подав комиссару телеграмму, младший офицер молодцевато отдал честь, повернулся и печатным шагом вышел из офицерского банкетного зала резиденции.

Эта сцена произошла часом позже, и хотя был уже час ночи, Эмилия и Адам были в таком возбужденном состоянии после возвращения бриллианта, что оба совершенно не хотели спать. Жара спала, и они жадно поглощали смесь йогурта, специй и ломтиков яблок. В банкетном зале за деревянными столами можно было разместить двести человек, но теперь в нем было почти пусто, если не считать группы людей, посетивших храм. Дюжина молодых английских офицеров ела с большим аппетитом, наливая из серебряных жбанов большие порции пива. На столе гордо красовались образцы посуды полка: серебряные кувшинчики, бокалы, изящные светильники, серебряные супницы, серебряные чаши для пунша — все предметы, начищенные до блеска, сверкали при огнях свечей, доказывая незыблемость Британской империи, ее силы и богатства.

— Бойня! — воскликнул сэр Генри, взглянув на телеграмму. — В Каунпуре учинили кровавую бойню! Это телеграмма от старшего офицера, оставшегося в живых, от капитана Брента...

— Бентли! — подсказал Адам.

— Правильно. Как вы знаете, войска Нана Саиба осадили военный городок и уморили голодом чуть не всех его обитателей. Среди них много женщин и детей. Генерал Уилер — его сыну оторвало голову снарядом — наконец согласился заключить перемирие, и Нана Саиб обещал пропустить гражданское население без помех. Когда женщины, дети и раненые направлялись к Гангу, чтобы погрузиться на лодки и отплыть в безопасное место в Аллахабад, этот зверь Нана Саиб приказал своим людям атаковать

их! В англичан стали стрелять, рубить их саблями, топить в реке... — Обычно флегматичный голос сэра Генри задрожал. — Генерал Уилер был жестоко убит, так же как и капеллан Монкриф, читавший молитвы из Библии. Воды Ганга окрасились кровью англичан, джентльмены. Давайте молча помолимся за души убиенных.

Сэр Генри зажмурил глаза, которые наполнились слезами. То же сделали Эмилия и офицеры. Адам сидел с открытыми глазами, пытаясь осознать значение сказанного. Когда сэр Генри закончил молиться, он поднял голову. На его лице был гнев.

— Джентльмены, — заявил он. — Клянусь, что за каждую каплю английской крови, которая была пролита, мы отомстим галлонами индийской крови!

— Отомстим! — воскликнул молодой офицер, вскочив на ноги. — Отомстим за бойню!

— Перебить черномазых!

— Мечь!

— Отомстим за Каунпур!

— Смерть черномазым!

Присутствующие в зале клокотали ненавистью. Адама переполняло сострадание и к англичанам, которых уже перебили, и к индусам, которые будут перебиты. Вдруг он сообразил, что надо делать. Он встал и поднял руки, призывая к тишине.

— Сэр Генри, — обратился он к комиссару — думаю, что знаю, как можно выкурить Нана Саиба. Остались ли у вас *сипаи*, которым вы доверяете?!

— Немного есть.

— Если вы мне дадите десять человек, то, думаю, через несколько дней я доставлю вам Нана Саиба — живого или мертвого — и, возможно, этот мятеж можно будет загасить прежде, чем пострадают другие.

— Ну, милорд, думаю, что десять человек я наберу. Но как вы хотите этого достичь?

— Я расскажу вам это после того, как добьюсь успеха.

Он почувствовал, как за рукав его дернула Эмилия, и оглянулся на нее.

— Дорогой Адам, а мне можно?

Со стороны английских офицеров послышались смешки при виде темной служанки, которая назвала Адама «дорогой». Но Эмилия была не из тех, кто прощал насмешки над собой. Повернувшись к ним, она горячо сказала:

— Хотела бы знать, что вас так позабавило, джентльмены? Адам мне

дорог! Я полюбила его и... — Она замолчала, ужаснувшись сказанному. Адам опустил руки на ее плечи.

— Эмилия, я уже и так подверг вашу жизнь опасности. Нет, вам нельзя ехать со мной. Мы должны вернуть вас родителям в целости и сохранности...

— Завтра в Калькутту выезжает караван женщин, — объявил сэр Генри. — У них будет надежная охрана. Мисс Макнер может поехать с ними.

— Нет! — воскликнула она. — Я хочу поехать с Адамом. — Она сбросила с головы тюрбан и тряхнула своими золотистыми кудрями. Офицеры, которые до этого не догадывались, что это за темнокожая красавица, замерли. Она умоляюще посмотрела на Адама: — Возможно, я сделала глупость, сказав, что люблю вас, — негромко произнесла она. — Мама упадет в обморок, если узнает об этом. Но это правда, и я не стыжусь своих слов. Поэтому, дорогой Адам, не отсылайте меня прочь. Мне лучше умереть при вас, чем жить без вас.

Адам порывисто заключил ее в объятия и поцеловал в губы. Поцеловал долгим, страстным поцелуем. Офицеры начали постукивать своими кружками по столу, приговаривая: «Вот это да! Bravo!»

Несколько шокированный сэр Генри откашлялся.

— Лорд Понтефракт, — воскликнул он, — сейчас не время и не место...

Адам отпустил ее, улыбнулся и прошептал:

— А теперь поезжайте домой, прежде чем ваш отец добьется ордера на мою казнь и прежде чем с вами что-то случится. Для меня очень важно, чтобы с вами ничего не произошло!

Эмилия пораженно уставилась на него.

— Это мой первый поцелуй, — прошептала она.

Офицеры заулыбались и захлопали.

— Bravo! — повторили они опять. — Замечательно! Bravo!

— Послушайте, ребята, — крикнул молодой лейтенант, схватив свою пивную кружку и высоко подняв ее, — разве не за это мы сражаемся? Милая английская девушка получила свой первый поцелуй! Разве не стоит за это выпить?

— Верно! Правильно!

Все выпили. Адам подумал, что это все же лучше, чем крики «Смерть черномазым!»

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ

Призывный крик младенца заполнил комнату с высоким потолком в гостинице «Уиллард».

— Родилась девочка! — улыбнулась Клемми Деври.

— Девочка, — прошептала Лиза, которая только что разрешилась вопящим ребенком весом в семь фунтов.

— И, похоже, очень здоровая девочка.

— Дочка Адама.

— Адама?! — На лице Клемми отразилось недоумение.

— Я назову ее Аманда.

— Аманда Кавана. Да, хорошее имя.

Клемми гадала, кто же такой этот Адам, но решила не беспокоить Лизу, которая после родов чувствовала себя еще очень плохо.

— Разрешите мне подержать ее, — попросила Лиза.

Доктор поднес к ней младенца, и мать взяла его на руки.

— Ах, она очаровательна. — Она поцеловала ребенка в макушку, которая была покрыта редким пушком. «И придет день, — подумала Лиза, — когда отец станет ею гордиться».

Гостиница «Уиллард» на Пенсильвания-авеню при пересечении с Четырнадцатой улицей была самой популярной в Вашингтоне. Конечно, после Национального отеля на Шестой улице. Здесь, в этой гостинице, погибло несколько постояльцев, в том числе племянники президента Буканана, от таинственной болезни, отчего это заведение получило броское название «Национальный отель болезней». Гости со всех концов страны общались с политиками и дипломатами в общественных местах гостиницы «Уиллард», в прокуренном баре любимым занятием стало заключение сделок и политиканство, где столичные молодые щеголи проводили много счастливых часов, опрокидывая «вредную» жидкость нового изобретения под названием коктейли. Лиза сняла номер «люкс» в гостинице «Уиллард» (ирония заключалась в том, что это произошло три дня спустя после отъезда Белладонов в Европу), и она поселилась здесь как раз вовремя, потому что у нее тут же начались схватки.

Деври приехали вместе с ней, потому что Билли, выступавший в качестве ее адвоката, опротестовал выдачу ее Англии, хотя договор о выдаче преступников существовал между Соединенными Штатами и

Англией с 1843 года. Довольно мрачно выглядевший Билли вошел в спальню Лизы, где Клемми нежно покачивала новую люльку младенца.

— Лиза, мне неприятно сообщать вам плохие новости сразу же после родов, — начал Билли, — но министр юстиции заявил, что он не станет препятствовать вашей выдаче.

Сидевшая на кровати Лиза попыталась сохранить видимость спокойствия.

— Значит, мне придется предстать перед судом? — спросила она.

— Боюсь, что да. Я надеялся, что аболиционисты в конгрессе поддержат меня, но сенатор Уитни оказался чертовски влиятельным, и он решил досадить вам. Ему известно, что вы переводили деньги на Север аболиционистам.

— Какие у меня шансы быть оправданной?

Билли придвинул стул к ее кровати и сел.

— Мне неизвестно, какого рода дело Корона имеет против вас. Но я следил за судебным разбирательством Маделейн Смит в Шотландии...

— Кто такая Маделейн Смит?

— Это хорошо воспитанная молодая дама из Глазго, которую обвинили в том, что она отравила своего любовника.

— Вероятно, она была не очень хорошо воспитана.

— Да, пожалуй, не очень. Как бы там ни было, но в английском законе имеется любопытное положение, согласно которому обвиняемый не может давать показания. Это прекрасно сыграло на руку Маделейн Смит. Она не могла давать показания в свою собственную защиту, и присяжные заседатели вынесли приговор: «Не доказано». И ее отпустили. Такое же положение может быть применено и в вашем случае.

— Тогда все будет зависеть от показаний Стрингера Макдафа, потому что он очевидец.

— Что, по вашему мнению, он может показать?

Она припомнила ту ужасную ночь в коттедже, вспомнила, как быстро Макдаф решил спасти свою собственную шкуру и незамедлительно сообщить все полиции. Она взглянула на люльку.

— Думаю, — медленно произнесла она, — мне лучше скрыться из этой страны. — Она обратилась к Билли: — Как вы думаете, сумеете ли вы устроить мой отъезд вместе с Амандой в Мексику?

Билли встал.

— Боюсь, что это невозможно, — ответил он.

— Почему?

Он подошел к двери и отворил ее. Она увидела за дверями двух

стражников.

— Прodelки сенатора Уитни, — сказал Билли, опять затворив дверь. — Ему удалось убедить министра юстиции взять вас под стражу.

Лизу охватил ужас.

— Лиза Кавана, должно быть, вопит от возмущения, — прокаркала Элли Мэй Уитни, когда вышла на крыльцо своего дома на плантации «Фсарвью». — Послушай, какие даст заголовки «Ивнинг стар»: «Миссис Кавана выдается Англии под стражей». — Она подала экземпляр вашингтонской скандальной газеты своему мужу, который сидел в кресле-качалке.

— Да, издатель сказал мне, что собирается просто распять се на своих страницах, — отозвался Пинеас, вынимая свои очки в золотой оправе, чтобы прочитать эту статью. — Полагаю, что миссис Кавана скоро будет болтаться на виселице. И она это вполне заслужила.

— Клемми Деври продолжает утверждать, что между Лизой и этим рабом ничего не было, но если хочешь знать мое мнение, то я в этом не сомневаюсь. Ее собственная сестра сказала, что она аморальна. Любопытно, знал ли Джек Кавана, что она забеременела от другого? Бедняга Джек! Если бы он женился на порядочной, честной виргинской девушке вместо какой-то дряни из Европы, он бы и сейчас был жив и счастлив.

Она посмотрела на прекрасный луг, сбегаящий к реке Раппаханок, которая текла мимо дома на плантации «Фсарвью» примерно в десяти милях к югу от Фредериксбурга. Здешний дом, по общему мнению, считался одним из самых красивых особняков на плантациях Виргинии. Как и на плантации «Эльвира», на «Фсарвью» разводили главным образом табак. Но, в отличие от Джека, сенатор построил на своей земле фабрику, где рабы под присмотром белых рабочих превращали высушенный табак в сигары, нюхательный порошок, «закрутки» жевательного табака и, во все возрастающих количествах, в сигареты. На равнинных полях работало более двухсот рабов, которые сеяли, подрезали, пропалывали, убирали урожай, складывая в кипы просушенные табачные листья. Но Пинеас через жену был связан с другой важнейшей культурой Юга — с Его Величеством Хлопком. Обе культуры отличались огромной трудоемкостью, поэтому Уитни относились к фанатичным приверженцам рабства. И когда Лиза стала выступать в поддержку аболиционистов, они, естественно, стали ее яркими врагами.

— В статье хорошо расчихвостили ее, — заключил Пинеас,

откладывая газету в сторону.

— Ты действительно думаешь, что ее повесят? — спросила Элли Мэй.

— Постараюсь добиться этого, — ответил Пинеас. — Миссис Кавана дает нам, рабовладельцам, прекрасную возможность дискредитировать аболиционистов. Я продумал план того, как гарантировать вынесение ей обвинительного приговора. Завтра я еду в «Карр-Фарм» и переговорю об этом Бренденом. Нельзя пускать такие вещи на самотек.

— Думаю, что ты прав, — согласилась Элли Мэй, толком не понимая, что имел в виду муж. — Кстати, Шарлотта пишет из школы, что получает красивые поэтические послания от Клейтона Карра, из Принстона. У меня создается впечатление, что он созревает для того, чтобы сделать ей предложение. Как бы ты отнесся к тому, чтобы Шарлотта вышла за него?

— Ну, мне бы это доставило огромное удовольствие. Ты знаешь, мне нравятся сыновья Карра — и всегда нравились. Клейтон и Зах — отличные ребята. Они хорошей породы и надежные южане. Я был бы просто счастлив, если бы Шарлотта влюбилась в Клейтона. Но они не выкинут чего-нибудь неожиданного?

— Ну, нет. Они подождут, пока Клейтон закончит университет. Мне тоже нравятся Карры, хотя они небогаты...

— Не в деньгах счастье, Элли Мэй. Важнее порода. Воспитание и верность нашему образу жизни.

К дому подъехал и сошел с коня надсмотрщик, мистер Макнелли, толстый, бородатый мужчина. Он подошел к ступенькам крыльца и, глядя на Элли Мэй, притронулся пальцами к краю своей шляпы.

— Добрый день, миссис Уитни, — поприветствовал он ее. — Хорошая установилась погода, не правда ли?

— День добрый, мистер Макнелли. Да, пока что весна нас радует погодой.

— Простите, сенатор, но в квартале возникли небольшие неприятности.

— Какого рода?

— Мальчишку Такера поймали на воровстве — утащил цыпленка.

— Кажется, это уже не в первый раз?

— Верно, сэр. Мальчишка нечист на руку. В прошлом месяце мы поймали его, когда он воровал турнепс с большого склада. Тогда я его высек, но, похоже, ему это не послужило уроком.

— Ну, тогда его надо выпороть так, чтобы до него дошло, как ты думаешь? — Сенатор улыбнулся. — Дай ему сто розог, потом посоли. Пусть денек повисит на привязи. Это его научит.

— Не сын ли Сары этот Такер? — спросила Элли Мэй.

— Ее, мадам.

— Она моя лучшая прачка, Пинеас. Я не хотела бы огорчать ее.

— Если это огорчит ее, тем хуже, — коротко заметил муж. — Она сама должна внушать ему христианское поведение, хотя, видит Бог, их трудно научить хотя бы чему-нибудь. Выполний, мистер Макнелли. Накажи провинившегося.

— Слушаюсь, сэр.

Притронувшись опять к краю шляпы, неуклюжий надсмотрщик спустился со ступенек веранды и сел в седло. Когда он отъехал, Элли Мэй вошла в дом, оставив мужа одного сидеть в кресле-качалке. Выдался замечательный апрельский день, просторные лужайки «Феарвью» сочно зеленели после обильных весенних дождей. Под высокими дубами высыпали кучки ярко-красных и розовых цветов. Большой кирпичный дом представлял собой своего рода архитектурный шаблон с белыми колоннами и портиком. Но тем не менее дом производил эффектное впечатление, и из него открывался потрясающий вид на спуск к неторопливым водам реки Раппаханнок. Пинеас был доволен собой — он находился в зените своего влияния в Вашингтоне, а табачная плантация приносила ему настоящее состояние. История с Лизой в своем роде была вишенкой наверху порции сливочного мороженого с фруктами. Он дремал, над его головой жужжала муха, когда его вдруг пробудил отдаленный вопль. Он привстал и увидел, что к дому бежит черная женщина. На ее голове был цветной платок в горошек, одета она была в черное платье с белым фартуком.

— Масса! Масса! — истошно вопила она.

— Что за шум? — проворчал сенатор.

Из дома вышла Элли Мэй.

— Это Сара, — объяснила она.

— Масса, пожалуйста... они убивают моего мальчика! Пожалуйста, масса, остановите порку... они убивают Такера! О Господи, пожалуйста, масса... Такер хороший мальчик... пожалуйста!

Женщина, рыдая, остановилась у веранды, в отчаянии сжав прижатые к груди руки.

— Я же сказала тебе, что она огорчится, — вздохнула Элли Мэй.

— Прекрати этот шум! — приказал Пинеас, вставая со своей качалки и подходя к перилам веранды.

— О, пожалуйста, они в кровь испороли всю его спину! Такеру всего семнадцать... Мистер Макнелли засечет его до смерти!

— Тихо! — рявкнул Пинеас. — Проклятая баба, прекрати этот адский

гвалт! Твой сын вор и заслужил наказание.

— Он просто украл одного цыпленка, масса... он такой голодный...

Элли Мэй, нахмурившись, подошла к мужу.

— Сара, — обратилась она к женщине, — ты поднимаешь истерику по пустякам.

— Пустякам? — прошептала женщина. — Моего сына секут до смерти! О, пожалуйста, хозяйка. Вы тоже мать... пожалуйста...

Элли Мэй почувствовала себя неловко. Она обратилась к мужу:

— Мы же не станем увечить этого парня, — сказала она.

Пинеас казался раздосадованным.

— Вы, бабы, чересчур мягкотелые, — в сердцах выпалил он. — Вы портите этих черномазых! Хорошо, женщина, — обратился он к Саре, — я поеду в ваш квартал и прекращу порку. Но смотри, чтобы отныне и впредь твой сын вел себя как следует.

— Да, конечно, масса. Спасибо, масса. Вы хороший человек, масса, добрый.

— Я — глупец. А теперь убирайся, занимайся своим делом.

— Слушаю, масса.

Вытирая слезы фартуком, Сара торопливо пошла прочь от дома. Ругаясь, сенатор сошел с веранды и направился на конюшню.

Квартал рабов находился в полумиле от большого дома. Он был разбит в открытом поле, рядом с лощиной, и представлял собой три ряда жалких однокомнатных лачуг, которые были построены из бревен, оштукатурены глиной с прокладками из лошадиного ворса, а торчащие вверх трубы — из прутьев, смазанных смолой и дегтем. Крыши были покрыты кровельной дранкой, а в отдельных случаях белой жестью. Повсюду без присмотра бродили куры, собаки и кошки, голая земля вокруг забросана мусором. Несло страшной вонью, потому что уборных не было. Толпа испуганных рабов молча наблюдала, как мистер Макнелли стегал кнутом по голой, окровавленной спине черного подростка. Белые охранники стояли, держа ружья наготове.

Сенатор слез с коня.

— Хорошо, мистер Макнелли, достаточно, — произнес он, подходя к месту порки — толстому помосту с ремнями для привязывания рук.

Вспотевший мистер Макнелли опустил кнут.

— Сэр, вы велели дать ему сто ударов, а я дошел только до семьдесят четвертого.

— Понятно, но, думаю, что Такер теперь усвоит этот урок. — Уитни зашел с другой стороны помоста, чтобы посмотреть в лицо парня. — Ты

усвоил этот урок, парень? — спросил он. — Будешь ли ты хорошим негром, перестанешь ли воровать?

Такер, чье черное, как сажа, лицо блестело от пота, взглянул на хозяина — доброе лицо, безукоризненный коричневый камзол и замшевые брюки, беспечная улыбка...

Мальчишка собрал последние силы и плюнул ему в лицо.

Сенатор Уитни остолбенел. Потом вынул носовой платок из наружного кармана камзола и вытер слюну со своей щеки.

— Этот черномазый неисправим, — негромко сказал он. — Посади его в кадушку.

Он отошел прочь, а толпа рабов застонала. Мистер Макнелли быстро развязал ремни на руках парня. Такер, которого засекали чуть не до потери сознания, свалился на землю.

— Отнесите его в бочку, — распорядился Макнелли. Один из двух белых охранников подошел к пареньку, схватил его за левую руку и рывком поставил на ноги.

Сара, которая только что прибежала из господского дома, закричала:

— Что вы делаете с моим сыном?

— Твой сын плюнул мне в лицо, женщина, — объяснил сенатор, уже садившийся в седло. — За все шестьдесят лет я не встречался с таким неуважительным отношением к себе со стороны негра, и, видит Бог, я этого не потерплю, особенно со стороны своего собственного черномазого. Твоего сына посадят в бочку.

Сара начала дико вопить:

— О нет, масса, пожалуйста! Пожалуйста! Не делайте этого... пожалуйста! О Господи, пожалуйста...

Она подбежала к лошади, ухватила за левый сапог сенатора, продолжая вопить.

— Женщина, отпусти мой сапог!

— Вы не должны делать этого, масса! Такер хороший мальчик... пожалуйста! О Господи!..

Старший сенатор от Виргинии яростно хлестнул ее по лицу своим хлыстом. Завизжав, она упала на землю, чуть не попав под копыта Калхауна, который из-за суматохи начал нервно топтаться на месте. Рабы молча и с ужасом наблюдали, как два охранника потащили окровавленного Такера по земле к деревянной бочке высотой в шесть футов, которая стояла на камне у края склона, спускавшегося вниз к небольшому ручейку. Один охранник держал Такера, а другой сорвал с него рваные домотканые штаны из дерюги. Охранники подняли окровавленного раба и бросили в бочку, по

бокам которой на уровне обручей торчали четырехдюймовые гвозди. Охранники захлопнули бочку крышкой. По сигналу Пинеаса мистер Макнелли сдвинул бочку с камня. Она глухо шлепнулась на бок. Из бочки донеслись душераздирающие вопли. Двое охранников подтолкнули ее, и она покатилась вниз по склону. Сара и другие с ужасом смотрели, как бочка скатилась вниз по склону и, подпрыгнув последний раз, остановилась, наконец, у ручья, в сорока футах от вершины.

— Не советую смотреть, — сказал сенатор Саре, пришпоривая своего коня. — И не надейся, что он останется в живых.

Он ускакал. Сара, шатаясь, сделала несколько шагов по пыльной дороге, на ее лице налился рубец от хлыста. Что-то шепча, она медленно подняла кулаки к небу.

Брандон Карр, мужчина лет сорока, был скорее научным работником, чем бизнесменом, и последние десять лет своей жизни потратил на написание громоздкой биографии Джеймса Мэдисона. Брандон слыл человеком с мягкими манерами, хотя, как могли бы подтвердить его сыновья Зах и Клейтон, он мог быть невероятно упрям и отвратительно вспыльчив. Поместье «Карра-Фарм» было маленькой луной по сравнению с огромной планетой — плантацией «Феарвью». Брандон немного занимался табаководством, но главным образом его рабы выращивали кукурузу и помидоры. Это была ферма с размеренным темпом жизни, и хотя Брандон твердо верил в «особую организацию общества», он по-человечески обращался с рабами. Если бы можно было представить себе «хорошего» рабовладельца, то он им и был. Брандон, закончивший Принстонский университет в 1834 году, был виргинским джентльменом, который гордился традициями своего штата. Но его дом совершенно не претендовал на величие особняков на плантациях «Эльвира» или «Феарвью» и был настолько же запущенным, насколько хорошо содержались вышеупомянутые особняки. И дело не в том, что Брандону не хотелось лишний раз покрасить свое жилище, а в том, что у него вечно не хватало наличных.

На следующее утро после убийства раба Такера сенатор Пинеас Тюрлоу Уитни подъехал в карете к парадному подъезду дома на ферме «Карра». Элтон, пожилой кучер Пинеаса, слез с козел, чтобы попридержать дверцу кареты для своего хозяина. Выйдя из кареты, Пинеас направился по дорожке к двухэтажному дому с верандой, которая слегка просела с левой стороны. Выдался еще один прекрасный весенний день, и Брандон в белом пиджаке и белой шляпе, сидя на веранде в кресле-качалке, курил сигару.

Когда Пинеас поднялся по ступенькам веранды, Брандон встал, снял шляпу и протянул руку.

— Брандон... — Сенатор улыбнулся, пожимая его руку. — Не правда ли, что нам повезло с такой прекрасной погодой?

— Это действительно так, Пинеас. Предпочитаете ли вы войти в помещение или останемся здесь?

— Здесь великолепно.

Мужчины сели рядом друг с другом.

— Элли Мэй говорила мне, что Клейтон пишет Шарлотте довольно любезные письма. — Сенатор улыбнулся, доставая из кармана кожаный портсигар. — Похоже, что ваш мальчик действительно влюбился в мою дочь. Буду говорить с вами совершенно откровенно, Брандон. Мне доставит огромное удовольствие, если наши семьи породнятся. Мы столько лет живем по соседству...

Брандон наклонился, чтобы дать Пинеасу раскурить сигару от толстой спички.

— Меня это тоже радует, — отозвался он, — но... Я слышал, как вы поступили вчера с одним из ваших рабов. Вы знаете, как я решительно порицаю чрезмерную жестокость в обращении с прислугой. Это не по-христиански, Пинеас.

Пинеас откинулся на спинку кресла-качалки, затягиваясь дымом сигары, глазами остро поглядывая на Брандона.

— Я рискну в своих отношениях с Господом, — наконец произнес он. — Тот парень плюнул мне в лицо. У меня не было альтернативы...

— Но убийство...

— Брандон, вы ведете свои дела по-своему, а я буду управлять своей плантацией, как считаю нужным. Я приехал сюда не за тем, чтобы мне читали лекцию по поводу этих проклятых и наглых черномазых.

— Пинеас, мы оба поддерживаем рабство. В этом основа нашей экономики. Рабов привезли сюда потому, что белые не могли работать на такой жаре. Без рабов мы бы не могли собирать хлопок, выращивать рис или табак. В этом плане между нами нет существенных различий. Но, видит Бог, сэр, мы несем перед этими людьми определенную ответственность.

Пинеас подался вперед.

— А теперь послушайте меня, Брандон Карр. Вы сидите тут и пишете свои книжки по истории, почиваете в воображаемом мире. А я орудную дубинкой в драке. Я нахожусь в Вашингтоне и пытаюсь сохранить господство южан в правительстве. И могу сказать вам, что как только мы

утратим такое господство, Юг сразу же окажется в серьезной опасности. Поэтому не читайте мне лекций на тему о том, как надо по-человечески обращаться с рабами! Я пытаюсь спасти такую организацию общества, это нелегкая задача. Мои усилия позволяют вам посиживать тут в безопасности и комфорте. И как старый друг и сосед я с неприязнью воспринимаю вашу критику, сэр. С большим неудовольствием.

Брандон вздохнул.

— Извиняться я не буду, Пинеас. Но по этому вопросу не скажу больше ничего. Так, в своей записке вы упомянули, что хотите поговорить со мной о поездке в Англию. С какой целью?

— В связи с судом над женой Кавана. Наши сторонники собрали необходимые суммы, чтобы компенсировать ваши расходы.

— Но что вы хотите, чтобы я сделал?

Когда Пинеас рассказал ему о своем плане, Брандон зло оскалился.

— Простите, Пинеас, но моя совесть христианина не позволяет мне выполнить то, что вы предлагаете. Вы готовите ей виселицу.

Пинеас решил, что с Брандоном не стоворишься. Это непрактичный человек, мечтатель, который не понимает, что поставлено на карту.

— Елизавета Десмонд Кавана, вы обвиняетесь в убийстве. Признаете ли вы себя виновной или нет?

Судья в парике, мистер Джастис Молино, прекрасно выглядел в своем ярко-красном одеянии с горностаем. Он сидел на скамье в Центральном уголовном суде на улице Ньюгейт в Лондоне. Освещенный газовыми фонарями зал суда был забит до отказа, так как судебные разбирательства по делам об убийствах рассматривались в Лондоне как театральные представления, а суд над очаровательной уроженкой Йоркшира, американской вдовой, привлек к себе большое внимание. Шел сентябрь 1857 года, почти пять месяцев спустя после того как Лиза с младенцем была выслана из Нью-Йорка. Теперь она находилась на скамье подсудимых, одетая в скромное темно-голубое платье и шляпку. Она посмотрела на судью и твердо произнесла:

— Я не признаю себя виновной, милорд.

Она выглядела озабоченной. Ни один человек не мог не испытывать беспокойства, находясь на скамье подсудимых по обвинению в попытке убийства. К тому же, ее адвокат сэр Эдмунд Картер подтвердил ей, что по английским законам она не имела права показывать в свою пользу.

У нее чуть не началась истерика, когда прокурор вызвал для дачи показаний первого свидетеля — парижского модельера Люсьена Делорма.

Сэр Эдмунд предупредил ее, что возможный упор в этом судебном разбирательстве Короны будет сделан на факт ее бегства из Англии как подтверждение ее вины.

А это, в добавление к показаниям Стрингера Макдафа, может привести ее к виселице.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ

— Каунпур наш! — крикнул Нана Саиб, обращаясь к огромной толпе. Огни фейерверка осветили жаркое небо. Одетый в самые шикарные шелка цвета слоновой кости с пятью нитками огромных жемчужин вокруг толстой шеи и с бриллиантом Пешва на тюрбане он сидел на спине слона на позолоченном кресле под навесом. — Божьей милостью, все христиане, находившиеся здесь, в Дели и Мееруте, уничтожены и отправлены в преисподнюю набожными и мудрыми войсками благоверных, которые твердо держатся за свою веру. Желтоволосые иноземцы изгоняются с территории Матери-Индии, и теперь обязанностью всех граждан является повиновение моему новому правительству. Сегодня я махараджа Битуре. Но скоро меня объявят императором всей Индии!

— Нана Саиб! Нана Саиб! — скандировала пришедшая в экстаз толпа из нескольких тысяч индийцев.

— Наше дело — идти к победе! А теперь, друзья мои, приглашаю всех вас в мой дворец в Битуре на большой пир в честь победы! Угощаю вас досыта и едой, и питьем! Будьте гостями Нана Саиба!

— Нана Саиб! Нана Саиб! — завизжала разношерстная толпа, обретя нового героя.

Шесть девушек-науч, вedomые Лакшми, исполняли чувственные танцы живота в тронном зале дворца Нана Саиба в Битуре. Дело происходило на следующий вечер после шумного пира для народа, когда дворец заполнили ликующие подданные. А сегодня у Нана Саиба был праздник в узком кругу ближайших друзей. Толстый махараджа восседал на позолоченном троне, курил кальян и смотрел на *девушек-науч*. Лакшми, к рукам и плечам которой была прикреплена газовая прозрачная вуаль, медленно закрыла ею свое лицо, пройдя в танце совсем близко от него. На лице Нана Саиба появилась похотливая улыбка. На подушках с одной стороны от него сидели пять музыкантов, игравших на индийских струнных инструментах — ситарах, а за ними стояли четыре охранника, вооруженные ружьями «Энфильд». Гости — только мужчины — тоже сидели на подушках вокруг всего зала, пили вино и аррак из серебряных кубков, закусывали фруктами и сладостями, которые разносили на подносах слуги Нана Саиба. Томный вид гостей, духота в помещении, запах гашиша создавали у Нана Саиба впечатление, что он плывет в мечтах. Его взгляд скользил с пупка на круглом животе Лакшми к ее трепещущим грудям и к потолку, где

медленно покачивались опухшая и возвышался круглый плафон из цветного стекла, привезенные его отцом из Парижа. Через большое отверстие в центре плафона свешивалась тяжелая цепь, на которой висела огромная люстра зеленого стекла с более чем пятьюдесятью светильниками из красного стекла, которые покойный Пешва заказал в Бакара, во Франции. Отец Нана Саиба страстно тянулся ко всему французскому так же, как сын до недавнего времени тянулся к английскому мылу и мармеладу.

Когда жонглеры начали свое представление с деревянными кеглями, в зал торопливо вошел лорд Азимулла. Пройдя мимо гостей, он приблизился к трону и сказал:

— Ваше Высочество, произошло чудо. Прибыл англичанин, чтобы преподнести вам большой бриллиант.

Нана Саиб посмотрел на него отупевшим от гашиша и вина взглядом.

— Англичанин? Адам Торн? Он здесь?

— Да, сэр. Он просит принять его, чтобы вручить вам бриллиант.

— Не понимаю. Он же делал все, чтобы держать его подальше от меня.

— Он говорит, теперь понял, что вы представляете народ Индии, и поэтому решил возвратить бриллиант вам.

— Как изумительно... — Нана Саиб нахмурился. — Он один?

— Да, сэр.

— Этот человек, должно быть, глуп, — он рассмеялся и хлопнул себя по колену. — Идиот! *Ангрезиидиот!* Ты уверен, что это не трюк?

— Поскольку он один, сэр, не думаю. Но я дам указание стражникам смотреть за ним в оба.

— Да, конечно. Сейчас мы хорошо повеселимся! Приведи его сюда. Мы позволим ему произнести небольшую любезную речь и вручить мне бриллиант. А потом мы немного позабудемся, предав эту собаку медленной и самой мучительной смерти, которую мы только сможем придумать. Это развлечет моих гостей, верно? Что может быть приятнее, чем видеть, как подыхает англичанин!

— Ваше Величество, как всегда, полны вдохновения. — Азимулла, поклонившись, вышел из зала. Нана Саиб, поднявшись на ноги, на мгновение оперся о подлокотник трона, пытаясь обрести равновесие. Потом вскинул руку, призывая к тишине. Музыканты отложили свои инструменты, а девушки-науч прекратили танцевать.

— Друзья мои, у меня для вас сюрприз — такой, который оживит наш сегодняшний праздник. Святотатствующие христианские миссионеры пришли в нашу страну и осквернили наши уши историями о мужестве так

называемых христианских мучеников... Ну, скоро мы поприветствуем одного из них и посмотрим, насколько храбрым окажется христианин-ангези. Слуги, добавьте вина и арака.

Хлопнув в ладоши, Нана Саиб рухнул на трон, а слуги в очередной раз начали наполнять кубки гостей. Трое акробатов присоединились к жонглерам и прошли на руках по залу под аплодисменты присутствующих. И тут Азимулла ввел в зал Адама. Англичанин, который внешне походил на индуса, спокойно прошел мимо гостей, жадно пожиравших его глазами. В руках Адама была коробка из слоновой кости.

Танцовщицы, жонглеры, акробаты замерли, и в зале воцарилась мертвая тишина. Адам остановился напротив трона Нана Саиба и поклонился.

— Поприветствуй его, — приказал махараджа Азимулле.

— Могущественный властелин Нана Саиб, махараджа Битура, приветствует тебя, англичанин, — произнес Азимулла.

— Скажите Нана Саибу, — попросил Адам, — что я привез ему большой бриллиант не только потому, что он теперь представляет народ Индии, но также и потому, что я боюсь, что англичане могут похитить его из храма в Лакнау и передать королеве Виктории, которая добавит его к своим драгоценностям в корону.

Азимулла перевел.

— Да-да, — нетерпеливо отозвался Нана Саиб. — Вели ему передать мне коробку.

— Махараджа повелевает не терять зря время. Отдай ему эту коробку.

— Конечно.

Адам поднялся на ступеньку к трону и передал в руки Нана Саиба коробку из слоновой кости. Махараджа нетерпеливо поднял крышку. Потом свирепо посмотрел на Адама.

— Коробка пустая! — взвизгнул он.

Залп выстрелов прогремел сверху, вдребезги разбив цветное стекло плафона и мгновенно сразив четырех стражников, находившихся в зале. Нана Саиб издал вопль, а Адам выхватил из своего сюртука длинный кинжал, сделал выпад и вонзил его в сердце махараджи.

— Мой дедушка отомщен! — воскликнул Адам, видя, как Нана Саиб повалился на спинку своего трона. Кровь хлестала на его шелковый камзол... На лице застыло удивленное выражение. Сверху из-за стеклянного плафона продолжалась пальба, через дырку сбросили веревку. Адам пробежал мимо вопивших гостей, акробатов, жонглеров и танцовщиц. Подпрыгнув, он схватился обеими руками за веревку и начал

быстро взбираться наверх.

— Быстрее! — подгонял его сверху Бентли Brent. Бентли, кожу которого тоже подкрасили и одели по-индусски, стоял на толстой деревянной балке над стеклянным плафоном, к которой была прикреплена огромная люстра. Он увидел, как Азимулла целится из пистолета в Адама, который уже почти вскарабкался до потолка. Выстрелив, Бентли увидел, как Азимулла свалился на труп Нана Саиба.

Гости толпой бросились к дверям, стараясь выбраться из тронного зала. Тем самым они мешали солдатам Нана Саиба пробиться внутрь. Еще один замаскированный английский солдат и четверо *сипаев*, которых Адам завербовал в эту экспедицию, схватили его за руки и подняли на балку. Отважные люди побежали по перекладине в мансарду дворца, затем к двери, ведущей на крышу. Бентли был знаком с английским архитектором в Лакнау, проводившим ремонтные работы для отца Нана Саиба пять лет назад. Когда Адам поделился с Brentом своим планом использовать приманку с бриллиантом, чтобы проникнуть во дворец и убить Нана Саиба, Бентли связался с архитектором, у которого сохранились чертежи здания.

Сначала на темной крыше показался Бентли, за ним следовали Адам и другие. Они подбежали к карнизу и посмотрели вниз. Дворец, располагавшийся в центре Битура, был окружен небольшим парком с оградой. Сейчас двор был забит лошадьми, каретами, носилками рикш и колясками гостей Нана Саиба, а также их слугами, большинство из которых в данный момент спали. Бентли стал спускаться по дереву, которое росло у самого дворца, по которому они ранее и поднялись на крышу. Через несколько минут смельчаки, сидя в седлах своих коней, галопом проскакали через главные ворота мимо пришедших в замешательство стражников Нана Саиба, которые начали выбегать из дворца в поисках убийцы их хозяина. Но было уже поздно.

Летя во весь опор жаркой ночью, Адам чувствовал такой подъем духа, которого не испытывал никогда в жизни. Он не раскаивался в убийстве Нана Саиба. Острые ощущения делали его почти счастливым.

Он не знал, что, убив величайшего врага Британской империи, он превратился в величайшего ее героя.

Выдержка из письма королевы Виктории лорду Пальмерстону, ее премьер-министру, от 2 августа 1857 года.

Балморал

Королева получила огромное удовольствие, узнав о

смерти этого злодея, Нана Сауба, самостийного махараджи Битура. Лорду Пальмерстону ведомо, какой мы все испытали ужас и стыд, когда до нас дошли сведения о зверствах, совершенных Нана Саубом в Каунпуре. Бедные англичанки подверглись со стороны этого зверя всевозможным насилиям и надругательствам, которые приводят в ужас всех женщин. И, может быть, великая милость заключается в том, что они все погибли. Но теперь этот злодей уничтожен умным и мужественным человеком, лордом Понтефрактом, и королеве трудно передать охватившие ее эмоции, высказать чувства радости и гордости, что Англия породила такого доблестного героя. Очень жаль, что любовные забавы лорда Понтефракта стали достоянием гласности во время суда над этой жалкой миссис Кавана, но королева слишком хорошо знает о темной стороне души мужчины, как и лорд Пальмерстон, и печально, но по-человечески понятно, что молодой человек посеял такие дикие семена. Если бы не этот неприятный случай, то королеве доставило бы удовольствие пожаловать лорду Понтефракту Орден Подвязки. Но при сложившихся обстоятельствах это может выглядеть так, что Корона награждает порок, а королева не хотела бы создавать такое впечатление. И все же королеве доставит огромное удовольствие повысить титул лорда Понтефракта и присвоить ему ранг маркиза. Ах, какая радость быть королевой нации, которая рождает благородных, отважных мужчин вроде этого замечательного лорда Понтефракта!

В. Р. (Виктория Регина)

— Миледи, в гостиной находится мистер Масгрейв, — доложил мистер Хоукинс Сибил, которая читала в библиотеке Понтефракт Холла письмо, написанное ей королевой. Она отложила письмо, на лице отразилось удивление. «Эдгар? — подумала она. — Зачем он здесь?»

— Скажите ему, что я скоро приду, — приказала она дворецкому, который поклонился и вышел из комнаты.

Сибил встала из-за письменного стола и подошла к зеркалу. «Он не

узнает о моем волнении», — сказала она себе. Молодая женщина похлопала себя по щекам, пытаясь вернуть румянец. Потом поправила свои роскошные волосы.

Эдгар! Какую же она допустила глупость, но ее так ужасно обидел Адам. Ее связь продолжалась не больше месяца, а потом Эдгар опять уехал в Италию, где находилась его главная любовь... Она решила, что больше его не увидит. Но он явился опять. Сохраняй хладнокровие, сохраняй спокойствие... Господи, чего же он хочет?

Взяв себя в руки насколько это было возможно, она направилась в гостиную. Вот и он — все так же щегольски одет, лицо слегка загорело под итальянским солнцем.

— Эдгар, — произнесла она, протягивая руку. — Какой сюрприз. Когда ты возвратился из Италии?

— На прошлой неделе. Решил отдохнуть от своих итальянских кредиторов, которые становятся такими же неприятно назойливыми, как и английские. Сибил, ты скучала обо мне?

Он улыбался, поднося ее руку к губам.

— Не очень. И поскольку ты ни разу не написал мне, я решила, что и ты по мне не скучаешь.

— Ах, я-то тосковал. Постоянно думал о тебе... Разве мы не насладились прекрасной идиллией, когда Адам уплыл в Индию? А теперь он возвращается большим героем! Не правда ли, в жизни много сюрпризов?

— Да, я только что получила письмо от королевы. Она собирается произвести Адама в маркизы.

— Как великодушно! Значит, ты станешь маркизой. Представь себе это. И когда-нибудь его сын и наследник, лорд Генри, станет вторым маркизом Понтефрактом. Кстати, нельзя ли мне взглянуть на лорда Генри?

— Он спит в детской. Я бы не хотела его будить.

— Слышал, что он очаровательный ребенок, с прекрасными светлыми кудрями... Похожими на мои, как мне сказали.

— У детей часто бывают светлые волосы, — сказала она, вся напрягшись.

— Возможно. Но поскольку твои волосы прекрасного каштанового цвета, а у Джека волосы черные, то если у подросткового мальчика волосы останутся светлыми, это будет выглядеть довольно странно, правда? Дело в том, дорогая Сибил, что в душе ты не уверена, кто же отец твоего ребенка. А если отец я, то это ставит тебя в довольно... скажем, неловкое... положение. Пока величайший герой Англии рискует своей жизнью за

Империю в Индии, его жена на родине с большой сноровкой, как говорил Гамлет, пробирается в постель к своему соседу и приятелю детства. Догадаться нетрудно к кому: ко мне. Ах, Сибил, это будет выглядеть совсем неблагоприятно. Более того, это будет выглядеть совершенно скверно. И подумай, в каком неловком положении окажется королева! Скандал может потрясти Империю.

Сибил была в ужасе.

— Все годы, что я знала тебя, — прошептала она, — я думала, что *по крайней мере* ты джентльмен. Какой же я была душой.

Рассмеявшись, Эдгар засунул руки в карманы.

— Да, дорогая моя, ты была дурехой. Я слишком беден, чтобы быть джентльменом. Как сыну обедневшего сельского джентльмена, мне пришлось полагаться на сообразительность и чары все эти годы. Но вдруг я почувствовал, что в моей судьбе может произойти резкая перемена.

Ее глаза прищурились.

— Что ты хочешь этим сказать?

— Завтра утром я подброшу тебе свои счета. Какая ужасная помеха эти счета... Ты оплатишь их за меня, правда, моя дорогая? Как это мило и предусмотрительно с твоей стороны. Я всегда считал, что ты великодушная женщина, но ведь у тебя есть и огромные возможности проявить такое великодушие, правда? Я хочу сказать, что ты одна из самых богатых женщин Англии. Думаю, что сделка в двадцать тысяч фунтов вполне устроила бы меня. А потом ты внесешь дополнительно пятьдесят тысяч фунтов в Фонд на мое имя...

— Шантажист!

— Какое противное слово...

— Я не стану платить тебе. Адам может узнать...

Он крепко схватил ее за запястье.

— Ты мне заплатишь, — прошептал он. — Или видит Бог, я расскажу каждой газете в Англии, что прекрасная леди Понтефракт — просто-напросто потаскуха!

— Я подпустила тебя к себе только потому, что Адам так обидел меня...

— А мне казалось, ты наслаждалась этим.

— Но я люблю Адама.

— У тебя странная манера проявлять эту любовь.

— Отпусти мою руку!

— Гони денежки. Семьдесят тысяч фунтов. Пустяки по сравнению с твоим драгоценным Адамом. Он многократный миллионер! Но такая сумма

может изменить мою жизнь. Собираешься ли ты достать для меня эти деньги?

Он наконец отпустил Сибил.

— Думаю, что ты проявишь благоразумие, — добавил он. — Завтра я уезжаю в Лондон, буду находиться в клубе. Двадцать тысяч фунтов жду на следующей неделе, остальную сумму до конца года. До свидания, Сибил. Какое удовольствие увидеть тебя снова!

Поклонившись, он вышел из гостиной.

Сибил закрыла лицо руками. Шантаж!

И самое скверное заключалось в том, что виновата была она сама.

Квадратный черный кусок материи лежал на белом парике мистера Джастиса Молино. Переполненный зал хранил тишину, поскольку люди, которые валом валили сюда во время судебного разбирательства, продолжавшегося целую неделю, ждали теперь устрашающих слов, которые станут приговором суда.

— Елизавета Десмонд Кавана, — начал нараспев судья, — суд решил, что вы виновны в убийстве. Суд считает, что казнь будет осуществлена через повешение. Через весьма непродолжительное время приговор приведут в исполнение. Да простит Господь вашу душу.

— Лиза! — зарыдала Минна Десмонд, ее младшая сестра, которая приехала в Лондон, чтобы ухаживать за дочкой Лизы — Амандой — во время суда. Она упала в обморок. Лизу, которая была как в тумане, две строгие матроны повели по внутренней лестнице в холодную каменную камеру под зданием суда. Смерть. Конец всему. Она ждала этого и все же на что-то надеялась...

«О, Адам, — подумала она. — Я никогда больше не увижу тебя».

Адам наблюдал, как три английских солдата привязывали индуса к дулу пушки, поясницей к жерлу.

— Для индуса это самый ужасный вид смерти, — объяснил Бентли Brent, который стоял рядом с Адамом и курил сигару. Они находились в поле, недалеко от города Аррах, который был осажден мятежниками в последних числах июля и потом освобожден майором Винсенте Эйре. Эйре теперь казнил двадцать мятежных *сипаев*, стреляя ими из жерл двадцати пушек. — Как вы видите, эти люди стирают кровь и жир с себя. Это кровь их жертв — кровь англичан — и коровий жир. Они, таким образом, осквернены, потеряли принадлежность к касте, и несчастные изверги не доберутся до индийского неба. Знаете ли, это составная часть их

верований.

— Это отвратительно, — заметил Адам. — Почему бы их просто не вздернуть на виселице?

— Чересчур легкая смерть, молодой человек. После того что они натворили в Каунпуре, наши ребята жаждут крови. Они требуют мести. Я слышал разговоры вполне нормальных, верующих людей, что они хотели бы перевешать всех черномазых Индии.

— Но вы этого мнения не разделяете, верно?

Бентли затаился, потом выпустил дым. Стояла несусветная жара, и оба собеседника защищали головы от нещадного солнца пробковыми шлемами.

— Нет, — наконец, отозвался он. — Не одобряю. Думаю, что надо наказать бунтовщиков, которые совершили зверства. Но если мы, англичане, хотим остаться в Индии, то с туземцами надо как-то найти общий язык. Вот, сейчас дадут залп. Советую зажать нос носовым платком. Через несколько минут здесь возникнет невыносимая вонь.

Они вынули носовые платки. На ровном поле собралось примерно пятьдесят английских офицеров и солдат. Эта площадка раньше использовалась для игры в поло. Небольшая толпа индийцев собралась возле англичан, в мрачном молчании наблюдая за происходящим. Двадцать пушек стояли в ряд, жерлами на юг. Двадцать почти голых сипаев были привязаны к стволам, их тела на жарком солнце покрылись потом.

— Одному Господу известно, о чем они сейчас думают, — пробормотал Адам.

Артиллерийский офицер — майор Эйре поднял свою саблю, потом медленно ее опустил. Пушкари поднесли к запалам факелы и сразу рявкнули все двадцать орудий. Моргая, Адам видел, как разлетелись в клочья тела, в разные стороны летели головы и конечности; торсы индусов разнесло буквально на кровавые кусочки, которые попали даже на некоторых зрителей.

Потом наступила тишина. Рассеялся пороховой дым. Начали слетаться стервятники.

Адам, зажимая нос платком, повернулся, чтобы возвратиться к лошади. Он видел зверства бунтовщиков, причиненные англичанам и знал об омерзительных деталях массовых убийств в Каунпуре и об ужасах, которые пережили англичане во время осады Лакнау, которая продолжалась уже восьмую неделю. Англичане говорили, что наказание должно быть соизмеримым преступлению. Но Адам начинал задумываться, не является ли наказание само по себе преступлением.

Он вскочил на своего коня, чтобы продолжить путь в Калькутту. Он достаточно насмотрелся всего в Индии. Пришло время возвращаться домой. Он выполнил поставленные перед собою цели: возвратил бриллиант и отомстил за убийство деда. Единственное, что осталось невыясненным, — это его отношение к тому, что в его жилах течет индийская кровь. Он все еще не разобрался в этом. А в разгар истерии, вызванной бойней в Каунпуре и Дели, англичанин со смешанной кровью мог стать отверженным.

— Я отец? — переспросил он четыре дня спустя в особняке сэра Карлтона Макнера в Калькутте. В гостиной с ним находились леди Агата и Эмилия.

— Да, — подтвердила леди Агата. — Двадцать третьего июля у вас родился сын под созвездием Льва — очень обнадеживающий знак, как я думаю. Сообщение об этом появилось в лондонском *Таймсе*, экземпляр этой газеты мы получили всего несколько дней назад. Ваша дорогая жена, леди Понтефракт, назвала его Генри Алгернон Мармадюк в честь своего отца.

— Генри? — Адам взял газету и прочитал сообщение, которое обвела карандашом Агата. — Генри неплохое имя, хотя мне неприятно имя Алгернон. Видно, моя жена не сочла нужным посоветоваться со мной.

— Конечно, вы же в Индии, и у нее нет вашего адреса.

— Да, пожалуй. Сын! — На его лице, которое начало светлеть по мере того как сходила нанесенная Лакшми краска, появилась улыбка. Он сбрил бороду и теперь больше походил на англичанина. Он даже сменил индийскую одежду на европейское платье, которое купил в Бенаресе. — Сын и наследник. Это событие надо отметить!

Он замолчал. У Эмилии брызнули слезы, она повернулась и выбежала из комнаты. Адам посмотрел на ее мать.

— Может быть, я сказал что-нибудь не так?

Леди Агата улыбнулась и похлопала его по руке.

— Дорогой лорд Понтефракт, должна извиниться за Эмилию. Она ведет себя как влюбленная школьница, что, я думаю, достаточно полно характеризует ее. Дело в том, что вы просто покорили ее. Конечно, когда я поняла, что она убежала вместе с вами, я опасалась худшего. Но она вернулась невредимой и рассказала, что вы себя держали как истинный джентльмен... ну, все это теперь забыто, и мы, живущие здесь в Индии, так многим вам обязаны — *очень, очень* многим. Просто не могу высказать вам, какая для нас честь принимать вас у себя, пусть даже вы проведете здесь всего несколько дней. Но Эмилия... — Она вздохнула. — Увы, боюсь, что

ее эмоции выдают недостатки ее воспитания. При одном упоминании имени вашей жены она начинает надуть губы. Я несколько раз беседовала с ней на эту тему, но все бесполезно. — Она снова вздохнула. Потом повеселела. — В вашу честь лорд Каннинг дает бал в правительственном особняке завтра вечером, и на этот раз вам вряд ли удастся уклониться. Может быть, это и неделикатно с моей стороны, но если бы вы нашли возможным потанцевать с Эмилией... Думаю, что это для нее значило бы *очень много*.

Адам улыбнулся.

— Эмилия — милейшая девушка на свете, — сказал он. — Я не только приглашу ее на танец, но сочту за честь быть на балу ее кавалером.

— Ах, милорд, но вы же женатый человек!

— Но, как вы сами заметили, я нахожусь в Индии, а моя жена в Англии. Уверен, что в этом ни для кого не будет вреда.

Леди Агата заколебалась.

— Да, полагаю, что вы правы, — наконец согласилась она. — Пойду скажу об этом моей девочке. Уверена, это ее глубоко взволнует! — Она торопливо вышла из гостиной.

«Сын», — размышлял Адам. Он припомнил брачную ночь. Сибил удивила его. Холодная, элегантная красавица с картин Гейнсборо в конце концов превратилась в рубенсовскую сладострастную женщину, жаждущую плотских наслаждений. Семейная жизнь началась многообещающе, а потом он все испортил, начав произносить во сне имя Лизы. Он не мог винить Сибил за то, что она обиделась. А теперь, когда она подарила ему наследника, его чувства к ней приобрели новую теплоту. Теперь он был полон желания вернуться домой.

И несмотря на это, он не мог не гадать о том, что же случилось с Лизой.

— Сегодня самый счастливый вечер в моей жизни, — сказала ему Эмилия на следующий день. Потом добавила: — И самый печальный.

Они с Адамом находились одни в правительственном особняке. Здание напоминало огромную белую грудку и было скопировано с архитектурного проекта Кедлстон Холла Роберта Адама. Строение украшали центральная галерея и купол. Построенное в Калькутте на территории парка в шесть акров, оно символизировало собой британскую мощь в Индии. Эмилия в бледно-бирюзовом платье выглядела очень мило — золотистые локоны, закрученные в модные толстые локоны, касались ее обнаженных плеч. Она провела пальцем в перчатке по столу, стоявшему в зале, над головой из

стороны в сторону медленно двигалось огромное опахало с белыми манжетками бахромы.

— О чем же может печалиться такая молодая девушка, как вы? — спросил Адам.

— Вы могли бы и догадаться. Завтра вы возвращаетесь в Англию. — Она взглянула на него. — Почему вы тогда в Лакнау поцеловали меня?

— Потому что мне этого захотелось. Надеюсь, вы не обиделись?

— Совсем нет. — Она помолчала в нерешительности. — Мама бранит меня за то, что я готова броситься вам на шею, думаю, что она права, — я действительно готова сделать это. Вы любите меня, Адам?

В его взгляде отразилось удивление.

— Вы нравитесь мне, — ответил он.

— Это не одно и то же! Я хотела бы испытать в жизни большую страсть! Я хотела бы такой любви, которая бы затмила все, что написано в романах. И у меня возникло именно такое чувство к вам, Адам! У меня не остается времени молчать об этом. Я люблю вас всем сердцем!

— Вам, Эмилия, стоит поискать кого-нибудь среди холостяков... Когда дело доходит до романтических связей, мне не очень-то везет.

Она выпрямилась.

— Я спасла вам жизнь в Уттар Прадеше, — тихо произнесла она. — И сказала тогда, что не позволю вам когда-либо забыть об этом. И я это сделаю! Вы мой суженый, Адам Торн. И придет день, когда вы полюбите меня так же, как я полюбила вас.

— В ваших устах это звучит почти как угроза.

— Возможно, это и есть угроза.

Некоторое время они смотрели друг на друга почти как противники на тренировочном ринге. Но тут в зал вошел хозяин, лорд Каннинг.

— А, вы уже здесь, Адам, — приветствовал его генерал-губернатор. — Я только что получил послание от Ее Величества королевы. Когда вы возвратитесь в Англию, то ей доставит величайшее удовольствие произвести вас в ранг маркиза. Разрешите поздравить вас. — Он протянул руку. Адам потряс ее, почувствовав некоторое головокружение.

Он еще не совсем привык и к своему графскому титулу.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ

— Дорогая моя Сибил, — обратилась к ней Сидония, леди Рокферн, оглядываясь по сторонам в гостиной дома Понтефрактов в Лондоне. — Ты здесь прекрасно поработала. Мой несчастный покойный папочка годами здесь не показывался, а когда я сама была тут в последний раз, то мое сердце просто разрывалось при виде всего этого запустения. Но ты все прекрасно обновила! Проявила такой замечательный вкус. Уверена, что Адаму это очень понравится.

— Но ему может не понравиться сумма расходов, — возразила Сибил, — но я подумала, что ему хотелось бы все это сделать. А теперь, когда он возвращается домой, обретя такую известность, просто необходимо, чтобы мы могли гордиться своим лондонским домом.

Сидония улыбнулась и похлопала Сибил по руке.

— Как хорошо все получилось, — заметила она. — И как я рада, что вы с Адамом поженились. И как хорошо, что он не женился... — она понизила голос и нахмурилась, — на другой.

— Должна признаться вам, тетя Сидония, что мне было больно все эти последние недели читать известия о суде над миссис Кавана. Думаю, что весь Лондон посмеивается надо мной. Только подумать, мой любимый муж является отцом ребенка этой жестокой женщины! Мне становится страшно неловко из-за этого.

— Да будет тебе, Сибил. Понимаю, конечно, что твои чувства затронуты, но мы, женщины, должны хладнокровно воспринимать подобные факты. Грустно, но никуда не денешься, — мужчинам может сойти с рук такое поведение, которое женщину выкинуло бы навсегда из приличного общества. — Сибил подумала об Эдгаре и испытала укол вины и мрачных предчувствий. — Но к нашему общему счастью, миссис Кавана завтра с рассветом перестанет существовать.

— Да, как христианке мне жаль ее. И я помолюсь за упокой ее души. Но я бы покривила душой, если бы не призналась, что испытываю облегчение, что закон... как бы мне правильно выразиться... устраняет для меня серьезную семейную проблему.

— Это верно, — Сидония взглянула на свои висевшие на груди часики. — Нам надо выезжать. Корабль Адама пришвартуется через два часа. Нам нельзя опаздывать. Такая честь, будет присутствовать сам супруг царствующей королевы! Выдающийся день для нашего рода —

редкостный. — Она опять понизила голос. — Хочу дать тебе небольшой совет, дорогая. Полагаю, что Адам не знает о судьбе миссис Кавана. Может быть, будет лучше, если мы не станем заводить о ней разговора хотя бы до завтра. Мы знаем порывистый характер Адама. И если быть до конца честной, то надо признать, что хотя эта несчастная женщина вполне заслуживает кары, говорить о виселице не очень-то приятно. Это может омрачить радость торжественного для Адама дня.

Сибил нахмурилась.

— Не согласна с вами, тетя Сидония. Я думала об этом и считаю, что так поступать нельзя. Я знаю глубину привязанности Адама к этой женщине — поверьте мне, это тяжкое бремя я несу уже больше года. И если я не скажу ему об этом, то думаю, что он поставит мне это в вину. Пусть он, если захочет, попросится с миссис Кавана. В конце концов, восторжествовала я, было бы справедливо с моей стороны проявить великодушие.

— Ты права. Ах, дорогая Сибил, какой же у тебя благородный характер. Поехали, хватит болтать. Опоздать именно сегодня было бы непозволительной глупостью.

Лондон, куда возвращался Адам осенью 1857 года, являлся столицей мира, какой тысячу лет назад был Рим. Несмотря на викторианское ханжество относительно секса, которое олицетворяла сама королева, рассматривая секс как «теневую сторону» замужества и умудрившись при этом произвести на свет Божий девятерых детей, численность населения Англии утроилась за предшествующее столетие, а Лондон насчитывал уже почти пять миллионов душ, что делало его крупнейшей столицей всех времен. Он стал крупнейшим портом мира, и хотя трущобы вроде Уаппинга приводили в ужас иностранцев своей наготой, своими голодающими бездомными, погрязшими в пороках и грязи, в сейфах банков Англии хранились золотые слитки умопомрачительной стоимостью в одиннадцать миллиардов фунтов. Самая крупная в мире Британская империя расширялась весьма стремительно, ее колонии множились так быстро, что даже лорд Пальмерстон — премьер-министр — вынужден был «искать по карте эти чертовы территории». И хотя рядовой англичанин мало что получал от этой империи — и шел на значительные лишения, если служил в армии или военно-морском флоте с их жесткой дисциплиной, допотопным медицинским обслуживанием и риском погибнуть в боях — все равно империя щекотала нервы англичан, наполняла их сердца шовинистической гордостью, и они охотно

отправляли своих сыновей погибать за империю.

Отчеты о мятеже в Индии достигли Англии. Особенно подробно было рассказано о зверских убийствах женщин и детей в Каунпуре. В пересказанном виде эти отчеты обрастали дополнительными подробностями о массовых изнасилованиях английских женщин индусами, что так потрясло королеву. Все это распалило общественное воображение. Никогда еще Англия не была такой кровожадной. И в лице Адама, порывистого молодого аристократа, которому удалось прикончить «злодея», как стали называть с тех пор Нана Саиба, англичане обрели национального героя.

Когда корабль пришвартовался в индийском доке, в бурный осенний день, Адам с удивлением увидел на набережной огромную толпу народа. Громко крича, люди размахивали национальными флагами, а духовой оркестр играл марш «Правь, Британия!». На огромном полотнище, натянутом на одном из складских помещений, было написано: «Добро пожаловать домой и да благословит вас Господь, лорд Понтефракт!» У причала стояло несколько королевских карет. Рядом с одной из карет, на дверцах которой были выбиты королевские гербы, стоял высокий мужчина в черном подбитом мехом пальто и в высоком цилиндре. Адам узнал в нем принца Альберта, тридцативосьмилетнего немца, мужа королевы. Принц был окружен высокими должностными лицами, включая группу генералов в сверкающих красных мундирах. Адам увидел также и свою тетку, Сидонию, а рядом с ней и с принцем — Сибил, которая прекрасно выглядела в шубе из рыси и шляпке.

— Посмотрите-ка, кто там собрался? Похоже этот чертов принц, муж королевы! — воскликнул Бентли Brent, подходя к Адаму у борта корабля. Бентли приехал на родину в специальный отпуск, чтобы получить из рук самой королевы орден Крест Виктории. Адам не был удостоен такой чести, поскольку не служил в армии.

— Да, я узнал его. Как к нему надо обращаться, если меня представят ему?

— «Сэр», а к королеве «мадам». А кто эта красавица, которая стоит рядом с принцем?

— Моя жена.

— Ну, вас можно поздравить.

Духовой оркестр исполнял марш «Солдаты королевы», когда спускали трап. Капитан Норкросс, старший офицер корабля, сопровождал Адама и Бентли по трапу к причалу, где их приветствовал принц Альберт.

— Мы так гордимся вами, — сказал принц, супруг королевы, с

сильным немецким акцентом. — Прекрасная служба! Великолепная!

Адам и Бентли поклонились, потом поздоровались с принцем за руку. Затем Адам заторопился к Сибил, обнял ее и поцеловал.

— Мой дорогой Адам, — приветствовала она его, — как я горжусь тобой!

Она произнесла это от всего сердца, и если бы не мысли об Эдгаре, то для нее это был бы самый счастливый день в ее жизни.

— Запомним Каунпур! — вопила толпа. — Запомним Каунпур!

Часом позже их карета въехала на площадь Понтефракта, на прекрасную площадь, которую построил дед Адама тридцать лет назад, когда застраивали западную сторону Лондона в основном семьи Гросвенор, Кадоган и Томаса Кубитт. Наступил уже вечер, и осветитель в высокой шляпе зажигал газовые фонари, при свете которых можно было увидеть первые снежинки. Сквер в центре площади был небольшой, как и большинство лондонских скверов, но он придавал особое очарование площади и служил местом для прогулок нянь с детьми. «Мой ребенок гуляет здесь», — подумал Адам, когда карета подкатила к парадному подъезду особняка кремового цвета, который доминировал на одной стороне площади. Четырехэтажный, с фронтальным карнизом, с классическим бордюром вокруг всего дома на высоте первого этажа, дом Понтефрактов отличался достоинством и стилем. Адам провел здесь всего одну ночь, перед тем как отплыть в Индию год назад, поэтому вторично увидеть этот величественный наследственный дом было для него почти равносильно первому впечатлению. Выйдя из кареты, Адам повел Сибил через решетчатые железные ворота и по дорожке к портику с колоннами.

— Дом был в ужасном состоянии, — сказала Сибил. — Я наняла рабочих. Они тут провозились почти год, боюсь, что пришлось потратить массу денег.

— Я помню, в каком он был запустении. И рад, что ты занялась этим, что особенно важно теперь, когда у нас Генри.

— Надеюсь, тебе понравится, — продолжала Сибил с улыбкой. Но мысленно она обращалась к Господу. Светлые волосы! Эдгар...

Дверь отворил мистер Ридли, лысеющий дворецкий, которого наняла Сибил.

— Это мистер Ридли, — представила она его, входя в помещение. — Я наняла слуг...

— Добро пожаловать домой, милорд, — приветствовал его дворецкий.

— Спасибо, мистер Ридли.

Слуга помог им снять шубы. Затем Сибил повела его на второй этаж, в детскую.

— Миссис Лиидс, это мой муж лорд Понтефракт, — представила она мужа няне. — Миссис Лиидс, наша няня. А вот и сын.

Адам подошел к детской кроватке, которая была обтянута голубой тканью. Он посмотрел на толстенького ребенка, который спал.

— Можно? — спросил он, показывая на ребенка.

— Конечно.

Адам осторожно взял ребенка из кроватки и поднес его к своему плечу.

— Уаа! Уаа!

— Я разбудил его, — улыбнулся Адам. — Прости, Генри. Привет, юный друг. Я — твой папа. Ты рад видеть меня?

— Уаа! Уваа!

Поцеловав ребенка, Адам опять положил его в кроватку.

— Замечательный ребенок, — сказал он, вновь подходя к Сибил. — И он — вылитая копия тебя.

— Сейчас об этом говорить еще рано, — дипломатично отозвалась Сибил, молясь, чтобы Генри Алгернон Мармадьок де Вер, будущий маркиз Понтефракт, не вырос похожим на Эдгара Масгрейва.

Когда они возвратились в зал, Сибил положила свою руку на руку мужа.

— Адам, у меня для тебя неприятные новости, — произнесла она, — которые я не стала бы передавать тебе, если бы... Ну, времени остается мало. Это о твоём друге, Лизе Десмонд.

Глаза Адама расширились, когда он узнал приговор.

Записка, направленная специальным курьером из Букингемского дворца по адресу 10, Даунинг-стрит.

*Лорду Пальмерстону от Ее Величества Королевы
20 ноября 1857 года*

Сегодня вечером произошло чрезвычайное событие. Когда Королева ужинала вместе со своей семьей, ей доложили, что во дворец прибыл лорд Понтефракт и умоляет об аудиенции, заявляя, что это вопрос жизни и смерти. При сложившихся обстоятельствах ему вряд ли можно было отказать, и Королева решила принять его в Арочном зале, куда вскоре и провели лорда Понтефракта. Он был в состоянии чрезвычайного

возбуждения и после коротких любезностей стал умолять Королеву отложить казнь миссис Кавана. Он просил Королеву дать ему возможность доказать ее невиновность, утверждая, что он уверен, что что-то произошло не так во время судебного процесса, что он знает душу этой женщины и что готов поклясться, что она не способна на такое ужасное преступление, как убийство. Ах, Королева никогда еще не видела такого пыла! Его горячность просто сразила ее! Лорд Понтефракт, имея неотразимую внешность, растрогал Королеву почти до слез, убеждая в невиновности миссис Кавана. Конечно, надо предоставить шанс, о котором просит этот мужественный человек, которому Англия так многим обязана, потому что если есть даже тень сомнения относительно вины миссис Кавана, то честь английского закона требует устранения такого сомнения до того, как будет приведена в исполнение высшая мера наказания. Поэтому Королева указала министру внутренних дел перенести срок казни миссис Кавана на 5 декабря, что дает лорду Понтефракту две недели на то, чтобы попытаться спасти ее. Ах, если бы лорд Пальмерстон мог бы видеть и слышать мольбы этого молодого человека, уверена, что в его сердце пробудились бы те же чувства, что и в сердце Королевы. Возможно, это тот редкий случай, когда Закон ошибся и миссис Кавана является все-таки невиновной!

В. Р. (Виктория Регина)

— Лиза, к вам пришел посетитель, — объявила матрона в черном платье. — Он назвал себя Адамом Торном.

Лиза, которая сидела на дощатой кровати в камере женского отделения тюрьмы в Пентовилле, прошептала:

— Адам!

— Одет как настоящий франт. Пошли. У вас всего двадцать минут.

Лиза поднялась. Кирпичные стены камеры размером семь футов в ширину и тринадцать футов в длину были побелены известкой. Одно окно, которое состояло из четырнадцати мелких стеклышек, давало слабое освещение. Туалет заменяла железная параша в углу. Лиза, одетая в

простое темно-серое платье, подошла к стальной двери и последовала за матроной в коридор. Адам! Когда управляющий тюрьмой, которого отыскиали в районе северного Лондона Ислингтон, сообщил ей утром, что королева Виктория отложила день ее казни, у нее появился первый проблеск надежды с момента гибельного судебного процесса в Олд Бейли. И вот Адам! Ей захотелось закричать от радости.

Когда ее привели в комнату для свиданий, Адам с трудом узнал ее. Она показалась ему такой хрупкой! Она подошла к решетке, которая разделяла комнату, и взялась за железные прутья. В ее глазах стояли слезы.

— Лиза, — прошептал он, кладя свои руки тоже на решетку напротив ее рук. — Дорогая моя Лиза! Твой верный рыцарь вернулся, чтобы спасти тебя.

Она вспомнила торфяники, развалины аббатства Ньюфилд, как они лежали с Адамом на цветущей траве. Каким далеким, давно прошедшим казалось ей теперь это.

— Ах, Адам, я думала, что никогда больше не увижу тебя...

— Не плачь, радость моя. Все устроится. Я уже побывал у Минны с Амандой. У них тоже все хорошо. Ну, времени у нас немного, поэтому слушай меня внимательно. Вчера вечером я видел королеву. Она пожаловала тебе отсрочку казни...

— Значит, это сделал ты?

— Да. У меня всего две недели, чтобы разобраться во всем. Сегодня утром я был у твоего адвоката, сэра Эдмунда Картера, и прочитал протоколы свидетельских показаний. Сэр Эдмунд сообщил мне, что именно показания Стрингера Макдафа перетянули чашу весов в глазах присяжных заседателей, что твой адвокат не смог заставить его изменить своих показаний во время перекрестного допроса, и, конечно, он не мог использовать тебя в качестве свидетеля. Что ты думаешь о показаниях Макдафа?

Она вытерла глаза.

— Он солгал. Ворвавшись в комнату, отец стал бить меня кнутом, кричал на меня... Он отбросил меня через всю комнату, и я пришла в ужас, что он погубит нашего ребенка. Вот тогда-то я и бросила в него керосиновую лампу, но Макдаф не сказал этого, когда давал свидетельские показания.

— Он сказал, что твой отец вошел в комнату, ты бросила в него лампу, от чего он и загорелся.

— Знаю. Но он солгал! Он ничего не сказал о том, что мой отец набросился на меня, и поскольку он был единственным свидетелем, так как

я не имею права давать показания, никак нельзя было оспорить его версию. Понятно, что присяжные осудили меня!

— Как ты думаешь, кто мог подстроить это?

— Сэр Эдмунд считает, что на Макдафа кто-то оказал давление, чтобы он изменил свои показания, или даже дал ему взятку. Для небольшого арендатора фермы, он был очень хорошо подготовлен к судебному процессу.

— Кто, ты думаешь, мог заплатить ему?

— Я думала об этом все это время. На мой взгляд, существует только один человек, способный на это. Он — американец, сенатор из Виргинии. Видишь ли, когда я жила в Америке, то переводила тысячи долларов аболиционистам на Севере. Сенатор Уитни, который является лидером сторонников рабства в Сенате, узнал об этом. Если меня признают виновной в убийстве, то это дискредитирует аболиционистов. Я почти убеждена, что это сделал сенатор Уитни.

«Рабы! — подумал Адам. — Черные в Индии, рабы в Америке...», индийская кровь в его собственных жилах, что оставалось все еще его постыдной тайной... Он получил удовольствие от того, что стал героем для англичан, но он видел, как разносят индусов из жерла пушек, слышал кровожадные призывы англичан к мести, его противоречивые чувства об английском господстве опять охватили его. Как любопытно, что Лиза тоже была втянута в аналогичную борьбу, но в Америке, на расстоянии полсвета от Индии. И уж во всяком случае, американское рабство было более мерзким явлением, чем то, что творили британцы в Индии.

— Я завтра же еду в Йоркшир и повидаю Макдафа, — объявил он о своем решении. — Я выжму из него правду. В любом случае я вытащу тебя отсюда. Знаю, что ты прошла через адские испытания, но скоро все это закончится, и мы опять будем вместе.

— Но твоя жена...

— Не беспокойся о Сибил.

— Любишь ли ты ее? — в вопросе прозвучала полная безнадежность.

Адам не был уверен в *своих* чувствах к жене, хотя он полагал, что она поступила чертовски порядочно при сложившихся обстоятельствах и рассказала ему о несчастье Лизы. И, конечно, был Генри. Но в данный момент Лиза нуждалась в его полной и безграничной поддержке.

— Я люблю тебя, — ответил он. — Кроме тебя у меня никогда не существовало никого другого, и никогда не будет.

Впервые за многие недели она улыбнулась.

— Мой настоящий верный рыцарь, — прошептала она.

— Время истекло! — рявкнула матрона.

— Ты собрался в Йоркшир? — воскликнула Сибил часом позже. Адам только что возвратился в Понтефракт Хауз. — Но почему?

— Есть основания предполагать, что основной свидетель против Лизы выступил со лжесвидетельством. Я собираюсь добиться от него правды.

Он начал подниматься по большой лестнице через две ступеньки. Сибил смотрела ему вслед, в ней закипал гнев. Она же в конце концов не для того рассказала ему о Лизе, чтобы он спасал ей жизнь! Его первый день возвращения из Индии, и он отсутствовал почти все время. Было совершенно очевидно, что Лиза его интересовала гораздо больше, чем она. Она надела самое эффектное платье, — черный бархатный наряд с большим вырезом, — а он даже и не взглянул на него, ворвался в дом и опрометью бросился вверх по лестнице.

Она подождала, пока мистер Ридли уйдет на половину слуг, потом стала подниматься по лестнице, где по стенам висели родовые портреты и шедевры живописи, которые де Веры собрали в течение минувшего столетия. Сибил не относилась к числу корыстных женщин, но получала удовольствие при мысли о богатстве, пришедшем к ней с замужеством, и сделала все, чтобы превратить Понтефракт Хауз в великолепную резиденцию. Но Адам не обратил на это внимания. Единственное, что он сказал ей утром, это что ему понравились слесарно-водопроводные работы внутри здания. Ваньки! Она хотела любви, а получала комплименты за улучшенные патентованные туалеты фирмы Томаса Тиркилла и за души, являвшие новым изобретением девятнадцатого столетия.

Поднявшись на лестницу, она вошла в зал. В высших классах общества было обычным явлением, когда у мужа с женой отдельные спальни. Она надеялась, что он придет к ней в предыдущую ночь, но когда он возвратился из Букингемского дворца, то сказал ей, что у него разболелась голова, и, пройдя в свою спальню, закрылся в ней. И это после годового отсутствия!

Подойдя к его спальне, она вошла туда не постучавшись. Адам был уже в халате и направлялся в душ.

— Как ты можешь так относиться ко мне? — спокойно спросила Сибил, притворяя дверь. — Как ты можешь унижать меня еще больше, путаясь опять с этой ужасной женщиной?

— Я не «путаюсь с ней». Я стараюсь спасти жизнь невинной женщины.

— Откуда тебе известно, что она невинна? Ее осудили английские

присяжные заседатели. К тому же, ты мог бы уделить и мне некоторое внимание. Ты отсутствовал целый год, и в первый же день после возвращения домой я практически тебя не видела. И вчера ночью я очень хотела, чтобы ты пришел в мою спальню, но ты умчался в Букингемский дворец и возвратился домой с головной болью! Адам, думаю, что я заслуживаю другого отношения.

— Прости, Сибил, очень сожалею. Просто новости о Лизе очень сильно меня потрясли...

— Эта женщина! — Сибил сжала свои кулачки. — Мне казалось, я уже все выслушала, что можно было о ней услышать. А теперь она опять появилась в моей жизни, и опять разрушает мою семейную жизнь.

— Ничто не разрушается.

— Адам, давай постараемся не притворяться! Неужели ты думаешь, что я не знаю, чего ты хочешь? Ты хочешь сохранить ее, чтобы опять сожительствовать с ней. Пойми, это уязвляет гордость твоей жены, матери твоего ребенка! Это нечестно! Я действительно любила тебя, но ты все так осложняешь!

— Сибил, прости, если считаешь, что я несправедлив. И я понимаю, что ты испытывала неловкость, потому что моя связь с Лизой стала известной в обществе. Но пойми, я должен сделать все возможное, чтобы спасти Лизу...

— О, я ненавижу ее имя! — выкрикнула она. — Эта порочная женщина, эта сучка... известно ли тебе, что ее сестра сказала о ней для прессы?

— Единственное, что я знаю, это то, что миссис Белладон выдала ее английскому представителю в Вашингтоне. А это низкий поступок по отношению к своей плоти и крови.

— У нее были на то веские основания. В конце концов, она действительно убила своего отца.

— Это ложь! — закричал Адам. — И я докажу, что это ложь!

— Известно ли тебе, что сказала ее сестра? Что она содержала в любовниках одного из черномазых рабов! И за эту женщину ты собираешься бороться?

Выражение бешенства промелькнуло на его лице.

— Никогда больше не произноси это слово в моем присутствии, — глухо сказал он.

— Какое слово? — выдохнула она.

— Черномазый. Я ненавижу это слово.

— Не понимаю тебя, — огрызнулась она. — Но я скажу тебе одно,

Адам Торн: ты разрушаешь нашу семью и превращаешь меня, женщину, которая любит тебя, в женщину, которая будет тебя ненавидеть! — Она подошла к двери и взялась за ручку. — Сегодня я закрою на ключ дверь в свою спальню.

Она вышла в зал, хлопнув за собой дверью. Оставшись один, Адам упал на кровать и закрыл лицо руками. Он знал, что вел себя как скотина, но он знал, что беспокойство за Лизу вконец истрепало его нервы. Что если ему не удастся поколебать версию Стрингера Макдафа? У него меньше двух недель, и с каждой проходящей минутой виселица над головой Лизы вырисовывалась все отчетливее.

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ

— Мой сын стал героем! Выдающимся героем! Адам, сын мой, я горжусь тобой. Давай выпьем за твое возвращение в усадьбу Торна.

Персивал Торн, не брившийся, как видно, уже несколько дней, помахал Адаму от стола грязной кухни и чуть не свалился на лавку. Адам, не видевший отца целый год, поразился тому, как он опустился. Сэр Персивал крепко выпивал все время на его памяти, но теперь он понял, что отец просто превратился в пьяницу. Он наблюдал, как отец трясущимися руками вынимал пробку из бутылки виски и наливал три стакана. Потом Адам взглянул на Джетро, слугу с поседевшей бородой, служившего отцу еще с детских лет Адама.

— Я читал в газетах, как ты замаскировался под индуса, — вставил Джетро с сильным Йоркским акцентом. — Очень умно придумано, Адам. Мы все гордимся тобой.

— Мой сын убил этого проклятого язычника, Нана Са... — Сэр Персивал рыгнул. — Нана Саиба. Иди сюда, Адам. Давай выпьем. И ты тоже, Джетро.

Старый слуга подложил полено в огромную каменную печь, потом подошел вслед за Адамом к столу и взял стакан.

— Лорд Понте-фра-фт, — сэра Персивала охватила икота, когда сын усаживался напротив него. — Лорд имения... да какого, а? Ну и ну, жизнь забавная штука. Де Веры... такие надменные... всегда относились ко мне как к последней дряни, а теперь... смеется последний... последний...

Его глаза закрылись и он медленно уткнулся в стол.

— Сейчас всего десять минут одиннадцатого утра, — с тревогой заметил Адам. — Во сколько же он начал пить?

— Начал? — переспросил Джетро. — Он и не бросал. Хозяин сильно втянулся в это, парень. Если реально посмотреть на факты, сэр Персивал может не протянуть эту зиму.

— А ему нет еще и пятидесяти, — покачал головой Адам. — Какая жалость. Какая потеря. Ну, что же, давай уложим его в кровать, Джетро.

— Не так-то часто он вылезает *изкровати*, парень. Он сделал это только ради тебя.

Адам поднял своего отца и отнес его вверх по лестнице в спальню, которая не только оказалась грязной, как он и предполагал, с заставленным пустыми бутылками полом, но там было также и холодно. На улице шел

снег, и дом Торнов весь промерз. Адам вспомнил бесчисленное число ночей, когда он дрожал от холода еще ребенком. Он наклонился и поцеловал отца в лоб. Несмотря на все слабости и недостатки Персивала, Адам любил его. И он знал, что Джетро прав: отцу недолго оставаться в этом холодном мире.

— Джетро, показывались ли здесь какие-нибудь американцы в течение последнего года? — спросил Адам через пять минут, когда возвратился на кухню.

— Американцы? — переспросил старик, как будто Адам спросил о неграх из Южной Африки. — Нет, парень. Зачем американцу в здравом уме приезжать в Йоркшир... — Он нахмурился и посидел в нерешительности. — Подожди. Был один американец.

— Да? Когда?

Джетро почесал в затылке.

— Я... я слышал об этом... это было прошлым летом. Какой-то человек приезжал в Уайкхем Райз. Остановливался, кажется, в гостинице «Лебедь». Из-за него тут поднялся некоторый шум.

— Встречался ли он со Стрингером Макдафом?

— Ах, парень, этого я не знаю. Тебе стоит спросить в «Лебеде». Не Лизу ли Десмонд ты стараешься спасти?

— Да, ее.

— Никогда не верил, что она убила своего отца, да и немногие из местных поверили в это. Здесь говорят о том, что ее предала сестра.

— И это правда, Джетро. Когда мой отец последний раз платил тебе?

Старик вздохнул.

— Ах, парень. С сэра Персивала я денег не беру. Он много лет хорошо относился ко мне. Я забегая сюда каждый день, чтобы убедиться, что у него пока все в порядке, а за это я не возьму с него денег.

Адам достал из кармана кошелек.

— Вот тебе двадцать гиней. Найми кого-нибудь, чтобы прибраться в доме, а также подыщи сиделку ухаживать за отцом.

— Есть такая Джейн Карлтон в Уайкхем Райзе. Она заботливая, честная девушка.

— Тогда найми ее. Я и не предполагал, что отец так плох. О нем надо позаботиться.

— Ты хороший сын, Адам.

«Но не очень хороший муж», — подумал Адам, припоминая свою ссору с Сибил. Он подошел к разошедшемуся комоду из орехового дерева,

выдвинул ящик и достал из него небольшой пистолет, который засунул в карман своей куртки.

В полуденный час в этот же день два всадника галопом скакали по заснеженным торфяникам к коттеджу под тростниковой крышей. Один из них был Адам, второй — невысокий косоглазый мужчина в брезентовой поддевке.

— Стрингер Макдаф! — зычно крикнул Адам, натягивая поводья своего коня перед коттеджем. Макдаф, который выходил из амбара, взглянул в сторону незнакомца и притворил дверь в амбар. — Мне надо поговорить с вами!

Адам и его спутник спешили и привязали своих коней.

— Адам Торн, — произнес Макдаф, подходя и с любопытством поглядывая на другого мужчину. — Я хочу сказать, лорд Понтефрак, — добавил он довольно фальшивым тоном. — Что ваша светлость желала бы от меня?

— Макдаф, в июне прошлого года, а точнее четырнадцатого числа, в Уайкхем Райз приезжал американец по имени Роджер Уард. Он снял номер в гостинице «Лебедь».

— Ну и что?

— А пятнадцатого июня вы положили тысячу фунтов стерлингов в Йоркширский банк и трастовую компанию на Верхней улице.

Макдаф нахмурился.

— Откуда это вам известно? — спросил он негромко.

— Разрешите представиться, — произнес второй мужчина. — Я инспектор Себастьян Куэд из Скотланд-Ярда. Управляющий банка показал мне запись об этом вкладе.

Макдаф начал нервничать.

— Это американец передал вам деньги? — спросил Адам.

— Не ваше собачье дело.

— Но это дело правительства Ее Величества, — возразил инспектор Куэд. — Роджеру Уарду принадлежит плантация в Виргинии, Мы считаем, что Уарда направила в Англию группа заговорщиков из числа рабовладельцев Виргинии, чтобы подкупить вас. Они просили изменить ваши показания, с тем чтобы осудить миссис Кавана и таким образом дискредитировать ее и аболиционистов. Благодаря сыскной работе лорда Понтефракта...

Макдаф, одетый в толстую тужурку из козьей кожи, выхватил пистолет из правого кармана.

— Убирайтесь с моей земли, — рявкнул он.

— Эта земля уже не ваша, — заявил Адам, вытаскивая из кармана документ и держа его перед глазами пораженного Макдафа. — Я сегодня купил эту землю у мистера Гилпатрика. Так вот, Стрингер, у вас есть выбор. Или вы сотрудничаете с нами и говорите правду властям. В этом случае вас осудят за ложные показания, и вам придется несколько лет отсидеть в тюрьме. По истечении этого срока вы возвратитесь сюда же, я сдам вам эту ферму в пожизненную аренду за меньшую плату, чем вы вносите сейчас. Если не согласитесь, вы все равно окажетесь в тюрьме, но впоследствии я уже не допущу вас на эту ферму. Подумайте об этом. — Он опять положил документ к себе в карман. — Даем две минуты на размышление.

Пистолет в руке Макдафа задрожал. Почти минуту он держал его нацеленным в сердце Адама. Потом опустил его.

— Согласен сотрудничать с вами — произнес он наконец.

Письмо Королевы Виктории премьер-министру.

Букингемский дворец, 25 ноября 1857 года.

Королеве доставило величайшее удовольствие пожаловать королевское помилование миссис Кавана, которая сегодня была освобождена из тюрьмы. И снова вызывающий самое большое восхищение лорд Понтефракт доказал свой ум, мужество и находчивость, и Королева прониклась чувством глубокого уважения к нему. Но все-таки ее радостное настроение не совсем безоблачно, ибо она знает, что этот молодой человек с такой массой достоинств не располагает одним качеством, которое превратило бы его в подлинного героя-христианина. А именно — верностью своей жене.

Сегодня после обеда Королева приняла лорда Понтефракта во дворце, где во время частной церемонии он был повышен до ранга Маркиза среди пэров Англии, был также присвоен титул, носимый по обычаю, графа Кастльфорда его наследнику. После чего Королева кратко побеседовала с ним о его личном интересе к миссис Кавана. Королева, как она считает, весьма красноречиво говорила ему о радостях семейной

жизни и об огромной важности семьи и дома. Королева очень остро сознает, что не каждый дом в ее королевстве счастлив и нравственно устойчив — и действительно, память о ее собственных жестоких дядьях слишком свежа все еще в ее душе — но она пыталась убедить молодого лорда Понтефракта, что собственное подлинное счастье он сможет обрести лишь в объятиях своей жены и только у нее. Тот факт, что леди Понтефракт отклонила приглашение принять участие в церемонии на основании плохого самочувствия, создает у Королевы впечатление, что эта женщина глубоко возмущена поддержкой своим мужем миссис Кавана, и она указала на это обстоятельство лорду Понтефракту в самых деликатных выражениях, которые она только могла найти. Лорд Понтефракт поклялся, что изо всех сил постарается стать образцовым мужем, и Королева надеется и молится о том, что в этом намерении он проявил искренность. Королева напомнила ему, что пример, который он показывает другим англичанам, может оказаться чрезвычайно важным в установлении высокого морального тона для страны и Империи, и хотя лорд Понтефракт заявил, со всей подобающей скромностью, что Королева, возможно, преувеличивает его влияние, он повторил, что постарается не обмануть ее ожиданий. Ах, как Королева надеется, что ему это удастся! Королева столь гордится, что является повелительницей этого смелого человека, что ей весьма хотелось бы, чтобы лорд Понтефракт стал идеальным мужем и наслаждался бы прелестями домашней жизни, как это делает собственное безупречное сокровище Королевы, принц Альберт.

В. Р. (Виктория Регина)

— Доброе утро, мистер Ридли! — поздоровалась Сидония, леди Рокферн, когда дворецкий открыл парадную дверь Понтефракта Хауза.

— Дома ли мой племянник?

— Дома, миледи. Он в своем кабинете.

— Пожалуйста, попросите его принять меня в гостиной.

— Да, миледи.

Она подала слуге свою меховую накидку и шляпку и проследовала в гостиную. На ней было платье черного цвета, в седых волосах белые кружевные ленты, волосы тщательно завиты. Сидония никак не могла привыкнуть к чудесам, что сотворила Сибил в городском доме. К этому дому у Сидонии была особая любовь, потому что она росла в нем. Армия рабочих, нанятая Сибил, установила не только все современные удобства — ваннные комнаты, газовое освещение, самое современное кухонное оборудование, но она с большой любовью восстановила всю лепнину, резьбу по дереву, багеты и другие детали. Гостиную украшал великолепный плафон, Сибил велела покрасить его в бледно-сиреневый цвет, а все завитки и орнамент — в белый. Над классической мраморной полочкой над камином висел огромный портрет Ромни — бабушки Адама, которая колдовски смотрела на пейзаж последних десятилетий восемнадцатого столетия (портрета прабабушки Адама, дочери брамина, как и следовало предполагать, на стене не было). Прекрасный диван, на который присела Сидония, обтянули бледно-желтым полосатым шелком.

— Тетя Сидония! — воскликнул Адам, входя в зал и подходя к ней для поцелуя. — Как приятно видеть вас. Вы просто пышете здоровьем.

— Как ты знаешь, у меня была отчаянная простуда, — отозвалась она. — Поэтому-то я и не могла принять тебя, когда ты на прошлой неделе заезжал ко мне. К счастью, простуда наконец прошла.

— А как поживает леди Холлсдейл?

— Очень хорошо, если не считать приступов ревматизма. Так, мой племянничек, я так гордилась тобой и твоими поразительными свершениями в Индии. Ты отомстил, наконец, за убийство дорогого папы. Но вчера я получила письмо от Сибил, и оно породило во мне смертельное беспокойство. Все не ладится в твоей семейной жизни, Адам, и боюсь, что большая часть неурядиц на твоей совести.

— Надеюсь, что вы не станете читать мне нотации, как это делала королева?

— Если королева прочла тебе нотации, то я бы дала ей еще больше власти. Тебе надо сделать внушение, Адам. Ты очень в этом нуждаешься.

Он вздохнул и присел с ней рядом.

— Тетя Сидония, не собираюсь уклоняться от ответственности. Знаю, что во многом из того, что случилось, моя вина, но я ведь никогда не любил Сибил.

— Любовь? — сурово переспросила его Сидония. — А как же с честью? Как же с долгом по отношению к семье? А как же твой сын?

Теперь ты стал важным человеком. На тебя смотрит вся Англия, и какой же ты подаешь пример? Это дешевое любовное гнездышко в парке Святого Джона...

— Вы знаете об этом? — спросил он с удивлением.

— Конечно, знаю. И Сибил знает об этом. Она написала мне о неутешительных новостях из Йоркшира.

— Но откуда ей это стало известно?

— Она наняла частного сыщика, чтобы узнать, где ты проводишь свои долгие греховные послеобеденные часы. Стыд и позор, племянничек! После того как ты снискал нашему роду такую славу, теперь ты обрекаешь нас на такое бесчестье.

На некоторое время он закрыл лицо руками. Потом взглянул на нее, на его лице отразилась настоящая мука.

— Это позор, — прошептал он. — Я люблю Лизу и люблю крошку Аманду. Они не могут вернуться в Америку. Я должен помочь им.

— Помогите им, если ты этого хочешь. Это естественно. Но ты не обязан жить с ними. Ах, Адам, не думай, что я обращаюсь с тобой слишком сурово. Мне, конечно, понятно, что происходит. Ты не единственный аристократ, который живет со своей любовницей в парке Святого Джона. Мне известна история лорда Хартингтона — о ней говорит весь Лондон, он сожительствует с этим жестоким созданием, которую зовут Скиттлс. Но ты другой человек. Ты герой Англии. Ты должен подавать пример.

— Но что же я могу поделать? Они нуждаются во мне! Сенатору Уитни чуть не удалось отправить Лизу на виселицу в Лондоне. Если она возвратится в Виргинию, то кто знает, что он там выкинет еще? И они мне нужны.

— Если нельзя сделать ничего другого, удали ее из Лондона. Нельзя в одном городе иметь две семьи. Это всем мозолит глаза.

— Конечно, дело все в этом. Вы подсказали мне прекрасную мысль. Спасибо, тетя!

Она нахмурилась.

— Не улавливаю ни малейших признаков морального очищения в тебе, племянничек.

— Я увезу их из города, от этого все станут счастливы.

— Сомневаюсь, чтобы от этого Сибил стала более счастливой. — Она поднялась, строго посмотрела на него. — Похоже, Адам, ты ничего не понимаешь. Сибил любит тебя. Тебе она хорошая жена, а твоему сыну хорошая мать.

Адам вздохнул.

— Согласен с этим, тетя. С Сибил я вел себя возмутительно.

— Пожалуйста, попытайся исправить в будущем свое отношение к ней. Сибил — женщина высочайших моральных достоинств и заслуживает любовь и уважение со стороны своего мужа. А теперь мне надо уходить. Мы с леди Холлсдейл едем на собрание Общества миссионеров за улучшение моральных устоев в тропических странах. Собрание обещает быть интересным, хотя, в свете твоего поведения, думаю, что некоторые из наших миссионеров могут счесть, что не менее важно поработать в местах поближе к нашему дому.

Посмотрев с укором на Адама, она торжественно поплыла к выходу.

— О, Лизочка, Лиза, — нежно произнес он в этот же вечер, целуя ее. — Они так сильно стараются разлучить нас. Но им не удастся это сделать.

Они лежали в кровати на втором этаже кирпичного дома в пригороде Лондона — парке Святого Джона, который Адам снял для Лизы, их дочери и няни, заменившей Минну после освобождения Лизы из тюрьмы. Лиза села, прикрыв простыней свои обнаженные груди.

— Знаю, — прошептала она. — Я чувствую себя такой слабой и нехорошей, и все же... — Она со слезами на глазах взглянула на него. — И все же я люблю тебя больше жизни. Если бы не ты, они бы меня повесили. Но все-таки, твоя тетка права.

Он тоже сел, поцеловав ее в плечо.

— Она права в отношении всех других, но не нас, моя милая. У нас особый случай. Для меня ты жена, и мне наплевать, что скажут другие люди.

— Но ты не можешь сделать это...

— Хотя бы *тыне* учи меня, как жить. Во всяком случае, я все хорошенько обдумал, и думаю, что нашел ответ. Самое лучшее, если ты и Аманда уедете из Лондона. В Шотландии у меня есть вилла. Она расположена на берегу Ирландского моря, немного к югу от Эр. Сегодня я навел справки у своего лондонского агента, дом меблирован и в настоящее время не занят. Он сказал, что из него открывается прекрасный вид на море. Почему бы тебе с Амандой и миссис Паркер не поехать туда, а я смогу приезжать туда к вам... проводить с вами половину своего времени, а может быть, и больше. Мы можем взять другие имена и выдавать себя за супругов. Но, боюсь, что какую-то часть своего времени мне придется проводить с Сибил, чтобы соблюдать приличия. Ну и, конечно, мне нельзя забывать о своем сыне. Что ты скажешь на это?

— Двойная жизнь, — задумчиво произнесла она.

— Как говорится, половина ломтя...

— Ах, Адам, не говори избитыми фразами. Это чрезвычайно важное решение. — Она выбралась из кровати и набросила на себя пеньюар. — Плантация «Эльвира» в Виргинии по-прежнему принадлежит мне...

— Ты не можешь возвращаться туда. Мы это обсуждали. Это слишком опасно.

— Ты прав, но... — Она некоторое время раздумывала. Потом ее лицо прояснилось. — На этот раз меня ничто не сможет остановить, я освобожу всех своих рабов. Ах, Адам, может быть, все и обернется к лучшему. Я поручу Билли Деври освободить всех зависящих от меня людей. Это может оказаться самым сильным ударом по сенатору Уитни и его банде кровожадных рабовладельцев. — Она улыбнулась, юркнув опять в кровать. — Давай поступим так. Мы все равно будем вместе. — Она прижалась к нему. — И, конечно, мой любимый Адам, я стану как бы твоей полуженой.

— Мое сердце целиком принадлежит тебе, — поцеловал он ее. — И это самое главное.

— И, может быть, когда-нибудь...

— Может быть, нам повезет и Сибил умрет.

— Ах, Адам, не говори таких вещей.

— Почему бы и нет? — На мгновение его лицо стало походить на лицо убийцы. — А тем временем, — продолжал он, — мне надо кое-что обсудить с Сибил. Она уехала в Понтефракт Холл — не знаю зачем. Хотя думаю, что она что-то затеяла. Как бы там ни было, завтра с утра я отправлюсь туда же.

На железнодорожной станции в Йорке Адама встретил главный конюх Альберт, который повез его в Понтефракт Холл, находящийся на расстоянии двухчасовой езды от станции. Выдался холодный ветреный день, но Адам испытывал теплое чувство от того, что приближался к родовому гнезду. «Как много всего произошло с тех пор, как я впервые увидел тетю Сидонию», — думал он. Огромный, раскинувшийся во все стороны дом продолжал волновать его воображение. Он все еще не свыкся с тем, что этот прекрасный дом действительно принадлежит ему.

Мистер Хоукинс, дворецкий, и шесть слуг выстроились шеренгой у парадного подъезда, как это было заведено, когда в поместье приезжал сам лорд. Когда Адам вышел из кареты, мистер Хоукинс приветствовал его:

— Добро пожаловать домой, милорд.

— Спасибо, мистер Хоукинс. Будьте любезны, скажите леди Понтефракт, что я хотел бы немедленно увидеть ее в библиотеке.

Он вошел в дом, снял плащ и шляпу и передал все это слуге. Потом зашагал, как подумал молодой слуга, «сердитыми скачками» через прихожую, цокая каблуками по мраморному полу, по направлению к обитой панелями библиотеке в глубине дома. Там он встал возле окна, глядя на улицу, нетерпеливо поджидая прихода жены. Она вошла в комнату в зеленом бархатном костюме для верховой езды, с изящной черной шляпкой на голове, зажав хлыст под мышкой.

— Ты хотел видеть меня? — спросила она холодно.

Он повернулся к ней.

— Дьявольщина, именно так, — отозвался он.

— Не вижу причин, по которым ты можешь разговаривать со мной, как скотник с фермы.

— Может быть, я и есть обычный скотник с фермы, но, по крайней мере, честный человек. К сожалению, не могу того же сказать о тебе, Сибил.

— О чем ты?

— На днях я несколько часов просматривал отчеты о финансовых делах поместья с мистером Лоуери, своим лондонским агентом. Он сообщил, что незадолго до моего возвращения из Индии ты сняла со счета семьдесят тысяч фунтов. Могу ли я спросить, почему ты сняла столь колоссальную сумму денег и куда ты их потратила?

Сибил занервничала.

— Отделка Понтефракт Хауза обошлась очень дорого. Будто ты не знаешь, что дешевых водопроводчиков и столяров не бывает.

— Лжешь! Мистер Лоуери показал мне квитанции, по которым он сам оплачивал работы. А теперь, изволь мне сказать правду, черт подери!

— Не кричи на меня! Услышат слуги.

— Пусть слышат. Мне все равно. Хочу слышать правду, Сибил.

— У меня... были некоторые долги.

— Что за долги? Семьдесят тысяч фунтов — это больше, чем многие зарабатывают за всю жизнь.

Она отвернулась.

— Не груби мне.

Он быстро подошел к ней, схватил за руку, повернул к себе.

— Какие долги? — повторил он, четко произнося каждый слог.

— Какое тебе до всего этого дело? — воскликнула она, ударившись в слезы. — Ты меня не любишь. Ты заботишься только об этой женщине...

Лизе... Стоит ли злиться, если я наделала некоторые долги?

— Какое отношение имеет к этому Лиза?

— Самое *непосредственное*, — сердито проговорила Сибил, сбрасывая его руку. — Почему, ты думаешь, я связалась с Эдгаром, когда ты уехал в Индию? Потому, что ты причинил мне такую мучительную боль и я поняла — ты не любишь меня.

— Эдгар? — негромко повторил он. — Кто такой Эдгар?

— Эдгар Масгрейв. Я знаю его всю жизнь, и он мне очень нравился до того момента... ну, пока я не узнала, что он за подлец.

Адам казался озадаченным.

— Ты хочешь сказать, что у тебя с этим... этим Эдгаром была любовная связь?

— Уверена, что ты не станешь читать проповедь на тему о супружеской верности?

— Но какое все это имеет отношение к семидесяти тысячам фунтов стерлингов?

— Он шантажирует меня, — выпалила она. — Он угрожал рассказать об этом всем в Лондоне. У Эдгара нет денег, но у него хорошие связи. Он мог бы погубить тебя и меня... и, что самое главное... Генри. Поэтому я откупила от него.

— Заплатила семьдесят тысяч фунтов?

— Семьдесят тысяч фунтов. Разумеется, я не хотела делать этого, но ты возвращался на родину как большой герой, а вокруг миссис Кавана поднялся такой шум... — Она пожала плечами. — Я заплатила ему, чтобы он заткнулся. Не буду говорить, что в этом деле я незапятнанна — отнюдь нет. Но прежде чем ты меня в чем-либо обвинишь, Адам, подумай о причине, по которой я его подпустила к себе. А причина — в твоей бесценной Лизе. На прошлой неделе — и я все еще не понимаю, почему одно слово может так тебя взбесить — я сказала, что начинаю ненавидеть тебя. Я не хочу тебя ненавидеть, Адам. Я хочу любить тебя. Но в душе — твоя жена Лиза Кавана, и не пытайся отрицать это. В каком же я оказалась положении? Я завела любовную связь с Эдгаром. По крайней мере, он уделял мне внимание.

Адам долго смотрел в ее зеленые глаза. Потом сказал:

— По крайней мере, наконец-то, мы честны друг с другом.

— Да, по крайней мере. Ни один из нас не оказался образцом совершенства, не так ли?

— Нам далеко до этого. Но в каком-то смысле, я даже рад, что все так получилось. — Он помолчал в нерешительности. — Сибил, я не стану

винить тебя. Как ты сама сказала, не мне читать кому-либо проповеди. Но ты честно все рассказала мне. Думаю, что настало время и мне не кривить перед тобой душой. Даже если бы мы без конца молились за сохранение нашей семьи, то все равно, думаю, ты должна была бы узнать нашу семейную тайну. Подожди меня здесь. Я вернусь через пять минут.

Он вышел из комнаты, оставив Сибил в полном замешательстве. Когда он возвратился, у него в руках была шкатулка, разрисованная на индийский манер. Он открыл ее и, вынув оттуда миниатюрный портрет Камала Шах, подал ей. Сибил взглянула.

— Очень мила, — сказала она. — Кто это такая?

— Моя прабабушка.

Сибил уставилась на него.

— Именно она, — подтвердил Адам. — Великий лорд Понтефракт, герой Каунпура, убийца Нана Саиба — не чистокровный. Я — чи-чи — так в Индии называют полукровок.

— Вот, значит, почему ты так взбеленился, когда я сказала «черномазый», — прошептала она.

— Да.

— Тебя это очень беспокоит?

— *Беспокоило*. Но теперь я начинаю думать, что для меня это не очень важно. Однако ты моя жена и мать моего сына. Думаю, необходимо, чтобы ты знала об этом, потому что в один прекрасный день нам надо будет сказать Генри, что в его жилах течет и индийская кровь. Надеюсь лишь на то, что его это тоже не станет беспокоить. Но в данный момент, мне кажется, важно другое — беспокоит ли это тебя?

Она возвратила ему миниатюру, сознавая, что у нее появилось новое оружие.

— А как с миссис Кавана? — спросила она.

— Но ты не ответила на мой вопрос.

— А ты не ответил на мой. Я поднимаюсь в свою спальню.

Она многозначительно улыбнулась и вышла из комнаты.

Через час Адам постучал в дверь спальни Сибил.

— Войдите.

Он открыл дверь. Сибил оборудовала для себя удивительно женственную спальню. Стены и занавеси были бледно-лилового цвета с белым, стояла большая кровать на четырех стойках в польском стиле с целым шатром шелковых бледно-лиловых складок над ней. Сибил сидела у своего туалетного столика, надевая на пальцы золотые кольца. Она

переделась в бледно-голубое платье для чая, что придавало ей мягкую прелесть. Она обернулась, чтобы взглянуть на мужа.

— Разреши объявить перемирие? — спросил он, закрывая дверь. Он прошелся по комнате и остановился возле нее. — Ты права. Я разрушил нашу семью из-за Лизы, был несправедлив к тебе. А теперь оказывается, что ты была неверна мне. Но мы же цивилизованные люди. Не верю, что нам не удастся найти какое-нибудь решение, которое в разумной степени удовлетворит нас всех.

— Нас «всех»? — повторила она. — Это звучит так, будто в это число включена и миссис Кавана.

— Сибил, я отправляю Лизу и Аманду в Шотландию. Они будут вдали от Лондона, прекратятся сплетни и скандалы. Клянусь, что приложу все силы, чтобы сделать тебя счастливой. Клянусь, что стану для Генри лучшим отцом в Англии. Я счастлив и горд, что являюсь его отцом, и обязан так многим тебе за то, что ты подарила его мне. Прошу лишь одного — возможности проводить с Лизой несколько дней в месяц...

— Нет!

— Пожалуйста, будь благоразумна. Аманда — моя дочь. Хорошо, я поступил неправильно, что влюбился в Лизу. Я поступил неправильно, что стал отцом Аманды. Но это же случилось! Теперь ничего не изменишь. Видит Бог, так случается часто, так бывало раньше и так будет впредь. Не понимаю, почему мы не можем приспособиться к этой ситуации.

— Говоря другими словами, ты хочешь иметь две семьи?

— Думаю... да.

Она повернулась к зеркалу, глядя на свое отражение. На глаза у нее навернулись слезы. Он положил руку на ее плечо и слегка погладил.

— Пожалуйста, — прошептал он, — если правда, что ты меня любишь, то и я люблю тебя. В каком-то смысле ко мне уже пришла эта любовь, потому что ты подарила мне Генри.

Она медленно подняла свою ладонь и накрыла ею его руку.

— О, Адам, — сказала она, — единственное, чего мне действительно хочется от тебя, это чтобы ты любил меня. Если только это станет возможным.

Он опустил руки, просунул их ей под мышки и поднял ее. Потом обнял и, прижав к своему сильному, мускулистому телу, страстно поцеловал.

— А как, — прошептал он, — относительно моей индийской крови?

Она слегка улыбнулась.

— Мне всегда ужасно нравились специи.

Он поднял ее на руки и отнес на кровать.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

ВОЙНА

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ

— Йи-вау! Война! Йи-вау!

Восемнадцатилетний Зах Карр мчался галопом по обсаженной деревьями въездной дороге плантации «Феарвью», размахивая шляпой и завывая подобно привидению с погоста. Шарлотта Уитни, заслышав шум, поторопилась выйти на белую веранду.

— Началась война, Шарлотта, — крикнул Зах. — Генерал Боргард открыл огонь по форту Самтер! Мы поколотим этих дрянных янки, заставим их просить у нас пощады!

— Да, я слышала об этом.

Это происходило в пятницу, 12 апреля 1861 года. Зах соскочил со своего коня и бегом влетел на веранду.

— Что-нибудь не так? — спросил он. — Не замечаю в тебе радостного возбуждения.

— Я думаю о Клейтоне. Гадаю, станет ли он воевать теперь, — когда война фактически у нашего порога.

— Клейтон? Конечно, он будет воевать.

— Не будь чересчур в этом уверен. Ты не читал его писем. Эти ребята-северяне в Принстоне заморочили его голову всякими идеями и совсем его запутали. Он даже написал мне, что совсем не уверен, что стоит бороться за сохранение рабства. Можешь себе представить, чтобы *такое* сказал юноша — южанин? Конечно, я не посмела передать папе, что Клейтон проявляет нерешительность в своей приверженности нашему великому делу. Если бы папа узнал об этом, он бы наверняка пришел в ярость и заставил бы меня отказаться от помолвки с Клейтоном. Но, Зах, я так влюбилась... Ах, все так перепуталось.

Зах взял свою будущую невестку за руку.

— Шарлотта, дорогая, не забивай свою милую головку мыслями о Клейтоне. Я знаю своего брата. Когда папа позовет его домой, то из его головы тут же вылетит вся эта северная чушь и он будет драться за Виргинию. Ведь наша семья живет здесь аж с 1691 года. Против этого он не попрет. Вот увидишь. Клейтон настоящий сторонник южан, и храбрее его не бывает.

Шарлотта задумчиво улыбнулась.

— Надеюсь, что ты прав.

Кризис обострился из-за того, что в президенты выбрали относительно малоизвестного человека — Авраама Линкольна. И хотя лично Линкольн всегда ненавидел рабство, но раньше он проявлял осторожность, не выступая с нападками на эту социальную организацию из-за боязни, что подтолкнет южные штаты к сепаратизму. Несмотря на эту тактику, он стал олицетворять в глазах рабовладельцев руководство антирабскими настроениями Севера, а заодно и все остальное, что они ненавидели на Севере. Поняв, что контроль над федеральным правительством теперь ускользнул из рук экономических кругов Юга, возможно, навсегда, Южная Каролина вскоре после выборов приняла законопроект об отделении от Федерального союза. Из-за больших расстояний, которые надо было преодолевать во время национальных выборов на допотопных средствах передвижения, произошла пятимесячная заминка между самими выборами нового президента и его фактическим вступлением в должность. Поэтому в течение пяти очень важных месяцев страна двигалась по инерции под руководством нерешительного президента Буканана, сочувствовавшего южанам.

Поэтому, когда 4 марта 1861 года Линкольн принял присягу, вступив в должность, события стали развиваться с головокружительной быстротой. В южных штатах имелась федеральная собственность. Одним из видов такой собственности и был форт Самтер на острове в Чарльстонской бухте. Когда Вашингтон попытался отправить снаряжение в Самтер, генерал Боргард потребовал, чтобы форт сдался южанам. После отказа коменданта, майора Андерсона, генерал открыл огонь из своих батарей по форту, тем самым начав самую кровавую войну в истории Америки. Каждый четвертый из принявших в ней участие так и не дождал до ее исхода.

— Сенатор Уитни — я бы даже сказал генерал Уитни — предложил мне офицерское звание, — сообщил Клейтон, когда вместе с Захом и отцом сидел за ужином на ферме Карров.

Тремя днями раньше Клейтон возвратился из Принстона. Он был вынужден добираться на лодке до Норфолка, затем ехать на поезде до Ричмонда, где его ждал отец с каретой, в которой они и отправились домой.

В те первые дни войны у обеих воюющих сторон парила путаница, но несмотря на это Клейтон убедился, что война действительно идет, потому что вынужден был добираться до дома кружным путем. К тому времени Соединенные Штаты раскололись на два разных лагеря.

— Генерал хочет взять меня в свои адъютанты и предложил мне капитанский чин.

— Примешь ли ты это предложение? — спросил Зах, с беспокойством глядя на своего старшего брата. Он помнил, что ему сказала всего неделю назад Шарлотта относительно колебаний Клейтона по вопросу о рабстве.

Клейтон положил на тарелку куриную ножку и вытер губы. Старый фермерский дом был обставлен замечательными старыми предметами, иные из них несколько поколений принадлежали семейству Карров. Над камином висел портрет матери мальчиков. Клейтон припомнил почти беспрерывные споры в колледже о рабстве. Там, в Принстоне, у него зародились серьезные сомнения. Но теперь, когда он вернулся на ферму Карров, сидел в своем доме жарким весенним вечером, разве оставался у него какой-либо выбор?

— Да, — ответил он без особого энтузиазма.

— Урра! — воскликнул Зах. — Я знал, что ты поступишь именно так. Я сказал Шарлотте, что ты настоящий южанин.

— Разве были какие-то сомнения в твоей решимости воевать? — спросил Брендон Карр, наливая в стакан вино из хрустального графина.

— Ну, в колледже мы много спорили о рабстве. Но нет, по-настоящему я никогда не думал отказываться воевать, коли уж дело дойдет до войны.

— У меня тоже были сомнения по поводу некоторых особенностей рабства, — заметил отец, ставя на место графин и закрывая его пробкой. — Я ясно указал твоему будущему тестю, что не одобряю его жестокого обращения с рабами. И не так давно, когда Пинеас хотел отправить меня в Англию и подкупить основного свидетеля по делу о миссис Кавана, чтобы он дал ложные показания, я сказал ему, что не стану заниматься грязными делами. Поэтому вместо меня они послали Роджера Уарда. Но без рабства Юг опустится до состояния хаоса, поэтому у нас нет иного выхода, надо драться. — Он повернулся к младшему сыну, сидевшему по его левую руку. — Однако, Захарий, поскольку Клейтон становится под наши знамена, тебе придется оставаться дома.

— Но, па...

— Никаких возражений, сын. Я старею и не могу один управиться со всем хозяйством. Клейтон будет воевать, поддерживать честь нашей семьи. Никто не усомнится в твоём мужестве, Захарий, если ты останешься дома. Все знают, что ты не трус.

«Трус, — подумал Клейтон. — Именно так они бы окрестили меня, если бы я уклонился от армии. Проклятье, пусть они как безумные рвутся на эту войну, но я покажу им, что я тоже не трус».

— Ой, Клейтон, — воскликнул Зах, — теперь ты сможешь жениться в офицерской форме! Разве это не здорово?

— Завтра с утра нам надо будет отправиться к портному во Фредериксбург, — напомнил Брандон. — Я читал, что издан справочник о форме одежды в армии конфедератов. Цвет должен быть темно-серый, хотя я слышал, что при окраске некоторые ткани приобретают желтовато-коричневый цвет, как орех. Уверен, что тебе прекрасно пойдет любой цвет мундира, Клейтон. Не сомневаюсь, что Шарлотта будет гордиться своим женихом, как я горжусь своим сыном.

Хотя всюду распространялись домыслы, что Линкольн попытается установить блокаду портов Юга, этого пока не случилось, и для богатых южан типа Уитни жизнь по-прежнему представляла собой полную чашу. Так что свадьба капитана Клейтона Карра с Шарлоттой Уитни вылилась в необычайно роскошное торжество и, по существу, стала одним из крупнейших событий предвоенного Юга. Господь благоволил этому торжеству прекрасной погодой и безоблачным небом. Глядя как из съезжавшихся карет высаживались изысканно одетые гости — цвет аристократии Виргинии — перед парадным входом в роскошный особняк на берегу реки Раппаханнок, только самые отчаянные пессимисты могли представить себе, что весь этот блеск вскоре будет сметен страшнейшим ураганом истории.

Клейтон смотрелся лихим воякой в своей новой серой офицерской форме с завитками золотых нашивок на рукавах. Шарлотта прелестно выглядела в своем подвенечном платье, украшенном гирляндами фиалок, с огромной юбкой чуть ли не шести футов в диаметре у подола, со шлейфом, растянувшимся еще на восемь футов, свадебная вуаль спускалась каскадом кружевных волн со шляпки, украшенной цветами, — все было безупречно скопировано с модели подвенечного платья английской принцессы, которую Элли Мэй нашла в книге *Годли «для дам»*. Когда прозвучали брачные клятвы и жених нежно поцеловал невесту, все женщины в зале не смогли удержаться от слез умиления.

Потом начались обильные угощения, сопровождаемые бесконечным числом бутылок французского шампанского из хорошо укомплектованного подвала Пинеаса. Около сотни гостей предались нескончаемым утехам еды, питья и танцев на протяжении всего дня до позднего вечера. Большинство юных молодцов, включая Заха, основательно «нагрузились», если воспользоваться одним из множества американских синонимов слова «напились». Но Клейтон в ожидании брачной ночи в гостинице Фредериксбурга оставался почти трезвым. Они с Шарлоттой проведут десятидневный медовый месяц в Хот-Спрингс, штат Виргиния, после чего

он явится к своему тестю для прохождения воинской службы.

— Клейтон, — обратился Пинеас, отводя капитана в сторону, — когда ты возвратишься, у меня для тебя будет приготовлено дело.

— В чем оно заключается, сэр?

— Ты помнишь миссис Кавана с плантации «Эльвира»?

— Очень хорошо помню.

— Как тебе известно, она прислала указания из Шотландии Билли Деври дать вольную всем своим рабам. Он это и сделал, несмотря на сильное противодействие других рабовладельцев. Тогда мы мало что могли поделать с этим, но теперь другое дело. Я обсуждал ее поступок с властями в Ричмонде, и мы решили конфисковать плантацию «Эльвира», а помещения превратить в госпиталь для армии.

— Сэр, законно ли это?

— Новое правительство решило подойти к миссис Кавана как к предательнице интересов Конфедерации из-за ее прошлых денежных переводов аболиционистам. Да, это законно. Конечно, мы надеемся, что нам не понадобится много госпиталей, но боюсь, что их потребуются все-таки больше, чем мы сейчас располагаем. Плантация «Эльвира» нам пригодится. Мои подчиненные сейчас составляют список ее рабов. Мы намереваемся выловить как можно большее их число и заставить их потрудиться на Конфедерацию. Домашних слуг вернем в особняк на плантации «Эльвира». Они будут использоваться в качестве обслуживающего персонала госпиталя. Когда ты возвратишься из Хот-Спрингс, первое твое задание и будет заключаться в том, чтобы выловить домашних слуг.

— Очень хорошо, сэр.

— А пока хочу сказать, что мне очень приятно твое присоединение к нашей семье, а также хочу пожелать тебе прекрасного медового месяца. Но, — он понизил голос, — относись понежнее к Шарлотте. Мы с матерью пытались объяснить ей, чего она может ждать сегодня ночью, но боюсь, что не сумели как следует сделать это. Не думаю, что она понимает, что именно ты будешь делать с ней. Гм, полагаю, что у тебя раньше были отношения с женщиной?

Клейтон покраснел, как мак.

— Да, сэр.

— Гм, да. Ну, это хорошо. Когда я был молодым человеком, то считалось, что джентльмен должен иметь некоторый опыт в этом деле. Но теперь, с этой чертовой щепетильностью, нельзя уже назвать «ножкой» ножку от роля. Ситуация становится все более смехотворной. Ну, а теперь

возвращаясь к гостям, веселись. Но к Шарлотте будь повнимательнее.

— Конечно, сэр. Спасибо, сэр.

Клейтон присоединился к веселящимся гостям, удивляясь странной настойчивости Пинеаса. Он уже пытался отправить Лизу Кавана на виселицу. Не добившись этого, он теперь решил конфисковать ее имущество. Его тесть выглядел таким величавым и радушным. Но Клейтон понял, что в душе он — дикий бык.

— В своем заведении я не держу черных шлюх, — объясняла сердитая мисс Роуз, дородная, весом в триста фунтов, хозяйка известного борделя в Йорктауне. — За кого вы меня принимаете, за дерьмо? Заведение обслуживает только белых джентльменов.

— Но бывают некоторые джентльмены, которым изредка подавай черную штучку, — возразил Клейтон.

Этот разговор происходил жарким вечером три дня спустя после его возвращения.

— Согласно моей информации у вас служит женщина по имени Дулси, прежде бывшая рабыней миссис Джек Кавана с плантации «Эльвира». У меня на руках армейский приказ о возвращении всех бывших рабов миссис Кавана под юрисдикцию армии.

Клейтон вручил раскипятившейся мисс Роуз приказ. Пока она читала его, он оглядел безвкусную обстановку борделя с ярко-красными ворсистыми обоями и круглыми, как глобусы, газовыми фонарями. В холле слонялась группа привлекательных белых девушек в различной степени раздетости, двое из них сидели на круглой кожаной кушетке в центре зала. Одна рыженькая послала воздушный поцелуй красивому капитану. Другая вроде бы случайно подняла нижнюю юбку, чтобы открыть для обозрения интимные места. Клейтон жадно смотрел на все.

— Ладно, — проворчала мисс Роуз, возвращая приказ и понижая голос. — Но прошу вас как офицера и джентльмена не разглашать, что среди моих девочек есть и черненькие. Я взяла ее только потому, что она весьма привлекательна и отчаянно нуждалась в заработках. С моей стороны это было проявлением милосердия, капитан. Надеюсь, вы понимаете это?

— О, да. Конечно.

Мисс Роуз, одетая в зеленое шелковое просторное платье, пропотевшее под мышками, заметила блуждающий взгляд Клейтона, и слегка улыбнулась.

— Капитан, желаете немного потрудиться? — шепнула она. — Можно устроить за счет заведения. Как мой вклад в наше славное дело.

Клейтон замялся.

— Я женатый человек, — сказал он.

— И все наши клиенты тоже.

Клейтон думал о Шарлотте, оказавшейся ледышкой в их первую брачную ночь. Правда, в конце их поездки она начала понемногу оттаивать. Ему не следовало бы начинать изменять ей. Он был офицером, а не кадетом, и он любил свою молодую жену.

— Пожалуйста, приведите ко мне женщину по имени Дулси.

— Хозяин — барин. Но вы упускаете возможность попробовать одну из лучших путанок в краю Дикси. Лотт, — позвала она сочную блондинку. — Пойди, разыщи Дулси. Скажи ей, пусть соберет свои вещи. Она будет работать на армию.

— Она уже переспала с половиной армии, — отозвалась Лотт, другие девушки захихикали.

Через несколько минут из помещения в глубине здания появилась одна из самых, пожалуй, эффектных негритянских девушек, которых когда-либо видел Клейтон, хотя назвать ее негритянкой было бы явной неточностью, поскольку кофейно-молочная кожа выдавала в ней большую долю крови белого человека. Она выглядела лет на восемнадцать, и в обтягивающем шелковом платье с оборками и соблазнительными разрезами ее шикарная фигура выглядела просто сенсационно. Клейтон почувствовал со смущением, что его штаны начинают натягиваться в паху, когда она подошла к нему.

— Что это за разговоры о том, чтобы меня опять сделать рабыней? — сердито спросила она. — Я уже не рабыня! Меня законно освободила миссис Лиза, и у меня имеются подтверждающие это документы!

— Виноват, любезная, но вы только что были лишены свободы армией конфедератов, — пояснила мисс Роуз. — Вот приказ, все по закону. Просто изменились порядки!

Дулси вызывающе посмотрела на Клейтона.

— Куда вы меня забираете? — спросила она.

— На плантацию «Эльвира», по приказу генерала Уитни. Тамошний особняк превращен в госпиталь. Вы будете работать там медсестрой по этажу.

— Медсестрой? Не хочу быть медсестрой для больных мужчин, нет, сэр! Можете передать своему генералу Уитни, чтобы он проваливал ко всем чертям! Я свободная!

— Как уже сказала мисс Роуз, вас лишили свободы, — терпеливо объяснил Клейтон. — Вам придется пойти со мной. У меня дюжина солдат,

которые дожидаются у подъезда, поэтому не заставляйте принуждать вас.

Дулси уставилась на него.

— Минутку, — произнесла она. — Я знаю вас. Вы не масса ли Клейтон, который приезжал на бал к миссис Лизе на плантацию «Эльвира» с мисс Шарлоттой Уитни?

— Совершенно правильно. Теперь она моя жена.

— Ха! Стало быть, вы поженились. Ха!

Дулси измерила взглядом шестифутовую фигуру Клейтона. Заметила некоторый беспорядок в его штанах.

— Давай, Дулси. Собирай свои вещи.

Она слегка улыбнулась.

— Похоже, у меня нет выбора, верно?

Она повернулась и пошла в глубину здания, многозначительно покачивая своими бедрами.

Мисс Роуз заметила испарину на лбу Клейтона.

— Ну разве это не штука? — шепнула она.

— Папа сегодня приедет домой? — спросила четырехлетняя Аманда Кавана, когда Лиза встала на колени возле ванночки и стала мыть ее губкой.

— Только в субботу, дорогая, — ответила Лиза. — Ты же знаешь, он приезжает по субботам.

— О, хочу, чтобы он приехал скорее. Я так скучаю, когда его нет с нами.

— Мы все по нему скучаем.

— Почему он не может находиться здесь постоянно, как все папы?

— Ты знаешь почему, Аманда. Я уже сто раз объясняла тебе, что у него дела в Лондоне. — Лиза использовала этот предлог, чтобы объяснить недолгое присутствие Адама в его шотландском доме. Она остро сознавала, что эта отговорка становилась все менее убедительной: Аманда слишком часто спрашивала об этом.

— А папа привезет мне подарок из Лондона?

— Уверена, что привезет. Он всегда это делает, верно? Он ужасно тебя балует.

— О мама, я не избалованная. Я самая славная девочка на всем свете. Сам папа сказал мне это!

Лиза засмеялась и поцеловала светлокудрую головку дочери.

— Вот поэтому-то, моя сладкая Аманда, ты и избалованна.

Аманда чихнула, и Лиза нахмурилась.

— Ты чихнула уже пятый раз. Боюсь, что ты можешь простудиться.

Миссис Паркер, нам стоит уложить ее в кроватку и дать ей лекарство.

— Нам не стоило разрешать ей играть сегодня на пляже, — заметила седовласая няня с добрым лицом. Она подошла и вынула Аманду из ванночки. — Сейчас слишком сыро.

— Да, боюсь, что ты права. Я буду на первом этаже. Спокойной ночи, дорогая.

Она еще раз поцеловала Аманду, потом вышла из детской, оклеенной яркими обоями с картинками на сказочные сюжеты, и спустилась на нижний этаж. Восемикомнатный каменный коттедж, который Лиза под влиянием викторианской сентиментальности назвала «Отрада сердца», представлял собой светлый и очаровательный домик. Из окон большой гостиной и столовой открывался прекрасный вид на залив, на песчаные пляжи Клайда, уходящие большими косами в Ирландское море на западном берегу Шотландии. В восемнадцатом столетии это строение имело меньшие размеры и выглядело более примитивно — обычной рыбацкой хижинкой. Деду Адама приглянулись эти дикие и очаровательные места и он перестроил коттедж, превратив его в виллу для летнего отдыха на берегу моря. С тех пор как Лиза въехала сюда четыре года назад, Адам тоже вложил крупную сумму в реконструкцию дома, провел водопровод и канализацию, установил отопление и оборудовал новую кухню. Лиза разбила небольшой сад напротив окон кухни, напомилавший ей садик в родительском доме в Уайкхем Райз, насадила цветов вокруг всего коттеджа, и цветы прекрасно разрослись в дождливом климате, хотя им и не хватало солнечного света.

Лиза любила этот коттедж и эти места. Ее скандальная известность и слава Адама сделали совершенно ненужным укрывательство под вымышленными именами. Местные жители узнали, кто они такие, еще до того, как Лиза распаковала свои вещи. Первый год они ощущали на себе враждебные взгляды, получили даже несколько грязных анонимок. Но со временем отношение местных жителей изменилось. Лиза предстала перед ними замечательной матерью, чей роман с Адамом выглядел капризом судьбы. В конце концов, все стали относиться к ним дружелюбно, а многие молодые шотландцы смотрели на них как на обаятельных знаменитостей.

Но Лиза понимала, что время бежит очень быстро. Хотя она и была счастлива, довольствуясь эпизодическими ласками Адама, но подрастала Аманда и задавала все больше вопросов. Аманда хотела знать, почему у нее папа «не как у всех». В довершение многочисленных тревог Лизы в эту ночь у Аманды поднялась температура. Послали за врачом. Ничего страшного не произошло, просто сильная простуда, но Аманда

расплакалась в кроватке, зовя папу. «Что будет, — думала Лиза, — если Аманда заболит серьезно? Что будет, если, избави Бог, она пострадает в несчастном случае? Что если она умрет, а Адама не будет рядом?» И ее собственное личное счастье оправданно ли, если у ребенка нет «папы, как у всех»? Хотя Лиза обожала Адама, все же она нередко подумывала о том, чтобы возвратиться вместе с Амандой в Виргинию, предъявить права на свою собственность и, может быть, попытаться найти нового мужа. Но этому помешала начавшаяся там гражданская война. Поэтому, решила она, ей надо отдаться на волю Божью.

Но сейчас, сидя возле кроватки Аманды, слыша ее плач и вопросы о папе, Лиза чувствовала, что в недалеком будущем ей придется изменить свою жизнь.

— Я получила письмо от своего доверенного Билли Деври, — сообщила Лиза Адаму в следующую субботу во время их прогулки по прелестному пляжу перед коттеджем. — Он пишет мне, что сенатор Уитни стал теперь генералом армии конфедератов, и что он реквизирует особняк на плантации «Эльвира», превратив его в госпиталь для раненых солдат.

— Законно ли это? — спросил Адам.

— Билли утверждает, что я ничего не смогу сделать. Уитни близок к Джефферсону Дэвису и является одним из наиболее влиятельных людей Конфедерации, поэтому он может спокойно делать все, что ему заблагорассудится. Но меня особенно возмущает то, что он выловил большую часть моих бывших рабов и загнал их в рабочие бригады, которые обслуживают армию повстанцев. И он задаром заставил работать в госпитале Лиду, Чарльза и Дулси.

— Иными словами, он опять обратил их в рабство.

— Вот именно.

Стоял великолепный июньский день. С косы Клайд дул свежий ветерок. Но хотя и манило войти в воду, на пляже не было ни души — шотландцы считали, что в океане могут купаться только ненормальные. Лиза колебалась, сообщать ли Адаму другую новость из письма Билли, потому что это было связано с очень важными вещами в их взаимоотношениях. Во всяком случае, так она думала. Гражданская война, которая продолжалась уже два месяца, затронула жизни тысяч людей, в том числе и жизнь самой Лизы.

— Другая проблема, — продолжала она, решив все-таки сказать все до конца, — заключается в том, что они лишили меня также доходов.

Адам посмотрел на нее с удивлением.

— Каким образом?

— Опять же козни генерала Уитни. Билли пишет, что он добился конфискации Конфедерацией всех моих акций и облигаций, хранившихся в банке Ричмонда, и замене их облигациями Конфедерации, которые, вероятно, не будут приносить никакого дохода, пока не победит Юг. Поэтому я лишилась доходов. И это особенно неприятно потому, что мои деньги теперь помогают Югу, хотя я вложила их в ценные бумаги Федерации.

— На какие только чертовы проделки они не идут! Конечно, я обеспечу тебя любой нужной суммой...

— Нет! — Она остановилась, придерживая свои светлые волосы, которые теребили порывы ветра. — Судьба нам подарила четыре года замечательного счастья, пусть Сибил и занимала большую часть твоего времени. Но я была счастлива, в частности, еще и по причине своей финансовой независимости. Я не состояла в «содержанках». Знаю, что это мелочь в том, что многие считают «аморальным» сожителем, но для меня это важно. Ах, этот Уитни — чудовище, а не человек! Он *отравляет* мне жизнь! К тому же, не надо забывать и о Гаврииле. Он так хорошо учится в школе, а теперь у меня нет денег, чтобы платить за его обучение.

Она рассказала Адаму о Мозесе и о том, что она помогает воспитанию его сына в школе квакеров в Глочестере, штат Массачусетс.

— Знаешь, — сверкнул глазами Адам, — мы с тобой не скандалили четыре года. Не вступали даже в мелкие пререкания, верно?

— Мы жили, как в раю.

— Ну, думаю, нам придется все-таки поссориться.

— Но не из-за денег!

— Нет, именно из-за денег. Ты для меня практически жена, ты мать моей дочери. Почему ты не хочешь добровольно принять от меня деньги?

— Потому что не хочу делать этого. Хочу вести себя с таким особым благородством. А по правде, просто я... ну, ценю свою независимость, хотя независима и не в полной мере.

— Знаю, что ты имеешь в виду, и люблю тебя за это. Но факт остается фактом, ты нуждаешься в деньгах, и если ты не хочешь принять их от меня в качестве подарка, то возьми их в долг, на какое-то время. Эта война долго не протянется, и из того, что я читаю и слышу, к сожалению, можно сделать вывод, что победят южане. Когда это произойдет, ты вернешь мне долг. Что в этом неразумного?

Она вздохнула.

— Наверное, ты прав. Я возьму в долг. Ах, Адам, какой ты замечательный человек, не удивительно, что я полюбила тебя.

Он обнял ее и расцеловал.

— Теперь, когда мы утрясли этот неприятный вопрос, мы можем поговорить и о более приятных вещах. Давай искупаемся.

— Ты сошел с ума. Вода еще ледяная.

— Я знаю, как тебя согреть после купанья.

— Нет. Есть еще одно дело.

Он отпустил ее.

— Что такое?

Они продолжали идти по пляжу.

— Оно касается Аманды, — продолжала Лиза. — Мы виноваты перед ней. Отец бывает с ней только эпизодически. И хотя местные жители относятся к нам как... ну, как бы там они к нам ни относились, все равно негоже так воспитывать ребенка. Ты это знаешь так же хорошо, как и я.

— Я люблю Аманду! Обожаю ее!

— Но дело-то не в этом. Как мне объяснить ей, где ты проводишь большую часть своего времени? Как мне ей объяснить, что у тебя другая семья, что у тебя теперь двасына, которые приходятся ей сводными братьями? Она даже не знает об их существовании. Как я объясню ей, кто же я такая? А ведь когда-то ей надо будет узнать об этом.

— Ты создаешь ненужные осложнения, — кисло произнес он.

— Конечно, я все усложняю. Но я должна позаботиться об Аманде, как и ты обязан подумать о Генри и об Артуре.

Он остановился и вновь обнял ее и расцеловал. Ветер раздувал и переплетал их волосы, когда они стояли обнявшись на пустынном пляже.

— Мы что-нибудь придумаем, — наконец, прошептал он. — Но я не отпущу тебя. Ты и я неразрывны.

Она слишком отчаянно любила его, чтобы говорить еще что-то. Во всяком случае, в данный момент.

В душную жаркую ночь 15 июля 1861 года по виргинскому берегу реки Потомак скакал галопом молодой человек в темном костюме и черной шляпе. Незадолго до полуночи он увидел, как среди деревьев на берегу реки дважды сверкнул огонек. Молодой человек, капитан Клейтон Карр из армии штата Виргиния, направил коня туда. Выдалась темная ночь, хотя отдаленные вспышки зарниц создавали некоторое тусклое освещение. Из-за деревьев вышел человек, вскинул ружье. Клейтон натянул уздечку коня.

— Палметто, — негромко произнес он.

— Гремучая змея, — отозвался встречный и опустил свое ружье. — Давайте мне своего коня. Лодка находится вон там внизу.

Клейтон тут же спрыгнул с коня, подал уздечку «гремучей змее». Потом побежал в кустарник, споткнулся, чуть не упал на грязный причал, возле которого сидел в лодке на веслах мужчина.

— Влезайте, — шепнул гребец. — Только сначала оттолкните лодку.

Клейтон сделал, как ему велели, оттолкнул лодку от берега и прыгнул на корму.

— Садись на скамейку, осел, а то мы перевернемся, — скомандовал мужчина. Клейтон повиновался, и мужчина начал грести, держа лодку поперек реки. Клейтон, изучавший классическую литературу в Принстоне, представил себе, что плохо различимый гребец — Харон, и он перевозит его через реку Стикс. Сравнение не было таким уж фантастическим, как могло бы показаться, поскольку, возможно, его ждала смерть на Вашингтонской стороне Потомака.

— Я могу ждать здесь только до рассвета, — прошептал гребец, когда нос лодки ткнулся в берег. — Если вы к тому времени не возвратитесь, то рассчитывайте только на самого себя.

— Я вернусь, — нервничая, заверил Клейтон. Если его схватят, то янки наверняка решат, что он шпион, и повесят его. Выбравшись на берег, он нашел приготовленную для него лошадь. Отвязав ее, он прыгнул в седло и отправился в Вашингтон.

Клейтон добровольно вызвался выполнить это поручение. Его тесть, генерал Пинеас Уитни, неодобрительно отнесся к добровольному согласию Клейтона, назвав его «глупым риском», но генерал Боргард настаивал на своем. Информацию, которую Клейтон должен доставить из Вашингтона, возможно, обеспечит Югу победу в войне. И это соображение взяло верх. Пусть у Клейтона имелись сомнения относительно рабства, но он был полон решимости доказать, что он отнюдь не трус.

Несясь во весь опор среди темной ночи, мысленно он обдумывал сложившуюся ситуацию. Война продолжалась уже четвертый месяц. В Вашингтон с севера были стянуты тысячи солдат, но пока что они ничего не сделали, если не считать, что превратили Вашингтон в еще более грязный и вонючий город. Некоторые полки разместились в самих помещениях Капитолия. А тем временем столицей Конфедерации был провозглашен Ричмонд. И поскольку он находился чуть более чем в ста милях от Вашингтона, на Севере нарастали настроения двинуть федеральные войска на Юг, сокрушить или захватить Ричмонд и покончить с восстанием. Эти настроения усиливал тот факт, что большинство

ополченцев добровольно записались на службу только на три месяца, а этот срок почти истек. Если федералисты не примут быстрых мер, ополченцы разойдутся по домам, открыв Вашингтон для наступления конфедератов, армия которых расположилась к югу от Вашингтона, в двух городах — Сентрвиль и Манассас вдоль спокойно текущего ручья Булл-Ран.

Генерал французского происхождения, Боргард получал информацию из различных источников в Вашингтоне, но главным его источником была элегантная вдова по имени миссис Роуз О'Нил Гринхау, которая проживала в доме «в радиусе полета пули» от Белого дома, как многозначительно сказал об этом Боргард Клейтону. Пятью днями раньше, 10 июля, Боргард получил от миссис Гринхау закодированное послание, которое привезла очаровательная черноволосая девушка по имени Бетти Дювалл. В этом послании говорилось, что новый командующий федеральными войсками в Вашингтоне, генерал Ирвин Макдауэлл, разработал план наступления на армию Боргарда в Манассасе, и что она сможет передать план диспозиции его войск и маршрутов их продвижения в ночь на 17 июля.

Вот тут-то Клейтон и сделал заявку на свое место в истории, вызвавшись съездить в Вашингтон и привезти такую информацию.

Можно было бы предположить, что в такой чрезвычайно серьезной ситуации Вашингтон превратится в неприступную крепость, но на деле все было наоборот. Добровольцы-северяне, которые горели желанием «отстегать мятежников», были по преимуществу молодыми фермерами с традиционной для американцев неприязнью к дисциплине и даже неверием в нее. Немногие подготовленные офицеры закончили военную академию в Вест-Пойнте. Это учебное заведение американцы недолюбливали из-за царившего в нем духа европейского милитаризма. Количество выпускников Вест-Пойнта поредело, потому что многие перешли на сторону южан. Командующие противостоящих сторон — Макдауэлл и Боргард вместе учились в Вест-Пойнте. В результате федеральные войска мало уделяли времени подготовке, предпочитая заниматься пьянством и охотиться за «бабцом» в злачных районах города. Корреспондент лондонской *Таймс* Уильям Говард Рассель, который освещал Крымскую войну и мятеж в Индии, знал, что такое хороший солдат. Он пришел в ужас от неряшливых хулиганов, называвших себя федеральными солдатами. Посетив однажды форт Конкоран в столице, он увидел солдата, который вошел в неохраняемый пороховой склад с зажженной трубкой!

Поэтому, когда Клейтон мчался по душному городу, он видел пустые немощные улицы, неосвещенные дома и не встречал никаких препятствий для своего продвижения. Город был знаком Клейтону — он провел немало

дней в особняке сенатора Уитни на улице Н. Теперь особняк был на замке и закрыт ставнями. Клейтон без труда добрался до дома миссис Гринхау, в котором знаменитая хозяйка принимала, несмотря на ее хорошо известные симпатии к южанам, таких выдающихся политиков-северян, как государственный секретарь Сювард, даже после начала военных действий.

Клейтон спешил перед неосвещенным домом, торопливо подошел к парадной двери, постучал, с беспокойством оглядываясь по сторонам, чтобы удостовериться, что за ним не следят. Улица казалась вымершей. Через минуту дверь приоткрылась. Он едва различил красивую женщину средних лет с черными волосами.

— Миссис Гринхау? — шепотом спросил он.

— Да.

Клейтон просунул через приоткрытую дверь сложенный листок бумаги, на котором было написано шифром «Верьте предъявителю». Она взяла бумажку и закрыла дверь. В щели он заметил отсвет свечи. Потом дверь открылась.

— Входите. Живее.

— Моя дорогая Сибил, хотя в это трудно поверить, но у меня не осталось ни гроша. Что-то обязательно надо сделать. — Сибил во все глаза смотрела на своего прежнего любовника, Эдгара Масгрейва. Они находились в гостиной Понтефракт Хауза в Лондоне.

— Но я же дала тебе семьдесят тысяч фунтов! — воскликнула она.

— Да, но это же было много лет назад, — отозвался Эдгар. Как всегда, он был одет по последней моде, но она обратила внимание на то, что его былая привлекательность начала увядать, и светлые волосы уже не были столь густыми, как прежде.

— Просто поразительно, как могут таять деньги, словно весной снег. Счета, счета, счета! Жизнь ныне пошла ужасно дорогая, ты же знаешь — я просто не представляю себе, как выживают бедняки. Я имею в виду настоящих бедных... вроде меня. Это так утомительно. У меня действительно нет сноровки в экономии денег.

Сибил, на, которой было тускло-зеленое платье в этот теплый июльский день, чуть не фыркнула от возмущения.

— Если ты думаешь, что я позволю себе поддаться опять шантажу...

— Пожалуйста, нельзя ли избежать твоей явной театральности? Так случилось, что вчера после обеда я очень приятно провел время, сидя в очаровательном сквере напротив твоего дома. Выдался такой замечательный денек. И я видел, как няня вышла из дома с твоим

наследником и запасным мальчиком: юным лордом Каствлфордом и его братцем, которого ты подарила Адаму в прошлом году. Лорд Артур слишком молод, чтобы быть похожим на кого-то конкретно, но лорд Каствлфорд, которому скоро стукнет пять, по-прежнему совершенно светловолос и мне льстит, что его сходство со мной делает вопрос об отцовстве очевидным. Ну, просто изумительные конфеты, Сибил, но впрочем тебе всегда было доступно все самое лучшее. Просто поражаюсь, как тебе удается сохранять свою фигуру.

Он открыл фарфоровую вазу и отправил себе в рот шоколадный шарик.

— Адам еще ничего не заметил до сих пор? — продолжал он.

— Нет. Но даже если и заметил, то ничего об этом не сказал. «Как чертовски это надоело», — подумала она. Конечно, она постоянно боялась, что Эдгар возникнет опять и все разрушит. Сумасшествие заключалось в том, что перемирие, которое четыре года назад предложил Адам, получилось. Он показал себя любящим мужем и хорошим отцом для сыновей. Она даже думала, что он по-своему начал любить ее. Возможно, эта любовь не походила на всепоглощающую страсть, которую он питал к Лизе, но была все-таки достаточно большой, чтобы удовлетворить Сибил. Правда, были ежемесячные отлучки в Шотландию, которые коробили ее, но, несомненно, дела могли пойти и хуже. А теперь вот это: бомба замедленного действия. Если Адам узнает правду о Генри, то их семейная жизнь опять превратится в ад, чего она, конечно, не хотела. Она должна умиротворить Эдгара.

Она глубоко вздохнула.

— Сколько? — тихо спросила она.

— Г-м-м. Ну, думаю, что десяти тысяч хватит, на первое время. И, может быть, еще десять на следующий год. В общем-то, мы могли бы договориться о каких-то постоянных условиях. Ты будешь платить мне по десять тысяч в год, и я не стану докучать тебе. Для тебя это очень выгодная сделка, в конце концов. Это значительно дешевле нашей прежней договоренности.

— Я оформлю это через мистера Лоуери, — сказала она. — А теперь, пожалуйста, уходи.

Эдгар, улыбаясь поднялся.

— Я слышал, что Адам опять подался в Шотландию, — протянул он нараспев. — Мне хорошо известно, что Шотландия модное место в августе, но твой муж ездит туда даже в феврале. Что его туда так тянет? Уж не увлекся ли он волынкой?

— Он там рыбачит.

— Г-м-м. Действительно, подозрительно. Так-так, ухожу. Надеюсь, что скоро со мной свяжется ваш мистер Лоуери. И потом, думаю, смогу славно провести осень в Тоскании. Ты бывала в Тоскании? Цветущий край, а итальянки редкостно сексуальные создания. К тому же, все удивительно дешево.

Поклонившись, он вышел из комнаты. Она подошла к окну, выходящему на площадь Понтефракт, и наблюдала, как он взял извозчика. Она не представляла себе, как объяснит Адаму ежегодные расходы по десять тысяч фунтов стерлингов.

Она решила, что пришло время нанести визит Сидонии, леди Рокферн, жившей в городском доме леди Холлсдейл на Найтсбридже.

— Ему надо заняться политикой, — заявила Сидония со своей привычной безоговорочностью.

Разговор происходил на следующей день после обеда. Сибил пила чай с Сидонией в гостиной дома, расположенного на площади Кадоган.

— Адам слишком давно бездельничает, а руки бездельника — орудие дьявола. Ему пора приобрести себе профессию. Он говорил мне, что брал уроки, чтобы улучшить свою грамотность...

— Да. В этом отношении он не сидел сложа руки. Писать он стал вполне грамотно.

— Прекрасно. Если он может правильно написать фразу по-английски, то почему бы ему не написать подходящий английский закон. И, моя дорогая, если вы сумеете заинтересовать его политической деятельностью, ему придется сократить свои поездки в Шотландию, если ты понимаешь, что я имею в виду. Когда я была ребенком, то люди думали, что члены парламента негодяи и замешаны в зловещих делах. Но обстановка меняется... уже изменилась, между прочим. Политические деятели в наши дни должны быть респектабельными людьми... или, по крайней мере, выглядеть респектабельными. Втяните Адама в политику, и у него не будет другого выхода, как стать респектабельным. Еще чаю?

— Да, спасибо. Конечно, у него имеется место в палате лордов, но он даже не удосужился сходить туда. Как я смогу заинтересовать его?

— Внеси деньги председателю любой партии, хотя думаю, что лучше ставить на тори. Отправь мистеру Дизраэли чек на тысячу фунтов, и ты подтолкнешь моего племянника на путь блестящей политической карьеры.

Сибил улыбнулась.

— Дорогая тетя Сидония, — заключила она. — Думаю, что вы

придумали великолепный план.

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ

Капитан Клейтон Карр стоял на крутом обрыве, с которого открывался вид на перекресток дорог у Манассаса, и наблюдал за ходом первой большой битвы Гражданской войны. Его бесило то, что он был вынужден только смотреть на нее. Будучи адъютантом у генерала Пинеаса Тюрлоу Уитни, он должен был находиться поблизости от своего тестя, который вместе с генералом Боргардом был рядом с командным пунктом и тоже наблюдал за ходом сражения в бинокль. А сражение происходило довольно жаркое. В полумиле к северу от них конфедераты столкнулись с федералистами, и гул канонады, треск ружейных выстрелов болезненно отражались на барабанных перепонках Клейтона. Пороховой дым поднимался в жаркое летнее небо.

Отважная поездка Клейтона в Вашингтон, чтобы заполучить федеральные планы от миссис Гринхау, закончилась блестящим успехом. Этот подвиг произвел впечатление на генерала Боргарда, который заявил, что он представит Клейтона к упоминанию в списках отличившихся и к медали, как только правительство конфедератов начнет отливать медали. По крайней мере, в настоящее время не было ни малейших сомнений в храбрости Клейтона. Теперь никто не мог сказать, что он использовал родственные связи, чтобы оказаться на безопасном посту адъютанта своего тестя, хотя в этом вопросе он проявлял повышенную щепетильность. Конфедератам, так же как и федералистам, крайне не хватало обученных офицеров, и Клейтон был не единственным южанином, произведенным в офицеры еще до того, как смог выполнить команду «кругом».

В те первые месяцы войны правительство конфедератов не только не чеканило медалей, но даже система распределения обмундирования была несовершенной. Форма для Клейтона и Пинеаса была сшита частными портными, за что они расплачивались из собственного кармана. Клейтона снял фотограф, который изготовил для него дюжину карточек, чтобы раздать их друзьям и знакомым. «Если даже я и погибну, — думал он, — то у Шарлотты останется снимок, чтобы помнить обо мне». Такие же чувства испытывали тысячи солдат по обе сражающиеся стороны.

Информация миссис Гринхау относительно движения федеральных войск под командованием генерала Макдауэлла оказалась точной. Но даже с таким огромным преимуществом южан сражение проходило крайне ожесточенно в течение всего утра, и обе стороны несли большие потери.

Война оказалась выгодным делом для поставщиков продовольствия и извозчичьих контор. Потрясающе скверная служба разведки федералистов допустила распространение по всему городу слухов о том, что войска двинулись на юг. Сражение ожидалось в воскресенье 21 июля. Поэтому дюжины вашингтонцев, конгрессменов и сенаторов вместе с женами и друзьями — сливки общества — приготовили и заказали закуски для пикников, включая ветчину и шампанское, и устремились на юг, чтобы наблюдать великую битву, которая, по общему мнению, заставит бунтаря Джонни драпануть домой и тем самым покончит с крупным восстанием. Конгрессмен Альфред Эли от Нью-Йорка, который захотел понаблюдать в действии тринадцатый полк из Нью-Йорка, обычно расквартированный в его избирательном участке, Рочестере, отправился в Сентрвиль с группой друзей в просторной карете, арендная плата за которую обходилась ему по двадцать пять долларов в день.

— Я слышал, — заметил генерал Уитни генералу Боргарду, — что эти окаянные дурни, любители пикников, вынуждены были уматывать прочь с дороги своих собственных войск.

Генерал кивнул, продолжая наблюдать за сражением в бинокль. Боргард с нетерпением ждал вестей. Он был назначен управляющим Вест-Пойнта как раз перед началом войны, но подал в отставку, чтобы присоединиться к Конфедерации, принял командование в Чарлстоне и отдал приказ произвести орудийный залп по форту Самтер, что послужило началом конфликта. Он высоко ценил профессиональные способности своего противника и бывшего однокашника Макдауэлла. Но он знал, что у Макдауэлла нет «натиска» и что он командует тридцатью тысячами необученных рекрутов, большинство из которых никогда не нюхали пороха. То же можно было сказать и о восставших. Но у Боргарда имелось огромное преимущество. Ему надо было добиться только одного — удержать свои позиции, удержать Оранж и железную дорогу возле Манассаса, которые были главной целью наступления Макдауэлла. Макдауэлла надо было прорвать ряды повстанцев, захватить железнодорожный узел и двинуться дальше на юг по вражеской территории, чтобы овладеть сердцем Конфедерации — Ричмондом. Боргард предчувствовал, что Макдауэлла не справиться с такой сложной задачей.

И скоро события покажут, что он был прав.

А в Вашингтоне, который казался почти совершенно вымершим, потому что много горожан отправились смотреть на ход сражения, группа

людей спокойно стояла весь день перед казначейством, прислушиваясь к отдаленной пушечной канонаде, доносившейся с места битвы примерно в тридцати милях к юго-западу. После посещения церкви президент Линкольн ознакомился с неофициальными телеграммами, которые поступали с поля сражения. Затем он поехал в гостиницу «Крушет» на пересечении Шестой и улицы Д, чтобы нанести визит верховному командующему армией Соединенных Штатов, генералу Уинфилду Скотту. В молодые годы Уинфилд Скотт разгромил англичан в 1814 году. Будучи уже почти стариком, он нанес поражение мексиканцам в 1848 году.

Но в июле 1861 года отечный подагрик Уинфилд Скотт не мог уже удержаться в седле. Но он все еще оставался героем северян, и большинство американцев считали, что с ним не сравнится ни один офицер Юга.

Когда президент приехал к гостинице «Крушет», названной по фамилии французского поставщика, являвшегося одновременно лучшим поваром Вашингтона, именно там генерал Скотт расположил свой штаб — старик развил свой утонченный вкус в лучших ресторанах Парижа и мог часами говорить о том, как правильно готовить черепаху, — генерал спал.

Главнокомандующего разбудили, и генерал Скотт сказал президенту, что сражение «идет хорошо».

И опять отправился спать.

— Сэр, они бегут! — завопил ординарец, галопом прискакав к штабу Боргарда в пять часов пополудни. — Янки поджали хвост и побежали обратно в Вашингтон!

— Йи-вау! — взвыл от восторга Клейтон.

Генералы Боргард и Уитни просияли.

— Они отступают? — спросил Боргард.

— Это не отступление, сэр, это *разгром*.

— Черт подери!

— Сэр, — Клейтон отдал честь своему тестю. — Прошу разрешения поехать на место сражения и посмотреть обстановку?

Генерал Уитни заколебался. Если что-нибудь стряется с Клейтоном, Шарлотта никогда ему этого не простит, не простит и жена — Элли Мэй.

— Ну...

— Сэр, *пожалуйста!* Может быть, это решающая битва всей войны! Я должен увидеть ее!

— Ладно, молодой плут. Но соблюдай осторожность! Если ты наткнешься на пулю янки, Шарлотта будет безутешна.

Клейтон оскалился.

— Нет такой пули у янки, которая угналась бы за Клейтоном Карром. — Йи-вау!

Схватив ружье Энфильда — точно такое же ружье, из-за которого начался мятеж в Индии четыре года назад и которое теперь приняли на вооружение конфедераты, на чем английские производители страшно нажились, — он побежал к своему коню, прыгнул в седло и понесся вниз с холма к полям, простиравшимся до ручья Булл Ран.

Перед ним на узкой проселочной дороге образовался один из страшнейших заторов. К Вашингтону разом устремились все кареты любопытных и конгрессменов, перемешавшиеся в одну кучу с отступавшей федеральной артиллерией, бегущей пехотой и скачущей кавалерией. Но Клейтону не привелось увидеть это.

Он увидел тела — трупы конфедератов и федералистов, тела молодых людей, распростертые под июльским солнцем в причудливых позах неожиданно наступившей смерти, свалившиеся возле деревянных столбов и железнодорожной ограды. Они валялись вверх лицом в ямах и лицом вниз на полях, согнув ноги в грубых башмаках, раскинув в стороны руки. Сраженные пулей, они застыли в страшном танце смерти.

Клейтон не заметил полуживого снайпера янки, прятавшегося за деревом перед ним. У того еще оставался один патрон, и стрелок горел желанием увести с собой на тот свет хотя бы еще одного бунтовщика Джонни. Он прицелился в Клейтона и выстрелил.

Быстрая пуля янки все же достала Клейтона. Она пронзила его левое бедро. Завопив от боли, он свалился с лошади на горячую землю вытоптанного кукурузного поля. На мгновение он подумал, что погиб, настолько сильной оказалась боль. Потом, сообразив, что все еще жив, он с трудом сел и осмотрел ногу. Серые брюки, которыми он так гордился, пропитались кровью. Клейтон в горячке не заметил, что пуля раздробила его бедренную кость на несколько осколков.

Именно в этот момент он потерял сознание от невыносимой боли и жары.

Самый прожженный политик Англии смотрел, как Сибил наливает чай из серебряного с чеканкой чайника. Бенджамин Дизраэли прикидывал в уме, чего она добивается. Они сидели в гостиной Понтефракт Хауза в Лондоне через три дня после сокрушительного для северян сражения на ручье Булл Ран близ города Манассас.

— Я глубоко признателен за ваш щедрый денежный взнос, — сказал

Дизраэли, когда Сибил подала ему чашечку чая. — Считается, что тори является партией крупных земельных магнатов, но от миллионеров чрезвычайно трудно получить какие бы то ни было взносы. Но ваш чек, который свалился будто бы с неба, вдвойне приятен, потому что позволил мне познакомиться с одной из самых привлекательных дам Лондона.

— Вы мне льстите, мистер Дизраэли, — отозвалась Сибил, глядя на худощавого, довольно сутулого мужчину с черной козлиной бородкой и сальными черными кудряшками, свисавшими с лысеющего черепа на лоб. — Но эта лесть приятна любой женщине.

— Я считаю, что лесть, даже если она неискренняя, является полезным орудием в жизни и совершенно обязательным средством для политических деятелей. В вашем же случае, поверьте мне, моя лесть совершенно искренна. Но я знаю также... — Он сделал паузу, отпил чая, изучающе глядя в лицо Сибил своими цепкими черными глазами, — ...что прекрасные маркизы обычно не посылают чеки по тысяче фунтов политическим партиям из чисто альтруистических соображений.

Пятидесятилетний Дизраэли славился коварством и слыл скользким типом. Он не считался в полной мере «англичанином», это было любезной формой дать понять, что он еврей. Только три года назад открылся доступ нехристианам в палату общин, что, впрочем, не касалось Дизраэли, потому что еще мальчиком он был крещен по обряду англиканской церкви. Однако на более поздних этапах своей карьеры он голосовал вопреки установкам своей партии, идя на большой политический риск, чтобы снять запрет относительно нехристиан и тем самым дать возможность пройти в палату общин своему другу, барону Лионелю де Ротшильду. Он и стал первым иудеем, который, не изменяя своей религии, оказался в палате общин. Все это, а также то, что он писал романы, обеспечило ему репутацию «скользкого» человека — писать романы тоже считалось недостойным англичанина.

— Вы правы, мистер Дизраэли, — заметила она. — У меня имеются корыстные мотивы. Поскольку вы дорожите своим временем, разрешите мне объяснить их вам. — Она помолчала. — Кажется, кардинал де Рец сказал: «Нет ничего важнее в мире, чем данный решающий момент...»

— «...и умение правильно использовать этот момент является образцом поведения», — закончил Дизраэли цитату. Они оба с удовольствием отметили взаимную эрудицию. — В своей жизни я руководствуюсь и этим девизом.

— Думаю, что сейчас наступил именно такой «решающий момент» для меня и моего мужа. Короче говоря, мне хочется, чтобы мой муж

заялся политической деятельностью. Конечно, у него есть недостатки, о которых вы, несомненно, знаете. Будучи бедным родственником де Веров, он не получил должного образования, хотя в течение нескольких последних лет он нанимал репетиторов, чтобы исправить этот недостаток.

— Образование может оказаться слабым местом для политика. Невежество имеет в глазах избирателей определенную притягательную силу.

— Да, пожалуй. Но мой муж обладает рядом достоинств. Он хорошо известен — даже знаменит, если не скромничать. Он нравится английской общественности. Он молод и респектабелен. Он крупный землевладелец и чудовищно богат. Мне представляется, что он должен принять участие в управлении этой страной, но нуждается в руководстве — в политическом наставнике, если так можно выразиться. Осмелюсь предположить, что он нуждается в ком-то, подобном вам.

— Теперь льстите мне вы, леди Понтефракт. Но должен напомнить вам, что я возглавляю лояльную оппозицию Ее Величеству. Вам скорее следовало бы обратиться к лорду Пальмерстону, который смог бы вознаградить вашего мужа какой-нибудь подходящей государственной должностью.

— Но моему мужу импонируете *вы*, мистер Дизраэли. Он о вас самого высокого мнения и восхищается вашей концепцией «романтического туризма», когда Англией управляет аристократия, но такая аристократия, которая заботится о бедняках и неудачниках, аристократия с совестью.

Он поставил на столик свою чашечку.

— Вы восхищаете меня, леди Понтефракт, и я теперь испытываю еще большее желание познакомиться с вашим выдающимся мужем. Однако его частые поездки в Шотландию помешают серьезной политической карьере.

— Именно его частые поездки в Шотландию я и пытаюсь прекратить, — сухо заметила она.

Некоторое время он смотрел на нее молча. Потом рассмеялся, сначала тихо, а потом захохотал. Наконец вынул из кармана белый платок и вытер глаза.

— Ах, моя дорогая леди Понтефракт, — выдохнул он с присвистом, — вы мне очень нравитесь... *чрезвычайно*.

— Пожалуйста, мистер Дизраэли, называйте меня Сибил.

— А вы, дорогая Сибил, должны называть меня Диззи.

— Должен огорчить тебя, сынок, — сказал хирург. — Твоя бедренная кость раскрошена пулей, и если мы не отнимем эту ногу как можно скорее,

то начнется гангрена.

Клейтон лежал на дощатом лежаке в переполненном больничном шатре, который был поставлен конфедератами рядом с полем сражения недалеко от Манассаса. Его тошнило от духоты и вони даже несмотря на нестерпимую боль в ноге.

— Нет, — прошептал он. — Пожалуйста, док, только не ногу...

— У нас нет выбора, сынок. Отнесите его в операционную палатку, — приказал он своему ассистенту. — Дайте ему виски, пусть напьется. Ампутацию проведем через час.

— Слушаюсь.

Доктор подошел к следующему раненому, а его ассистент дал знак двум санитарам, чтобы они подошли. Клейтон, всхлипывая, уставился на свое левое бедро, раздувшееся и побагровевшее.

— О, Господи, — пробормотал он. — Я останусь калекой... О, Господи, что скажет Шарлотта?

Он откинулся на спину, содрогаясь при мысли о муках ада, через которые ему предстояло пройти. Санитары положили его на носилки, он завопил от боли. Потом его вынесли наружу, под жаркие лучи солнца.

Он охотился в лесах Виргинии со своей собакой Трит, с отцом и с сенатором Уитни. Ему было десять лет. Выдался прохладный осенний день, листья как будто облило желтой и красной краской. Он увидел оленя и вскинул к плечу ружье. Отец с сенатором Уитни обсуждали цены на рабов, но вдруг замолкли и стали смотреть, как Клейтон целится. Он выстрелил.

— Хороший выстрел, мальчик! — воскликнул его отец.

Клейтона распирала гордость, он бросился к сраженному оленю.

— Держите его, — скомандовал доктор.

— Пожалуйста... пожалуйста, не делайте этого... не надо, не надо... — вопил Клейтон. — Санитары крепко надавили на его руки, прижав его к деревянному операционному столу. Двое других прижали его колени, разведя в стороны ноги. Доктор на мгновение задержал пилу в воздухе.

— Не хочу быть калекой! Пожалуйста... О Господи...

— У нас нет выбора, сынок. Надо спасти твою жизнь. Боюсь, что тебе будет очень больно.

— Господи... О Господи...

Доктор приложил полотно пилы к его левому бедру. Зубья коснулись волосатой багровой ткани, и он начал пилить.

Брызнула кровь и вопли Клейтона постепенно замолкли, он впал в пьяное забытие.

— Шарлотта, Шарлотта, — шептал он.

Клейтон лежал на своей невесте, целовал ее нежные груди.

— О, Клейтон, *какая люблю тебя*, — шептала она. — Стала ли я хороша в постели?

— Да, еще как.

Это была всего лишь полуправда. Шарлотта привыкала к половой близости, хотя всей душой не отдавалась этому занятию.

Он вошел в нее. Она начала негромко стонать, он лежал на ней, его ягодицы постепенно сжимались от напряжения. Потом странная боль начала подниматься по его левой ноге. Он прекратил соитие, когда боль захлестнула все его существо. Вскрикнув, он взглянул на Шарлотту.

Она превратилась в чудовищный, оскалившийся труп.

Он проснулся и увидел прекрасную девушку с кожей цвета кофе с молоком. Он узнал ее: Дулси, девушка из заведения мисс Роуз.

— Дулси, — прошептал он.

— Это я.

— Где я нахожусь?

— На плантации «Эльвира». В самой лучшей комнате этого дома, потому что ваш тесть — сенатор Уитни. Вы в спальне миссис Лизы. Я бывало расчесывала ей здесь волосы.

Клейтон оглядел прекрасную комнату с золотистыми парчовыми занавесями на окнах. Окна были распахнуты, и в комнату врвался горячий ветерок.

— Как... как я попал сюда? — спросил Клейтон, пытаясь проникнуть во тьму, в которой он находился несколько дней. Единственное, что он мог вспомнить — это охоту с отцом и соитие с трупом.

— Вас привезли сюда после операции. Вы проспали несколько дней.

— Операции...

И вдруг на него хлынул поток воспоминаний. Пила. Боль. Вопли. Сев на кровати, он сбросил простыню. На нем была белая ситцевая ночная рубашка, которая свисала с" одного колена. Левого колена не было.

— О, нет...

Он начал поднимать ночную рубашку, потом взглянул на Дулси, которая невозмутимо смотрела на него.

— Пожалуйста, уйди, я хочу посмотреть...

— Я насмотрелась в своей жизни на голых мужиков, — спокойно

возразила она. — И я уже видела вас, я ваша сестра. Я уже два раза вас мыла, голышом, как ребенка. Уже видела вашу культу.

Вздвогнув, он медленно приподнял рубашку.

— О Господи...

Его нога была отпилена чуть ниже таза, культура забинтована.

— Доктор сказал, что у вас еще могут быть дети, — подбодрила его Дулси. — Вы просто не сможете много бегать или танцевать, никаких хороводов и всего такого. Я сейчас принесу вам обед, капитан Клейтон.

Она многозначительно ему улыбнулась. Потом повернулась и вышла из спальни.

Клейтон еще раз взглянул на то место, где должна была быть левая нога. Потом опустил ночную рубашку, упал на подушку и заплакал.

— Это папа! Папа! — возбужденно пропищала Аманда, выглянув в одно из окон дома «Отрада сердца», выходящих на залив. К коттеджу как раз подъехал экипаж и из него вышел отец.

— Да, это он, — подтвердила Лиза и направилась к парадной двери, испытывая такое же возбуждение, как и ее дочь, когда приезжал Адам. Она открыла дверь. На улице было ветрено, и Адам придерживал рукой шляпу, пока шел по дорожке к дверям дома. За ним шел Ангус, кучер Лизы, и нес саквояж Адама.

— Добро пожаловать домой, дорогой мой, — улыбнулась Лиза, когда он вошел в дом и обнял ее.

— Папа! Папа! — Аманда чуть ли не оттолкнула мать, стараясь дотянуться до отца.

— А вот и мой прелестный цветочек! — смеясь, Адам подхватил ее и поцеловал.

— Что ты мне на этот раз привез из Лондона?

— Послушай-ка, мисс Аманда, ты явно проявляешь признаки стяжательства, что шокирует меня.

— Привез ли ты мне куклу или котенка?

— Я привез тебе куклу, маленькая проказница. Она в саквояже.

Ангус как раз в этот момент внес саквояж Адама.

— Ангус! — крикнула Аманда и побежала к нему. — Откройте саквояж папы — *пожалуйста!*

Адам покачал головой.

— Кажется, мы уже избаловали ее, — сказал он Лизе.

— Что случилось? — спросила Лиза, покоясь в объятиях Адама на

кровати поздним вечером. Облачный день принес штормовую погоду, вокруг коттеджа завывал ветер, а на протяженном пляже ухал сердитый прибой.

— Ничего не случилось, — лаконично ответил он.

— О, дорогой мой, не скрывай. Я почувствовала это с момента твоего приезда. Ты чем-то обеспокоен. И не пытайся что-нибудь утаить от меня, я вижу тебя насквозь. Что стряслось?

Некоторое время он молчал. Потом вздохнул.

— Ладно, мне предложили пост в правительстве. Естественно, я отказался, но Сибил подняла такую бучу, что этот шторм может показаться весенним мелким дождичком.

Лиза села и вывернула побольше фитиль керосиновой лампы, стоявшей рядом с кроватью. Она была не глупа и поняла, что пришла серьезная неприятность.

— Какой пост в правительстве? — спросила она.

— Быть одним из представителей Короны в совете, который консультирует государственного министра по делам Индии. Этот совет был учрежден три года назад, когда Корона взяла на себя управление Индией, освободив от этого дела Ист-Индскую компанию. Лорд Пальмерстон мне льстил, был добр ко мне и сказал, что мое знание Индии будет очень ценным для лорда Кранборна, который является министром по делам Индии. Но я знаю, что все это подстроила Сибил.

— Что ты хочешь этим сказать?

— Она очень подружилась с мистером Дизраэли с помощью простого приема — внесла деньги в партийную кассу. Конечно, Дизраэли пользуется большим влиянием в палате общин, и он устроил некоторый обмен любезностями с лордом Пальмерстоном, поэтому тот и пригласил меня в состав совета. Все провернули довольно элегантно, но мне это ни к чему.

— Потому что ты должен будешь отказаться от меня?

Он ничего ей не ответил. Она выскользнула из-под одеяла, накинула пеньюар и подошла к окну, вглядываясь в темное бушующее море.

— Мы жили в краю глупцов, — наконец сказала она. — И дело не в том, что в краю глупцов нельзя быть счастливым. Я была необыкновенно, неопишимо счастлива с тобой, дорогой, надеюсь, и ты был со мной счастлив. Но я постоянно знала, что когда-нибудь этому наступит конец.

— Ничто *не*кончается! — воскликнул он, садясь на кровати.

— Не кончается... Ты примешь это предложение.

— Лиза, может быть, ты не слышала, что я сказал. Я уже отклонил его.

— Ты поедешь в Лондон и скажешь им, что передумал.

— Нет!

Сбросив одеяло, он спрыгнул с кровати и подбежал к ней, обнял, стал жадно целовать. По стеклам окна стучал дождь.

— Лиза, ты — моя. Ты часть моей плоти и души. Я никогда не отдам тебя.

— Ах, Адам, мой сладостный Адам, — отозвалась она, ее решимость почти растаяла в его крепких объятиях, — ты ведь знаешь, что и ты часть *моей* души. Но жили мы до сих пор несправедливо.

— Это не так, черт меня подери!

— Знаю, что для нас это выглядит нормально, но для всех остальных иначе. Четыре года мы жили в прекрасном сне, но теперь сон закончился, и надо взглянуть на реальность — ради наших детей, если не касаться другого. — Она почувствовала, что его объятие несколько ослабело. — Ты знаешь, что я права, — продолжала она. — И Сибил права. Она думает о вашем сыне и наследнике...

— Он может быть моим наследником, но я не уверен, что он мой сын.

— Что ты имеешь в виду?

Он возвратился к кровати, присел на нее и закрыл руками лицо, запустив пальцы в свои густые черные волосы. Когда он открыл лицо, она увидела слезы в его темных глазах.

— Я почти уверен, что Генри — сын от кого-то другого, — признался он. — Я узнал от своего агента, что Сибил перевела огромную сумму денег — семьдесят тысяч фунтов стерлингов — молодому бездельнику и повесе по имени Масгрейв, с которым она поддерживала самые близкие отношения. Когда я женился на Сибил, она была девственницей, но вскоре после свадьбы я уехал в Индию. Похоже на то, что Генри был зачат после моего отъезда в Индию. Но я... я боюсь ее спрашивать об этом. Нам с Сибил как-то удалось наладить нашу семейную жизнь, и я не хочу знать правду, ибо опасаясь, что все рухнет, если это правда. И я люблю Генри.

— Имело бы это для тебя значение, если сын не от тебя?

— Конечно, имело бы! Ни один мужчина не захочет, чтобы его сын и наследник был от кого-то другого. Ирония заключается в том, что я женился на Сибил в попытке сохранить семейную преемственность, а она надругалась над всеми моими стараниями! Если Генри не мой сын, то как на законном основании он может унаследовать имущество и титул де Веров? Все это по закону должно перейти к Артуру, моему подлинному сыну. Но если я лишу наследства Генри, то это погубит его жизнь и приведет просто к исключительному скандалу. О, итак все превратилось в отвратительную мешанину, а теперь еще и это.

Лиза всем сердцем сочувствовала ему. Она знала, как сильно он любит своих сыновей.

— Неужели у тебя совсем нет склонности к политической деятельности? — спросила она.

Он заколебался с ответом.

— Фактически меня влечет к этому занятию. Мне бы хотелось делать что-либо полезное. Одному Господу известно, как невероятно мне везло, так что я обязан послужить людям, которые менее удачливы, чем я. — Его лицо стало жестким. — Но я не отдам тебя!

Она подошла к кровати и прижала к себе его голову.

— Ты *должен* отказаться от меня, — прошептала она. — Не имеет значения, твой ли сын Генри или нет. Знаю, что ты любишь его как сына, важно подумать о его будущем. Тебе надо вернуться домой, Адам.

— Мой дом здесь.

— Неправда. Ты не просто Адам Торн. Ты маркиз Понтефракт, национальный герой и отец будущего маркиза...

— Кто бы им ни стал.

— Твой дом в Понтефракт Холле и Понтефракт Хаузе. Неужели ты не понимаешь, что мое сердце разрывается, когда я говорю это, дорогой мой? Неужели ты не сознаешь, что у меня в жизни ничего не было дороже тебя? Но наступает время, когда мы должны признать, что существуют вещи поважнее нас. Мы должны смириться с тем фактом, что у нас с тобой нет будущего. Ты должен отказаться от меня во имя будущего своих сыновей.

Он смотрел на нее. По его щекам текли слезы.

— Но что станет с тобой и Амандой? — спросил он.

— Я устрою так, что ты изредка будешь видеть Аманду. Что же касается меня, мой сладкий Адам, даже одно прощание с тобой может меня убить. Поэтому я не стану делать этого дважды.

— Ты хочешь сказать, что мы больше никогда друг друга не увидим? Мы были неразрывны с детских лет!

— Будет лучше, если мы сделаем так. Иначе мы опять окажемся в таком же положении, в котором находимся сейчас: в состоянии двоеженства, которое погубит нас.

— Нет! — вскричал Адам. — Я разведусь с Сибил...

— Ты знаешь, что развод исключается. Даже если его можно было бы устроить, а это практически невозможно, ты погубишь будущее своих детей. Они не переживут скандала.

Он закрыл глаза. Долго молчал. Потом опять посмотрел на нее.

— Когда? — прошептал он.

— Мы ничего не скажем Аманде и миссис Паркер. Сделаем вид, что все идет, как прежде. Ты пробудешь здесь неделю, как обычно. А потом, моя сладкая любовь, ты от меня уедешь навсегда.

Некоторое время он пристально смотрел на нее. Потом взял ее руки и поднес к своим губам.

— В эту неделю мы вместим целую вечность счастья, — прошептал он. — Вечность. Клянусь тебе в этом.

* * *

Открытый экипаж остановился у парадного подъезда особняка на плантации «Феарвью». Из него вылез Пинеас, а кучер достал его саквояж из багажного отделения. Сенатор поднялся на парадную веранду дома, где его встретила и поцеловала Элли Мэй.

— Добро пожаловать домой, дорогой, — приветствовала она его. — Наверное, на улицах Ричмонда веселятся и танцуют?

— Ну, я бы не сказал. Конечно, в связи с большой победой настроение восторженное. Но если хочешь знать мое мнение, мы не воспользовались плодами этой победы.

Элли Мэй, удивленно глядя на мужа, пошла вслед за ним. В большом зале с портретов, висевших на стенах, на них смотрели представители пяти поколений рабовладельцев Уитни, излучая счастливое спокойствие роскошной жизни, протекавшей здесь до этой войны.

— Как не воспользовались? — спросила Элли Мэй. — Почему так?

— Репутация Линкольна равна нулю, а репутация этого старого пустозвона генерала Скотта — нулю с минусом десять. Газеты северян подняли вой по поводу поражения федеральных войск у Булл Рана — они даже утверждают, что генерал Макдауэлл напился во время сражения. Как бы там ни было, его прогнали. Линкольн назначил нового генерала, молодого человека по фамилии Макклеллан. Но дело-то в том, что, когда янки обратились в бегство, мы должны были бы двинуться в Вашингтон и вздернуть на уличном столбе Эйба Линкольна. Но мы этого не сделали. Мы вообще *ничего* не сделали, проклятье! Боюсь, что это может стоить нам всего исхода войны.

— Папа! — воскликнула Шарлотта, которая торопливо сбегала по изящной винтовой лестнице. — Нет ли каких новостей о Клейтоне?

— Он пришел в сознание, — ответил Пинеас. — Я получил донесение

с плантации «Эльвира». Доктора заверяют, что он поправится. Конечно, он останется калекой, но он выжил.

— Могу ли я проведать его? — спросила она, бросаясь к отцу и обнимая его. — Ох, как я тоскую по нему!

— Ну, надо дать ему некоторое время, чтобы окрепнуть. Он перенес страшнейшие муки. Но, возможно, через неделю ты сможешь к нему съездить. Встреча с тобой подбодрит его.

— Какие замечательные вести! У меня просто не хватает сил на ожидание!

— А теперь займись своими делами. Мне надо поговорить с твоей матерью. Элли Мэй, пройдем в мой кабинет. — Он прошел через зал и вошел в дверь под винтовой лестницей. — В Ричмонде царит полная неразбериха, — начал он, когда Элли Мэй вошла вслед за ним и притворила дверь. — Джефф Дэвис хороший человек, но боюсь, что дело ему не по плечу. В нем нет достаточной гибкости.

— Что ты хочешь этим сказать?

— Он проникается убеждением, что время играет на нас, что нам надо лишь не пускать янки в Виргинию и ждать. Впрочем, он понимает, что мы должны добиться признания со стороны Англии и Франции и, как ты знаешь, мы направили сенаторов Мейсона и Слиделла на британском почтовом пароходе в Англию, чтобы добиться признания.

— С ними что-нибудь случилось?

— Да. Командующий федеральным военно-морским флотом остановил английский почтовый пароход «Трент» и снял с борта Слиделла и Мейсона, которые в настоящее время содержатся в тюрьме Бостона. Слава Богу, миссис Слиделл удалось спрятать отправленные нами документы в подкладке своей юбки, но ее муж все еще остается в тюрьме. Английский представитель лорд Лайнс возмущен. Так же, как и Джефф Дэвис. И он уполномочил меня отправиться туда вместо них. В следующую субботу я отплываю на английском корабле из Нового Орлеана...

— Но блокада? Как тебе удастся проникнуть через нее?

— Так же, как это делают все другие — как-нибудь незаметно проскользнем. Во всяком случае, имея в Англии связи, в частности Гораса Белладона, думаю, что мне удастся выполнить эту задачу. Разумеется, если я попаду в Англию. Английские производители текстиля крайне нуждаются в нашем хлопке, и у нас имеются основания верить, что лорд Пальмерстон и большая часть господствующего класса симпатизируют нам. Поэтому молись за меня, Элли Мэй. Твои молитвы помогут мне.

Она выразила удивление:

— Но разве я не еду с тобой?

— Конечно, нет. Это слишком опасно.

— Ах, дорогой мой, — вздохнула она. — А я-то так надеялась сделать некоторые покупки в Лондоне.

Ее муж фыркнул.

— Покупки? Разрази меня гром, мадам, но сейчас же идет война! Будет сколько угодно времени на покупки, когда мы победим... — Он покачал головой.

— Что? О чем ты задумался, Пинеас? — На ее лице отразился испуг.

— Ну, тревожиться не стоит...

— Но я хочу услышать даже о самом неприятном.

— Если мы не победим, Элли Мэй, то не сможем *позволить* себе делать покупки в течение долгого, очень долгого времени.

Звали его Роско, он работал надсмотрщиком на плантации «Эльвира», ростом был шесть футов два дюйма, обладал бычьей силой и с ума сходил по Дулси. И когда черный гигант обрабатывал ее в постели в домике за основным зданием, в котором теперь развернули госпиталь Конфедерации, его мысли были далеки от войны, от заброшенных табачных плантаций, где он кое-как работал с семьей мужчинами, оставшимися на усадьбе «Эльвира». Не думал он и о довольно сомнительной репутации Дулси. Он сосредоточился на одном: когда кончит. Когда это случилось, он взвизгнул.

— Роско, тихо, — шепнула Дулси. — Ты хочешь, чтобы услышала тетушка Лида? Если она тебя тут застанет... Она здорово отхлещет нас.

— Дулси, ягодка, почему бы тебе не пойти за меня? Тогда нам не надо будет прятаться.

— Пока что я не хочу выходить ни за кого, — ответила она, вставая с развороченной кровати и подходя к тазу, чтобы обтереться губкой. Опять стояла знойная ночь в это нескончаемо жаркое лето. — Может быть, когда закончится война, мы сможем поговорить о свадьбе. Может быть, когда станем свободными.

— Ха, свободными. Непохоже, чтобы кто-нибудь в здешних местах освободился. Я бы не стал полагаться на то, что придут янки и заявят: «Эй, Роско, ты свободен. Эй, Дулси, ты свободна».

Он растянулся на кровати и посмотрел в окно над своей головой, на полную луну. Над его вспотевшей грудью жужжали насекомые.

— Ага. Ну, я-то была *свободна*, пока сенатор Уитни не возвратил меня сюда насильно.

— Да, свободной и дорогой. Я слышал, чем ты занималась в

Йорктауне, в доме терпимости мисс Роуз, слышал я и о том, сколько ты брала за услуги.

— Не шуми, Роско, а то я начну брать плату и с тебя. Да и вообще, я слишком хороша для тебя. Возможно, и *надобать* с тебя.

Он ухмыльнулся.

— Тебе нравится это занятие, ты сама знаешь об этом.

— Имеются и другие не хуже тебя. Например, капитан Карр.

— Он-то? Белый парень, который остался без ноги?

— Угу. Впрочем, он не потерял свои рога. Когда я захожу в его комнату, то он смотрит так, как будто может боднуть. А когда я его мою губкой в ванной... — Она захихикала.

— Что же смешного?

— У него член стоит, как палка. И он этого так стыдится. Он краснеет, как мак, начинает давиться и отдуваться, так что кажется, что вот-вот лопнет. И хочу сказать тебе Роско: я скоро позволю ему удовлетворить свое желание. И это будет моя месть.

— Месть за что?

— Ты знаешь, что его тесть — один из самых мерзких рабовладельцев Юга. Я слышала разговоры о том, что он сек своих рабов до полусмерти. И был юноша Такер, говорят, он посадил его в бочку с забитыми в нее гвоздями, так что их острия торчали внутри, и толкнул эту бочку с холма. Ну, пора уже этому могучему Уитни насыпать немного за шиворот. Пора уже, чтобы мы, цветные, начали сопротивляться.

Роско сел.

— Что же ты собираешься сделать? — спросил он.

— Ты скоро узнаешь об этом.

Лизе не верилось, что в утро, когда она окончательно теряла свою любовь, может выдаться такая прелестная погода. Ожидали шторм или, по меньшей мере, морозящий дождичек, а выдался великолепный день: на небе ни облачка, в солнечных лучах сверкало море, на голубовато-зеленом шелке воды переливались блики.

— Папа, тебе *обязательно* надо уезжать? — спросила Аманда, обнимая его.

— Да, дорогая, надо ехать.

— Но ты приедешь в следующем месяце и не забудешь привезти мне что-нибудь еще?

— Да, не забуду.

Он стоял перед фасадом коттеджа. Лиза застыла на пороге, провожая

его взглядом. Ангус взбирался на козлы кареты, готовясь отвезти его на железнодорожную станцию в Эр. Все выглядело так привычно, так буднично, как у других. И все же Лиза не могла не думать о своем: «Я его больше никогда не увижу. Обожаемого мною человека. Никогда. Неужели такое возможно?»

— Знаешь, чего я особенно хочу? — спросила Аманда.

— Чего же?

— Котенка. Ты мне привезешь котенка, папа? Если можно, беленького. Правда, мне очень хочется беленького котенка.

— Значит, ты получишь его, дорогая моя. А теперь поцелуй меня и иди к миссис Паркер.

Адам подхватил дочку, прижал к себе. Она обвила его шею руками.

— О, папочка, ты самый хороший во всем свете! — воскликнула она. — Как бы я хотела, чтобы ты никогда от нас не уезжал.

— Да, и мне этого хотелось бы, дорогая.

Он поцеловал ее.

— Почему ты плачешь? — спросила Аманда.

Он заставил себя улыбнуться.

— Мне просто что-то попало в глаз. Ну, а теперь бегом домой. Мне надо... поговорить с мамой.

— Ладно. До свидания, папа.

Он опять поставил ее на дорожку из кирпича, обсаженную розовыми и белыми цветами, и она помчалась в дом, задела платье матери и скрылась в комнатах. Лиза прикрыла дверь, затем подошла к Адаму. Он взял ее за руки.

— Как мы будем прощаться? — шепнул он.

— Не знаю.

— Будешь писать мне?

— Да, конечно, на адрес мистера Лоуери в Лондоне.

— Куда ты поедешь?

— Не знаю. Возможно, проведать сестру, попытаюсь помириться с ней. Но пока что ни на что определенное не решилась. Должна... Ну, привыкнуть...

Она пыталась сдержать слезы, но у нее это не получилось. Вдруг она оказалась в его объятиях.

— О, Адам! — зарыдала она. — Мы правильно *поступаем*, не так ли?

— Ты знаешь, что я думаю об этом. Ты знаешь, что отсылаешь меня от единственного, что мне дорого в этом мире: от себя.

— Это неправда. Нельзя забывать о детях...

— Ах, знаю. Дети. Моя так называемая политическая карьера. Мое положение в обществе. Маркиз Понтефракт. Все — помпезность и показуха. Но главное-то в том, что я люблю тебя, и что мне все это без тебя? Чего стоит жизнь без любви?

— Пожалуйста, дорогой мой, не говори об этом. От этих слов на душе становится еще тяжелее.

— Ты помнишь аббатство Ньюфилд? Помнишь детей на торфяниках?

— Когда ты сказал, что будешь моим рыцарем. Ты им и был, любимый. Самый верный из всех рыцарей.

— Если ты когда-либо окажешься в беде...

— Знаю.

— А теперь поцелуй меня.

Она прижалась губами к его губам. Их поцелуй длился почти минуту.

— Ты в душе у меня, — прошептала она. — А теперь поезжай, любимый.

Он поднял обе ее руки к губам.

— Не думаю, что на этом все кончается, — сказал он. — Если не здесь, то на том свете мы встретимся опять.

Он поцеловал ее руки, пожал их, повернулся и пошел к карете.

Ангус хлестнул лошадей, Адам в последний раз выглянул в оконце кареты и скрылся.

Лиза медленно, как деревянная, вернулась в коттедж, не зная, осталось ли у нее хоть что-то в жизни. Взявшись за ручку двери, она произнесла:

— О Господи, чем я виновата?

ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ

У дверей особняка на плантации «Эльвира» Шарлотту Уитни Карр встретил Чарльз, бывший дворецкий Лизы, которого в буквальном смысле согнул возраст.

— Я приехала проведать капитана Карра, — сказала она.

— Да, мэм.

— Я его жена.

— Да, мэм, знаю. Мы ждали вас. Вы — дочь генерала Уитни.

— У вас прекрасная память. Прошло много лет, с тех пор как я приезжала сюда.

— Я не забываю родственников генерала Уитни никогда, мадам. Заходите. Капитан наверху, в спальне миссис Лизы.

Лиза Кавана! Она часто слышала, как ее родители разносили в клочья ее репутацию. Она запомнила пресловутую миссис Кавана по рождественскому балу, казавшемуся теперь далеким прошлым. Но, войдя в прекрасный особняк на плантации «Эльвира», она не узнала его, так сильно изменились его помещения. Теперь парадный зал, гостиная и столовая были заставлены койками, все они были заняты ранеными. Десятки солдат потягивались, спали, курили, стонали, разговаривали. День был жаркий, окна стояли открытыми, но все равно помещение пропахло табаком, потом и лекарствами. Шарлотта сморщила свой носик, проходя мимо кроватей к лестнице. Она привлекла к себе внимание, шум несколько поутих, когда солдаты заметили ее присутствие.

— У вас здесь родственник, мадам? — спросил один из солдат, половину лица которого скрывали бинты.

Шарлотта приостановилась на первой ступеньке.

— Да, мой муж, капитан Карр. Его ранило у Булл Рана. Я пришла навестить его в первый раз.

— Ваш муж отличный воин, мадам.

— Спасибо. Вы все прекрасные воины, — добавила она, улыбаясь. — Все вами ужасно гордятся.

— Эта война к Рождеству закончится, — выкрикнул подросток, потерявший руку у Манассаса.

— К Рождеству, черта с два, раньше — к празднику Всех Святых! — взвизгнул другой. Раздался общий смех.

— Мы все молимся за вас, — сказала Шарлотта и заторопилась по

лестнице вслед за Чарльзом. На ней было белое платье со шляпкой в тон, в руках она несла белый зонтик, а также кожаную сумку. Ей хотелось выглядеть как можно более привлекательно при встрече с Клейтоном, но она сильно волновалась. В своих письмах он проявил такой упадок духа в связи с потерей ноги — что было естественно — и она хотела сделать все возможное, чтобы подбодрить его. Но в то же время она нервничала и не знала, как прореагирует, когда увидит его после ранения. К своему замешательству она обнаружила, что получила гораздо большее удовольствие от физической близости с мужчиной, чем предполагала. Мысль о культе вместо ноги вызывала у нее некоторую тошноту, но она решила не показывать этого.

— Дулси, это жена капитана Карра, — сказал Чарльз, поднявшись по лестнице. Дулси стояла на верхней ступеньке и смотрела на Шарлотту. — Проводи ее в его комнату. Я становлюсь слишком старым, чтобы подниматься на эту лестницу.

— Спасибо, — поблагодарила Шарлотта, потом поднялась на второй этаж, где ее ждала Дулси. «Какая прелестная девушка!» — подумала она.

— Ваш муж находится в конце этого зала, — Дулси повела Шарлотту налево. — Я одна из его медсестер. Меня зовут Дулси.

— Надеюсь, вы хорошо заботитесь о нем, Дулси.

— Я *исключительно* хорошо забочусь о капитане Карре. Уделяю ему особое внимание.

Шарлотта подумала, что ее тон прозвучал довольно странно.

— Капитана Карра поместили в лучшей комнате этого дома, — продолжала Дулси. — Без посторонних. Это потому, что ваш отец такой важный.

— Мучается ли сейчас мой муж от боли?

— Теперь уже не так сильно. Более того, в последнее время он становится, можно сказать, даже игривым. — Она многозначительно улыбнулась Шарлотте, открывая дверь в спальню. — Вот и ваша жена, пришла проведать великого героя.

Шарлотта прошла мимо нее в комнату. Клейтон сидел на кровати в нижней рубашке, укрывшись простыней до пояса. Он выглядел напряженным.

— Когда мы слышали, что вы собираетесь приехать, мы выкупали его и побрили. Разве он не выглядит молодцом? — сказала Дулси с порога.

Раздосадованная Шарлотта обернулась и попросила:

— Пожалуйста, оставьте нас одних.

— Да, конечно.

Улыбнувшись Клейтону, Дулси притворила дверь. Шарлотта торопливо подошла к кровати мужа.

— Ах, мой ненаглядный Клейтон, — произнесла она, взяв его за руку, — как я молилась, чтобы наступил этот момент!

Она наклонилась и поцеловала его.

— Шарлотта, я...

За дверью комнаты раздался смех. Смеялась Дулси. Шарлотта, нахмурившись, повернулась к двери. — Несносная девушка, — сказала она. — У вас, должно быть, имеются белые сестры?

— Да, есть мисс Уилсон и близнецы Пруитт на этом этаже. Но Дулси убирается и готовит еду.

Жена опять повернулась к нему.

— Она действительно моет тебя?

Клейтон покраснел.

— Ну... да.

— Как странно. Мне стоит поговорить об этом с начальством. Но не будем обсуждать ее. Ах, мой дорогой, храбрый муженек. Не могу высказать тебе, как я горжусь тобой! Мы всегордимся тобой! О, чуть не забыла. Я привезла тебе подарки. Посмотри. — Она поставила кожаную сумку на стол и стала доставать из нее различные предметы. — Мама прислала тебе варенье из айвы, которое тебе так нравится. А я привезла две книжки... Знаю, что тебе, наверное, надоело здесь.

За дверью опять раздался смех. Шарлотта, положив книги и поставив варенье на стол, направилась к двери и распахнула ее. Там стояла Дулси, проказливо улыбаясь.

— Вы подслушиваете! — сердито воскликнула Шарлотта.

— О, нет, мисс. Этого я никогда не делаю.

— Уходите! Приказываю вам!

— Да, мисс, простите. — Она помахала из-за Шарлотты Клейтону. — Пока, Клейтон, — потом, улыбнувшись Шарлотте, она пошла по коридору.

Шарлотта закрыла дверь и повернулась к мужу.

— Эти черные становятся ужасно наглыми, если хочешь знать. Полагаю, они надеются, что когда-нибудь их освободят янки, но лучше не вбивать им это себе в голову.

— Миссис Кавана уже освободила Дулси. Твой отец заставил ее вернуться сюда на работу, поэтому, думаю, у нее законное недовольство.

— Возможно. Но думаю, ты должен поговорить с ней, чтобы она не обращалась к тебе так фамильярно — Клейтон. Слуги должны знать свое место. Так, на чем мы остановились? Ах, да, на подарках. — Она

возвратилась к столу. — После установления блокады становится трудно достать некоторые вещи, поэтому я связала тебе шарф. Конечно, он не понадобится тебе еще несколько месяцев, но хочу, чтобы ты знал, что я ежеминутно думаю о тебе. Вот он, примерь.

Она вытащила красный шарф и обвила им его шею.

— Какой красивый, — сказал он, — спасибо. Но в нем немного жарко.

— Конечно, пока что сними его.

Он возвратил ей шарф. Она положила его обратно в сумку, потом посмотрела на Клейтона. Наступила напряженная, неловкая тишина. Потом он тихо спросил:

— Хочешь ли ты взглянуть на то, что осталось от твоего мужа?

Она прикусила губу. Наступил момент, которого она больше всего страшилась.

— Только если ты сам хочешь, чтобы я посмотрела.

Клейтон закрыл глаза, взялся за простыню и, приподняв, отвел ее в сторону. Шарлотта взглянула и ухватилась за спинку койки.

— Симпатично, не правда ли? — спросил он, открывая глаза, чтобы взглянуть на нее.

— Это повязка чести, — хрипло произнесла она. — Конечно, хотелось бы, чтобы этого не произошло, но... ах, дорогой Клейтон, ты должен гордиться этим. Все будут знать до конца твоей жизни, что ты принес большую жертву ради славного дела.

— Любопытно знать, — заметил он, — насколько славным является в действительности это дело.

Шарлотта напряглась, вспомнив о письмах, которые он писал ей из Принстона.

— Неужели у тебя опять возникли сомнения? — воскликнула она. — После всего, что ты пережил, после того, как проявил храбрость, конечно, твоя вера в то, за что мы сражаемся, не могла поколебаться!

— Особой веры у меня никогда не было, и ты знаешь это.

— Но, Клейтон, в этом доме много людей, которые отдали так много...

— Многие из них пошли на эту войну потому, что искали хорошей потасовки и горели желанием попасть с близкого расстояния в янки. Большинство людей не задумываются над тем, за что они воюют, они просто воюют.

— Не верю своим ушам, — поперхнулась она.

— Ну, поверь, Шарлотта. Ты и практически все другие южане отказываются признать, что черные люди тоже разумные существа, совершенно такие же, как мы с тобой. И дьявольски аморально одному

человеку владеть другим. Все очень просто. Из-за этого, собственно, и идет война, а наше дело несправедливое. Я потерял ногу, борясь за несправедливое, аморальное дело, поэтому не трещи здесь о «славном деле», или о нашем южном «образе жизни», или о «нашей правопреемственности», или о чем-то там ином. Эта война из-за рабства, и мы неправы. Точка.

Шарлотта хлопнула в ладошки, прижала их друг к другу, зажмурилась, подняла лицо к потолку, зашевелила губами.

— Что такое ты делаешь? — спросил Клейтон.

— Я молюсь Всемогущему Господу, чтобы он вернул твоему сердцу истину и благоразумие.

— Ну, ты зря тратишь свое время и испытываешь терпение Господа. Если Господь и займет чью-то сторону в этой дурацкой войне, то надо считаться с фактами: вероятно, он станет на сторону янки.

Ее глаза засверкали, когда она открыла их.

— Я приехала сюда, чтобы выразить свои чувства любви и гордости за своего мужа, которого я считаю героем, — произнесла она сурово. — Хотя какой-то безумный, извращенный дьявол временно лишил тебя здравого ума и нормальной речи, я буду продолжать думать о тебе и уважать тебя за то, каким ты был. И я бы добавила, Клейтон, Боже тебя упаси говорить об этом... предательстве еще с кем-либо, особенно с моим отцом.

— Я отдал свою левую ногу за Конфедерацию и поэтому могу говорить все, что мне угодно! А теперь тебе лучше уйти. Я не намерен скандалить с собственной женой.

Она закрыла рот руками и ударилась в слезы.

— О, как ужасно! — всхлипнула она. — Мой собственный муж говорит, как... как проклятый янки!

Схватив сумку, она подбежала к двери и выскочила из комнаты. Клейтон вздохнул. Засунув руку в ящик тумбочки, он вытащил небольшую металлическую фляжку. Отвернув пробку, приложил ее ко рту и сделал большой глоток. Откинулся на подушки, позволяя виски пропитать весь его организм.

Потом он сделал еще один большой глоток.

Дулси медленно гладила его ягодицы, массируя кожу.

— Мисс Пруитт сказала, чтобы я больше не мыла вас, — шептала она, прикасаясь обнаженными грудями к спине Клейтона.

— Поэтому, думаю, нам только и остается, что заниматься сексом.

Была полночь. Окна открыты, но ветерка почти не чувствовалось. И Дулси, и Клейтон были голые и скользкие от пота. Он лежал на кровати

лицом вниз, а она полулежала на нем.

— Тебе нравится заниматься сексом с Дулси?

— Да, — шепотом ответил он. Хотя он был сильно расстроен сегодняшней ссорой с Шарлоттой, он все равно чувствовал вину за то, что предает ее. Но Дулси пробудила в его искалеченном теле такую сексуальность, которую не смогла пробудить в нем Шарлотта, даже когда он был цел и невредим.

— Доктор Мейнворинг сказал, что у тебя хорошо получается с костылями, — продолжала она. — Довольно скоро ты сможешь вернуться домой к мисс Шарлотте. Будешь ли ты скучать о Дулси?

Он резко вздохнул. В нем опять поднималось желание.

— Да, — прошептал он.

— Мисс Шарлотта не такая легкомысленная, как Дулси, правда?

— Не такая.

— И держу пари, что не такая же хорошая в кровати, ха?

— Верно.

— Конечно, я узнала массу приемов у мисс Роуз. Тебе нравится, как это делает Дулси, да?

— Да.

— Повернись, дорогуша. Я опять доставлю тебе удовольствие. Ты позабудешь о своих болячках.

Она откинулась, а он повернулся на спину. Он находился в состоянии сильнейшего возбуждения. Он знал ее грязные и низкие приемчики, и ему было просто неловко за себя, до чего они ему нравились.

Она наклонилась над ним и стала лизать его культю с большим сладострастием. От этого он чувствовал себя не таким калекой, как будто она восприняла ампутацию без всякой брезгливости.

Потом ее язычок медленно двинулся направо.

— Посмотри на счастливую семью, которая опять собралась вся вместе! — обратилась Дулси к Роско. Они стояли на улице возле особняка на плантации «Эльвира» и смотрели, как Зах и доктор Мейнворинг помогают Клейтону допрыгать на своих костылях к открытой коляске. В коляске сидели и тоже наблюдали за происходящим Шарлотта и ее мать, обе под зонтиками от солнца. Во второй коляске сидел Брандон Карр. Из открытых окон госпиталя высунулись солдаты Конфедерации. — Посмотри-ка на жену Клейтона, какая высокомерная, — продолжала Дулси. — Подождем, что она скажет, когда узнает о моем небольшом подарочке ее мужу.

— О чем ты говоришь, Дулси?

— Если у нее когда-нибудь и родится ребенок от Клейтона, то он будет с двумя головами.

— С двумя головами? Да ты спятила!

— Об этом мне рассказала мисс Роуз. Белые люди, у них есть болезнь, которую они называют сифилис, когда у них все внутри гниет, сводит их с ума и потом убивает их. Мисс Роуз сказала мне, что от такой болезни страдают только белые, что она неизлечима и передается через половой акт. И она сказала, что все ее девушки заражены этой болезнью. Поэтому, думаю, я передала эту болезнь большому герою войны конфедератов, капитану Клейтону Карру. *Этой* есть месье Дулси. Погляди-ка, он смотрит на меня, как влюбленный щенок, а его жене все это очень не нравится.

Дулси причмокнула. Коляска тронулась, Клейтон оглядывался на Дулси, но Шарлотта опустила свой зонтик, чтобы он не мог ее увидеть.

Роско схватил Дулси за запястье.

— Ты хочешь сказать, что у тебя сифилис? — прошептал он.

— Угу.

— Но это значит, что я схватил его от тебя!

— Это неважно. Нам это не опасно.

— Ах ты глупая черномазая...

— Не называй меня так!

— Ни черта ты не понимаешь. Мисс Роуз так сказала тебе, чтобы ты не боялась. Но если ты подхватила эту болезнь, то она перешла ко мне, к месье Клейтону *тоже*. Поэтому мы все трое свихнемся и у нас будут двухголовые дети.

— Роско, ты ни шиша не знаешь. Мы в *порядке*. А теперь отпусти мою руку.

Отпустив ее руку, Роско врезал ей такую сильную затрещину, что она свалилась на куст роз.

Теперь настала очередь Дулси вытаращить глаза.

— Моя дорогая Сибил, — говорил в это время мистер Дизраэли, находившийся в бальном зале Понтефракт Хауза. — Вас можно поздравить. Бал получился таким же блестящим, как и те, что я описываю в своих романах. Если вы не проявите сдержанность, то можете стать ведущей дамой Лондона.

— В ваших устах это звучит как что-то страшное, Диззи, — отозвалась Сибил, которая просто сияла в шелковом платье, изготовленном Люсьеном Делормом. В ее каштановых волосах сверкала тиара Понтефрактов, целая

россыпь бриллиантов и изумрудов, принадлежавших когда-то бабушке Адама. А на ее стройной шее красовалось великолепное новое ожерелье тоже из бриллиантов и изумрудов, которое было специально изготовлено для нее у Аспри. За это ожерелье агент Адама — мистер Лоуери — выслал чек на пятнадцать тысяч фунтов стерлингов.

— Жестокость судьбы заключается только в том, что вы никогда не сможете поверить тому, что вам будут говорить впредь, — заметил Диззи, вставляя линзу в левый глаз. Он стоял рядом с Сибил, разглядывая позолоченный балный зал, заполненный вальсирующими парами. Это был один из первых балов зимнего сезона 1861–1862 года.

— Я действительно не верю тому, что говорят мне другие, за исключением вас, дражайший Диззи, — улыбнулась Сибил, касаясь его рукава. Она оказалась под магическим воздействием лидера консервативной партии. Она находила его обворожительным, остроумным, удивительно ловко выбиравшим путь через джунгли, которыми являлись лондонское общество и английская политика, тесно связанные друг с другом. Хотя преуспевающий средний класс расталкивал локтями других в своем стремлении вверх, Англия в политическом плане по-прежнему управлялась пятьюдесятью семьями, которые переженились чуть ли не до кровосмешения. В те дни низких налогов не было особого смысла скрывать свои богатства, и суматоха балов и званых обедов в период лондонского зимнего сезона представляла собой часть игры, также как и бесконечные приемы в сельских имениях в летний период и остальную часть года. Сибил была твердо настроена на то, чтобы занять лидирующее место в обеих категориях.

Единственную проблему создавал Адам. Он соглашался на ее все разрастающийся календарь социальных мероприятий, ни словом не заикался о расходах на балы и обеды, сопровождал ее на многочисленные приемы, всегда оставаясь на публике образцовым мужем. К ее удивлению, он с удовольствием окунулся в политику, прислушиваясь к многочисленным советам и маневрам Диззи, вроде бы получая удовольствие от нюансов политики. Он начал делать довольно таинственные вылазки в различные районы Лондона, иногда со странной маскировкой. Когда она спрашивала его, чем он занимается, он просто отвечал «политикой», совершенно сбивая ее с толку.

Проблема по-прежнему заключалась в Лизе. Пока он мог наведывать ее раз в месяц, его отношения с женой были теплыми, даже любящими. Но теперь, когда Лиза ушла из его жизни, в их семейном укладе опять появилась прежняя напряженность. И Сибил знала почему: Адам ставил ей

в вину потерю Лизы. Но Сибил твердо решила не менять курса. Она любила мужа и отделалась от Лизы. Если она проявит настойчивость, говорила она сама себе, то в конечном итоге отвоюет Адама.

Однако сегодня появился новый, весьма тревожный элемент, — эта поразительная златокудрая женщина из Индии — Эмилия Макнер. Сибил ничего не поняла, когда Адам добавил имена Макнеров к списку приглашенных на бал. Он сказал ей, что это друзья, с которыми он встречался в Калькутте, они оказывали ему там гостеприимство. Когда она увидела Эмилию в белом бальном платье с розовыми бантами, она все поняла.

— Она очаровательна, эта мисс Макнер, — тянул нараспев Диззи. — И похоже, ваш муж очень увлечен ею.

— Да, не правда ли? — отозвалась Сибил, пытаясь остаться невозмутимой, глядя, как танцует привлекательная пара. Адам и Эмилия оказались в центре внимания всех присутствующих.

— Мать мисс Макнер нажила себе в Индии болезнь печени — вы, несомненно, знаете, что там ужасный климат. Она лечится в санатории возле Брайтона. Они пробудут в Англии, возможно, целый год. Было бы в высшей степени печально, если бы благопристойная репутация Адама, которую нам удалось ему создать со столь большими издержками, опять оказалась бы запятнанной.

— Действительно, так может случиться.

— Особенно в свете того, что он делает большие успехи в политике. Между прочим, вам будет интересно узнать о том, что он мне сказал сегодня утром. Он хочет сделать первое выступление в палате лордов против признания Англией штатов Конфедерации. Вы знаете, что в Саутгемптон прибыл генерал Уитни, чтобы организовать здесь поддержку в пользу Конфедерации, и генерал — бывший сенатор — Уитни вызывает неприятные воспоминания, если вы понимаете, что я имею в виду.

— Да, конечно, понимаю. «Лиза, — подумала она. — Опять». Надеюсь, вы отговорите моего мужа?

— Да, я сказал ему, что ему навредит это в партии тори, поскольку в большинстве своем консерваторы сочувствуют Югу. Ему не понравился мой совет, но он все-таки согласился.

— Очень рада слышать это.

— Мы оторвали его от Шотландии, но сейчас он нежно поглядывает на очаровательную мисс Макнер. Боюсь, что у Адама блуждающий взгляд... Но, может быть, и нет. Надо подождать и посмотреть, как станут развиваться события. Возможно, ваш муж усвоил урок и теперь ценит

радости семейного очага. Недавно я получил статистические данные, согласно которым более восьмидесяти процентов англичан сохраняют верность своим женам. С другой стороны, я всегда считал, что существует просто ложь, отъявленная ложь, а уже потом статистика.

— Ваши слова, Диззи, не очень утешительны для нас, английских жен. Но вы правы: надо подождать и посмотреть, как будут развиваться события.

Тем временем она стала отыскивать взглядом в толпе танцоров привлекательных молодых людей, которые могли бы отвлечь мисс Макнер от явных домогательств со стороны ее мужа.

— Да, после мятежа в Индии все успокоилось, — говорила Эмилия Адаму через пять минут после того, как он показал ей дом. — Хотя я и очень люблю Индию, но надеюсь, что смогу жить в Англии.

— Почему так? — спросил Адам.

— Мятеж привнес много мерзости в отношения между туземцами и англичанами. Теперь, когда Индия стала частью Империи, можно было предположить, что такие мерзости поубавятся, поскольку мы все — подданные королевы. Но на деле происходит совсем обратное. В Индии, если у вас кожа белая, то вы господин. А если темная, то к вам относятся, как к собаке. Конечно, в какой-то степени так было всегда, но теперь стало значительно хуже. Я видела англичан, которые пинают своих слуг, вопят на них... — Она покачала головой. — Ненавижу все это. Мне это представляется несправедливым и, конечно, нехристианским отношением, хотя распространение христианства, вроде бы, является одной из причин, почему мы вообще оказались в Индии.

Индия живо возникла в памяти Адама. Все ее величие и все ее убожество. В жилах Адама заиграла его индийская кровь. Именно в этот момент он решил, что был неправ в разговоре с Дизраэли. Рабство чернокожих чудовищно. Сейчас он находился в таком положении, что мог оказать воздействие на англичан, и поэтому должен выступить против рабства.

— Но давайте не будем больше говорить об Индии, — продолжала Эмилия, повеселев и улыбнувшись. — Должна признаться, что пришла в восторг, когда мама сказала, что ей надо ехать на лечение в Англию. Я надеялась снова увидеть вас.

Они посмотрели друг на друга. Адам вспомнил последнюю встречу с ней в Доме правительства в Калькутте. Тогда она определенно не скрывала своих чувств к нему.

— Ах, вот вы где! — воскликнула Сибил, входя в библиотеку в

сопровождении молодого человека. — Дорогая, мисс Макнер, вот молодой человек, который умолял познакомить его с вами. Мисс Макнер, представляю вам distinguished Ричарда Фейвшама, сына леди Шалфонт. Говорят, что он лучший танцор в Лондоне. Потом вы мне расскажете, так ли это. Адам, — добавила она, переводя взгляд на своего мужа, — тебя спрашивают в бальном зале.

Адам кивнул Эмилии.

— Прошу извинить меня, — сказал он, когда жена взяла его под руку.

Эмилия смотрела, как они вышли из комнаты. «Между ними не все ладно, — сказала она себе. — Для меня это хорошие вести».

— Диззи, я передумал, — сказал Адам двадцать минут спустя, после того как закончил танцевать с Сибил. — Собираюсь все же выступить в палате лордов против Конфедерации.

Дизраэли опустил свой бокал с шампанским.

— Дорогой Адам, почему? — спросил он. — Я же сказал о вреде, который это принесет вам в партии.

— Если консервативная партия выступает за рабство, то поступает неправильно.

— Речь не идет о поддержке рабства, дорогой мальчик. Это скорее вопрос экономики, этой ужасной науки. Наши текстильные фабрики уже давно зависят от хлопка Юга, и эта проклятая блокада федералистов губит бизнес.

— Наши производители текстиля покупают хлопок в Египте и других местах. Суть заключается в том, Диззи, что мы должны занять позицию морального характера в отношении Конфедерации, и я решил, что именно мне стоит сделать это. Думаю, что когда рядовой англичанин услышит о том, во что я глубоко верю, он склонится против южан.

Дизраэли нахмурился.

— Конечно, вы должны поступать в соответствии со своей совестью, — сказал он. — Но как политический наставник я лишь могу предупредить, что вы делаете серьезную ошибку. И перед тем, как вы пойдете на этот опрометчивый шаг, разрешите мне сказать вам строго конфиденциально, что когда я возглавлю правительство, то собираюсь назначить вас на министерский пост, возможно, на пост государственного секретаря по делам Индии. Но, конечно, если вы не считаетесь с пожеланиями партии... — Он пожал плечами.

Адам заколебался. Государственный секретарь по делам Индии. Головокружительная карьера. И Дизраэли поднимал этот вопрос уже не в

первый раз, хотя раньше он отделялся только намеками, а Адам был достаточно умудрен, чтобы понимать, что скользкий Диззи отнюдь не взял на себя обязательства. Но все равно, показывал очень соблазнительную морковку. И если правда то, что только что сказала ему Эмилия относительно расовой вражды в Индии — а его сомнения на этот счет были слабыми, — это могло бы означать, что он сможет улучшить условия для своих кровных братьев на полуострове.

Он и Диззи стояли у окна бального зала. Адам взял государственного деятеля за локоть и повел его в библиотеку. Войдя в библиотеку, он закрыл за собой дверь и они остались наедине.

— Вы поведали моей жене, — начал Адам, — что ваше сельское поместье в Бакингэмшире доставило вам в последние годы огромные финансовые проблемы. Насколько я понимаю, вы купили Хьюнден примерно двенадцать лет назад, чтобы получить надежную политическую базу для своего места в палате общин.

— Совершенно верно.

— Вас финансировал герцог Портлендский, который ссудил вам двадцать пять тысяч фунтов стерлингов, чтобы вы могли купить право на свободное землевладение.

— Да, герцог был невероятно богат и деньги не имели для него большого значения. К несчастью, пять лет назад он умер, и его сын лорд Тичфилд стал его наследником. Вряд ли мне нужно говорить вам, что род Бентинк отличается эксцентричностью, но нынешний герцог показывает признаки просто сумасшествия. Он построил целую серию туннелей под аббатством Уелбек и проводит там большую часть своего времени подобно кроту. И если кто-то из слуг осмелится заговорить с ним, он тут же выгоняет беднягу с работы. Вот этот полоумный потребовал, чтобы я возвратил ему двадцать пять тысяч фунтов, что поставило меня в ужасно неловкое финансовое положение. Мне пришлось обратиться к ростовщикам, и проценты на ссуду явились бы ужасным бременем для человека таких скромных финансовых средств, как я.

— Тогда разрешите мне откупить ваши долги, Диззи. Ваш долг будет числиться за мной, и я буду начислять вам только два процента годовых.

Монокль Диззи упал из его глаза.

— Мой дорогой Адам, — воскликнул он. — Вы это серьезно?

— Вполне. Скажем, что это — помещение средств в мое политическое будущее, так же как и в будущее Англии. Из вас выйдет первоклассный премьер-министр, Диззи, и я хотел бы войти в вашу команду. Единственное, что я прошу — это чтобы вы уладили все в партии после

того, как я произнесу речь в палате лордов против Конфедерации.

Диззи медленно улыбнулся.

— Вы хитрая лиса, — сказал он. — Думаю, вы далеко пойдете на политическом поприще.

Письмо королевы Виктории лорду Пальмерстону.

Виндзорский замок. 1 декабря 1861 года.

Королева очень огорчена таинственной болезнью своего любимого мужа, и поэтому только с величайшим напряжением сил может заниматься государственными делами. Ах, если что-то случится с моим дражайшим... Но Королева не желает останавливаться на таких неприятных предположениях. Уверена, что тот, кто направляет судьбы нашей любимой страны, не допустит такого несчастья.

Лорду Пальмерстону известно, что Королева была потрясена и оскорблена, когда американцы поднялись на борт судна «Трент» и насильственно сняли с него двух сенаторов-южан, мистеров Мейсона и Слidelла, которые направлялись в Англию, чтобы отстаивать дело конфедератов. Федералисты такие негодяи! Такое нарушение морского права возмутительно, и Королева должна признать, что некоторое время она соглашалась с теми людьми в правительстве и в оппозиции, которые призывали объявить войну Северу. Однако любимый муж Королевы убедил ее в нецелесообразности такого курса действий и доказал ей, что Англии выгоднее сохранять нейтралитет в конфликте, который сотрясает Америку. Поэтому вызвало большое удивление, когда Королева узнала, что лорд Понтефракт обирается выступить в палате лордов против южан. Но, пораздумав, она пришла к заключению, что нельзя проходить мимо большой моральной проблемы рабства, и что, возможно, трудно найти более достойного человека, который мог бы выступить по этому вопросу, чем человек, к которому прислушиваются все истинные англичане и англичанки,

*восхитительный лорд Понтефракт.
В. Р. (Виктория Регина)*

Снежные вихри окружали карету, когда Пинеас Тюрлоу Уитни остановился возле мрачного, похожего на крепость, особняка, находящегося в сосновой роще в пригороде Манчестера. Этот дом, построенный год назад Горасом и Леттис Белладонами из темного камня, венчался четырехэтажной башней для часов. Хотя местная пресса пела панегирики «архитектуре флорентийского стиля», Пинеас, выйдя из кареты, подумал, что строение ужасно. Он направился к украшенной резьбой парадной двери и позвонил. Его впустил дворецкий, приняв у него шляпу и плащ. В камине пылал огонь, а над камином висела огромная картина Лендсиера, изображавшая двух собак с грустными глазами. Затем дворецкий провел Пинеаса через зал к дверям и раздвинул их.

— Сенатор Уитни, — объявил он.

Пинеас вошел в библиотеку, обитую темными панелями, где его приветствовали Белладоны. Налив американцу виски, Горас сказал:

— Ну, Пинеас, какие успехи в Лондоне?

Высокий седовласый виргинец, на котором начали сказываться годы, покачал головой.

— Тори по большей части симпатизируют Конфедерации, но лорд Пальмерстон намертво уперся, не хочет признавать нас. Поэтому я ничего не достиг. А теперь, в довершение всего, не кто иной, как наш друг Понтефракт, выступает с речью в палате лордов и клеймит рабство на Юге. И если он так поступает, друзья мои, то мне впору уезжать из Англии. — Он взглянул на Леттис. — Не знаю, конечно, миссис Белладон, но, возможно, вы найдете средство воздействовать на него через свою сестру? В Лондоне мне сказали, что он все еще... Как бы это выразиться полюбезнее?

— Можете и не стараться любезничать об этом, — поторопилась посоветовать Леттис. — Все знают, что Лиза все еще остается его любовницей. Что же касается моей возможности повлиять на Лизу, то это просто принятие желаемого за действительное. Уверена, что она презирает меня за то, как я поступила с ней, хотя я лишь пыталась добиться торжества справедливости. Я продолжаю считать, что именно она убила моего бедного, несчастного отца.

Пинеас нахмурился.

— Если бы мы могли помешать выступлению лорда Понтефракта, — сказал Горас, — то сохранились бы шансы на признание Конфедерации

Англией?

— Больше всего я надеюсь на вас и других производителей текстиля, — ответил Пинеас. — Если вы окажете достаточное давление на правительство, то возникнет вероятность того, что кабинет изменит свою позицию. И, как я писал вам, если вы поможете Югу в трудный час, то Юг не останется в долгу перед «Белладон Текстайлз» после войны.

— При условии, что вы победите.

— Вот именно.

Горас поднял свой бокал и пригубил крепкого виски. В своем письме Пинеас от имени Конфедерации обязался продавать хлопок южных штатов компании «Белладон Текстайлз» на десять процентов дешевле, чем всем конкурентам. В случае, если победит Юг. Для Гораса это была бы невероятно заманчивая сделка. Она позволила бы ему стать крупнейшим производителем текстиля в Англии.

— Вы сказали, — напомнил Пинеас, — «если» мы сможем помешать лорду Понтефракту выступить с речью. Есть ли способ сделать это?

Горас сделал еще глоток.

— Мой дорогой сенатор, — ответил он. — Всегда существуют методы действия. Требуются только сноровка и воля. В прошлом, когда у меня возникали волнения среди рабочих, я использовал профессиональных штрейкбрехеров. Не хочу скрывать, что это были люди преступного мира. Когда ставки так высоки, а времени в обрез, считаю, что можно подумать, чтобы использовать их уникальные таланты.

— Что именно вы имеете в виду? — спросил Пинеас, разглядывая осанистого промышленника с новым интересом.

Волны сердито разбивались о берег. Лиза гуляла по песчаному пляжу, закутавшись в черный плащ — из-под капюшона выбился золотистый локон, которым играл свежий ветер. Разразился зимний шторм, но Лиза любила море в любую погоду, включая довольно частые шторма — и ей нравилось гулять по пляжу, преодолевая напор ветра. На водах закручивались пенистые шапки, наполняя воздух брызгами. Изредка проносилась морская чайка, громко крича на ветру. Гуляя каждый день, она досконально изучила пляж. Если она и не сошла с ума за долгие месяцы после отъезда Адама, то этим она обязана прогулкам по пляжу, во время которых она изредка встречалась с рыбаками, но чаще оставалась совершенно одна со своими мыслями и воспоминаниями об Адаме. Иногда где-то на пляже показывался мужчина, на мгновение ей в голову бросалась кровь, она думала, что, возможно, приехал Адам, невзирая на ее запрет. Но

потом оказывалось, что это незнакомец, и она стыдила себя за то, что питает такие иллюзии. Адам превратился в ее любимое прошлое, и хотя в ее памяти были живы его поцелуи, жизнь должна была продолжаться своим чередом. Может быть, когда-нибудь появится кто-либо другой, но сердцем она чувствовала, что никто не сможет заменить Адама. Ей повезло, что в жизни у нее была такая замечательная любовь, что, возможно, выпадает на долю не всем женщинам.

Примерно в десять часов утра, когда черные тучи угрожающе нагромоздились на западном горизонте, она повернула и пошла обратно к коттеджу. По холмам выше пляжа бродили отары овец. Их стерегли мальчики с розовыми лицами и собаки колли. Она иногда задавала себе вопрос, не проведет ли она остаток своих дней в этом милом, мирном краю. Для нее, испытавшей за короткую жизнь больше, чем другие за долгие годы, эта перспектива казалась заманчивой. Она миновала замок Кулзеан, темную, нависшую над пляжем громаду с великолепной овальной лестницей, задуманной Робертом Адамом, откуда открывался вид на косу Клайд и отдаленный остров Аран. Да, думала она, она могла бы прожить здесь остаток своих дней.

Она почувствовала, что что-то не так, когда поднималась по дорожке из кирпича, — дверь коттеджа стояла распахнутой, ею стучал ветер. Сразу насторожившись, она заторопилась в дом. Войдя, она вскрикнула. К креслу возле камина была привязана миссис Паркер, изо рта торчал кляп.

— Миссис Паркер!

Быстро развязав ее, она вынула кляп.

— Аманда! — заплакала старушка. — Они забрали мою девочку! О Господи...

— Кто?

— Двое мужчин в масках! Они похитили нашу драгоценную Аманду!

— Как вы думаете, мистер Ридли? Слишком густые брови? — Мужчина, который сидел перед гримировальным столиком в подвальном помещении Понтефракт Хауза, наклеивал себе седые брови, которые были под стать длинной седой бороде. Дворецкий, мистер Ридли, стоял рядом с этим мужчиной, наблюдая за трансформацией молодого аристократа в старого коробейника. Человеком в потрепанном старом пальто, который сидел за гримировальным столом и раскрашивал себя, был Адам.

— Возможно, немного переборщили, милорд, — ответил Ридли. Дворецкого сбивало с толку новое странное увлечение хозяина, к которому Адам ужасно пристрастился несколько недель назад. За мистером Ридли

лежал металлический лоток, в котором разместился набор различных товаров. На гримировальном столе перед Адамом стояли вазочки с гримировальными мазями и цветными вазелинами, а также карандаши для нанесения морщин. — Куда милорд собирается отправиться сегодня после обеда, если вы простите мне смелость спросить вас?

— Думаю проехаться в Уайтчапел.

Дворецкий ахнул.

— В Уайтчапел, милорд? Умоляю вас не делать этого. Это одна из самых опасных трущоб Лондона! Даже полиция не решается соваться туда, если только не совершено какое-то ужасное преступление. Ходить в Уайтчапел без личного телохранителя — просто сумасшествие, прошу прощения, милорд, за такие слова.

Адам взглянул на него и ухмыльнулся.

— Вы не желаете пойти со мной, мистер Ридли?

Дворецкий кашлянул.

— Знаете ли, когда я был в Индии, — продолжал Адам, опять взявшись за гримировку, — я был вынужден замаскировать себя под индуса. Интересное дело, мистер Ридли, потому что когда вы переодеваетесь и меняете внешность, то становитесь почти невидимкой. Тогда вы можете идти в такие места, куда вы не отважились бы пойти в своем прежнем обличье, если вы понимаете, что я хочу сказать. Например, если я отправляюсь в Уайтчапел в одежде лорда Понтефракта, то, вероятно, живым я оттуда не вернусь. Во всяком случае, меня дочиста ограбят. Но если я отправлюсь туда в одежде старого лоточника, никто на меня не обратит внимания. Я превращусь в невидимку.

— Но зачем вообще ходить туда, сэръ?

— Потому что хочу посмотреть на этот район. Знаю, вы думаете, что я рехнулся...

— О, нет, милорд.

— ...но за эти несколько недель я очень хорошо узнал Лондон. Держу пари, что я знаю его гораздо лучше, нежели большинство других аристократов, моих коллег по палате лордов, нога которых не бывала не только в Уайтчапеле, но и других местах, за исключением Вест Энда. Мне хочется посмотреть, как живут бедняки в этой стране. Потому что как же я им смогу помочь, если ничего о них не знаю? А я хочупомочь им. Вот почему я и занялся политикой.

— Мистер Ридли? — Голос принадлежал Дороти, одной из посудомоек, которая появилась у лестницы, ведущей в подвальное помещение. — Прошу прощения, но под заднюю дверь только что

подсунули вот этот конверт.

— Он адресован вам, милорд, — сообщил дворецкий, возвращаясь к Адаму и вручая ему конверт.

Адам вскрыл конверт и вытащил оттуда записку.

«Понтефракт, — было грубо нацарапано на листке бумаги, — в наших руках ваша дочь Аманда. С ней ничего не случится, если вы не станете выступать в палате лордов о рабовладении. А если выступите, Аманда умрет».

Под запиской стояла подпись: «Друзья Конфедерации».

ГЛАВА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ

Часом позже Адам, одетый в свою обычную одежду, остановил свою карету у дома номер четыре Уайтхолл Плейс. Он выпрыгнул из экипажа и бегом бросился к двери в приемную Скотланд-Ярда.

— Маркиз Понтефракт хотел бы видеть инспектора Куэда, — выпалил он дежурному. Молодой полицейский вытаращил глаза.

— Лорд Понтефракт? — переспросил он. — Герой Каунпура?

— Он самый.

Дежурный чуть не подпрыгнул на скамье, чтобы дотянуться и пожать руку Адама.

— Это большое событие в моей жизни, сэр! Для меня честь познакомиться с вами. Моего дядю убили при Мееруте, да, кровожадные шакалы.

— Да, эх, будьте любезны — срочное дело.

— Вы правы! Пройдите сюда. Вот это да, лорд Понтефракт! Когда я расскажу жене об этом, она же не поверит.

Он провел Адама по короткому коридору к небольшому кабинету с правой стороны.

— Инспектор, вас желает видеть лорд Понтефракт.

Адам, сняв шляпу, вошел в кабинет, который был уставлен книжными шкафами с юридической литературой и томами об уголовных расследованиях, включая две последние публикации: «Записная книжка детектива» и «Дневник бывшего сыщика». Обе работы написаны неким Чарльзом Мартелем. А также статья Чарльза Диккенса, опубликованная в периодическом издании «Слова для дома» под заголовком «Современная наука поимки воров». Лежали также несколько экземпляров нового вида изданий — полицейских романов. Адам уже больше четырех лет не видел инспектора Куэда, с тех пор как они вместе распутывали дело «Убийство на торфяниках», но инспектор за это время несколько не изменился. Приземистый, жилистый мужичок с каштановыми волосами, с ярким румянцем на щеках... довольно косым взглядом. Правда, с тех пор он отрастил себе усы. Он обошел заваленный бумагами стол, чтобы пожать Адаму руку.

— Милорд, счастлив опять увидеть вас. Надеюсь, что не возникло новых осложнений?

— В том-то и дело, что возникли. Вот эту записку принесли в мой дом

час назад.

Адам, одетый в теплый плащ, вынул из внутреннего кармана пиджака бумажник, извлек оттуда листок бумаги и подал его инспектору, который быстро прочитал записку.

— Аманда — ваша дочь от миссис Кавана? — спросил он.

— Да, хотя я пытаюсь не разглашать это. Я направил телеграмму в Эр с просьбой подтвердить, действительно ли она была похищена, но у меня нет в этом сомнений. У меня также нет сомнений, что за этим стоит тот же самый негодяй, который выдвинул лживые обвинения против матери Аманды.

— Генерал Уитни? Да, я слышал, что он сейчас в Англии.

— «Друзья Конфедерации», несомненно, указывают на то, что это он. По дороге в Скотланд-Ярд я остановился у гостиницы «Кларидж», где Уитни снял себе номер. Он выехал четыре дня назад и отправился в Манчестер. Оставил свой новый адрес — зятя миссис Кавана, Гораса Белладона, до востребования.

— Из компании «Белладон Текстайлз»? У нас есть кое-какие материалы на него. Простите, милорд, если меня не подводит память, мы завели на него досье.

Инспектор ушел в помещение, где находилась картотека. Адам с нетерпением ждал его. Он знал, что столичная полиция была создана тридцать лет назад сэром Робертом Пилом для борьбы с уголовщиной в Лондоне. Ее центральное помещение было названо Скотланд-Ярдом потому, что оно разместилось на том месте, где во времена саксонских королей останавливались короли Шотландии. Он знал также, что все преступления в Лондоне расследовались горсткой из восьми одетых в гражданское инспекторов, которые зарабатывали сто фунтов стерлингов в год. Лучшим из них считался инспектор Куэд, который помог Адаму спасти Лизу от виселицы.

— Вот это досье, — сказал Куэд, кладя принесенную папку на стол. — Так я и думал. Мистер Белладон кичится званием председателя Ассоциации производителей Северной Англии. Но он настоящий негодяй. Два года назад произошла общая забастовка на двух его фабриках — у него чуть ли не самые низкие заработки в этой отрасли промышленности, между прочим. Через четыре дня он пригласил парней Рога.

— Кто они такие?

— Банда злодеев, которые нанимаются в качестве профессиональных штрейкбрехеров. Использование такого рода людей — довольно распространенная практика среди промышленников. В последовавших

скандальных схватках пострадало в общей сложности четырнадцать рабочих Белладона, включая двенадцатилетнего мальчишку, которому проломили череп.

— Двенадцатилетний мальчик? А как же с законом лорда Шафтесбери о запрещении использования детского труда?

Куэд стрельнул в него взглядом.

— Милорд, если вы думаете, что эти законы претворяются в жизнь, то вы либо наивны, либо плохо информированы. Такие беспринципные фабриканты, как Белладон, творят, что хотят. Если их застукают, они платят штраф и продолжают вести дело по-своему. К тому же Белладон делает большие взносы в кассу либеральной партии. Считается, что член палаты общин от Манчестера у него в кармане, так же как и мэр. Белладону сходит с рук многое...

— Он может быть причастен к этому похищению?

— Такой его поступок не удивил бы меня. Факт состоит в том, что он уже раньше использовал парней Рога, поэтому не исключается, что он нанял их опять. И если это так, то у нас, возможно, имеется зацепка. Я направлю телеграмму начальнику полиции Манчестера. Возможно, завтра утром у меня будут для вас новости. Я направлю также телеграмму в полицейский участок, но боюсь, что на данный момент большего мы сделать не сможем. Полагаю, что никто из ваших слуг не заметил человека, который доставил эту записку в ваш дом?

— Никто, конверт подсунули под дверь.

— В таком случае советую вам отправляться домой и ждать. В таких случаях похищения, как этот, лучшее, как подсказывает мой опыт, заключается в терпеливом ожидании.

— Но, проклятье! Аманда же находится в лапах этих негодяев! Одному Господу известно, что они могут с ней сделать!

Куэд подождал минуту, пока Адам остынет.

— Им выгодно не трогать ее. Я понимаю ваше беспокойство, милорд. Но повторяю: отправляйтесь домой и ждите. Я свяжусь с вами, когда у нас появятся новости.

Адам хотел еще что-то сказать. Но потом взял свою шляпу и вышел из кабинета. Он боялся за Аманду, был разочарован советом Куэда ничего не делать, хотя и считал, что, возможно, на данном этапе он прав. Но Адам был человеком действия, он не мог долго ждать. Перед ним возникла новая цель.

Пинеас Тюрлоу Уитни зашел слишком далеко в своей попытке подстроить ловушку любимой им женщине. Но, похитив дочь, Уитни

переступил все грани.

Выходя из Скотланд-Ярда, Адам поклялся себе, что когда-нибудь, так или иначе, отомстит Пинеасу Уитни.

Молодая женщина с вьющимися каштановыми волосами открыла ключом дверь и распахнула ее. Петли скрипнули. Войдя в холодную сводчатую комнату, она подняла свечку повыше. Комната практически была пуста, если не считать провисшей кровати и кувшина с водой, стоявшего на деревянном полу.

— Как ты, дорогуша? — спросила женщина, одетая в грязное коричневое платье. На ее плечи была накинута шаль.

— Мне холодно, — ответила Аманда, сидевшая на краешке кровати. Ее глаза покраснели от слез. — Мне хочется есть, где моя мама?

— Все в свое время, дорогуша. Всему свое время. А если тебе холодно, укройся одеялом.

— Но у меня нет ночной рубашки.

— Не будь таким испорченным выродком. Ты сделаешь, как я тебе говорю, или не получишь ужина. И перестань канючить.

Аманда расплакалась.

— Я вас ненавижу! — просопела она. — Мне страшно.

— Бояться нечего, дорогуша, пока ты ведешь себя, как хорошая девочка. Через час я приду и принесу ужин... если ты будешь хорошая девочка. Пока, дорогуша.

Она вышла из комнаты и опять закрыла дверь на ключ. Потом приставила ухо к двери. Было слышно, как плачет Аманда.

— Выродок, — пробормотала женщина и стала спускаться по скрипящим ступенькам.

Имя женщины было Бетси.

«Дочь миссис Кавана похищена» — прочитала Сибил заголовок в газете. «Полиция обыскала пограничное графство». Хотя Лиза причиняла Сибил много неприятностей в течение ряда лет и она испытывала и испытывает острые уколы ревности из-за того, что Лиза так приворожила Адама, все равно как мать она не могла не почувствовать жалости к своей сопернице. Похищение! Само это слово наводило ужас. Сибил видела, как подействовала эта весть на Адама. Он был просто убит.

В гостиную, где Сибил читала газету, вбежал светловолосый мальчик.

— Мама! — закричал он. — Артур украл у меня печенье!

— Тише, Генри, — приструнила его мать. — Не шуми так. Твой папа

пытается отдохнуть наверху. А где мисс Патридж?

— В детской, с Артуром.

— Ну, отправляйся обратно на второй этаж. Веди себя тихо.

— Хорошо, мама.

— Подойди сюда и поцелуй свою маму.

Генри подбежал к ней. Сибил нагнулась, чтобы он мог обнять ручонками ее шею, и улыбнулась, когда он поцеловал ее.

— Ты просто ангелочек, дорогой мой, — сказала она. — Поэтому и вести себя должен соответствующим образом.

— Да, мама. Но Артур не ангел. Думаю, он дьявол.

— Не говори таких вещей. И перестаньте драться между собой.

— Ладно.

Она отпустила его, и мальчик выбежал из комнаты. Сибил поднялась, непродолжительную улыбку сменил печальный взгляд. К вине, связанной с Масгрейвом, примешивалось похищение Аманды. Ни Генри, ни Артур не знали, что им нужно беспокоиться о сводной сестре. Но в один прекрасный день они, несомненно, узнают об этом, ведь так?

В комнату вошел дворецкий мистер Ридли.

— Простите, миледи, но только что прибыл инспектор Куэд. Привез новости. Разрешите разбудить его светлость?

— Да, да, конечно. И пригласите инспектора сюда.

— Слушаюсь, миледи.

— Нам немного повезло, — сообщил Куэд пятнадцать минут спустя, когда Адам спустился в гостиную. — Ваша известность в Англии помогла нам. Даже самые отъявленные уголовники хотят помочь вам.

— Вам известно, где она находится?

— Думаю, что да. Осведомитель сообщил нам, что ее держат здесь, в Лондоне, в одном из домов района Уаппинг. Я направил миссис Кавана телеграмму и выставил охрану вокруг этого дома. Мы готовим налет на этот дом...

— Не надо, — прервал Адам. — Может пострадать Аманда.

— Боюсь, милорд, что некоторого риска не избежать.

— Надо постараться избежать риска. У меня имеется другой план, инспектор. Разрешите мне сначала испробовать его.

Куэд собирался возразить, но потом решил уступить.

— Хорошо.

Нелегко было отказать герою Каунпура.

Молодой человек из Нью-Йорка поглядывал украдкой на прекрасную

женщину, которая сидела напротив него в купе железнодорожного вагона. Он сел на лондонский экспресс в Манчестере. Оказавшись один на один с этой ангельски красивой незнакомкой, он подумал, что исчерпал все свои удачи на несколько месяцев вперед. Но никак не мог придумать, как завязать разговор. Однако она казалась такой печальной, глядя в окно на пробегающий сельский пейзаж, что он никак не находил подходящего повода. И хотя у Алекса Синклера было много недостатков, нерешительность не входила в их число. Проехав пятнадцать минут от Манчестера, он глубоко вдохнул и слегка наклонился к ней.

— Простите меня, мадам, но, будучи неотесанным американцем, я не знаю, какие существуют условности поведения в железнодорожных поездках по Англии. Считается ли грубым заговаривать с незнакомцами?

Лиза оторвала свой взгляд от окна и взглянула на него. Увиденное не вызвало у нее неприятного чувства. Он был хорошо одет — возможно, даже несколько чересчур хорошо — был узколицый и смуглый, что ей несколько напомнило Адама.

— Простите?

— Я спрашиваю, считается ли в Англии грубым заговаривать с незнакомцами в поездах? Здесь же не Америка. В Америке людей в поезде просто невозможно заставить замолчать.

— Да, это считается бестактным, — ответила она. — Особенно, когда дело касается одинокой женщины, без спутника.

Она опять стала смотреть в окно. Молодой человек прочистил горло, откашлявшись.

— Ну, многие говорят, что я бестактный. Меня зовут Алекс Синклер, я из Нью-Йорка. Конечно, вы думаете, что Америка находится дальше Марса.

— Напротив, я жила в Америке. Мой покойный муж был американцем.

— Вы не шутите? Из каких он мест?

— Из Виргинии. Он был табачным плантатором.

— Ах, ну, хорошо, что вы не оказались в этой каше. Мне кажется, что эта война продлится гораздо дольше, чем многие предполагали. И если хотите знать, Эйб Линкольн сильно всех разочаровал... а я голосовал за него.

Лиза опять взглянула на него.

— Вот как? Почему же?

— В июле прошлого года северян отхлестали у ручья Булл Ран. Потом в августе войска северян разбили на Миссури. В октябре северянам всыпали у Боллз Блаффа в Виргинии. Мне просто кажется, что Эйб не

может подыскать подходящего генерала. Он хорош только отпускать шуточки. Позор, потому что война мешает бизнесу, во всяком случае, мешала до сих пор.

— Вы бизнесмен, мистер..?

— Синклер. Алекс Синклер. — Он улыбнулся, сверкнув ровными белыми зубами. — Да, мне принадлежит большой торговый центр в Нью-Йорке, «Синклер и сын». Я — сын. Универмаг был открыт моим отцом тридцать лет назад, но он умер. Если когда-либо окажетесь в Нью-Йорке, заглядывайте. Я дам вам неотразимую скидку. С моими ценами трудно соперничать.

Она не знала, то ли ей не нравится это хвастовство развязного янки, то ли оно интригует ее.

— Я так понимаю, что вас не тянет на войну, мистер Синклер?

— У моей матери инфаркт — так же, как было и с отцом — я у нее единственный кормилец. Вы едете до самого Лондона?

— Да.

— И я тоже. Вы знаете, я разработал целую теорию о вас, об англичанах. Вы делаете вид, что сдержанны, немного застенчивы, слегка высокомерны...

— Вы и меня находите высокомерной?

— Немножко. Но когда вас узнаешь, *если* удастся вас узнать, что требует определенных усилий, на деле вы оказываетесь приятными людьми. Ну, а у вас есть какая-нибудь теория об американцах?

Она нахмурилась.

— У меня сразу несколько теорий об американцах- *южанах*, и все они не очень лестные. А американцев-северян я почти не знаю.

— Ну, теперь вы познакомились с одним из них, в вашем распоряжении несколько часов, чтобы сформулировать какую-нибудь теорию. Могу предсказать: вы скажете, что я нетактичный — с этим я уже согласился, — что мы слишком невыдержанны и бесцеремонны, совершенно незастенчивы и, постойте: ах, да, экспансивны. Но если вы узнаете меня поближе, то убедитесь, что я славный малый.

— Вы думаете, что угадали мои мысли?

— Я *надеюсь*, что угадал. Но у вас есть преимущество. Вы знаете, как зовут меня, а я не знаю вашего имени.

Она заколебалась, потом все-таки назвала себя:

— Миссис Кавана.

Он уставился на нее.

— Подождите минутку... *не тали* миссис Кавана, о которой пишут во

всех газетах?

— К сожалению, та самая.

— Послушайте, но вы же знаменитость. Ах... ваша дочка... я хочу сказать, как она..?

— Есть основания надеяться, что все будет в порядке.

— О, это великолепно. Постучим по дереву. И я понимаю, что если вы... что если вы захотите, я замолчу.

Она улыбнулась.

— Буду вам за это признательна, мистер Синклер. Я в довольно... напряженном состоянии.

— Конечно. Для меня огромное удовольствие познакомиться с вами, миссис Кавана. И если вы окажетесь в Нью-Йорке, заглядывайте ко мне. «Синклер и сын». Юнион Сквер. Лучший универсальный магазин Нью-Йорка, хотя мы теперь стали называть его торговым центром. Я дам вам потрясающую скидку.

Хотя ее одолевали страхи за Аманду, Лиза решила, что ей понравился этот нахальный молодой человек из Нью-Йорка.

Мальчик, вставший коленями в грязь на берегу Темзы, был заскорузлый, его вьющиеся каштановые волосы под кепкой такие грязные, что в некоторых местах свалились в колтун. Хотя день стоял холодный, крутились клубы тумана, на мальчике не было ни пальто, ни теплой шапки, ни даже ботинок. От непогоды он закрылся попоной, которую стащил с лошади.

— Что вы там ищете, молодой человек? — спросил высокий, бородатый индус-моряк, порванная одежда которого производила почти такое же жалкое впечатление, как и одеяние мальчика. Это была маскировка Адама под «бедного индийского моряка». В разговоре он также имитировал музыкальный акцент индусов.

Мальчик взглянул на незнакомца.

— Это не твое собачье дело, грязный чучмек, — огрызнулся он, акцент кокни делал его английский язык практически непонятным.

— Какой ты милый мальчик, — улыбнулся Адам, наклонился и схватил его за ухо. Паренек взвыл, когда Адам рывком поставил его на ноги. — А теперь ответь мне, пожалуйста, на мой вопрос. Что ты ищешь в этой грязи?

— Ищу тут монетки, отпустите, мне больно.

— Да, догадываюсь. Насколько я знаю, у тебя симпатичная старшая сестра. Видел ее, когда она выходила и входила в дом. Очень, очень

миловидная. Сколько она берет?

Мальчик начал бить кулаками по животу Адама.

— Она не потаскуха! — взвыл он. — Она не такая!

Адам засунул свободную руку в карман своих потрепанных брюк и, вынув оттуда шиллинг, стал держать его перед носом паренька. Тот перестал колотить Адама и уставился на монету.

— Это тебе, молодой человек, если ты ответишь на мои вопросы.

Он отпустил ухо мальчика и отдал ему монету.

— Она берет полфунта, но с вас, чертого абрека, сдерет больше.

— Понятно. Дома ли она сейчас?

— Не знаю, может быть. Днем она отдыхает.

— Отведешь ли ты меня в свой дом, молодой человек, еще за один шиллинг?

У мальчика закралось подозрение.

— Если вы знаете, где находится наш дом, зачем вам нужен я?

Адам улыбнулся и вынул из кармана еще один шиллинг.

— Потому что мне нравится твое общество, молодой человек, и я хочу, чтобы ты поговорил с сестрой обо мне. Она может не захотеть впускать в дом «чертова абрека», если ты понимаешь, что я хочу сказать. У меня для тебя припасен и третий шиллинг.

Мальчик взял второй шиллинг.

— Ну, ладно. Но никаких гарантий. Моя сестра довольно разборчива. Пошли.

Он начал выбираться из грязи на мостовую, Адам последовал за ним. Они находились у причалов «Черный лев» в районе Уаппинг, который тянулся от лондонских доков до железнодорожного туннеля под Темзой, Бруннел — одного из инженерных чудес того времени. Адам шел за мальчиком вдоль реки, улавливая через туман проблески таверн и винных магазинов, уступая дорогу пьяным морякам. Река представляла собой лес мачт и оснастки.

За месяцы, прошедшие после разлуки с Лизой, Адам изучил Лондон, как свои пять пальцев. Он познакомился также с подспудными — и более явными — проявлениями классовых различий, которые имели большое значение для лондонцев. Высший класс англичан мгновенно распознавался соотечественниками. И дело здесь не только в акценте, хотя он играл важную роль, но и в том, что высший класс с его преимущественно норманнскими генами даже выглядел иначе. Его представители выделялись удлиненными лицами, светлыми волосами и презрительными голубыми глазами. Адам понял, что по внешности и по акценту он отличался от них.

Но в одежде он приобрел такую же элегантность, как и другие пары, которые одевались иначе, нежели представители среднего и низшего классов. Они не снимали шляп на улице и в помещениях, за исключением жилых домов и церквей. Их плащи были сшиты лучшими портными мира, их брюки у каблука касались земли, но были выше у подъема. Поскольку тогда не существовала химчистка, одежда распарывалась по швам, стиралась вручную, а затем снова прострачивалась. Только дорогостоящие портные знали, как толком делать это, поэтому лишь богачи могли позволить себе выглядеть опрятно. Мужчины среднего класса носили котелки вместо цилиндров, всегда выглядели несколько помятыми и нечистыми. А у бедных не было другого выбора, как донашивать обноски высших классов, поэтому уличный торговец мог напоминать помятую карикатуру банкира в истрепанном фраке и изношенном цилиндре.

Но когда Адам начал изучать трущобы Лондона, которые часто назывались «отстойниками», он воочию увидел ужасный мир нищеты. Используя свое подвальное помещение в качестве костюмерной, он подготовил для себя различные маскировочные одежды и через заднюю дверь отправлялся в такие невеселые места Лондона, как Хаунсдич, Блюгейт Филдс, Шордич и Севен Даэлс. Здесь он познакомился с миром отверженных Империей. А теперь, идя вслед за побирושкой-мальчиком по трущобам Уаппинга, он окунулся в вонь нищего квартала — пота, людской и животной мочи и вообще запаха людей, которые не моются. Но какое разнообразие такой вонючки! Они могли уловить это, проходя мимо женщин-рыбачек, уличных торговцев, ребятишек — продавцов больших спичек, продавцов лимонада, беспризорников, негритянских певцов, чистильщиков обуви, продавцов льда, разносчиков имбирного пива, трубочистов, крысоловов, продавцов ковровых изделий, собаководов, цветочниц, продавцов липкой бумаги для мух, старьевщиков, продавцов яблок, апельсинов и, конечно... шлюх.

Через некоторое время мальчик повернул в узкий проезд, в котором на веревках сушилось белье, которое от угольной пыли города приобретало серый цвет и оставалось таковым даже после стирки. Адам и мальчик миновали дворы, заполненные отбросами и мусором, в котором копались дети и поедали найденные кусочки. Они почти совсем почернели от сажи и грязи и мало чем напоминали человеческие существа в своих отрепьях. На них, как и в других трущобах, где побывал Адам, по какой-то странной причине была одета какая-нибудь шляпа. Они прошли мимо мрачной винной лавки, перед которой спала на земле женщина, держа в руке пустую бутылку. Они миновали так много пьяниц, которые, спотыкаясь, входили

или выходили из кабаков, что Адам начал задумываться над тем, как же вообще функционирует этот огромный город.

— А вот и мой дом, — объявил мальчик, остановившись у полуразвалившегося трехэтажного деревянного дома. — Что вы хотите, чтобы я теперь сделал?

— Пойди и посмотри, свободна ли твоя сестра.

Мальчик пожал плечами, поднялся по ступенькам крыльца и постучал. Через некоторое время дверь открыл бородатый здоровяк.

— Дома ли Бетси? — спросил мальчик. — Я привел ей клиента.

Мужчина подозрительно взглянул на Адама.

— Она дома, — ответил он. — Вы, там! — обратился он к Адаму. — Есть ли у вас деньги?

Адам вытащил из кармана своего пальто небольшой мешочек и показал его.

— Очень хороший джентльмен должен знать, что здесь много монет. Очень хороший джентльмен должен знать, что я только что немного поработал в трактире Шордича.

Мужчина нахмурился.

— Не шел ли кто за вами? — тихо спросил он мальчика.

— Нет.

— Ладно. Эй, вы, заходите.

— Вы очень добры, сэр. Очень, очень добры.

Адам, торопливо поднявшись по ступенькам, пошел за мальчиком внутрь дома, в котором стоял затхлый запах пива и жареного лука.

— Идите в общую комнату, — мужчина показал на комнату в конце узкого коридора. — Я приведу Бетси. Знаете, деньги вперед. Чаще всего половина фунта, но с вас она возьмет больше.

— Вы очень добры, очень добры.

— Я скажу ей, чтобы она зажмурилась и думала об Англии.

Адам прошел в общую комнату, которая была обставлена удивительно дорогой мебелью и небольшим пианино, накрытым шалью с бахромой.

— Ну вот, вы получаете мою сестру, а я еще не получил третьего шиллинга, — сказал стоявший за его спиной мальчик.

Адам подал ему еще одну монету.

— Ты очень симпатичный мальчик. Большое, большое тебе спасибо. А теперь беги играй.

— К дьяволу всякие игры! У меня же теперь три шиллинга. Пойду, куплю себе пузырек, а то и два!

Паренек припустился на улицу, хлопнув входной дверью. Адам

прислушался. В доме было тихо. Он вытащил пистолет из-за пояса и подошел к двери в прихожую. Здоровяк куда-то исчез. Осведомитель сообщил им, что Аманду заперли в мансарде. Адам быстро прошел в прихожую и по лестнице поднялся на второй этаж, потом выше, на верхний этаж. За закрытой дверью он услышал негромкий плач девочки. Он повернул ключ и открыл дверь. Аманда сидела на краю кровати.

— Не издавай ни малейшего шума, — шепнул Адам. — Я твой папа, пойдем со мной.

Девочка подбежала к нему и молча схватила его за руку. Он провел ее вниз по лестнице до второго этажа, где они остановились, чтобы прислушаться. Ниже разговаривали двое.

— Он был здесь минуту назад. — Адам узнал голос здоровяка. — Куда запропастился этот чертов чучмек?

— Что тут вообще делает этот чертов индус? Непонятно. Они же ходят в Лаймхауз... — проговорил женский голос.

— Черт подери! Девочка! Мерзость!

Раздался топот бегущих вверх по ступенькам ног. Здоровяк уже поднялся на пол-этажа, сжимая в руке пистолет. Увидев Адама, он вскинул оружие, чтобы выстрелить. Но первым выстрелил Адам, прямо в грудь здоровяка. Тот даже не вскрикнул, хотя тоже успел нажать на курок, но пуля отлетела в потолок. Он свалился навзничь и покатился по лестнице вверх тормашками. Женщина внизу лестницы издала вопль.

— Ни с места! — крикнул ей Адам. — Положите руки на голову или я стреляю.

Всхлипывая, Бетси повиновалась.

— Аманда!

Девочка подбежала к отцу, и они оба понеслись вниз по лестнице. Адам перепрыгнул через труп здоровяка.

— Ненавижу тебя, Бетси! — крикнула Аманда в лицо женщине, когда отец открывал дверь на улицу. В дом вошли инспектор Куэд и пятеро полицейских. Аманда опять подбежала к своему отцу.

— Ох, папочка, как я скучала по тебе! — воскликнула она, когда он подхватил и поцеловал ее.

— Я тоже скучал по тебе, дорогая...

— Я так испугалась!

— Все будет теперь в порядке.

— Почему ты выглядишь так чудно?

Он рассмеялся и опять поцеловал ее. Аманда теперь точно знала, что у нее самый замечательный папа на свете.

«ЛОРД ПОНТЕФРАКТ СПАСАЕТ ДОЧКУ
МИССИС КАВАНА!»
«СМЕЛЫЙ РЕЙД ПОЛИЦИИ В УАППИНГЕ!»
«РУКОВОДИТЕЛЬ БАНДЫ УБИТ!»

Вся Англия с замиранием сердца читала эти заголовки. В Виндзорском дворце королева, которая страшно беспокоилась о здоровье своего мужа, которое пошатнулось, все же внимательно ознакомилась с деталями рейда в Уаппинге, затем прочитала отчеты об этом принцу Альберту, который лежал в кровати в знаменитом Голубом зале — Королевском зале, где умерли короли Георг IV и Уильям IV. Альберт, который уже несколько дней то терял сознание, то опять приходил в себя, пробормотал:

— Этот Понтефракт... чрезвычайно любопытный человек...

— О, он самый благородный из всех героев! — горячо подхватила королева. — Это такой пример для всех нас! Если бы только... — Она вздохнула. — Но говорят, что он расстался с этой женщиной Кавана.

— По ее фотографиям, которые я видел, *либхен*, можно понять, почему Понтефракт изменил своей жене.

— Альберт! — ахнула королева, но поняла, что у ее мужа, наверное, опять начался бред. Доктора поставили диагноз его болезни — холера, которую он подхватил, как полагают, от испарений, исходивших от средневековых стоков Виндзорского дворца. Королева всю свою душу вкладывала в молитвы, но ее мужу оставалось жить всего несколько дней.

— Нам было известно от осведомителя, что в доме Аманду охраняли три брата, — рассказывал Адам Лизе после обеда в тот же день, когда был произведен рейд. Инспектор Куэд отвез Аманду к матери, которая остановилась в гостинице «Вестминстерский дворец», а Адам съездил домой, снял с себя грим и маскировочную одежду и вернулся в гостиницу. — Фамилия братьев Брок, старшего, которого я застрелил, звали Том. Когда двое других братьев услышали выстрел, они попытались скрыться через заднюю дверь, но были задержаны полицией. Как Аманда?

— Она спит, — сказала Лиза, показав на притворенную дверь с одной стороны номера люкс. — Она измучена. Миссис Паркер выкупила ее и уложила в постель. Гостиничный доктор осмотрел ее, слава Богу, с ней все в порядке.

— Думаю, что не надо закрывать глаза на то, что это может повториться. Меня с тобой объединяет дьявольская штука, Лиза. Мы оба все время попадаем в прессу. Теперь, когда один раз Аманду похитили,

может появиться соблазн сделать то же самое и у других. Надо найти для вас надежное место, и я хочу нанять телохранителей. Знаешь ли ты, что мой отец умер?

— Нет, не знаю. Очень сожалею.

— Это просто было вопросом времени. Пьянством он заработал себе цирроз печени. Я хочу сказать, что поместье Торнов сейчас пустует. Вы с Амандой можете жить там, это твои родные места, мы можем нанять местных жителей для вашей охраны. Насколько я знаю, твоя младшая сестра по-прежнему живет в Уайкхем Райз. Возможно, она переедет к тебе.

— Минна, — произнесла Лиза. — Дорогая Минна. Это было бы замечательно.

Адам держался на приличном расстоянии от Лизы с тех пор, как пришел в комнату номера люкса с высоким потолком, из окна которого открывался прекрасный вид на здание парламента. Но теперь он подошел к Лизе, которая сидела на диване, взял ее руку, поднес к своим губам.

— А самое важное то, что мы опять можем быть вместе, — шепнул он. — Ах, дорогая моя, моя жизнь превратилась без тебя в ад.

— Адам, не надо...

— Почему? Пропади она пропадом эта мораль. Ты такая же несчастная, как и я, а жизнь слишком коротка, чтобы оставаться несчастными! Мы должны удержать счастье, не упускать его, а мое счастье — это ты.

Он поднял ее с дивана, крепко обнял и начал целовать. Но вскоре она оттолкнула его, зашуршало ее платье из плотного шелка.

— Мы не должны этого делать! Я не переживу второй разлуки, а она неминуема, Адам. Ты же *знаешь* это!

— Необязательно! Мы можем все устроить!

— Каким образом? Если я перееду в поместье Торн, Сибил вскоре узнает об этом, и что тогда будет с нами? Мы окажемся перед той же дилеммой. Сибил права. Тебе надо подумать о двух сыновьях, о своей политической карьере...

— У лорда Пальмерстона было больше любовниц, чем у турецкого султана, и ничего, его политическая карьера не пострадала.

— Но неужели ты не понимаешь? — сердито возразила она. — Я не хочу становиться твоей любовницей!

Ее гнев удивил его.

— Ты не хочешь быть со мной? — тихо спросил он.

— Это ты *знаешь*, дорогой мой. Мы — одно целое, всегда были и всегда останемся. Но у нас ничего не получится! Прежде всего, мне надо

подумать об Аманде. Здесь существует только одно реальное решение: мне надо найти ей нового отца. Мне надо снова выйти замуж.

Адам поразмыслил, потом воскликнул:

— Брат Сибил, лорд Ашенден! Человек приятной внешности, двадцать три года, абсолютной безмозглый и без копейки в кармане, но он наследник и к нему перейдет титул графа Неттлфилда. Он ищет себе жену, и если его немного подтолкнуть... ну, ты можешь стать графиней Неттлфилд. Вполне приличный вариант — Аманда получит нормальное воспитание, и мы будем соседями.

Лиза рассмеялась.

— Какую ты нарисовал умильную картину! И полагаю, пока Сибил с моим мужем будут играть в вист, мы с тобой украдкой будем бегать на свидание? Послушай, Адам...

Он опять заключил ее в объятия.

— Я говорю серьезно. Невилл отличный мужик и если он хоть один раз увидит тебя, то тут же втрескается.

— Но, дорогой мой, это же аморально. Может быть, даже более аморально, чем наши встречи в Шотландии. Я не могу выйти замуж за человека под таким фальшивым предлогом.

— Лиза, ты все усложняешь...

— Это не усложнение, это просто невозможно. С самого начала мы оказались в безвыходной ситуации.

Она почувствовала, как он сжал ее руки, взгляд стал холодным.

— Ничего не бывает невозможного, — прошептал он. — Выход *может быть* найден.

— О чем ты говоришь?

— Да... ответ *должен быть* найден.

Он отпустил ее и пошел, чтобы взять свое пальто.

— Адам, что ты имеешь в виду? Что значит «ответ»? — спросила она, вдруг почувствовав недоброе.

— Лиза, я не собираюсь сдаваться. Один раз я уже так поступил и возненавидел себя за это. Пусть назовут меня безнадежным романтиком, но я люблю тебя, люблю с детских лет. Кстати, пожелай мне удачи. Завтра в палате лордов я выступаю со своей первой речью. С тех пор как генерал Уитни уехал из Англии, думаю, что с его стороны Аманде больше ничего не угрожает, и поэтому не вижу необходимости откладывать дальше произнесение своей речи.

Он подошел к двери, надел пальто.

— Адам, ты мне не ответил, — настаивала на своем Лиза, торопливо

подходя к двери. — Что значит «ответ»?

Он на мгновение задержал на ней взгляд, и она неожиданно увидела что-то ужасное в его глазах.

Потом он вышел из комнаты, закрыв за собой дверь.

На следующий день Адам, который потрясающе выглядел в безупречно сшитых сюртуке и панталонах, вошел в зал палаты лордов. Зал оказался удивительно маленьким, всего восемьдесят футов в длину — лишь в два раза длиннее большой гостиной. Он напоминал частную часовню с экстравагантной, богато украшенной росписью и окнами из темно-красного стекла. По сторонам зала протянулись длинные, обтянутые красной кожей скамейки, расставленные по обеим сторонам прохода, с темными деревянными креслами в конце. В середине, между двумя сторонами, располагалась огромная красная подушка со спинкой. Это и был мешок с шерстью — традиционное место лорда-канцлера. За большим письменным столом с чернильницами сидели лицом к мешку с шерстью трое мужчин в париках. В дальнем конце галереи находился огромный позолоченный шатер, поднимавшийся чуть ли не до самого потолка, с каждой стороны которого располагались двадцатифутовые подсвечники. Посередине шатра, на красном ковре стоял трон, сидя на котором монарх открывал парламент.

«Палата лордов!» — думал Адам, дрожа от возбуждения, так как раньше не выступал на публике. Но когда он занял свое место на консервативной стороне палаты, его начало волновать и еще что-то помимо необычности обстановки.

Сибил... помеха к счастью... в конце концов убить так легко... он убил Нана Саиба и стал героем.

То, что подводило Адама к черте сумасшествия, заключалось не только в том, что он увидел Лизу после стольких месяцев разлуки. На политическом обеде, который Дизраэли устроил на прошлой неделе, Адама представили Эдгару Масгрейву.

Адам увидел собственными глазами, что Эдгар был более пожилым вариантом его сына Генри.

ГЛАВА ДВАДЦАТАЯ

Глубокий сон Сибил нарушил шум. Она села в кровати. Спальня не была освещена, но от газовых фонарей на площади Понтефракт через окна проникало достаточно света, чтобы разглядеть, что в ее комнату вошел мужчина.

— Кто это? — прошептала она с дрожью в голосе.

Мужчина подошел ближе к ее кровати. Теперь она разобрала, что это Адам. На голое тело он накинул халат. Глаза дико сверкали.

— Адам? — прошептала она. — Что такое?

Он уже находился у ее кровати, вперив в нее широко раскрытые, дикие глаза.

— Я видел его, — прошептал он.

— Кого?

— Твоего любовника, Эдгара Масгрейва. Это правда, не так ли? Он отец Генри!

Она уставилась на него, испугавшись. Вдруг он бросился на нее, схватил за горло своими сильными руками, прижал к подушке и начал душить.

— Это правда, не так ли? — повторил он, почти рыдая. — Ты — шлюха! Это правда, не так ли?

— Адам... — задохнулась она.

— Признавайся! ПРИЗНАВАЙСЯ!

— Да...

Она почти не дышала. В ее голове все поплыло. «Он меня убьет», — подумала она.

Но тут вдруг он ее отпустил. Она жадно хватала воздух. Он стоял возле кровати, дрожа от ярости.

— Генри не должен узнать об этом, — прошептал он. — Понимаешь? *Никогдане должен узнать.*

Потом он повернулся и вышел из темной спальни.

— Мадам, — обратился к Лизе служащий гостиницы, — дежурный сказал, что в фойе находится маркиза Понтефракт и она спрашивает, не примете ли вы ее.

Сибил! Лиза была потрясена.

— Конечно, проводите ее сюда.

Служащий поклонился и вышел. Лиза закрыла дверь и поспешила из гостиной во вторую спальню номера. Открыла дверь и увидела в кресле миссис Паркер.

— Она спит, — прошептала няня, подходя к двери.

— К нам сейчас поднимется леди Понтефракт. Если Аманда проснется, то не выпускайте ее из спальни.

— Она не проснется. Она так обессилела, бедняжка. — Миссис Паркер закрыла дверь. Лиза подошла к зеркалу и посмотрелась в него. По какой-то причине ей хотелось выглядеть получше. Сибил! Наказание судьбы.

В дверь постучали. Лиза подошла к двери и открыла ее. Это пришла Сибил, которая прекрасно выглядела в собольей шубке — на улицах Лондона шел снег, стояла ледяная стужа. Какое-то мгновение обе женщины молча смотрели друг на друга. Потом Сибил сказала:

— Теперь я вижу, почему мой муж так околдован вами. Вы даже более прекрасны, чем я предполагала. Разрешите войти?

— Прошу вас.

Сибил вошла в номер, огляделась, пока Лиза закрывала дверь. Потом сняла шубку и перчатки. На ней было великолепное красное платье. На груди красовалась брошь — камья с бриллиантами по краям.

— Я решила, что для нас пришло время встретиться, — начала Сибил. — Я не собираюсь закатывать *сцену*. Я не люблю этого. Но нам надо как-то договориться. Видите ли, вчера ночью меня чуть не убил муж.

Лиза вспомнила, что говорил ей Адам в этой же самой комнате всего несколько дней назад.

— Почему? — спросила она, жестом указывая на кресло. Сибил села.

— Знаете, он вполне способен на это. В его роду были ненормальные. Например, сестра его бабки была убеждена, что она лысый орел, и, прыгнув с крыши дома в имении Торнов, разбилась насмерть. Потом, посмотрите, что он сделал в Индии. Да, публика в восторге от того, что он замаскировался под индуса, но он пошел на такой поступок, на который не отважится здравомыслящий человек. Можете себе представить, он завел себе комнату в подвальном помещении Понтефракт Хауза, которая заполнена разными костюмами для маскировки. Он переодевается либо в нищего, либо в волынщика и бродит по самым жалким трущобам Лондона. Боюсь, что он сходит с ума, а вчера ночью...

Она замолчала, в глазах отразился панический страх.

— Да, но убийство! — воскликнула Лиза, которая села рядом с Сибил. — Возможно, вы правы, что он стал душевно неуравновешенным,

но, конечно, Адам не способен...

— Вы думаете, он не удавит меня, чтобы заполучить вас? — прервала Сибил, повернувшись к ней. — Вы недооцениваете свое воздействие на него, моя дорогая. Его встреча с вами донельзя раздула старое пламя. Если бы только, — она помолчала в нерешительности, на ее лице появилось выражение грусти. — Если бы только он любил меня так же, как вас.

— Вы его любите, не правда ли?

— Очень. Я изо всех сил старалась завоевать его, и до недавнего времени мне вроде бы удавалось это. Но потом... — Опять она остановилась в нерешительности. — Я поступила ужасно по отношению к нему, когда он уехал в Индию.

— Это касается вашего сына? — спросила Лиза.

Сибил удивленно взглянула.

— Вы знаете?

Лиза кивнула.

— Он рассказал мне об этом в Шотландии. Он уже давно подозревал, что Генри не его сын.

— Он не его сын, — подтвердила Сибил. — Он сын Эдгара. Теперь, когда Генри подросток, не остается никаких сомнений в этом. Он сын Эдгара. Ах, это исключительно моя вина... но я теперь ничего не могу поделать, лишь испытываю страх. Не знаю, что мне делать! Я подумала, что, может быть, вы сумеете заставить его образумиться.

Лиза встала.

— Вы поступили правильно, — наконец произнесла она. — Мы должны позаботиться, чтобы он не причинил вреда. Хочу написать Адаму записку и попрошу вас отнести ее ему. В ней я напишу ему, что у нас нет никаких перспектив для совместной жизни. Я даже покривлю душой и напишу, что не хочу быть с ним вместе в будущем. Уверена, что он никогда не тронет вас. Я вместе с Амандой собираюсь уехать в Нью-Йорк.

— В Нью-Йорк, — повторила Сибил. — Почему именно в Нью-Йорк?

— Там я пережду войну и тогда смогу получить назад свою собственность в Виргинии — или то, что от нее останется. — Сама она знала, почему она выбирает Нью-Йорк. Она думала о молодом человеке, которого встретила в поезде. — Может быть, вы подождете внизу? Мне будет не так-то легко написать это письмо.

Сибил поднялась.

— Да, конечно. — Она направилась к своей шубке и перчаткам. Надев их, она обернулась к Лизе, на лице которой было страдание.

— Уже многие годы, — тихо сказала Сибил, — я ревновала к вам.

Боюсь, что когда гневалась, говорила о вас неприятные вещи. Теперь вижу, как я ошибалась... Вы прекрасный человек, Лиза. Для меня унижительно говорить это, но, возможно, мой муж был бы счастливее, если бы женился на вас.

— Думаю, что Адам женился очень удачно.

Сибил подошла к Лизе, взяла ее за руки и прислонилась щекой к ее щеке.

— Спасибо, — шепнула она. И ушла. Лиза закрыла дверь. Она привалилась к двери, закрыв глаза. Потом тяжело вздохнула и направилась к письменному столу, который стоял у окна, из которого открывался вид на здание парламента. Сев за стол, она стала смотреть на открывающийся из окна вид и думать о политической карьере Адама. Она надеялась, что он будет счастлив. Вынув из стола лист чистой бумаги, взяла ручку.

«Дорогой Адам» — начала она письмо. Но чернила расплылись в закапавших слезах. Она достала другой лист бумаги и начала письмо сначала.

Часом позже Сибил вернулась в Понтефракт Хауз. Уже в дверях она спросила дворецкого, который открыл ей:

— Дома ли мой муж, мистер Ридли?

— Да, миледи, он в своем кабинете.

— А сыновья?

— Лорд Артур в детской с мисс Патридж, а лорд Генри в учебной комнате занимается с французским преподавателем.

— Спасибо.

Он принял у нее шляпку и шубку, и она направилась к кабинету Адама. Подойдя, постучалась.

— Войдите.

Она открыла дверь и вошла. Адам сидел за письменным столом и читал парламентский доклад об условиях труда на текстильных фабриках Англии. Увидев жену, он встал.

— Я посетила миссис Кавана в ее гостиничном номере, — сказала Сибил, подходя к столу. — Она просила передать тебе вот это письмо. — Она протянула Адаму конверт. Тот смотрел на пес с изумлением.

— Ты... видела Лизу? — промолвил он.

— Да, это для меня явилось огромным открытием. Она понравилась мне, я ею восхищаюсь.

Они сели. Адам вскрыл конверт и прочел:

10 декабря 1861 года

Мой дорогой Адам!

Я решила уехать вместе с Амандой в Америку. Не буду лгать тебе и утверждать, что не хотела бы быть с тобой: ты бы мне ни за что не поверил, если бы я даже и написала об этом. Думаю, что не было другой пары на свете, которая была бы так близка друг к другу, как мы с тобой. Но мы должны думать не только о себе. Как я уже пыталась объяснить тебе в Шотландии, мы поступаем ужасно по отношению к Аманде. Мы должны поставить интересы наших детей выше своих собственных, как бы горячо мы ни любили друг друга. Возможно, мы своего рода Ромео и Джульетта, любовь между которыми была предписана звездами. Но ведь страсть Ромео и Джульетты привела их лишь к могиле. А если любовь становится разрушительной, то тогда, возможно, даже любовь — самое сладостное и нежное чувство — приобретает уродливый характер. Если и есть смысл в жизни, то, несомненно, он заключается в воспитании детей, чтобы создать им все возможности расцвести в этом мире. И ты, конечно, должен подумать о своих двух сыновьях.

Встретив Сибил, думаю, ты должен начать с ней все сначала. Она на самом деле любит тебя и желает тебе только добра. Никогда не смей — повторяю, никогда — причинять ей боль. Если моя любовь что-то значит для тебя, то имей в виду, что ты лишишься ее навсегда, если сделаешь с ней что-либо постыдное или безобразное. Помни, что ты мой верный рыцарь и должен продолжать вести себя по-рыцарски, хотя я и ухожу из твоей жизни. Теперь я понимаю истину того, что мой бедный отец часто повторял во время своих проповедей: легко быть злым и очень трудно в этой жизни оставаться добрым. Адам, мы должны оставаться добрыми.

Я помню, однажды сказала тебе, что расстаться с тобой один раз значит пережить адские муки, а расстаться дважды равносильно смерти. Сейчас мы расстаемся вторично и, да, я испытываю смертельные

муки, когда пишу эти строки. Но это надо сделать! Ты не должен пытаться увидеть меня вновь. Ты должен вычеркнуть меня из своей жизни. Когда я устроюсь в Америке, я позабочусь о том, чтобы ты мог увидеть Аманду.

Я никогда тебя не забуду, никогда тебя не разлюблю. Ты — моя жизнь. Ты сказал прошлым летом, что мы встретимся на том свете. Думаю, любимый мой, обязательно встретимся. Возможно, наша любовь неземная, предназначена не для этого безобразного мира, а для другого, более прекрасного. И там мы обязательно соединимся.

До встречи там, люблю тебя.

Твоя верная Лиза.

Он положил письмо на стол и встал. Сибил наблюдала, как он подошел к одному из высоких окон, выходящих на задний двор, где держали экипажи. Он долго молчал, стоя к ней спиной. Она видела, как он несколько раз украдкой вытирал слезы. Наконец он повернулся к ней.

— Прости за то, что было прошлой ночью, — произнес он хриплым голосом. — Я не знал, что делаю... В голове у меня помутилось. Во всяком случае... — Он подошел к ней и, взяв ее руку, поднес ее к своим губам. — Отныне можешь совершенно меня не опасаться. — Она заметила, что его глаза покраснели от слез. — Пойдем, — предложил он. — Поднимемся и посмотрим на наших детей.

Она поднялась и поняла, что наконец-то ее муж целиком принадлежит ей.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЕРВАЯ

Захарий Карр вскочил на кровати в спальне второго этажа на ферме «Карра». В июне 1862 года выдалась жаркая, душная ночь, окна были распахнуты, что и позволило ему услышать топот конских копыт. Спрыгнув с кровати и, подбежав к окну, он выглянул на улицу. К дому неслась примерно дюжина всадников, в руках у некоторых факелы. Прогредел выстрел.

— Налетчики-янки! — крикнул он, приседая. Пуля вдребезги разбила одно из верхних стекол. Раздались другие выстрелы, он кинулся, чтобы надеть брюки. До него донеслись крики:

— Поджигай бунтовщиков! Спалим их!

Натянув брюки, он сунул ноги в башмаки, не потрудившись завязать шнурки, и побежал в зал второго этажа. В неясном лунном свете он разглядел, что отец уже наполовину сбежал с лестницы.

— Па! Янки! — выкрикнул он.

— Захвати ружье! — рявкнул Брендон, видя, что Зах собирается спускаться по лестнице. Он знал, что армия генерала Макклеллана сражается с солдатами Ли к северо-западу от Ричмонда. Макклеллан переправил армейскую группу «Патомак» вниз по реке того же названия на лодках, потом через Чезапикский залив к форту Монро на самом краю большого полуострова, который разделяет реки Йорк и Джеймс. Потом солдаты маршем углубились на полуостров к городу Меканиксвилль, где они и столкнулись два дня назад с войсками Ли и где все еще продолжалось большое сражение. Зах слышал, что налетчики-янки воспользовались этой ситуацией — они носились по всей Виргинии, сея хаос.

Зах заскочил в кабинет и схватил со стены ружье. По всему дому распространился запах дыма. Набив карманы патронами, Зах вбежал в кухню, но вынужден был попятиться — кухня была в огне.

— Па! — завопил он. — Ты где? Па!

Через огонь пламени он видел, что задняя дверь была распахнута, и решил, что его отец выскочил наружу, чтобы отбиваться от налетчиков. Но сейчас через кухню пройти было невозможно. Вся задняя часть дома занялась огнем. Зах бросился в переднюю гостиную и выглянул в окно. Никого. Крики и выстрелы смолкли, теперь он слышал только потрескивание пламени, которое распространялось дальше, хруст сгоревшего и обваливающегося дерева. Он подбежал к парадной двери,

открыл ее и выглянул. Никого. Лунный свет отражался в спокойно текущей реке Раппаханнок.

Он вышел на улицу и обежал угол дома. Вдали он увидел налетчиков, которые скакали по полям, возвращаясь на север. Он побежал к задней части дома, которая быстро превращалась в огненный ад. На заднем дворе он увидел отца, который лежал на земле лицом вниз. Из своего квартала прибежали отдельные рабы.

— Несите воду! — крикнул им Зах, когда бежал к отцу. — Берите ведра и носите воду!

Встав на колени возле отца, он осторожно перевернул его. Одна пуля пробила ему лоб, другая прошла через шею.

— Сволочи! — завопил он, обратившись к северу. — Проклятые янки, ублюдки! Вы мне заплатите! Гады!

Языки пламени лизали темное небо, а полукруглый месяц с безразличием взирал на эту картину.

— Мистер Синклер, вас желает видеть миссис Кавана.

Алекс Синклер, присев возле клиента, булавками закалывал ему манжеты. Вопросительно посмотрел на говорившего.

— Кто вы сказали?

— Миссис Кавана, — повторил молодой продавец. — Потрясающая женщина. С английским акцентом. Говорит, что познакомилась с вами в Шотландии в прошлом году, в поезде.

Он поднялся, на его лице заиграла улыбка.

— Миссис Кавана! Прошу прощения, мистер Вандербилт. Джерри, займитесь этим джентльменом...

Алекс торопливо вышел из хорошо оборудованного мужского отдела универмага, где он лично обслуживал таких нью-йоркских знаменитостей, как Уильям Генри Вандербилт, сына командующего военно-морским флотом Аугуста Бельмонта, Вана Ренссалерса и других шишек. Хотя Алекс вместе с матерью являлся хозяином магазина, он был таким сгустком энергии, что от его внимания не ускользала ни одна деталь, какой бы незначительной она ни была, как, например, манжеты или обшлага для мистера Вандербилта. Но красота Лизы произвела на молодого торговца такое сильное впечатление, что он даже рискнул обидеть сына богатейшего в Америке человека, чтобы поскорее увидеть ее.

И он в этом не разочаровался. Лиза рассматривала серьги в витрине магазина, когда Алекс подошел к ней.

— Миссис Кавана!

Она обернулась и, улыбнувшись просто ослепила его.

— Помните ли вы меня? — спросила она.

— Конечно. Лондонский экспресс. Вашу дочь похитили, но я узнал из газет, что все закончилось хорошо. Добро пожаловать в Нью-Йорк. Добро пожаловать в магазин «Синклер и сын».

— Спасибо. Весьма приятный магазин, такие красивые вещи... Мне нравятся эти золотые сережки, но цена для меня несколько высока. — Ее глаза озорно сверкнули. — Помнится, вы сказали, что дадите мне скидку, вот я и жду ее от вас.

Он рассмеялся.

— Я — болтун, — заметил он. — Но вы правы, я обещал и не отказываюсь от своих слов. Более того, я вам дам просто феноменальную скидку. Боб, — он обратился к хорошо одетому молодому продавцу, который стоял за прилавком. — Заверни в подарочную упаковку эти серьги для миссис Кавана. Бесплатно.

Лиза посмотрела с удивлением.

— Мистер Синклер, я не могу принять *этого!* Я просто ищу что подешевле.

— Ничего нет дешевле подарка. И вы их можете надеть сегодня же вечером, когда мы вместе пойдем ужинать.

Она рассмеялась.

— Помнится, вы сказали, что довольно бесцеремонны. Теперь я вижу, что вы были правы. Но, мистер Синклер...

— Просто Алекс.

— Алекс, я вас совершенно не знаю. Существует ли миссис Синклер?

— Да, моя мама. К несчастью, ее парализовало, она почти не говорит, но составит нам компанию. К тому же, у меня лучший повар в Нью-Йорке. Где вы остановились?

— В гостинице на Пятой авеню.

— Самый шикарный отель в городе! Восхищаюсь женщинами, которые любят первоклассные вещи. А теперь мне обязательно надо возвратиться к мистеру Вандербилту.

Он направился в мужской отдел.

— Алекс.

Он обернулся.

— Что?

— Я не дала вам своего согласия.

На мгновение на его лице отразилось беспокойство. Потом сверкнула самоуверенная улыбка.

— Но вы же не можете ответить отказом.
И он заторопился дальше.

— Ну, что вы скажете о Нью-Йорке? — спросил он в этот же вечер, сидя напротив Лизы в столовой дома своей матери на Восточной 14-й улице, недалеко от магазина на Юнион Сквер.

— Здесь грязно, — ответила Лиза, положив на свою тарелку жареную перепелку.

— Грязно? Но то слово. Мне приходится частным образом нанимать подрядчиков, чтобы отвозить на свалку мусор.

— Я думала, что площадь Мэдисон является центром города, но сегодня утром на улице перед гостиницей я видела, как свинья пожирает капусту.

— В трущобах водятся беспризорные свиньи. Иногда они могут даже забрести в богатые районы города.

— И движение! Такое же ужасное, как в Лондоне.

— Кто-то подсчитал, что за один день в центре города по перекрестку проехали пятнадцать тысяч экипажей. Но, Лиза, разве это не волнующий город, с его запахами и всем остальным?

Его энтузиазм был заразителен.

— Да, волнующий, — признала она.

— Вы долго проживете здесь? Какие у вас планы?

Ее планы... Очень простые: найти мужа, чтобы Адам наконец отказался от надежды заполучить ее и прекратил бы свои безумные угрозы в адрес Сибил. Лиза спрашивала себя, может ли этот энергичный мужчина, сидящий напротив нее, стать ее мужем. Но было что-то странное в этой комнате, обитой темными панелями: старая женщина в черном молча сидела в инвалидной коляске в конце стола, седые волосы покрыты черной вуалью, блестящие черные глаза не отрывались от Лизы. Мать Алекса, Наоми Синклер, выглядела гораздо старше своего возраста в пятьдесят два года. Алекс объяснил, что удар состарил ее. Действовало на нервы присутствие такой развалины, а ведь когда-то она была красавицей. Мать Алекса сидела, ссутулившись, на своей коляске, рот свис набок, руки узловатые и безжизненные, но глаза просто прилипли к Лизе. Хотя Наоми не могла говорить, но враждебность к гостье была очевидной. Лиза жалела эту женщину, но молила Бога, чтобы та перестала смотреть на нее.

— Мои планы заключаются в том, чтобы попытаться вернуть принадлежащую мне в Виргинии собственность, если эта война когда-нибудь закончится, — ответила она, отпивая прекрасное вино «Шабли»,

которое налил ей дворецкий. Дом Синклеров из коричневого камня не был особенно богатым. Большинство домов в Нью-Йорке похожи друг на друга, но ни один из них не идет ни в какое сравнение, например, с таким величественным особняком, как Понтефракт Хауз. Но Лиза заметила, что все в этом доме — серебряная посуда, хрусталь, мебель — было самого высокого качества. Кто-то в этой семье покупал только лучшее, и она подозревала, что таким человеком был Алекс. Беглого взгляда на его магазин было для нее достаточно, чтобы понять, что перед ней был человек с хваткой и обходительностью продавца.

— Ах, война. Должен признаться, что я изменил свое мнение относительно того, что война мешает бизнесу, — сказал Алекс. — Она оказалась баснословно выгодной для бизнеса — наш магазин никогда не приносил таких доходов. Понимаете, поскольку Федерация заблокировала Юг, мы перестали получать оттуда хлопок для одежды. Вот почему в прошлом году я ездил в Манчестер, покупал там мануфактуру, рубашки, платья для своего магазина, потому что не мог достать этот товар здесь, в Штатах.

— Встречались ли вы с моим зятем Горасом Белладоном? — прервала она его.

— Да, действительно встречался, мне и в голову не пришло, что вы родственники.

— Он женился на моей старшей сестре Леттис, а вернее сказать, Леттис женила его на себе. Убеждена, что он был замешан в похищении моей дочери.

— Этому я могу поверить. Горас произвел на меня впечатление человека не очень щепетильного. Я припоминаю, газеты писали, что похищение было как-то связано с признанием Англией Конфедерации. Но, по слухам из Вашингтона, это им больше не светит, а это приятные новости для Севера.

— Часто ли вы ездите в Вашингтон?

— Все чаще и чаще. Видите ли, война приобретает совершенно другой характер. В нынешней войне сражаются не только профессиональные армии где-то на поле боя, а остальная часть страны занимается своими делами как ни в чем не бывало. Нынешняя война затягивает всех, и бизнесмен становится почти таким же важным элементом ее, как и солдат. Правительство в Вашингтоне находится в страшном смятении — половина конгрессменов совсем потеряли голову, а старый Эйб представляет собой настоящую карикатуру. Они не могут руководить этой войной, потому что она оказалась гораздо более сложным делом, чем они себе представляли.

Им нужны одеяла, обмундирование, палатки, то есть все, что продает мой магазин. Поэтому я снял номер в гостинице «Уиллард» в Вашингтоне и достаю для правительства все это снаряжение. Например, в мае прошлого года федеральные войска взяли город Мемфис в штате Теннесси. Ну, я знал одного дилера по хлопку в Мемфисе, поэтому я поехал туда и помог ему пробраться через военные заставы. Война просто губит плантаторов-южан. Мы обнаружили многих плантаторов, у которых накопились буквально тонны хлопка на складах, и они горели желанием продать его. Я взял кредиты и закупил на два миллиона долларов прекраснейшего хлопка на Юге. Мы тайком перевезли его в Мемфис, потом я переправил его пароходом в Новую Англию, там из него соткали то, что требуется правительству, и я продал Вашингтону готовые изделия, заработав миллионный барыш.

— Целый миллион?! — воскликнула она. — Огромный доход.

Он пожал плечами.

— Пятьдесят процентов прибыли. В магазине я получаю по сто процентов. Я же пошел на риск, почему же я не должен заработать? Если бы меня поймали на фронтовой линии, то мятежник Джонни вполне мог бы хлопнуть меня из ружья. Я не стыжусь ничем из того, что сделал. Больше того, я этим горжусь. А, вот и десерт. Надеюсь, что вам понравится этот пудинг!

Дворецкий внес дымящийся пудинг на серебряном блюде. Когда раскладывали десерт, Лиза сообразила, что этот хваткий молодой человек, сидящий напротив нее, не только наживается на войне, но и в какой-то степени является пиратом. Несмотря на это, его рассказ ее заинтересовал.

— Миссис Синклер, пора ложиться спать, — сказала медсестра, которая вошла в столовую вместе с дворецким. Алекс подошел и поцеловал мать.

— Спокойной ночи, мама, — пожелал он ей.

— Спокойной ночи, миссис Синклер, — присоединилась к нему Лиза. Полные ненависти глаза Наоми просто вонзились в ее сердце.

— Почему ваша мать недолюбливает меня? — спросила Лиза часом позже, когда Алекс вез ее в своем шикарном экипаже на площадь Мэдисон.

— Откуда вы это взяли?

— За время всего ужина она ни разу не оторвала от меня своего взгляда, и ее взгляд был отнюдь не доброжелательным.

Алекс, сидевший рядом с нею, вздохнул.

— Мать никогда не скрывала своих симпатий или антипатий. Думаю,

из-за вашего английского акцента. Мой отец был шотландцем, жившим в Белфасте, а мать — ирландка до мозга костей и ненавидит англичан. В Белфасте отец держал магазин, но после того, как картофельный голод практически разрушил его бизнес, он привез нас сюда, и начал все сначала в Нью-Йорке. Семь лет назад он умер. С тех пор делами занимаюсь я.

— У вас нет ирландского акцента. Я думала, вы настоящий американец.

Он улыбнулся.

— Ну, видите ли, я сохраняю немного акцента для святого дня ирландцев, но остальную часть года не допускаю этого. В Нью-Йорке на ирландцев смотрят, как на дерьмо, и они предпочитают заниматься извозом.

— Надеюсь, вы не испытываете ко мне антипатии из-за того, что я англичанка?

— Ну, как вы думаете, что я могу ответить на это? А вот и ваша гостиница.

— С вашей стороны было очень мило пригласить меня на ужин. И мне очень понравились серьги.

Он вышел из кареты и помог ей спуститься, швейцар-негр открыл дверь отеля. Ее шляпка вздрагивала на ветру, она улыбнулась ему.

— Доброй ночи, Алекс, — она протянула ему руку.

— Разрешите предложить вам рюмку коньяка? — спросил он, поднося ее руку в перчатке к губам.

— Пожалуй, нет.

— Хотите, я покажу вам завтра город?

— Но вы так заняты...

— Заеду за вами в десять утра. Возьмите с собой дочку, и я устрою для вас экскурсию по высшему разряду. А потом мы пообедаем в ресторане «Делмонико».

— Очень любезно с вашей стороны, но...

— Вы просто не можете отказаться. — И опять самоуверенная улыбка.

Она засмеялась.

— Вы неисправимы, но правы. Не могу. До завтра в десять.

Она вошла в гостиницу, пытаясь сообразить, хочет ли она заарканить его или нет. Но каковы бы ни были ее намерения, становилось все более очевидным, что он попался на крючок.

После того как Адам освободил свою похищенную дочь, Пинеас Тюрлоу Уитни решил, что благоразумнее уехать из Англии, поскольку он

совершенно правильно заключил, что там признание Конфедерации не пройдет. Он переплыл пролив Кале и отправился в Париж, где он надеялся встретить более дружественный прием со стороны правительства императора Наполеона III.

Но у него ушло более трех месяцев только на то, чтобы получить аудиенцию у императора, что само по себе показало шаткость позиции императора. Французское правительство втянулось в мексиканскую авантюру с эрцгерцогом Максимилианом, которого поддерживал Луи Наполеон. Но французский император всячески воздерживался от того, чтобы встать на чью-либо сторону в Гражданской войне в Америке.

— Но, сир, руки Линкольна связаны, пока он воюет с Конфедерацией, — упорствовал Пинеас, сидя возле письменного стола императора во дворце Тюильри. — Поэтому Франции выгодно признать нас. И, если вы позволите мне дерзость, — *помочь* нам оружием и деньгами... Франция стремится создать в Мексике империю. Если вы признаете Конфедерацию, то на северной границе у вас окажется дружественная страна и союзница. Мексиканская империя и Конфедерация Штатов Америки являются естественными друзьями и торговыми партнерами.

— Это верно, — вслух размышлял император, который сидел за письменным столом в центре простого, без излишеств кабинета и курил сигару. Напротив стоял мраморный бюст матери императора, королевы Гортензии. — С другой стороны, месье Уитни, что будет, если счастье улыбнется Линкольну?

— Этого не случилось до сих пор и не произойдет в будущем. У него бездарные генералы.

— Да, но ему может повезти и подвернется умелый генерал. Исход войны всегда непредсказуем. Если Линкольн победит, то у Мексики на северной границе появится враждебная страна. Потом, существует ведь Англия. Если Англия признает Конфедерацию, тогда я не стану колебаться. Но Англия пока этого не сделала, и мой посол сообщает мне, что и не признает. Поэтому... — Он пожал плечами, выпуская дым к высокому потолку.

Пинеас понял, когда покинул Тюильри, что его миссия провалилась. Европейские державы останутся нейтральными несмотря на все его усилия — несмотря даже на похищение Аманды. Неудача этой операции возмутила его. Он просто бесился от отчаяния, потому что под хладнокровной и невозмутимой внешностью скрывалось исполненное ненависти сердце. Он ненавидел проклятых аболиционистов, ненавидел

Север, ненавидел Линкольна, ненавидел то, во что мог превратиться Юг после победы федералистов. Тот Юг, где освобожденные рабы когда-нибудь бросят вызов господству белого человека.

Но пока ему ничего не оставалось другого, как возвратиться восвояси и делать все, что в его силах, для поддержки дела южан, хотя теперь он начинал сознавать, что надежды на победу южан сокращались, несмотря на их военные победы.

Пинеасу Тюрлоу Уитни надо было возвращаться домой хотя бы потому, что у него кончились деньги. И Север, и Юг печатали бумажные деньги и облигации во все ускоряющемся темпе, чтобы финансировать войну, но в Европе существовал золотой стандарт, и жить в Европе было дорого. Когда в Париже у Пинеаса иссякла золотая валюта, ни один банкир не пожелал принять кредитное письмо или чек, выписанный на банк Юга. Суровый факт заключался в том, что так же, как у Пинеаса кончались настоящие наличные деньги, так же они иссякали и в южных штатах.

Заложив в ломбард большую часть своей одежды, золотые часы и бриллиантовые запонки, чтобы оплатить проезд домой, он сел на второсортную посудину, отплывавшую от Шербура на Бермуды, базу, откуда британцы проникали через блокаду федерального военно-морского флота. Там он сел на одно из таких суденышек и в середине ночи высадился возле пункта Мобайл. «Как беглый уголовник, — горестно подумал он, — а я ведь бывший сенатор Соединенных Штатов, бывший посол!» Это уязвляло. Она направил телеграмму на плантацию «Феарвью», сел на поезд до Ричмонда, на вокзале которого его встретил Элтон, его престарелый кучер.

— Мы вас ожидали вчера, генерал, — сказал Элтон, беря саквояж своего хозяина. — Мы не думали, что поезд опоздает на целые сутки. Похоже, что машинисты уже не знают, что они делают.

— Паровоз сломался, а у них не оказалось какой-то детали, — раздраженно объяснил Пинеас. — Мне не хочется, чтобы ты говорил о неприятном, Элтон.

— Да-са, генерал.

Они приехали в «Феарвью» в середине ночи.

«Ну точь-в-точь, как уголовник», — подумал Пинеас. Ночь выдалась холодная и снежная. Наступало утро 7 ноября 1862 года, того самого дня, когда Линкольн передал командование федеральными войсками генералу Бернсайду.

— Думаю, что все уже легли спать, генерал, — сказал Элтон, слезая с козел. — Дома находятся и масса Клейтон с мисс Шарлоттой...

— Что ты хочешь сказать? — Пинеас смотрел на темный силуэт особняка, вылезая из кареты. Закрытая туманом луна повисла над трубами дома, в котором он родился, над домом, который он любил шестьдесят лет.

— Ну, мисс Мэй велела мне помалкивать, потому что хотела сама передать вам плохие вести. Но пока вы ездили в Европу, налетели налетчики-янки и сожгли дом Карров. Массу Брандон застрелили насмерть. Масса Зах ушел в армию. А масса Клейтон и мисс Шарлотта переехали сюда к мисс Элли Мэй. Все довольно плохо — мисс Шарлотта в интересном положении, а масса Клейтон мало на что годится с одной ногой, к тому же все время пьян.

— Клейтон?! Пьян?! Я никогда в жизни не видел его даже подвыпившим.

— Ну, теперь он к этому пристрастился, генерал. Да-са. Этот парень здорово увлекся бутылкой.

«Наконец-то дома, — думал Пинеас, идя по дорожке к дому. — Дома ли?» Ему казалось, что он уже начал терять свой дом, привычный образ жизни, здоровье, соседей, былой свой мир... Все может превратиться в пыль и прах из-за этих треклятых аболиционистов... из-за этого проклятого Линкольна... Невзрачное лицо президента всплыло в его памяти. Он допускал мысль о том, что может приставить пистолет к его голове и спустить курок... Пинеас, может быть, и не был особым гуманистом, но, вне всякого сомнения, умел ненавидеть.

Завывал холодный ветер, когда он поднялся на террасу и потом вошел в дом. В помещениях стояла полная тишина. Уитни поставил свой саквояж на пол в прихожей и на одном из столов начал нащупывать керосиновую лампу. Он зажег ее большой кухонной спичкой. Прыгающий огонек лампы осветил портреты предков.

— Черт бы меня побрал, — заорал он во все горло, — я дома! Почему, проклятье, нет никакого комитета по встрече? Я приехал домой! Генерал Пинеас Тюрлоу Уитни возвратился домой из поездки во Францию и Англию и тамошние сукины сыны решили нас не поддерживать! Я дома! «О, я хотел бы оказаться в стране хлопка... — стал напевать он, как полоумный, слова из популярной песни южан. — Где ты, где ты, страна Дикси!»

— Пинеас! — Элли Мэй стояла у перил лестницы на втором этаже и смотрела на мужа. — Мой дорогой, ты уже дома?!

— «...Хочу оказаться — в Дикси, ура, ура! В стране Дикси я готов жить и умереть за Дикси...»

— Пинеас, почему ты поешь? Что это значит? Шарлотта... Клейтон...

Он рехнулся!

Элли Мэй, на голове которой был белый ночной чепец и фланелевый халат поверх ночной рубашки, стала торопливо спускаться по лестнице.

— «...Далеко на юге в Дикси...»

— Пинеас, дорогой мой...

Она подбежала к нему. Он зарыдал, когда она бросилась ему в объятия.

— Элли Мэй, мы потерпим поражение, — тихо произнес он прерывающимся голосом. — Мы проиграем. Я сделал все возможное, чтобы убедить людей в Европе, но им все безразлично... Мы проиграем.

Она не отрываясь смотрела на своего рыдающего мужа. Когда-то элегантный сенатор выглядел теперь жалким и потрепанным.

Кроме того, он неожиданно сильно постарел.

На следующий день Пинеас, пополнив свои силы таким необходимым десятичасовым сном, уже восстановил свою железную волю. Приняв ванну и побрившись, он сказал себе, что надежда сохраняется, хотя и становится все более призрачной. И, будучи последователем Шопенгауэра, он верил в победоносную силу собственной воли. Он проклинал себя за эмоциональный срыв прошлой ночью. Закончив одеваться, он возвратился в спальню, где Элли Мэй, все еще лежа в кровати, читала.

— Элли Мэй, хочу извиниться за свое поведение минувшей ночью. — Он подошел к кровати и присел рядом с ней. — Я устал и расстроился... ну, и показал себя настоящим ослом.

— Разве все так плохо? — спросила она, откладывая в сторону старый роман, который она перечитывала уже в третий раз. Новые книги совсем исчезли из-за блокады.

— Между нами говоря, скверно. Провал в Европе — удар для меня. Между прочим, мне надо будет поехать в Ричмонд сегодня или завтра, чтобы доложить обо всем Джеффу Дэвису. Но тем не менее нам надо не падать духом, и мой вчерашний срыв непростителен. Вот. Элтон сказал мне, что дом Карров сожгли, а Брандона застрелили.

— Да, это верно. Я сама хотела рассказать тебе об этом, но мне следовало бы знать, что этот старый негр не может хранить тайны. Случилось это прошлым летом, когда янки вторглись в Виргинию, до того как дорогой генерал Ли вышвырнул их оттуда. Они рассыпали повсюду группы налетчиков, чтобы причинять как можно больше вреда — грязные свиньи! Когда Брандон выскочил из задней двери с ружьем, они пристрелили его и подожгли дом. Благодаря какому-то чуду Шарлотта в ту ночь вместе с Клейтоном находились здесь, а то их убили бы тоже. А

потом, понятно, поскольку им некуда было деваться, они остались здесь. О, все это ужасно! Становится все труднее доставать продукты...

— Элтон сказал, что Шарлотта на сносях?

— Она может родить в любой день, бедняжка. В какое ужасное время она родит ребенка!

— Клейтон часто выпивает?

— Я не осуждаю его. Потерять ногу такому активному молодому человеку — страшный удар. Отца убили, дом сожгли, Зах отправился на войну, и мы можем потерять его. О, Пинеас, какие пришли мрачные времена! Когда я думаю, как замечательно мы когда-то жили, я...

Она поднесла к глазам кружевной платочек. Муж крепко обнял ее.

— Да, — подтвердил он. — Времена настали скверные, но мы как-нибудь переживем их. Я не могу бранить тебя за то, что ты отчаиваешься, я сам вчера показал себя не в лучшем свете. Но мы должны мужаться, Элли Мэй. Быть твердыми как железо. И не должны показывать слугам, что мы теряем уверенность или решимость.

— Слугам? — фыркнула она. — Каким слугам? Они все разошлись, за исключением Элтона, Корделии и некоторых других.

— Разошлись? — Пинеас отпустил ее руку и встал. — Что ты имеешь в виду?

— Дорогой Пинеас, тебя тут не было больше года, ты и не представляешь, какие невероятные события произошли здесь. Этот ужасный человек Авраам Линкольн освободил рабов в сентябре прошлого года.

— Да, я слышал об этом. Но ведь это же не имеет силы *здесь*.

— Кто же будет контролировать положение? Мы наняли трех надсмотрщиков, последний из них месяц назад ушел в армию. Не осталось здоровых белых людей, чтобы их можно было нанять. Самое скверное то, что, поскольку они считают себя свободными, они просто убегают, — она щелкнула пальцами, — не проявляя ни малейшей лояльности или преданности несмотря на все, что мы сделали для них. А немногих оставшихся призвали для работы в армию. Поля в запустении и, конечно, нам пришлось закрыть табачную фабрику из-за отсутствия табака. Ах, все... — Она беспомощно пожала плечами и опять заплакала. — Ах, все пошло вверх дном.

— Понятно, — протянул Пинеас. — Обстановка более мрачная, чем я предполагал. Надеюсь, я смогу позавтракать?

Кивнув, она высморкалась.

— Осталось немного бекона. У Элтона несутся куры, поэтому есть и

яйца. Но кофе — о, что это за кофе! Все равно, что пить грязную жижу. Не знаю, из чего его делают! — Она опять вытерла глаза, потом взглянула на своего мужа. — Не хочу выглядеть легкомысленной, но все же спрошу, удалось ли тебе купить мне что-нибудь в Лондоне или Париже? Было бы очень кстати, если бы ты привез кое-что из одежды. Мой гардероб становится очень поношенным. В этой одежде мне стыдно показываться на глаза приличным людям.

— Элли Мэй, мне неприятно говорить это тебе, но денег в Париже у меня хватило только на единственную вещь — на обратную дорогу. Я основательно поиздержался.

— Что?! — воскликнула она. — Ах, просто не верится, что все это действительно происходит. Похоже на какое-то ужасное наваждение. Ты, Пинеас Тюрлоу Уитни, и без гроша? Просто невероятно!

Она истерически зарыдала. Ее муж, аристократическое лицо которого было мрачным, повернулся и вышел из комнаты. Тихо прикрыв дверь, он прошел по балкону второго этажа к лестнице и начал спускаться вниз.

Слегка приоткрылась дверь другой спальни, и из-за нее показалось черное лицо. Это была Сара, прачка, которая теперь вместе с кухаркой Корделией составляла всю женскую часть прислуги, оставшейся на плантации «Феарвью». Сара меняла простыни на кровати Шарлотты. Она посмотрела на Пинеаса, который спускался вниз по лестнице, и вспомнила искромсанный труп своего сына, Такера, который она увидела, когда Макнелли, надсмотрщик, вытащил его из бочки с гвоздями. Гвозди проткнули тело Такера в сотне мест, выкололи ему глаза.

Сара смотрела на своего бывшего хозяина ненавидящими глазами человека, готового убить.

«Мне ужасно везет», — размышлял Пинеас, спускаясь по лестнице. Ферма «Карра» находилась от его особняка всего в четверти мили. Налетчики-янки могли с такой же легкостью сжечь особняк на плантации «Феарвью», но его дом, хотя и не в таком отличном состоянии, как до войны, — он провел пальцем по покрывшимся пылью деревянным перилам, — но сохранился. Он все еще представлял собой величественный символ аристократического образа жизни, который он обожал. «Если когда-нибудь янки переступит через порог, — думал он, — я своими руками...»

— Я слышал, как вы приехали прошлой ночью.

От неожиданности Пинеас вздрогнул, голос отвлек его от размышлений о возможных убийствах. Он уже спустился на последнюю ступеньку, когда увидел Клейтона, который ковылял на костылях из столовой. Но это был уже не лихой молодой офицер, которого он запомнил

во время сражения у Булл Рана. Теперь он больше выглядел как отверженный. Его свитер домашней вязки был покрыт пятнами, брюки — одна брючина была приколотая к поясу — грязные, сам он много дней не брился. Глаза подозрительно покраснели.

— Что ты говоришь? — переспросил тесть.

— Я слышал, когда вы вошли в дом. Слышал, как пели «Дикси». Вы были пьяны?

— Меня обижают эти слова, сэр. И я подозреваю, что пьянствуешь ты сам.

— Дни и ночи напролет, — ухмыльнулся Клейтон. — Когда сюда заявятся янки, мне достаточно будет дыхнуть на них, чтобы они сдохли. Все уже кончено, верно? Мы терпим поражение в войне.

— Пока что рано говорить об этом. И ты мог бы поздравить меня с возвращением.

Клейтон подавленно хихикнул.

— О, да. Я забыл. Добро пожаловать домой, сэр. Добро пожаловать на прекрасную плантацию «Феарвью». Вы слышали новости о моем отце?

— Да, мне очень жаль, Клейтон.

— О, нам всем очень жаль. Думаю, что и Джеффу Дэвису жаль, и генералу Ли. «За доблесть и мужество в битве у Булл Рана» — говорилось в письме. Его подписал сам Джефф Дэвис. Разве не впечатляюще? И знаете, как я поступил с медалью? Нет, вы, конечно, не можете знать этого. Вы находились в Европе. Я бросил ее в толчок. А знаете, что сделал с письмом Джеффа Дэвиса? Подтерся им.

Пинеас напрягся.

— Подтер себе ЗАДНИЦУ! — закричал Клейтон. — Накрал я на письмо Джеффа Дэвиса! Я готов наложить на всю проклятую Конфедерацию — вы слышите меня, СЭР? Вы слышите меня, *генерал*? Конфедерация — это ГОВНО!

— Если ты не возьмешь обратно эти мерзкие слова, — рассердился Пинеас, — то, видит Господь, я выгоню тебя из своего дома.

— Я не откажусь ни от единого слова. Я потерял ногу — во имя чего? Чтобы вы продолжали хлестать и убивать черномазых? Именно *ради этого* лишился ноги? Именно из-за этого погиб мой отец? За это что ли воюет теперь мой брат? Считаю Заха дураком, что он ввязался в эту бойню. Я говорю — к такой-то матери Конфедерацию! К такой-то матери Славное Дело! К такой-то матери *все остальное!*

Он навзрыд заплакал. Пинеас подошел к нему и вlepил ему сильную пощечину. Клейтон не устоял и упал на пол, костыли отлетели в сторону.

— Видит Бог, сэр, выматывайтесь из моего дома! Сейчас же!

Клейтон одновременно и смеялся и плакал.

— Пошла ваша Конфедерация к такой-то матери! В гробу я ее видел!

Тесть злобно пнул его ногой в живот. Клейтон взвыл от боли, а Пинеас перешагнул через него и вошел в столовую.

Сара наблюдала за происходившим со второго этажа и улыбалась.

— «О, хотел бы я оказаться в стране хлопка», — запел Клейтон и пополз по полу, пытаясь подобрать свои костыли. — Былые времена невозможно забыть...

Он схватил один костыль.

— Так, так, — проговорил он вслух, — одноногий должен найти себе новое жилище. Интересно, куда же мне податься?

Когда он подцепил второй костыль, в памяти всплыли сцены плотских удовольствий, и он вдруг понял, куда он уедет.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВТОРАЯ

Пальцы двенадцатилетнего мальчика с поразительной быстротой бегали по клавишам, когда он с потрясающей виртуозностью исполнял «Революционный» этюд Шопена. Лиза сидела в скромной гостиной частной школы в Глочестере и с трудом верила своим глазам и ушам. Гавриил Кавана (Лиза дала ему фамилию Джека, поскольку не знала полного имени Мозеса; в списке рабов он значился — «сын Мозеса») рос красивым мальчиком с более светлой кожей, чем у отца. Но Лизу особенно поразил его музыкальный талант, когда она приехала на поезде в Бостон, а потом в экипаже добралась до рыбацкой деревушки в Глочестере. Миссис О'Гилви, надзирательница частной школы, отмечала в своих ежегодных отчетах, что она поощряла занятия этого мальчика музыкой по классу пианино. Но такое мастерство! Под бурными, темпераментными пассажами левой руки возникала мелодия, страстная и патетически величавая. Потом бравурный водопад звуков и заключительные волнующие звуки, рождающие образы Зевса, который мечет на мир грома и молнии. И тишина.

Мальчик посмотрел на Лизу, вставая из-за пианино. Он сгорал от любопытства, желая побольше узнать об этой прекрасной женщине, которую он впервые в жизни увидел полчаса назад.

— Гавриил, не знаю, что и сказать тебе, — заметила она, тоже поднимаясь. — Я и не представляла себе, что ты такой талантливый. Ты сыграл великолепно.

— Его учит польский джентльмен, который живет в Марблхед, — пояснила О'Гилви, седовласая дама. — Мистер Карасовский утверждает, что Гавриил — самый талантливый мальчик из всех детей, которых он учил. Он обладает также феноменальной памятью. Ему достаточно один раз на что-нибудь взглянуть, и он все запомнил.

— Я могу также импровизировать, — гордо заявил мальчик. — Послушайте.

Он опять сел за пианино и начал снова исполнять «Революционный» этюд, только на этот раз мелодия, рождавшаяся из-под правой руки, напоминала «Янки Дудль».

Лиза рассмеялась и зааплодировала.

— Великолепно! — воскликнула она.

— Он славный мальчик, — продолжала миссис О'Гилви, — но

немного заносчив. Он один из самых способных учеников по всем предметам, за исключением истории. Эта дисциплина ему не очень нравится.

— Я хочу забрать его с собой в гостиницу на обед, — сообщила Лиза. Миссис О'Гилви понизила голос.

— Вам придется обедать с ним в номере, — заметила она. — В ресторан его не пустят.

Лиза нахмурилась.

* * *

— Почему вы платите за мое обучение? — спросил Гавриил час спустя. Он сидел напротив Лизы за небольшим круглым столом, который внесли два официанта в ее номер на втором этаже. Оба официанта с подозрением посмотрели на опрятно одетого негритянского мальчика.

— Я обещала твоему отцу, что позабочусь о тебе, — ответила Лиза.

Гавриил с удовольствием ел лобстера.

— Откуда вы знали моего папу?

— Он работал... на плантации в Виргинии.

— Вы хотите сказать, он был рабом?

— Ну, да.

— Каким он был?

— Ты не запомнил его?

— Мало помню. Мне было четыре года, когда меня с матерью продали.

— Ну, твой отец был очень сильный человек и очень гордый. Хороший человек. И я знаю, что он сильно любил тебя, очень сильно. Когда он собрался бежать, он сказал мне, что постарается разыскать тебя и переправить на свободный Север. Л потом...

— Миссис О'Гилви сказала мне, что его убили.

— Да, к несчастью.

— Как это произошло?

— Ну, мой муж ударил меня. И твой отец... застрелил моего мужа. И тогда надсмотрщик застрелил твоего отца.

Гавриил положил на тарелку вилку и уставился на нее.

— Почему мой папа застрелил вашего мужа?

Лиза некоторое время вертела в руках вилку.

— Это довольно трудно объяснить, — наконец ответила она. — Думаю... ну, я очень нравилась твоему отцу.

— Он *полюбил* вас?

Снова наступила пауза.

— Возможно. Я в этом не уверена.

— Вы думаете, что черный мужчина может полюбить белую женщину?

Опять пауза.

— Полагаю, что да. Почему бы и нет. Полюбил же Отелло Дездемону.

— Но это было в Венеции. Такое невозможно в Америке.

Он опять занялся своим лобстером.

— Я вам многим обязан, миссис Кавана, — продолжал он. — Вы даете мне образование. Не знаю, пригодится ли оно мне в этой стране.

— Обстановка меняется, Гавриил. Мистер Линкольн освободил рабов, и...

— Простите меня, мадам. Видели ли вы, как посмотрели на меня сегодня официанты? Пока я не смогу есть вместе с другими в ресторане, я не смогу считать себя подлинно свободным. Я не обманываю себя. Но миссис О'Гилви и другие научили меня не расстраиваться из-за этого. Я просто хочу быть реалистом, а если на вещи смотреть реалистически, то я всегда останусь черным человеком в стране белых. Но мне потрясающе повезло. — Он умело сломал клешню лобстера. — У меня есть вы и музыка. Вам нравятся лобстеры?

— О, да!

— Почему же вы не едите своего?

— Меня больше интересует разговор с тобой. Думал ли ты о том, чтобы избрать для себя музыкальную карьеру?

— Да, мадам. Это моя мечта. Мой учитель музыки, мистер Карасовский, знаком с Францем Листом и сказал, что напишет ему рекомендательное письмо, если я когда-либо смогу поехать в Европу. Франц Лист — величайший пианист на всем свете, по словам мистера Карасовского, и, если он поможет мне, то я сделаю себе прекрасную карьеру в Европе. Несмотря на то что я черный.

Он смотрел на нее умными глазами. Лиза улыбнулась.

— У меня создается впечатление, что ты хотел бы поехать в Европу, — сказала она.

Он прикинулся немного глуповатым.

— Думаю, что я высказался недостаточно завуалированно, — сказал он. — Но ах, миссис Кавана! Если бы мне удалось попасть туда и

поучиться у маэстро Листа. Вы бы стали очень гордиться мной!

— Я уже горжусь тобой, — отозвалась Лиза. — А теперь расскажи мне немного о мистере Карасовском. Сколько ему лет?

— Только что исполнилось тридцать четыре года. Он своего рода вундеркинд, учился с Шопеном в Париже. Но примерно четырнадцать лет назад приехал в Америку из-за какой-то революции в Европе. Он очень приятный.

— Где он живет?

— В коттедже в Марблхеде. Это на берегу океана, с прекрасным видом из окон. И Анна прекрасно готовит...

— Кто такая Анна?

— Его жена. Она француженка. Они постоянно между собой говорят по-французски.

— Понятно. Думаю, что завтра утром я съезжу к мистери Карасовскому.

На следующее утро Лиза высадилась из кареты в Марблхеде. Дул северо-восточный ветер, распахивая полы ее пальто, когда она шла по дорожке к веселенькому маленькому коттеджу, который, как и бьющие волны прибоя, напомнил ей счастливые годы с Адамом. Но это счастье закончилось... Она постучала в дверь. Вскоре дверь открыла симпатичная молодая женщина в переднике.

— Да?

— Меня зовут миссис Кавана. Я бы хотела поговорить с мистером Карасовским о Гаврииле.

Лицо женщины просветлело.

— О, да... заходите, пожалуйста, — пригласила она с французским акцентом. — Тадеуш — это мой муж — дает сейчас урок, но он скоро закончится. — Притворив дверь, она понизила голос. — Он сейчас занимается с одним из своих самых плохих учеников и будет рад предлогу закончить занятие.

Действительно, Лиза услышала, как кто-то выстукивал сонату Моцарта в соседней комнате. Анна провела ее в гостиную с низким потолком, потом пошла за мужем. Когда тот появился в дверях, Лиза увидела высокого, немного сутулого мужчину с приятной внешностью, каштановыми волосами и в очках в золотой оправе. На нем была несколько поношенная одежда, а рукава пиджака на локтях вытерлись. Он вошел в гостиную и поцеловал руку Лизы.

— Вы знаменитая и довольно таинственная женщина, миссис

Кавана, — произнес он с сильным акцентом и указал Лизе на кресло. — Миссис О'Гилви сообщила мне, что вы навещали моего лучшего ученика. Я с нетерпением жду, что вы скажете о нем.

— Думаю, что он просто изумителен, — садясь, ответила Лиза, — но я мало понимаю в музыке. Гораздо важнее, что вы сами думаете о нем.

Тадеуш ответил без колебаний.

— Я вам откровенно выскажу свое мнение. Я учился с Шопеном. Слышал, как он играет — играет он божественно. Я слушал игру Листа, слышал, как исполняет вещи Мендельсон. У Гавриила нет такой техники, как у этих гигантов, что вполне понятно, нет у него и эмоциональной зрелости, глубины экспрессии. Но я бы поклялся, мадам, что природный талант Гавриила не уступает их талантам. Я слышал, как Гавриил превращает вариации в настоящий вихрь красоты.

— Вариации, — повторила Лиза, вспомнив о старинных русских колыбельных мелодиях, которые позже вдохновляли Римского-Корсакова и Цезаря Кюи.

— Вариации. Мальчик гениален. Но, конечно... — Он пожал плечами. — Что нам делать с ним? Большого я ему не могу дать. Его талант превосходит мой. Какие могут быть возможности у черного мальчика?

— Может быть, его отправить в Европу, чтобы он поучился у маэстро Листа?

— О! Это было бы великолепно. Но для Европы нужны деньги.

— Мистер Карасовский, я не мотовка и не хочу бросать свои деньги на ветер. Но я уже немало вложила в обучение Гавриила. Считаете ли вы благоразумным вложение денег в дальнейшее обучение Гавриила, если я его направлю в Европу к Листу?

— Конечно, такие вещи гарантировать невозможно, но клянусь вам, мадам, игра стоит свеч.

— Существуют и другие проблемы. Гавриил никогда никуда не ездил, не знает иностранных языков... Мистер Карасовский, если бы я оплатила ваши с женой расходы и компенсировала бы вам потраченное время, согласились бы вы представить Гавриила Листу?

Высокий польский еврей удивился.

— Конечно, согласился бы с восторгом! Мы с женой уже несколько лет не бывали в Европе. Но разрешите спросить, почему вы хотите пойти на такие дополнительные затраты, хотя и так уже очень много израсходовали на Гавриила?

Лиза встала.

— Существует много причин для этого, не последнее место среди

которых занимает обещание, которое я дала его отцу. Кроме этого, мне любопытно узнать, честно говоря, как далеко продвинется Гавриил с должной поддержкой. И, может быть, будет полезно во время этой войны из-за рабства показать, как мальчик с черной кожей может ошеломить мир.

В глазах Гадеуша отразилось волнение, когда он взял руку Лизы.

— Ошеломить мир! — задумчиво повторил он. — Да, вот чего может добиться Гавриил: ошеломить мир!

Это была дивная сцена. Аманда выглядела как куколка в пальтишке, подбитом лисьим мехом и в меховой шапочке, подвязанной под подбородком. Она каталась на коньках вместе с Алексом Синклером на небольшом замерзшем пруду. Снежные шапки пригибали ветви сосен и елей, которые там и сям росли в прекрасной долине Гарлема. Лиза наблюдала за ними с саней, стоявших возле пруда, укрыв ноги меховым одеялом. Алекс пригласил их на экскурсию в конце недели с остановкой в гостинице в ста милях к северу от города, откупил целый железнодорожный вагон для этой поездки, сделал широкий жест, что было характерно для него, как узнала Лиза. Молодой гений розничной торговли, как его называли в статье в журнале «Харперс уикли», без всякого смущения полюбил Аманду, которая ответила ему полной взаимностью. Это привело Лизу в восторг, потому что она знала, что дочка ужасно тоскует по Адаму. Лиза объяснила Аманде, что папа остался в Англии по политическим соображениям, она также просила ее не упоминать о папе при Алексе. Лизе не нравился такой обман, но она должна была пойти на это, потому что не хотела упустить возможность заполучить Алекса. Лиза тоже скучала по Адаму, но Алекс начинал заполнять образовавшуюся пустоту. И хотя она его не любила, он ей очень нравился. Пока что Алекс вел себя как истинный джентльмен. Но Лиза заметила, что этот уик-энд в сельской местности, где поселились главным образом голландцы, в гостинице, которая странным образом оказалась совершенно пустой, если не считать их троих и миссис Паркер, был особенно хорошо спланирован. Фамильярное обращение Алекса с управляющим гостиницы и сотрудниками заставило ее заподозрить, что он не в первый раз отпрашивается, на уик-энд на север. Она подумала также, что он ездил сюда не один. Лиза сделала для себя вывод, что он не чуждается прелестей женского пола.

— Алекс! — пропищала Аманда, когда ее спутник не устоял на ногах, подпрыгнул и свалился на лед. Когда он сел с кислой физиономией, Аманда расхохоталась.

— О, вы здорово катаетесь, — сказала она. — Мамочка, правда Алекс смешной? — В этот момент Аманда тоже упала на живот. И они оба счастливо рассмеялись.

«Он будет ей хорошим отцом, — думала Лиза, — а ведь у нее не было отца, который бы постоянно находился при ней».

* * *

Мистер Карпентер, веселый, крепкий управляющий гостиницы, сам обслуживал за столом всех четверых, подал им индюшку со всем необходимым гарниром. После десерта миссис Паркер поднялась из-за стола, чтобы отвести Аманду на второй этаж спать.

— Спокойной ночи, Алекс, — сказала Аманда, обнимая и целуя его. Потом подошла и поцеловала маму.

— Спокойной ночи, мама. Знаешь что? Алекс почти такой же замечательный, как папа.

Лиза кисло улыбнулась, когда няня повела Аманду наверх, и они остались вдвоем с Алексом. Кофе они пили возле большой каменной печи, а мистер Карпентер в это время убирал со стола. На улице все еще шел снег, но в уютной гостиной постоялого двора восемнадцатого столетия было тепло.

— Нравится? — спросил Алекс. Он стоял перед горевшими дровами, а Лиза сидела на скамье колониального типа с подушками.

— Очень, — она улыбнулась. — Замечательная мысль поехать сюда, Алекс. И я ценю твое доброе отношение к Аманде. Боюсь, что ты ее просто покоришь.

— Ну, она-то меня точно покорила. Очаровательная девочка.

Он в нерешительности замолчал, ожидая, когда Карпентер удалился из комнаты. Когда они остались одни, он взглянул на Лизу.

— Вы сказали мне, что Джека Кавана застрелили пять лет назад. Как же она могла запомнить «папу»?

— Джек не был отцом Аманды, — ответила она.

— Кто же им был тогда?

Она слегка улыбнулась.

— Я вдруг почувствовала себя почти голой. Но вам, пожалуй, стоит узнать обо всем моем бурном прошлом. Отец Аманды — Адам Торн, маркиз Понтефракт.

Алекс присвистнул.

— Так *вот почему* он так старался спасти ее...

— Совершенно верно. Конечно, мы старались не разглашать свои прошлые отношения.

Он странно смотрел на нее. «Так, эта новость *доконала* его», — подумала она. Лиза подошла к нему и притронулась к его рукаву.

— Дорогой Алекс, — обратилась она. — Я не знаю, о чем вы думаете. Последние недели с вами были просто великолепны, но завтра мы вернемся в город и можем опять пойти каждый своей дорогой. С моей стороны упреков не будет. — Начали бить часы на полочке камина. — Уже поздно. Я, пожалуй, пойду в свою комнату. Спокойной ночи.

Она повернулась, чтобы уйти, но он взял ее за руку и привлек к себе. Обняв, он поцеловал ее в губы со страстью, удивившей ее.

— Лиза, Лиза, — прошептал он. — Я с ума схожу... — Для меня неважно... — Он начал целовать ее подбородок, нос, щеки, глаза. — Мне абсолютно безразлично, кто был отцом Аманды. Мне нужны *вы*...

Он опять поцеловал ее в губы. Она почувствовала, как его руки сладострастно сжимают ее спину.

Она мягко отстранила его.

— А теперь пора и вам рассказать мне кое-что о себе, — предложила она. — Почему у меня создалось впечатление, что вы бывали в этой гостинице и раньше?

Он пригладил рукой волосы.

— Я бывал здесь. Не отрицаю этого.

— И у меня странная уверенность, что вы приезжали сюда не один.

— Этого я тоже не отрицаю. Надеюсь, вы не начнете читать мне проповедь?

— Мне не пристало читать проповеди, видит Бог. Но хочу сказать одно: я далеко не девственница, но если вы думаете, что я пойду наверх вместе с вами...

— Лиза, те девушки были совсем другими. Дешевые артистки, проститутки... На вас же я хочу *жениться*. Хочу, чтобы вы стали моей женой.

Молчание.

— А ваша мама? — Некоторое время он казался озадаченным.

— Может быть, это прозвучит бессердечно, но мне безразлично, что подумает мама. У нее своя жизнь, а у меня своя. Соглашайтесь, Лиза. Или вы хотите, чтобы я встал перед вами на колени и сделал бы предложение в такой позе?

Она пристально смотрела на него, в голове у нее помутилось.

— Ладно, видит Бог, я *готов* встать на колени! — Он опустился на одно колено и приложил руку к сердцу. — Прекрасная Лиза, вы просто свели меня с ума, вызвали у меня дикую страсть и желание обладать вами. Поскольку я не могу жить без вас и поскольку мы не эталоны добродетели... что-нибудь не так?

Она отвернулась, закрыв лицо руками.

— Лиза, вы плачете, почему?

Он встал, взяв ее за руки.

— Ах, Алекс, вы такой хороший, добрый, замечательный... Вы мне *очень* нравитесь. Но я должна быть с вами честной. Я вас не люблю. Если вы верите в проклятия, то это проклятие моей жизни. Я всю жизнь любила только одного человека и думаю, не разлюблю его до смерти.

— Адама Торна? — тихо спросил он.

Она кивнула и вытерла слезы.

— Проклятье! — воскликнула она. — Зачем мне надо быть такой честной? Вы будете прекрасным мужем для меня и замечательным отцом для Аманды. Почему мне просто не согласиться и не промолчать? Но Алекс, дорогой Алекс, я не могу вас обманывать. Вы слишком хороши для меня. А у меня где-то в глубине души всегда будет оставаться человек, которого я всеми силами старалась забыть и не смогла. Человек, который... ну, можно сказать, что у нас с ним родственные души, хотя это объяснение всего не исчерпывает. Вот вам и вся правда о скандально известной миссис Кавана. Я глубоко польщена вашим предложением жениться на мне, но поищите женщину более достойную, чем я.

Он сжал ее руки.

— Мне никого не надо, кроме вас! — возразил он. — Я все равно хочу, чтобы вы стали моей женой. Когда-нибудь с помощью Господа я заставлю вас забыть Адама Торна.

Он вновь поцеловал ее, и опять с такой страстью, на которую, она думала, он не способен.

— Скажите «да», Лиза. Скажите «да».

Сила, теплота его тела начали возбуждать ее.

— Даже зная...

— Даже все зная. Мне наплевать на все это. Скажите да, иначе, видит Господь, я продержу вас здесь всю ночь!

Она зажмурилась... Адам... торфяники... ее верный рыцарь... Но ее верный рыцарь женился на Сибил, которую, как это ни странно, ей самой пришлось оберегать... Ей нужен муж... Адам, любовь моя... Она раскрыла

глаза.

— Да!

От удивления он даже заморгал.

— Бог мой, ну, наконец!

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ТРЕТЬЯ

— Шарлотта родила мальчика, но мертвого! — сказал Элтон, входя на кухню особняка на плантации «Феарвью».

— Хорошо, — сказала горничная Сара.

— Что значит «хорошо»? — воскликнул старый раб, жена которого, Корделия, помогала принять мертворожденного ребенка несколько минут назад на втором этаже. — Как ты можешь говорить такое о мисс Шарлотте?

— Я ничего не хочу, кроме проклятья этому дому, — ответила Сара. — Ничего, кроме проклятья. Масса убил моего Такера. Я бы хотела, чтобы он расплачивался за это весь остаток своей жизни.

— Это не по-христиански, — увещевал ее Элтон. — Месть в руках Господа, об этом говорится в святой книге.

— Мне все равно, что там говорится. Я не желаю ничего, кроме проклятья этому дому.

На втором этаже Шарлотта истерически рыдала.

— Клейтон?! Где же Клейтон?! Хочу видеть своего Клейтона! Пожалуйста, мама, скажи, куда он уехал?

Элли Мэй стояла возле кровати дочери, держа ее за руку, с горестным выражением лица. Она взглянула на Пинеаса, который стоял у изножья кровати. В печи потрескивали дрова, керосиновая лампа освещала комнату с высоким потолком. У Шарлотты начались схватки при заходе солнца в холодный ноябрьский день, и доктор Купер приехал как раз вовремя, чтобы принять мертворожденного младенца. Шарлотта все еще билась в истерике.

— Папа, что это такое? — кричала она. — Почему Клейтон уехал? Где он находится? О, я хочу видеть его, особенно сейчас, когда мой ребенок умер...

Она опять зарыдала. Пинеас неловко задвигался. Элли Мэй отпустила руку Шарлотты и обошла кровать.

— Давай выйдем, — шепнула она мужу. — Корделия, побудьте с мисс Шарлоттой.

— Да, мэм, — толстая кухарка присела, когда мимо нее прошли Пинеас и Элли Мэй.

— Ты должен привезти Клейтона, — прошептала Элли Мэй, когда они притворили дверь спальни.

— Не хочу видеть этого предателя в доме, — горячился Пинеас. — Ты не знаешь, что он наговорил мне на днях. Он говорил мерзости о

Конфедерации...

— *Не важно*, что он говорил! Он нужен Шарлотте! Ее сердце разрывается!

— Но ты и сама знаешь, куда уехал Клейтон. Я сказал тебе.

— Не важно, куда он поехал. Привези его ради нашей дочери. И проникнись хотя бы немного сочувствием к Клейтону. Что бы он ни говорил сейчас, он потерял ногу ради славного дела.

— Проклятье! — пробормотал Пинеас. — Ладно. Поеду к нему завтра утром.

Пересекая залу, он все еще слышал рыдания дочери.

* * *

— Дулси, — бормотал Клейтон, лежа возле красивой мулатки. — О, Дулси, я так удивительно счастлив с тобой.

— У-гу. Ну, я просто была добра к тебе последние дни, но не думай, что ты можешь переехать сюда навсегда. То есть если ты не достанешь денег.

— У кого же есть деньги? У тебя их нет, у меня тоже. У кого же они имеются? — Он улыбнулся, глядя ее голые груди. — К тому же, ты ведь любишь меня, не так ли?

— Для белого ты мужик ничего. Но что будет, когда у тебя кончится выпивка, которую ты спер у генерала? Я знаю, как бесятся пьяницы.

— Я не пьяница.

— Ха. Значит, здорово разыгрываешь роль пьяницы.

— О, Дулси, не будем ругаться. Давай лучше покувыркаемся в кровати.

Он улыбнулся, взбираясь на нее. Они лежали голые на ее провисшей кровати в неотопливаемом коттедже на плантации «Эльвира».

— Единственное, что я могу сказать, сладкий мой, эта штука у тебя постоянно стоит.

Дверь открылась, и на пороге показался Пинеас. Дулси ахнула и сбросила с себя Клейтона.

— Клейтон, — сказал Пинеас, — одевайся. У Шарлотты родился мертвый ребенок. Ты нужен ей.

— Мертвый ребенок? — переспросил Клейтон.

— Если тебе интересно знать, мальчик. Одевайся, парень! И вылезай

из этой грязной негритянской кровати. Я отвезу тебя домой.

Клейтон вспыхнул.

— Вот как! А потом вы опять выгоните меня. Ну нет, дудки. Мне лучше оставаться здесь. А если и Дулси прогонит меня, то буду жить просто в поле.

— Неужели тебе совсем безразлична жена?! Шарлотта в истерике! И если даже это безразлично тебе, то скажу больше — назревает решающая битва при Фредериксбурге. Нам нужно как можно больше мужчин для защиты плантации «Феарвью». Ты можешь ненавидеть Конфедерацию, но ведь плантация «Феарвью» когда-нибудь станет твоей, Клейтон. Твоей и Шарлотты. Поэтому, если тебе трудно оторваться от этой шлюхи, то подумай о своих интересах в «Феарвью». Я подожду на дворе, пока ты приведешь себя в приличный вид, если это вообще возможно.

Дико взглянув на Дулси, он попятился из комнаты и закрыл за собой дверь.

Некоторое время Клейтон лежал в нерешительности, потом вылез из кровати.

— Мне надо ехать. Спасибо за все, что ты сделала для меня, Дулси. Когда все уляжется...

— И что тогда? Ты опять приедешь к Дулси? Забудь обо мне, белый парень. Ты мне не нужен. Я пожалела тебя, когда ты приехал сюда на днях, как побитая собака, но я не хочу иметь никакого отношения к этому генералу. Никакого, сэр.

Клейтон надевал на себя брюки.

— Понимаю твои чувства, — отозвался он. — Генерал плохо обращался со своими рабами — я знаю об этом. Ну, что же, посмотрим. Я переведу тебе деньги, если когда-либо займею их...

— Плохо с твоим ребенком, — сказала она, глядя на него. — Интересно, почему так? Двое крепких, здоровых родителей вроде тебя и мисс Шарлотты, а ребенок родился мертвым?

— Да, это *странно*. Надо будет сделать новую попытку...

Дулси улыбнулась. Она-то знала, почему у Клейтона родился мертвый ребенок.

Знакомство с ужасными условиями лондонских трущоб убедили Адама в том, что одними речами в палате лордов мало что изменишь. Гораздо эффективнее было бы откупить часть района Уаппинг, снести здания — рассадники крыс — и на этом месте построить дешевые жилые дома с последними достижениями бытовой техники, включая водопровод,

канализацию и отопление, которые так резко изменили условия жизни более обеспеченных классов. Адам именно этим и занялся. Он нанял архитектора сэра Джозефа Пекстона разработать соответствующие планы. Сэр Джозеф, который спроектировал знаменитый Кристальный дворец, превратившийся в самую яркую достопримечательность великой выставки 1851 года, горячо взялся за новое дело. Адам и он сразу же понравились друг другу, и они начали в кабинете Понтефракт Хауза набрасывать предварительные чертежи, когда в дверь постучал мистер Ридли.

— Простите меня, милорд, но только что посыльный принес вот эту записку в конверте. — Дворецкий протянул серебряный поднос.

Адам вскрыл конверт и вынул оттуда записку. «Сэр, — говорилось в ней, — у меня есть кое-что такое, что, думаю, вас заинтересует. Если вас это заинтересует, то можете прийти в номер 2-А гостиницы «Кларидж», завтра в час дня».

Подписи под запиской не было.

История «Кларидж» началась с первых лет столетия, как история обычного городского дома, где принц-регент держал своих любовниц. С течением времени дом переоборудовали в гостиницу, сохранив кое в чем его легкомысленную репутацию, но придав ему и респектабельность, чем особенно отличалось девятнадцатое столетие. Восемнадцатилетний Син Грисволд уже два года работал в гостинице носильщиком. Он знал, что правление гордится респектабельностью этого учреждения. Несмотря на это, Сину было известно, что некоторые аристократы, если у них водились наличные и они пользовались влиянием в обществе, могли использовать гостиницу в качестве места свидания. Поэтому, когда он увидел, что в фойе гостиницы вошел лорд Понтефракт как раз перед часом дня, он задался вопросом, что там делает большой герой Каунпура. Он узнал Адама не только по фотографиям, но и потому, что много раз видел его самого, поскольку его тетка работала экономкой в Понтефракт Хаузе. Когда Адам попросил дежурного отвести его в номер 2-А, Син ухмыльнулся. Он знал, кто находится в номере 2-А.

Адам пошел за носильщиком вверх по лестнице на второй этаж, потом по коридору к нужному номеру. Он сгорал от любопытства по поводу того, от кого же пришла эта записка. Постучав в дверь, он открыл ее, совершенно не представляя себе, кого он увидит в номере. Он искренне удивился, когда увидел Эмилию Макнер.

— Эмилия! — воскликнул он. — Что вы здесь делаете?

На Эмилии было прекрасное платье цвета слоновой кости с низким

декольте. Такое платье, которое по мнению всех, включая и Адама, можно было надеть на ужин, но нельзя было надевать к обеду. Она улыбнулась.

— Я вас приглашаю на обед, — сказала она. — Поскольку вы меня ни разу не пригласили, то я решила сама это сделать. Пойдемте.

Адам нервно поглядывал на носильщика, который, уставившись в потолок, старался держаться и не хихикнуть. Адам дал ему полкроны на чай и вошел в гостиную номера. Огляделся, когда Эмилия притворила дверь. Уже был накрыт обед на две персоны, у столика стоял официант, держа в руках бутылку шампанского и, получив разрешение, с хлопком откупорил пробку.

— Вам нравится шампанское «Вёв Клико»? — спросила Эмилия. — Если вы хотите другого сорта, то можно поменять. Что же касается меня, то я просто пристрастилась к этому сорту «Вдовушки».

— Ну, что вы. Это вино прекрасное, — все еще не придя в себя, ответил Адам.

Эмилия сделала знак официанту, чтобы тот налил.

— Вы курите, милорд? — спросила она. — Я купила несколько гаванских сигар...

— У меня аллергия на дым от сигар.

— Ах, да. Я забыла. Мне следовало бы запомнить это еще с тех пор, когда вы были в Индии. С первой замечательной ночи, когда вы познакомились с моим папой на террасе в Калькутте, куда вы вышли, чтобы не дышать дымом от сигар. Хотите к шампанскому немного икры?

— Эмилия, что происходит?

— Все очень просто — мы обедаем. Вы *хотите* немного икры? От лучшей персидской белуги.

— Знают ли об этом ваши родители?

Она рассмеялась.

— Какая разница, знают они об этом или не знают? Милорд, в гостях так себя не ведут. Я предлагаю вам закуски, а вы продолжаете задавать мне разные вопросы, как будто я непослушный ребенок. Что за манеры?

— Я не привык получать анонимные приглашения. И что, вы думаете, сможет меня заинтересовать? Она кокетливо улыбнулась.

— Не слишком ли было бы для меня самонадеянным предположить, что я сама могу вас заинтересовать?

Адам нахмурился. Он обратился к официанту, который подавал вазочку с охлажденной черной икрой.

— Оставьте нас.

— Милорд?

— Я говорю, уходите. Поставьте икру на стол и уходите.

Официант, одернутый резким тоном Адама, поклонился и быстро вышел.

Когда они остались одни, Адам повернулся к Эмилии.

— Даже не верится, что вы можете поступить так глупо, — заметил он.

— Глупо? Какой вы противный! Я тут хлопотала, потратилась, чтобы угостить вас, а вы ведете себя, как грубиян.

— Что заставило вас решить, что меня можно угощать вот таким образом?

— Ну, все герои романов, которые я читала, хотят, чтобы их угощали таким образом.

— Каких книг? Которые вы берете в общественной библиотеке?

— Конечно. Библиотека мистера Муди одна из самых крупных. Папа сердится на меня, потому что я задерживаю книги и меня штрафуют.

Адам уставился на нее, потом рассмеялся. Эмилия, золотистые кудри которой рассыпались колечками, вся напряглась.

— Мне хотелось бы знать, что тут смешного? — спросила она.

— Мне не хотелось бы говорить вам этого, но смешны *вы* сами. Я не знал, что вы начнете имитировать сцены из бульварных романов, которые читаете...

— Они не бульварные! Они романтические! Мне просто не верится, что вы можете вести себя так! Разве я не красива? Это платье обошлось папе в приличную сумму. Почему у вас не вскружилась от меня голова? Почему вы не заключаете меня в свои объятия и не покрываете меня поцелуями? Знаете ли вы, во сколько мне обойдется этот обед? Я заложила свое жемчужное ожерелье, чтобы оплатить его.

Адам вздохнул.

— О Господи... возьмите ожерелье из заклада. Я дам вам денег...

— Мне не жалко своего жемчужного ожерелья! Я хочу *вас*! Неужели вам это непонятно? С первого мгновения, когда я вас увидела, я безумно влюбилась в вас. Вы знаете, что я притворно не скромничаю — видит Бог, я откровенна с вами. Мне все равно. Адам, вы один у меня на уме. Все мои грезы связаны с вами. Единственное, чего я хочу в жизни, — это чтобы меня обнимали ваши сильные, мужественные руки. Единственное, чего я хочу — это вашей любви.

На мгновение у него появилось искушение — девушка была так красива! Потом он обернулся и посмотрел на кушетку возле двери. На ней лежали пальто и шляпка цвета слоновой кости. Он подошел к кушетке, взял

вещи и принес ей.

— Одевайтесь, я отвезу вас домой.

— Нет!

— Эмилия, вы играете с огнем! Неужели вы не понимаете, что компрометируете себя и *меня*?

— Наплевать! Ничего нет важнее любви!

— Вы ошибаетесь, — спокойно возразил он. — Существует много вещей, которые важнее любви.

— Назовите хотя бы одну.

— Назову сразу несколько: честь, достоинство, самоуважение.

Она засмеялась.

— О Господи, Адам! С *вашей-то* репутацией вы осмеливаетесь говорить мне подобные вещи! Я не думала, что вы лицемер!

— Да, вероятно, я лицемер. И если бы я не извлек уроков из своей собственной жизни, то, возможно, сделал бы то, что вы хотите. Но мне хочется думать, что я все-таки извлек для себя урок.

— Какой же именно? — презрительно спросила она.

— Ну, хотя бы тот, что если бы я совратил вас, то возненавидел бы себя до конца жизни, потому что я бы погубил вас, а вы ведь такая милая девушка, и губить вас нельзя.

— Мне все равно. Нечего меня жалеть.

— Нет, нужно пожалеть. Я бы не смог смотреть в лицо вашим родителям, которые проявили столько доброты ко мне в Индии. Но, честно говоря, еще важнее и то, что я погублю *самого себя*.

— Что вы говорите? Как это мужчина может погубить себя?

— Очень просто. Мне об этом сказала сама королева. То же мне и моей жене сказала и тетя Сидония. Вот послушайте: любовь — прелестное чувство. Также как и страсть. В десять лет я страстно полюбил одну девушку, и это чувство принесло нам обоим лишь мучения. Вы спрашиваете, что может быть важнее любви. Отвечу вам: мои два сына, которых я обожаю. Моя жена, видит Бог, мы ссорились с ней, но она завоевала мое уважение и любовь несмотря на то, что я не люблю ее так же сильно, как Лизу. И если вы думаете, что я предаю ее, совратив вас, то вы очень ошибаетесь. Скажу кое-что еще: я стараюсь помогать бедным. Конечно, вы можете называть меня святошей и лицемером, потому что мне принадлежат прекрасные особняки, но, во всяком случае, я хотя бы пытаюсь что-то сделать, облегчить страшную нищету в этой стране. А если разойдется слух о том, что лорд Понтефракт прыгает в постель к прекрасной молодой девушке в гостинице «Кларидж», то это

скомпрометирует все мое начинание в районе Уаппинга. Поэтому надевайте свое пальто и шляпку. Я отправлю вас домой на площадь Беркли, и сам тоже поеду домой к своей семье.

Он набросил пальто ей на плечи. Эмилия разрыдалась.

— Это самый ужасный день в моей жизни! — причитала она.

— Ничего подобного. Когда-нибудь вы вспомните про этот день и поблагодарите меня за благоразумное поведение.

Она вытерла глаза салфеткой, потом сердито посмотрела на него.

— И когда-нибудь, когда мы оба постареем и поседем, возможно, вы вспомните про этот день и поймете, каким вы были глупцом, что проявили такое благоразумие!

Теперь наступила его очередь внимательно посмотреть на нее. Она подошла к двери и, хлопнув ею, вышла из комнаты.

— О, Диззи, — сказала Сибил на следующий день после обеда, когда она пила чай вместе с мистером Дизраэли в музыкальной комнате Понтефракт Хауза. — У меня есть основания полагать, что Адам меня опять обманывает.

— Что вы хотите сказать этим?

— У моей экономки миссис Грисволд есть племянник, который работает в гостинице «Кларидж». Вчера он сказал ей, что Адам угощал мисс Макнер обедом в номере гостиницы. Не надо быть особенно догадливым, чтобы понять, о чем идет речь.

Диззи вздохнул:

— Очень жаль, что моральные взгляды Адама не отличаются строгостью. Но раз уж он стал моим политическим протезом, то мне придется самому разобраться с ним. Конечно, ради блага партии. Может быть, Сибил, вам следует устроить бал, а я составлю список приглашенных. Думаю, что пора уже найти жениха для мисс Макнер. У меня есть на примете один привлекательный и беспринципный молодой человек.

— Кто такой?

— Эдгар Масгрейв. — Они с Сибил обменялись понимающими взглядами. — Возможно, это поможет приглушить некоторые — скажем так — неуместные слухи.

— Увижу ли я когда-нибудь своего папу? — спросила Лизу Аманда. Она сидела за обеденным столом. — Я имею в виду настоящего папу, не Алекса.

— Да, дорогая. Когда-нибудь увидишь. — В разговорах на эту тему Лиза проявляла осторожность. — Но тебе нравится твой новый папа?

— Ох, Алекс прекрасный человек. Такой добрый. Мне нравятся все его подарки. Он что, ужасно богат?

— Да, думаю, очень богат, — Лиза так и не могла полностью примириться с мыслью о том, что Алекс наживается на войне. После свадьбы они неделю провели в сельской местности штата Нью-Йорк, потом Алекс поехал в Вашингтон, где, как он рассказал ей потом, он заработал чуть ли не полмиллиона долларов на сделке по пошиву ста тысяч штук обмундирования для федеральной армии. Американские бизнесмены относились к войне чисто по-деловому.

Алекс без предупреждения сделал ей подарок к свадьбе — начал строить новый дом. Он приобрел два не очень привлекательных дома из коричневого камня на Пятой авеню, в десяти кварталах от огромного каменного здания на Сорок второй улице. Эти два дома снесли, чтобы он мог построить своей жене-англичанке «дворец, которым ты сможешь гордиться»... Когда он показал ей архитектурные планы дома, то просто ошеломил ее. Дом был пятиэтажным каменным особняком готического стиля, который больше напоминал небольшой храм, нежели дом. Когда она запротестовала и сказала, что дом слишком велик, он возразил, что они, владельцы фирмы «Синклер и сын», должны показать ньюйоркцам, как надо тратить нажитые на войне миллионы. Все это было слишком стремительно и головокружительно, размышляла она, а также безвкусно и вульгарно. Энергия Алекса не только поражала ее, но и утомляла. Она думала, что он решил потягаться по стилю жизни с Адамом в Англии. Он страшно ревновал Лизу к ее бывшему любовнику.

Парализованная мать Алекса умерла от инфаркта. Алекс продал ее дом, снял себе другой на Пятой авеню, в одном квартале к югу от строительной площадки, где возводился готический особняк.

Алекс вошел в столовую и спросил:

— Как поживает моя сладкая Аманда?

— Алекс! — пропищала Аманда и понеслась к нему навстречу. Подхватив, он расцеловал ее, два раза качнув из стороны в сторону, потом опустил на пол. — А теперь беги на кухню — Лиля напекла шоколадных сладостей.

— Я люблю шоколад.

Она выбежала из комнаты. Алекс подошел к Лизе сзади и, положив руки на ее обнаженные плечи, наклонился, чтобы поцеловать ее шею.

— А как поживает самая прекрасная женщина Нью-Йорка? — спросил

он.

Лиза смотрела на его отражение в зеркале. Как всегда, он был прекрасно одет, и она не могла остаться равнодушной к этому смуглому мужчине с привлекательной внешностью.

— Честно говоря, я немного устала. Кажется, простудилась. Во всяком случае, рада, что сегодня к нам никто не приходит. Я с облегчением думаю, что мы поужинаем одни.

— Разве ты не получила мою записку?

— Какую записку?

Он выпрямился.

— Я послал записку с мальчиком после обеда. Обедал я сегодня с замечательным человеком, с которым мне пришлось вести некоторые дела в Вашингтоне. Пригласил его на ужин.

— Ах, Алекс, уволь! Посыльный не появлялся! Чем же я стану кормить незнакомого человека? Лиля приготовила цыпленка лишь для нас самих...

Он забеспокоился.

— Проклятье! — Он засунул руки в карманы своих узких брюк. — Эти посыльные мальчики такие ненадежнее. Пожалуй, надо попросить Лилу купить еще одного цыпленка, а то и двух... Джим толстый, как поросенок, а ест как троглодит. Но тебе, Лиза, он понравится. Он забавный, оптимист. Возможно, у меня и дальше будут с ним дела. У него масса всяких идей. Я, пожалуй, схожу на кухню, предупрежу Лилу.

Он торопливо вышел из спальни. Лиза вздохнула. После возвращения из свадебной поездки месяц назад они вели довольно напряженную жизнь — почти каждый день либо ходили по гостям, либо принимали гостей у себя. Алекс утверждал, что хорошие связи обеспечивали хороший бизнес. К тому же он явно гордился своей женой, показывая ее всем. Но вся эта беготня изматывала ее, и она иногда с грустью вспоминала о покойных днях в Эре, своих прогулках по пустынному пляжу... И никогда не забывала Адама.

Насколько сильно различаются эти два человека. Так же, как мирный берег Шотландии отличается от сумасшедшей денежной гонки Нью-Йорка. Надевая бриллиантовые сережки, которые подарил ей Алекс, она думала, кто же такой этот Джим.

— Ну, Алекс, приятель, я готов есть такой суп до Страшного суда, особенно когда рядом находится ваша жена, самая красивая женщина на свете, — воскликнул Джим Фиск-младший часом позже, когда Алекс ввел толстенного, с иголочки одетого бывшего циркача в гостиную. — Господи,

да она же просто королева! Настоящая королева! Миссис Синклер, мадам, хотя я и родился 1-го апреля, в день дураков, я никогда не говорю неправду. Когда я смотрю на ваше прелестное личико, то как будто слышу божественную музыку, как будто начинают звучать золотые струны! Этот день на всю жизнь останется в моей памяти, потому что я увидел саму Венеру!

Лиза чуть не рассмеялась от этой тирады, произнесенной с гундосым вермонтским акцентом нараспев. Джиму Фиску было двадцать семь лет. Его отличали голубые глаза навывкате и отвисшие, как у моржа, усы. На его мясистых пальцах были нанизаны три золотых кольца с бриллиантами, на шелковом галстуке была булавка с бриллиантом, а огромный живот опоясывала золотая цепочка от часов.

— Ну, что вы. Спасибо, мистер Фиск, — сказала она, с трудом сдерживая смех.

— Алекс, я думал, что ты просто хвастался за обедом, но оказалось, ты говорил истинную правду. Ты женился на самой красивой женщине во всем Нью-Йорке. Послушай, мне нравится и твой дом, — добавил он, оглядывая вычурную гостиную, которую Алекс снял вместе с мебелью. — Очень любопытное помещение, с хорошим вкусом и на Пятой авеню. Я слышал, что Пятая авеню шикарное место и цены тут очень высокие.

— Да, для недвижимости это просто находка, цены постоянно растут, — согласился Алекс.

— Мистер Фиск, хотите хереса перед обедом? — спросила Лиза, садясь на скамеечку.

— Хереса? — фыркнул он. — Черт подери, мадам, разве это выпивка для настоящего мужчины? Налейте мне либо виски, либо чистой воды. Есть ли у вас ром, Алекс? Меня что-то потянуло на рюмку хорошего старого рома.

— Рома у меня нет, но есть хорошее довоенное американское виски «Бурбон».

— Бурбон! Отлично! Ну, так вот, мадам, — он втиснулся в довольно хрупкое на вид кресло, — поскольку вы иностранка, то скажите, что вы думаете об этой дурацкой войне, которая у нас тут идет? А? И я называю ее дурацкой, потому что разве это не глупость стрелять друг в друга? Я думаю о Джонни-мятежнике как о своем брате, хотя он готов снести с меня голову. Но похоже, что назревает настоящая битва при Фредериксбурге, верно? Не знаю, удастся ли нам выиграть хоть одно сражение. Не-ет. Подумать только, Север не выиграл ни одного сражения! Что вы оба думаете об этом, Алекс? Хотите пари? Ставлю три против одного, что дядя Сэм подождет хвост

перед повстанцами.

— Хотите на сто долларов?

— Идет.

Лиза подумала, какой цинизм, что двое мужчин призывного возраста держат пари на исход битвы, которая обещает быть кровавой, но решила попридержать язык.

— Ну, что ты думаешь о толстяке Джиме Фиске? — спросил ночью Алекс, когда раздевался, чтобы лечь в кровать.

— Он — клоун, — ответила Лиза, которая уже лежала в кровати. — И не то чтобы высокомерный сноб, а просто в *высшей степени* вульгарный человек.

— Да, конечно, он вульгарный. Просто парень из Вермонта с инстинктами бенгальского тигра.

— Ты обратил внимание, как он вел себя за столом? Он держал вилку так, как будто это кинжал. И мне пришлось просить простирать скатерть дважды, так он извозил ее курятиной. А отрыжка!

Алекс засмеялся, надевая свою красную фланелевую ночную рубашку.

— Он когда-то работал в цирке, поэтому его нельзя назвать утонченным человеком. Но в Вашингтоне он зарабатывает миллионы, работая на магазины Джордана и Марша в Бостоне.

— Там ты с ним и познакомился?

— Да.

— Он так же наживается на войне, как и ты?

— Точно так же. — Он забрался в широкую кровать и лег рядом с ней. — Знаю, что он неотесанный, но на Уолл-стрите все такие, и из того, что он говорил за ужином, можно сделать вывод, что он не изменится. Просто темнеет в глазах, когда думаешь, какие они себе сколачивают состояния.

— У меня голова идет кругом, когда я думаю, какие ты себе зарабатываешь деньги там, в Вашингтоне. Ах, Алекс, не можешь ли ты остановиться, не проворачивать свои делишки с правительством? Разве у нас не достаточно денег?

— А сколько надо денег, чтобы их стало достаточно? — отозвался он, холодно глядя на нее.

— Ты сказал мне, что мы заработали в этом году больше двух миллионов долларов. Мне кажется, что этого довольно.

— Мне сказали, что командующий военно-морским флотом тянет на *пятьдесят миллионов* или даже больше, но это не останавливает его — он

пытается заработать еще больше. Деньгам нет предела. В этом суть нашей страны: зарабатывать деньги. И чем больше вы заработаете, тем больше вам хвала.

— Никогда не слышала ничего более абсурдного. Значит, ты считаешь, что командующий Вандербилт лучше тебя?

— Да, во всяком случае, он лучше как бизнесмен. Но он старый, а я молодой. Когда-нибудь и я достигну его показателей, и, может быть, легче всего сделать это на Уолл-стрите.

Она вперилась в него взглядом.

— Я начинаю понимать тебя — *по-настоящему* понимать тебя — впервые за все время. Деньги — это бог для тебя, верно?

— А разве есть что-либо более возвышенное?

Она привернула керосиновую лампу и закрыла плечо пуховым одеялом, повернувшись к мужу спиной.

— Спокойной ночи, Алекс.

— Подожди минутку! Ты рисуешь меня каким-то жадным чудовищем, потому что мне нравится зарабатывать деньги! А сама ты разве не любишь деньги?

— Не хочу больше разговаривать об этом.

— Ну а я хочу! Повторяю, разве ты не любишь деньги?

Она села на кровати и опять вывернула фитиль лампы.

— Да, конечно, деньги я люблю, — ответила она. — Но я не схожу по ним с ума. Неужели ты не замечаешь, что за шесть недель нашей совместной жизни ты только и знаешь, что говоришь о деньгах? Тебя больше ничто не интересует: ни искусство, ни книги, ни музыка, ни любовь...

— Я люблю тебя! И люблю Аманду!

— Только чудовище может не любить Аманду, а меня ты любишь потому, что тебе нравится показывать меня, как будто я новое модельное платье, которое появилось в твоём магазине.

— Боже! Что ты говоришь!

— Но это же правда, Алекс. У тебя много замечательных качеств. Не стану отрицать этого. Но то, что тебе известно о любви, можно написать на одном из ценников одежды в твоём магазине «Синклер и сын».

— Ах, вот как? А Адам Торн, конечно, знает все о любви? — Голос его прозвучал тихо и злобно.

— Адам Торн и *есть* воплощение любви.

— Вот почему ты без энтузиазма относишься к моей близости с тобой в постели? — прошептал он. — Потому что ты все еще любишь этого

проклятого англичанина?

— Мне не очень нравится половая близость с тобой, потому что ты делаешь это очень быстро, как во время распродажи в своем магазине «Синклер и сын». У Адама это получалось как симфония. А твоя близость — это минутный вальс.

Его бледное лицо совсем посерело.

— Чертова баба! — прошептал он. — Будь ты *проклята!*

Он сбросил с себя одеяло и вылез из кровати.

— Прости, Алекс... мне не надо было говорить этого.

— Минутный вальс! — фыркнул он. Взяв покрывало с кресла, он направился к двери.

— Я буду спать внизу, — сказал он. — Мне одному вполне подойдет «минутный» вальс!

Он хлопнул дверью, выйдя из комнаты. Лиза вздохнула и закрыла глаза. Через двадцать минут, когда она уже задремала, она услышала, как открылась дверь. Она села на кровати. Свет от газовых фонарей на Пятой авеню проникал через окна, неясно освещая комнату. Она увидела Алекса, одетого в ту же ночную рубашку. Он встал на колени возле кровати.

— Прости, — прошептал он, целуя руки. — Я так люблю тебя, Лиза, что когда вспоминаю про Адама Торна, то просто готов умереть. Научи меня половой близости, как это делает Адам. Мне так хочется, чтобы ты любила меня.

Она погладила свободной рукой его волосы, густые и такие же черные, как у Адама.

— Так, — сказала она. — Во-первых, не надо торопиться, как на перекладных.

— Неужели у меня получается *такскверно*?

Она кивнула. Через некоторое время он хихикнул. Потом хихикнула она.

— Ладно, постараюсь не торопиться.

Он забрался в кровать. «На этот раз, — подумала она чуть позже, — у него получилось немного лучше».

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

Черная коляска Пинеаса подкатила к парадному подъезду на плантации «Эльвира». Стоял холодный, снежный день начала декабря, в окнах госпиталя тут же появились лица солдат Конфедерации, которые умирали тут от скуки и которым было интересно посмотреть, что происходит на улице. Старый Элтон слез с козел и открыл дверцу, чтобы поддержать костыли Клейтона и помочь ему выйти из коляски. Спустившись на землю, Клейтон оперся на костыли и заковылял по территории одной из самых лучших когда-то плантаций Виргинии, которая во время войны стала приходить в упадок. На холодном воздухе изо рта Клейтона валил пар, когда он звонил в колокольчик. Дверь открыла мисс Прюитт, одна из его бывших медсестер.

— Капитан Карр! — улыбнулась она. — Очень приятно увидеть вас. Сразу видно, что вы окрепли. Очень рада этому.

— Спасибо, мисс Прюитт. Мне надо увидеть доктора Мейнворинга. Он на месте?

— Да, он только что закончил утренний обход и отправился к себе в кабинет.

Медсестра провела Клейтона мимо запасных лежаков в заднюю часть здания, где раньше находился кабинет Джека Кавана, а теперь тут расположился заведующий госпиталем. Постучавшись, Клейтон вошел в комнату. Доктор Мейнворинг, приземистый мужчина в очках с позолоченной оправой, поднялся и пожал ему руку.

— Рад видеть вас, Клейтон. Как ваши дела?

— Ну, не сказал бы, что очень хорошо. Мы в «Феарвью» оказались очень близко от поля сражения, все несколько нервничаем. Генерал Уитни находится при генерале Ли в районе Фредериксбурга, у нас не хватает рабочих рук, поэтому он распорядился забрать у вас Дулси.

Доктор с мягкими манерами выказал удивление.

— Дулси? Но она нам самим нужна здесь. У нас тоже не хватает рабочих рук!

— Доктор, речь идет о моей жене. У нее три дня назад родился мертвый младенец, и она никак не может поправиться. Генерал Уитни очень за нее переживает. Он предоставил в ваше распоряжение здание на плантации «Эльвира», обеспечил штатом работников, теперь он просит от вас любезности.

— В таком случае, сказать мне нечего. Думаю, что Дулси находится на кухне с тетей Лидой.

— Спасибо.

Клейтон заковылял из кабинета на кухню, где Дулси вытирала со своей бабушкой тарелки.

— Как вы поживаете, тетя Лида? — спросил он, входя на кухню.

— Капитан Карр, — воскликнула старая женщина, подозрительно взглянув на него. Тетя Лида знала о связи Клейтона со своей внучкой. — Приятно видеть, как вы выздоравливаете, но надеюсь, что вы не собираетесь сюда вернуться, чтобы опять крутить амуры с Дулси. Плохо уже само по себе, что в этом доме развернули госпиталь, но, я, конечно, не хотела бы, чтобы этот дом стал местом для свиданий. Вы понимаете, что я имею в виду?

— Да, понимаю. Нет, я не собираюсь переезжать сюда, чтобы крутить с Дулси. Дулси, я хотел бы поговорить с тобой наедине.

Дулси отложила в сторону кухонное полотенце и последовала за Клейтоном в соседнюю кладовку дворцевого. Клейтон вытащил из кармана своего поношенного пальто деньги и сунул их ей в руки.

— Вот пятьдесят долларов, — шепнул он.

Дулси уставилась на деньги.

— Где ты достал их? — спросила она.

— У тестя. У него куча денег под замком на плантации «Феарвью» — не знаю, где он их берет, но я нашел ключ и взял часть денег для тебя.

— Почему?

— Я должен тебе за то, что ты меня поддержала.

— Но это же не стоит пятидесяти долларов.

— Ну, я подумал, что ты, может быть, купишь что-нибудь нарядное себе. Во всяком случае, они твои. А теперь, иди собирай вещи. Я отвезу тебя на плантацию «Феарвью».

— Может быть, я не хочу туда ехать.

Клейтон взял ее руку и поднес к своим губам.

— Дулси, пожалуйста, — прошептал он. — Я скучаю по тебе. Мой тесть уехал, он не сможет тронуть тебя. Пожалуйста, поедем.

Ее глаза прищурились.

— Ты странный человек, Клейтон. Но твоей жене не понравится, если она увидит меня поблизости.

— Моя жена заболела. Не думаю, что она поправится. Доктор Купер не понимает, что с ней. Пожалуйста, поедем, Дулси. Я достану тебе еще денег.

— Я больше не работаю шлюхой.
— Я не имел в виду это...
— Становись на колено — я сказала на колено — и проси меня.
Клейтон поморщился от боли.
— Тебе придется помочь мне.
Она улыбнулась.
— Тебе не придется делать это. Я просто хотела знать, согласишься ли ты.
— Дулси, я сделаю для тебя все, что угодно.
— Клейтон, ты что, влюбился в меня?
— А что если и влюбился?
— Ты навлекаешь на себя большие неприятности.
— Мне все равно. Моя жизнь без тебя настоящий ад, а с тобой она... — Он облизал губы. — Просто рай.
— Ха. Красиво. Клейтон, ты не только симпатичный, но и поэт. Иди и жди меня в коляске. Я соберу свои вещи.
Улыбнувшись ему самой страстной улыбкой, она направилась на кухню.

Они приехали на плантацию «Феарвью» как раз перед заходом солнца.
— Вот, значит, где ты живешь, — протянула Дулси, вылезая из коляски и оглядываясь вокруг.
— Да, — отозвался Клейтон, которому помогал один Элтон. — Тебе здесь нравится?
— Неплохо. Но не так чисто и красиво, как на плантации «Эльвира».
— Жаль, что разочаровываю тебя. Элтон, проводи Дулси на кухню. Скажи Саре, что она будет жить в соседней с мисс Шарлоттой комнате, с тем чтобы всегда быть под рукой.
— Да-са, масса Клейтон. — Старик направился к задней двери дома.
— Под рукой для мисс Шарлотты? — шепнула Дулси с озорной ухмылкой. — Или же для *тебя*?
Она засмеялась и поспешила за Элтоном.
— Зах! — воскликнул Клейтон, увидев младшего брата, который только что вышел из дома на веранду. На нем было довольно грязное солдатское обмундирование. — Когда ты приехал?
— Сегодня утром. Получил увольнение на три дня. — Он сбежал со ступенек навстречу ковылявшему на костылях Клейтону.
— Ты выглядишь молодцом, Зах! — воскликнул он, пожимая ему руку.
— Устал, как собака! Последнюю неделю мы ничем другим не

занимались, только копали траншеи. Янки захватили Фредериксбург. Но больше не стали ничего делать, лишь сидели и таращили на нас глаза. Мы думаем, что этот Бернсайд трусливый или дурашливый, не знаем, что именно. — Он взглянул на дом, потом понизил голос. — Клейтон, скажи, твой тесть не прислал сюда на прошлой неделе сундук?

— Прислал. Мы поставили его в подвальное помещение. Он набит наличными деньгами — там, наверное, сотни тысяч долларов. Где он достал их?

— Генерал Уитни выдает лицензии на всю торговлю с армией. Торгаши наживаются огромные суммы, продавая нам все, начиная от бэкона и кончая канцелярскими принадлежностями, заламывают несусветные цены. В лагере говорят, что твой тесть берет с торгашей взятки.

— Это меня не удивляет. Пинеас — хитрый старый ублюдок. Ну, вот тебе и «Славное дело». Какая страшная трата сил и средств во всей этой глупой войне. Пойдем в дом, Зах. Пора обедать, я умираю с голоду.

Опершись на свои костыли, он заковылял к дому.

Зах задержал его, взяв за руку.

— Клейтон, — спросил он, — ты *серьезно* сказал это?

— Что сказал?

— Что война — это пустая трата сил и средств.

— Ты понял это дьявольски правильно. Я сказал это вполне серьезно.

— Но мы же воюем за родную землю!

— Может быть, наша родная земля не стоит того, чтобы за нее драться.

Пошли. Я проголодался.

Он запрыгал по ступенькам на веранду, но Зах за ним не пошел. Он стоял и смотрел на старшего брата, как будто не мог поверить тому, что тот сказал.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЯТАЯ

Сибил лежала в кровати и читала роман, когда в дверь спальни постучали.

— Да? — откликнулась она. Они вместе с Адамом и двумя сыновьями приехали в расположенный к северу от Лондона Понтефракт Холл на рождественские праздники. Дверь отворилась и в спальню вошел довольно грязный незнакомец. Сибил вся напряглась.

— Кто вы такой? Немедленно убирайтесь!

Испугавшись, она протянула руку к бечевке звонка к своей горничной, когда услышала знакомый голос:

— Ты что же, не узнаешь своего собственного мужа?

— Адам? — неуверенно спросила она.

Он снял с головы рабочую кепку и подошел к ее кровати, широко улыбаясь.

— Прости, если я напугал тебя, — сказал он. — Но я решил проверить на тебе свое новое переодевание. Нравится оно тебе?

Она уставилась на него. Он нарядился нищим, надел длинное черное пальто, грязное и поношенное.

— Нравится мне? — переспросила она. — Это должно мне нравиться?

— Ну, может быть, и не нравится. Меня-то интересует, как я выгляжу в этой одежде?

Она неуверенно пожала плечами.

— Побирושка? — предположила она. — Или рабочий?

— Браво. Я хотел выглядеть, как безработный рабочий. — Она слегка сморщила свой носик, он засмеялся. — Ах, да. От меня пахнет, верно? От этой одежды. Я купил ее на барахолке в Йорке несколько дней назад. Но блох в этой одежде нет — во всяком случае, я так думаю — но осмелюсь предположить, что предыдущий владелец этой одежды мылся не часто. Понимаешь? Такое переодевание придает больше достоверности.

— Но скажи мне, зачем ты вообще вырядился под безработного?

— Отличный вопрос. И если ты подождешь, пока я переоденусь, то я все расскажу тебе об этом.

Через пятнадцать минут он возвратился в банном халате.

— Я быстренько принял душ, — сообщил он, подходя к кровати. — Надеюсь, что теперь от меня пахнет лучше. — Он сел на кровать рядом с ней. — В Англии положение меняется, — начал он свой рассказ. —

Рабочий класс начинает осознавать свои силы. Он хочет получить право голоса, и Диззи хочет предоставить рабочим такое право или, во всяком случае, расширить право участия отдельных групп населения в голосовании, насколько это возможно. Но рядовой англичанин представления не имеет о том, что же представляет собой рабочий класс... каковы, например, условия работы на ситцевой фабрике. Большинство хозяев прессы держат сторону фабрикантов и не печатают правду, а радикальную прессу никто не читает, за исключением самих радикалов. Но я намерен изменить все это.

— Каким же образом?

— Я поеду в Манчестер, переодевшись в безработного по имени Адам Филдинг. Постараюсь устроиться на фабрику «Белладон Текстайлз». Если у меня получится, то поработаю там несколько недель и на себе самом проверю *реальное положение*. Затем я возвращусь в Лондон и изложу свои наблюдения в палате лордов. Если меня не обманывает предчувствие, то обстановка на фабриках Белладона достаточно красноречива, и мне удастся пробудить благородных лордов от из спячки и, может быть, достаточно расшевелить палату общин, чтобы она приняла какое-нибудь зубастое законодательство. Диззи считает, что это прекрасная идея, и если дело выгорит, то это может помочь нам победить на следующих выборах.

Сибил смотрела на него с нескрываемым восхищением.

— Адам, это блестяще, — похвалила она. — Но не опасно ли это? Я слышала, что эти фабриканты содержат сексотов среди рабочих. Что если тебя разоблачат?

Адам пожал плечами.

— Там не будет более опасно, чем в Индии.

— Пожалуй, нет. — Сибил помолчала. — Почему-то мне кажется, что ты не случайно избрал для проверки именно фабрику Гораса Белладона?

— Конечно не случайно. Я знаю, что именно Белладон нанял братьев Брокс похитить Аманду. Они не выдали его, но я это чувствую нутром. Пришло время расквитаться с ним.

Сибил покачала головой.

— Какой же у меня эксцентричный муж, — произнесла она. — Измазать себе грязью лицо, облачиться в одежду, от которой воняет за версту, и отправиться на поиски работы на ужасной текстильной фабрике. Но я восторгаюсь тобой. Рассказал ли ты об этом нашим мальчишкам?

— Нет. Они, наверное, и без этого нищенского отрепья думают, что я рехнулся. Я расскажу им, когда возвращусь.

— Когда ты отправляешься туда?

— Завтра утром. Мне сначала надо заехать в Лондон, у меня там кое-какие дела. Но уже через день я поеду в Манчестер.

— Значит сегодня вечером мы вместе в последний раз перед твоей поездкой?

— Да. — Он помолчал в нерешительности. — Я подумал, что, может быть, ты захочешь, чтобы я провел эту ночь... здесь.

Ее лицо радостно осветилось.

— О, да, — прошептала она, кладя книгу на столик возле кровати. Он ее обнял и расцеловал. Через какое-то время она оттолкнула его. — Нет, — нахмурилась она. — Пожалуй, тебе лучше пойти в свою спальню.

— Что-нибудь не так?

— Мне известно об Эмилии Макнер, — объяснила она. — Я не собираюсь устраивать из-за этого сцену, но пока ты встречаешься с ней, тебе не следует оставаться у меня.

— О чем ты говоришь?

— Ах, Адам, не прикидывайся невинным. Мне все известно о твоём небольшом приключении в «Кларидже». Ты, наверное, забыл, что племянник экономки работает там носильщиком. Тебе бы следовало с большей осторожностью выбирать места для свиданий.

— Сибил, клянусь, что у меня нет никакой «любовной связи» с Эмилией Макнер. Да, я с ней там встретился, но это ничего не имело общего со скандальным свиданием. На прошлой неделе она прислала мне анонимную записку, в которой говорилось, чтобы я приехал в «Кларидж» на следующий день, что я что-то узнаю, что меня может заинтересовать. Я поехал туда. И, конечно, это оказалась Эмилия — я говорю «конечно», хотя в это время я и представления не имел об этом. Если назвать вещи своими именами, она хотела, чтобы я соблазнил ее. Вся эта история просто смехотворна. Я сильно рассердился на нее и велел ей отправляться домой, что она, в конце концов, и сделала. Но могу поклясться тебе, что между нами ничего не было. Эмилия мне нравится, но я совершенно не собираюсь превращать ее в свою любовницу... или кого бы то ни было, если уж на то пошло. Дело в том, что я люблю свою жену.

Она смотрела на него со слезами на глазах.

— Если бы я только могла поверить в это... — прошептала она. — Я была бы самой счастливой женщиной в Англии.

— Это правда.

— Ах, мой дорогой... — Она подвинулась на кровати и отбросила одеяло. — Иди ко мне, — позвала она. — И я не выпущу тебя из своей кровати — никогда!

— *Этот черный мальчик — настоящее чудо природы,* — сказал самый известный во всем мире пианист. Гавриил Кавана только что закончил бравурное исполнение сонаты «Данте» Франца Листа. Он играл на пианино фирмы «Эрард» в салоне муз гостиницы «Ламберт» в Париже. Лист сидел возле пианино со своей давней любовницей, польской принцессой Каролиной Сейн-Виттенштейнской, с женщиной в теле, одетой в пышные юбки, с шалью на плечах, которая курила длинную сигару. Листу исполнился пятьдесят один год, он быстро терял привлекательность своей романтической внешности, которая вместе с потрясающим мастерством игры на фортепьяно четверть столетия назад превратили его в кумира Европы. Он давал концерты по всему континенту, вызывая сенсацию.

— Маэстро сказал по-французски, что ты чудо природы, — перевел Тадеуш Карасовский Гавриилу. Когда они приехали в Париж, то Тадеуш воспользовался своими польскими связями, чтобы установить контакт с княгиней Каролиной, которая устроила сольное выступление в шикарной гостинице «Ламберт» на острове Сите на реке Сене. Здание было построено Жан-Батистом Ламбертом, секретарем Людовика XIII, и в восемнадцатом веке временно служило пристанищем для Вольтера. Но теперь оно перешло во владение княгини Чарторьской, жене безмерно богатого польского князя Чарторьского, который нашел убежище в Париже после польского восстания в 1831 году. Отель «Ламберт» превратился в центр для выходцев из Польши в Париже. Поэтому естественно, что княжна Каролина выбрала именно эту гостиницу. Но величавость обстановки этого дома, так же как и знаменитость Листа, навяли на Гавриила просто благоговейный ужас. Хотя у него были стальные нервы и он отличался тем, что совершенно был лишен страха перед сценой, все же присутствие великого маэстро, который покорило все общество, из-за которого соперничали женщины, которого награждали короли и правительства как военного героя, оказалось слишком большим испытанием даже для Гавриила. Он не отрываясь смотрел на рожденного в Венгрии гения (который оказался в Париже в десятилетнем возрасте и научился говорить по-венгерски) и думал: «Я хочу такого же от жизни — известности и славы».

Лист поднялся с кресла и подошел к Гавриилу, взял руки юноши и стал их внимательно рассматривать.

— Необыкновенные руки, — пробормотал он про себя. Потом отпустил руки и посмотрел в лицо пареньку.

— Когда я был моложе тебя, — произнес он на своем ломаном

английском, — я играл для великого Бетховена. Он поцеловал меня на счастье. А теперь я целую тебя на счастье. — Он наклонился и поцеловал юношу в лоб. — Господь наградил тебя большим талантом, — продолжал он. — Ты *вундеркинд*, какими были и я, и Моцарт. Никто не знает, почему это случается. Просто такое бывает. В жизни ничего нет более важного, чем искусство. Ты должен относиться к музыке, как священник к богослужению в храме. Учить тебя мне нечему, но я могу помочь тебе начать карьеру. Я напишу записку моему другу, месье Плеелу. Он устроит твой концерт в своем зале. Покори Париж, и весь мир окажется у твоих ног. — Он погладил черные и густые, как у ягненка, волосы Гавриила и улыбнулся. — И запомни: самые худшие аудитории в Италии. Люди там разговаривают во время концертов.

— Маэстро, — Гавриил заикался от волнения, — а вы сыграете для меня?

— Ах, нет, — ответил Лист. — Мне не хочется уступать в игре юноше. Потом, повернувшись к Тадеушу, сказал ему что-то.

— Что сказал маэстро? — спросил Гавриил, когда, выйдя из гостиницы «Ламберт», они пошли по улице Сент-Луи.

— Он сказал, что предрекает тебе изумительную карьеру, — ответил Тадеуш.

— Но он сказал еще что-то о цвете моей кожи?

— Он сказал: «несмотря на его цвет кожи, а, возможно, благодаря ему».

— Иначе говоря, я могу оказаться выродком?

— Не думаю, что маэстро имел в виду именно это.

— Мне наплевать, если люди подумают, что я какой-то уродец природы. Я все равно стану знаменитым.

Тадеуш остановил извозчика. По мостовой проходила красивая девушка. Она с интересом посмотрела на Гавриила. Он заметил это и посмотрел ей вслед.

Гавриилу было неважно, почему она посмотрела на него. Главное — она посмотрела.

— От твоего брата пришло письмо, — сообщила Элли Мэй, протягивая конверт Клейтону. — Зах — такой замечательный молодой человек, — продолжала она, угрюмо взглянув на Клейтона. — Такой смелый и преданный нашему делу. — Она сделала особое ударение на последних словах. Клейтон был не дурак и понял подковырку, но не клюнул и не огрызнулся. Холодная зима, недостаток питания, таинственная

болезнь Шарлотты — все это действовало на нервы жителям особняка на плантации «Феарвью», делало их раздражительными. Когда Элли Мэй вышла из комнаты, Клейтон проковылял к камину, где было потеплее, и прочитал:

12 декабря 1862 года. Мэри Хайтс, Фредериксбург, Виргиния.

Дорогой Клейтон,

Канцелярские товары стали такими дорогими, что мне обошлось в копеечку написать тебе (торгаш содрал с меня по одному доллару за каждый лист бумаги), но поскольку ты у меня единственный родственник, решил, что денег жалеть не стоит. Торгаши здесь правят бал. У этих мошенников можно купить практически что угодно, но они дерут сумасшедшие деньги, пока товар пользуется спросом, и, наверное, все станут миллионерами. Надеюсь, что ты помнишь, что я говорил тебе относительно слухов о генерале Уитни. Но жизнь здесь идет своим чередом, пока все ждут предполагаемого большого сражения. Янки пытались навести понтонные мосты через реку Раппаханнок, но наши снайперы, многие из которых засели в подвальных помещениях разрушенных артиллерийскими обстрелами зданий Фредериксбурга, не дают совершенно инженерам янки работать. Наконец вчера утром генерал Бернсайд, командующий войсками янки, видно, устав от ожидания мостов, бросил на нас волну пехоты в лодках. Наш командир, генерал Лонгстрит, отвел своих людей от города на окружающие высоты, и поэтому Фредериксбург — вернее, что осталось от него — оказался теперь в руках федератов. Пушки янки свели большую часть этого когда-то красивого города к кучам мусора. А сегодня они разграбили город, вытаскивали из домов мебель, мародерствовали, пьянствовали. Они превращали пианино в поилки для своих лошадей, многие пьяные невежи плясали на улицах в одежде и шляпах, которые они украли. Какое это должно быть жалкое зрелище! Но это показывает, что захватчики с Севера, наводнившие нашу любимую

родную землю, не кто иные, как настоящие вандалы, такие же порочные и дикие, как и те, которые когда-то навалились на Римскую империю.

Здесь было чертовски холодно, но, к счастью, мы устроились в небольшом домике на прошлой неделе. Нас тут всего шесть человек в этом «ласточкином гнезде» — так мы назвали свое укрытие — это, конечно, не дворец, но нам тут тепло и во всех отношениях удобно. Это построенная нами конура равняется примерно двенадцати квадратным футам, сделана она из расщепленных кольев и палок, обмазанных глиной. Вместо крыши натянута парусина, и у нас лучшая печурка во всей роте, в качестве пола положены кирпичи, остальное из палок и глины. Все строят для себя такие землянки, но мы думаем, что наша лучше всех. Из посуды у нас одна небольшая кастрюля с ручкой, горшок для тушения мяса, противень для хлеба, сковородка и чайник. Готовим мы по очереди, пока Том Мур из Джорджии сам не согласился стать нашим поваром. Стараемся не зарастать грязью, но все равно, наверное, от нас воняет, как от козлов, потому что мыло очень дорогое.

С сожалением сообщаю тебе, что моральный дух здесь ужасно пал. Округа кишит нимфами легкого поведения из непристойных заведений Ричмонда, которые предлагают свои распутные услуги. Им грех жаловаться на плохой бизнес, у них уйма клиентов. Но должен с гордостью сообщить тебе, дорогой брат, что сам я не поддался соблазну. И это не результат добродетели с моей стороны, это просто здравый смысл. Проститутки сильно заражены, и в нашем лагере невозможно скрыть устрашающее число схвативших гонорею и сифилис. Курение и пьянство стали весьма распространенным явлением. И когда думаешь о том, что все южане воспитывались в христианских традициях, читали Библию, то нельзя не поразиться тому, как легко вся эта благая работа пошла насмарку. Здесь господствует Дьявол и ему прислуживают сифилис и триппер.

В отношении виски я не проявил такой же добродетельности. Клички, которыми мы нарекаем спиртное, покажут тебе его крепость и вкус: «лопни-голова», «расколотся череп», «вырви-глаз», «спотыкач» и многие другие. Я бы много дал за стакан хорошего старого «Бурбона», что когда-то пил отец. Тут можно найти и другие способы бороться со скукой, помимо пьянства и бабничества. Самый невинный — игра в снежки. Еще одного парня в нашем «ласточкином гнезде» зовут Гэри Лейдлоу. Он играет на банджо. Много раз, выпив виски, мы напевали под его аккомпанемент «Анни Лаури», «Девушка, которую я оставил дома», «Сегодня все тихо на реке Потомак», «Бонни, голубой флаг», «Мой Мэриленд» и, конечно, почти всегда «Дикси».

Но думаю, что самым большим злом здесь являются азартные игры, ты не можешь представить себе, какой они приняты размах! Недалеко отсюда появилось настоящее логово картежников под названием «пол-акра Дьявола», где через руки проходит половина выплаты всей армии конфедератов. Покер, очко, в петушка — можешь назвать любую азартную картежную игру, здесь в нее играют. Как человек, который ценит дело, за которое он воюет, я просто не могу сдержать слез, когда вижу, как цвет нашей молодежи южан предается таким порокам и беспутству.

Это подводит меня к довольно болезненному соображению. Мне трудно передать тебе, как я расстроился, когда, находясь в увольнительной на плантации «Феарвью», услышал от тебя слова сомнения в нашем большом деле, что рабство не стоит того, чтобы за него сражаться. Ах, Клейтон, если ты прав, то тогда этот страшный конфликт — ужасная ошибка, и реки уже пролитой с обеих сторон крови — не что иное, как трагическая потеря. Я бы не постеснялся сказать, что установление рабства на этих берегах было ошибкой, что было жестоко привозить сюда африканцев против их воли. Но справедливо это или нет

— рабство стало основой образа жизни южан. Какая же может быть альтернатива такому порядку? Лишь разрушения и хаос. Именно поэтому я воюю и рискую своей жизнью. Меня сильно огорчило, что ты, мой дорогой брат, стал разделять точку зрения врагов. Молюсь, чтобы это письмо вернуло тебе благоразумие.
Преданный тебе брат Зах.

Закончив читать письмо, Клейтон грустно покачал головой. Потом смял листки в комок и бросил его в пламя.

— У Шарлотты развилось воспаление в районе таза, — поставил диагноз седобородый доктор Хилтон Купер вечером того же дня, выйдя из ее спальни и закрыв дверь.

— Серьезно ли это? — спросил Клейтон.

— Если это то, что я думаю, то очень серьезно. — Старый доктор взял Клейтона за локоть и отвел его на несколько шагов от двери в спальню Шарлотты. — Разрешите мне говорить прямо, Клейтон?

— Да, конечно.

— Изменяли ли вы своей жене?

Клейтон покраснел.

— Да, — наконец, прошептал он.

— С какой женщиной?

Клейтон пристально смотрел на доктора, который принимал при родах и его самого, и Заха.

— Говорите же, приятель, сейчас не время галантно вести себя! Ответ имеет важное значение для здоровья Шарлотты! Кто была эта женщина?

— Медсестра.

Глаза Купера расширились.

— Эта черненькая? Как ее зовут — Дулси?

— Да, Дулси.

— Припоминайте, Клейтон. Было ли на ваших интимных местах раздражение?

— Ну... да, кажется, было. У меня как-то странно чесался член. Но через несколько недель это прошло.

— Когда это было?

— Примерно десять месяцев назад.

— Подойдите сюда, Клейтон. Вот к этой лампе. Покажите свои кисти.

Клейтон подошел к полукруглому столу, на котором стояла

керосиновая лампа. Купер взял его руки, повернул вверх ладони и поднял рукава.

— Когда у вас появилась эта сыпь? — спросил он, показывая на красные точки на кистях Клейтона. Клейтон вперился в них взглядом...

— До этого я их и не замечал. Что это такое, док?

Старик вздохнул.

— Мне бы не хотелось говорить вам об этом, Клейтон. Вы и так здорово пострадали от этой войны — потеряли ногу. Но вы схватили сифилис, и болезнь довольно запущена. Сыпь указывает на то, что она вступила во вторую стадию. Воспаление на вашем половом члене было проявлением первой стадии.

— Сифилис, — повторил это слово Клейтон.

— Да, и боюсь, что вы передали его Шарлотте. Это и вызывает воспаление в ее матке. Этим же, вероятно, объясняется и то, почему у нее оказался мертворожденный ребенок. Надо держаться, сын, но вполне может случиться так, что у Шарлотты не будет детей. Господь показывает свою безграничную мудрость разными путями. Сифилис поражает функции системы воспроизводства, и это, между прочим, хорошо, потому что ребенок может оказаться зараженным.

— Но... можно ли вылечиться?

Доктор грустно покачал головой.

— Мне это неизвестно, — ответил он. — Но мы отрезаны от Европы блокадой. Может быть, там что-то открыли, о чем я не знаю.

— Что же... произойдет?

Доктор успокаивающе потрепал его по руке.

— Мы сможем поговорить об этом в другой раз, — заметил он. — Не стоит еще больше расстраивать вас сейчас.

— Нет. Я хочу услышать правду. Скажите мне, что произойдет?

Доктор Купер посмотрел на него грустными голубыми глазами.

— Пока что ничего. Может быть, ничего не произойдет много лет. Но в вашу кровь попали спиральные бактерии, они ужасны. Когда-нибудь они проникнут в ваш мозг.

— В мой мозг?

— Да.

— Вы хотите сказать, я сойду с ума?

— Да, и потом... — Он пожал плечами.

— О Господи...

По лицу Клейтона потекли слезы. И хотя в коридоре со сквозняком было довольно прохладно, у него на лбу выступили капельки пота.

Дальше по коридору из спальни Шарлотты открылась дверь и оттуда вышла Дулси. Клейтон взглянул на нее, потом на доктора.

— Вы думаете, я получил это от нее? — прошептал он. — Она работала на мадам в доме терпимости в Йорктауне.

— Если это так, то вполне вероятно. Болезнь распространяется через половые сношения.

Доктор вынул из кармана свои золотые часы и посмотрел время.

— Клейтон, мне пора. Миссис Торнтон на сносях. Сожалею, сынок. Очень жаль.

— Да... спасибо. До свиданья, док.

Внимание Клейтона обратилось теперь на прекрасную рабыню, в которую он влюбился. Доктор Купер взял свою черную сумку и направился к лестнице, а Дулси подошла к своему одноногому любовнику.

— Иди в свою комнату, — шепнул он ей.

Дулси послушалась, войдя в спальню, расположенную рядом со спальней Шарлотты. Клейтон дождался, пока доктор Купер спустился с лестницы. Потом он заковылял в комнату к Дулси и притворил дверь одним из своих костылей.

— Что-нибудь случилось? — спросила Дулси.

— Случилось страшное, — прошептал он. — Ты когда-нибудь слышала о болезни, которая называется сифилис?

— Да, конечно.

— Я схватил ее. Не хочу пугать тебя, Дулси, но думаю, что я получил ее от тебя.

Дулси нахмурилась, потом подошла к одному из окон и выглянула на улицу. Опять стояла холодная, снежная ночь. Она увидела, как внизу в свою двуколку садится доктор Купер.

— Ну? — спросил Клейтон — Почему же ты молчишь? Ты знаешь, к чему ведет эта болезнь? Я сойду с ума и умру! И доктор думает, что я заразил ею свою жену, поэтому она тоже умрет! И у нас не будет детей... — Заплакав, он подошел к кровати Дулси и бросился на нее, закрыл лицо руками. Костыли с грохотом свалились на пол.

Мгновение Дулси смотрела на него с состраданием. Потом подошла к кровати и, сев рядом с ним, обняла его.

— О, Клейтон, я поступила ужасно, — прошептала она, слезы навернулись на ее глаза. — Ужасно. Господи, сможешь ли ты простить Дулси?

— О чем это ты говоришь? — просопел он, взглянув на нее.

— Понимаешь, раньше я ненавидела тебя, — продолжала она. —

Ненавидела тебя, потому что ты белый и родня генерала Уитни, который лишил меня свободы и отправил обратно на плантацию «Эльвира» медсестрой. Но потом, когда ты влюбился в меня... Хочу сказать, что ты был такой ласковый, добрый и нежный с Дулси... Ну, я подумала, что, может быть, тоже полюбила тебя.

Он уставился на нее красными, заплаканными глазами.

— Правда? — прошептал он. — Странное ты выбрала время, чтобы сказать мне об этом.

— Знаю. И я бы не стала говорить тебе об этом, если бы... О Господи...

— Что еще? О чем ты?

Она прикусила губу, в глазах застыл ужас.

— О, Клейтон, я нарочно заразила тебя сифилисом! Думала, что сифилис вредит только белым. И я надеялась, что ты подцепишь его и заразишь свою жену. И, о Господи, самое страшное случилось: на что я надеялась, то и получилось.

— Ты сука, — прошипел он. — Черная сука.

Обеими руками он схватил ее за горло и придавил к кровати.

— Клейтон! — задыхалась она. — Ты меня задушишь...

— Сука! — рычал он, наваливаясь на нее. — Проклятая СУКА!

— Клейтон!

В дверях, которые соединяли между собой две спальни, стояла Шарлотта.

Клейтон взглянул на нее и отпустил Дулси, которая стонала. Тяжело дыша, он наклонился за своими костылями, потом поднялся.

— Ты знаешь, что наделала эта сука? — закричал он. — Знаешь, что? Она нарочно заразила меня сифилисом! Вот почему у нас родился мертвый ребенок, потому что эта черная сука заразила меня сифилисом, а от меня он перешел к тебе.

— А кто наградил им МЕНЯ? — взвизгнула Дулси, слезая с кровати. — Ты по-всякому обзываешь меня, называешь меня черной сукой, но кто заразил сифилисом Дулси? А? С черными мужчинами я не путалась, могу сказать тебе это. Потому что у черного мужчины не было денег, чтобы пойти в заведение мисс Роуз, да она бы и непустила их, если бы у них деньги и оказались! Мои клиенты все были белые, Клейтон! БЕЛЫЕ! Я получила этот сифилис от белых, поэтому справедливо, что я его вернула вам! Мы все попались на этом, Клейтон, и белые, и черные. Мы все на этом попались!

Ударившись в слезы, она подбежала к двери и выскочила вон в

коридор. Шарлотта, прислонившись к дверной раме, побледнела, как ее ночная рубашка, безмолвно смотрела на своего мужа.

— Ты мне омерзителен, — тихо произнесла она.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ШЕСТАЯ

Много вещей можно отнести к сути огромной, самоуверенной Британской империи. Среди этих вещей вполне можно было бы назвать и лондонские клубы. Там, в прекрасных зданиях правители империи могли удалиться от всего, расположиться в желтовато-коричневых кожаных креслах, потягивать прекрасное очищенное и мягкое виски. Там они погружались в исключительно мужской мир и могли на время забыть про жен, любовниц и детей, съесть кусок прекрасного пирога из дичи, сыграть в трик-трак или вздремнуть в тихой комнате. Лишь немногие клубы носили чисто политический характер. Клуб «Карлтон» на Пэлл Мэлл считался гнездом консерваторов, и когда Дизраэли рекомендовал Адама в его члены, то его тут же приняли. Именно в столовой клуба «Карлтон» Адам угощал обедом своего старого друга по славным дням в Индии Бентли Брента.

— Значит, вы вышли в отставку? — спросил Адам, разрезая фирменный ростбиф.

— Да. Отслужил двадцать лет в Индии, а пролетели они как мгновение.

Бентли вышел в отставку в чине полковника, получив несколько медалей и орден, набрал двадцать фунтов веса с тех пор, как Адам видел его последний раз, а в его черной бороде появилась теперь проседь.

— Что вы собираетесь теперь делать?

— Ах, Адам, я почти об этом не думал. Возможно, я где-нибудь найду себе коттедж и стану выращивать розы, хотя это и не так увлекательно после Каунпура и Нана Саиба.

— Согласились бы вы эпизодически работать на меня? Вам бы пришлось два раза в год ездить в Америку.

— В Америку? — Бентли поморщился.

— Соглашусь с вами, что это не так экзотично, как Каунпур, но мне говорили, что климат там лучше. Понимаете, у меня там живет дочь, более конкретно — в Нью-Йорке. Это моя... родная дочка, если вам понятно, что я имею в виду.

— Кхе. Да, понимаю.

— Мы... э... пытаемся, понятно, особенно не распространяться об этом. Ее мать очень дорогой для меня человек, как и сама Аманда. Я буду оплачивать две ваши поездки в Нью-Йорк в течение года, а вы будете проверять, все ли у них в порядке. Ее мать вторично вышла замуж за

мужчину, которому принадлежит универмаг, и похоже, что они счастливы. Но я хотел бы не выпускать их из вида. Я подумал, что, может быть, вы мне поможете в этом.

— С удовольствием, Адам.

— Прекрасно. Мой лондонский агент удалился от дел и я все свои деньги перевел в компанию «Куттс».

— Этот банк обслуживает королевскую семью?

— Да, думаю, что он надежный. Когда я возвращусь из Манчестера, я дам вам детальные инструкции.

— Вы едете в Манчестер?

— Завтра утром. Об этом я тоже хотел бы поговорить с вами.

«Виктория и Альберт» располагался на окраине Манчестера и предназначался для рабочего люда, жившего вокруг. Выдался холодный, ветреный день. Адам вошел в мрачную забегаловку, где несколько мужчин пили пиво за деревянным столом. Адам, небритый и в грязной одежде, подошел к стойке бара и заказал себе пива.

— Вы здесь новенький, — заметил дородный бармен, наливая из бочки высокий стакан.

— Совершенно верно. Ищу работу на здешних фабриках.

— Ну, удачи вам, приятель. Насколько мне известно, сейчас никого не берут. Особенно здесь. Кто-то сказал, что нужен дворник в Мэндевиле, но вас они не возьмут.

— Чем же я нехорош?

— Вы слишком старый. — Адаму было всего двадцать четыре года. — К тому же только дурак согласится там работать.

— Почему?

— У этого места плохая репутация. Старый плут Белладон здесь устраивает показуху, но на других своих фабриках выматывает рабочих до изнеможения, а Мэндевиль, как говорят, самое скверное место из всех. С вас шесть пенсов.

Адам вынул из кармана мелочь и аккуратно отсчитал шесть пенсов. Бармен смотрел, как тот подает ему мелкие монетки.

— Вы очень аккуратно обходитесь с деньгами, верно?

— У меня их не так много, чтобы транжирить.

— Вы говорите, как человек из Йоркшира.

— Правильно, я оттуда. Расскажите мне побольше о мистере Белладоне. Вы сказали, что тут он устраивает показуху. Что вы имеете в виду?

— Послушайте, Горас Белладон — председатель организации производителей, верно? Поэтому когда какой-нибудь навозный жук прилетает сюда из Лондона, чтобы взглянуть что и как, Белладон везет его на здешнюю фабрику, где все чин-чином, все опрятно, у ткачей розовые щечки и приличная зарплата. И навозные жуки улетают обратно в Лондон и представляют там Гораса Белладона чуть ли не святым! Потому что этих шалопаев тут просто ослепили, понятно? Можно смело держать пари, что они и глазом не взглянули на другие фабрики. Особенно на ту, что в Мэндевиле.

— Вы представляете Мэндевиле чуть ли не исчадием зла. — Адам специально вставил слово «исчадие», потому что вычитал его в поэме Уильяма Блейка. Он правильно предположил, что бармен не читал этой вещи.

— Вот именно, приятель. Точнее не скажешь. — Он наклонился и понизил голос, его красное лицо приняло зловещее выражение. — *Дурное место.*

— Что же там дурного?

В забегаловку вошел бородач.

Бармен выпрямился и начал протирать стаканы.

— Не знаю, парень, — вдруг сменил он тон ответов. — И даже если бы я знал, то не стал бы, как дурак, рассказывать вам.

Бородач подошел к стойке бара.

— Добрый день, мистер Гриви, — приветствовал его бармен, подхалимски улыбаясь. — Того же самого?

Вошедший сел на стул рядом с Адамом и с любопытством взглянул на него.

— Того же самого.

Высокий мужчина ростом выше шести футов выглядел таким здоровым, что, казалось, мог скрутить быка. У него были темно-карие глаза, один глаз искусственный, поэтому было затруднительно определить, в какую сторону он смотрит.

— Этот парень ищет работу, — сказал бармен. — Мистер Гриви работает у Белладона. У него более точные сведения.

— Есть ли у вас какой опыт? — спросил Гриви.

— Нет, сэр.

— Я сказал ему, что ищут дворников в Мэндевиле, — добавил бармен.

Мистер Гриви стрельнул в бармена взглядом, потом повернул свои несогласованные глаза опять на Адама.

— Вы хотите поработать дворником? — спросил он.

— Мне не до выбора, сэр. Соглашусь на любую работу, которая подвернется.

Мистер Гриви некоторое время изучающе смотрел в лицо собеседника, как будто пытался что-то высмотреть. Потом заключил:

— На вид вы крепкий парень. Обратитесь к мистеру Хоксвуду на фабрике. Скажите ему, что вас послал мистер Гриви. Он займется вами.

— Вы очень добры, сэр. Ценю вашу помощь. Благодарю вас.

Адам допил пиво, вытер рукавом рот.

— У станции Бартоломью в три часа останавливается рейсовый дилижанс, — сообщил мистер Гриви, все еще глядя на Адама.

— Не могу позволить себе ездить на дилижансах, сэр.

— Тогда как же вы туда доберетесь?

— Мне придется пройти пешком.

Когда он выходил из забегаловки, мистер Гриви не спускал с него здорового глаза. Когда же Адам вышел на улицу, он сказал скорее себе, чем бармену:

— Клянусь, я видел раньше этого человека.

* * *

Алекс Синклер подал черную бархатную коробочку с надписью «Тиффани и К^о» своей жене.

— Со счастливой годовщиной, дорогая, — поцеловал он ее.

— Годовщиной? Какой же годовщиной?

— Мы поженились ровно четыре месяца назад. Неужели ты забыла?

— Алекс, ты просто сумасшедший, — рассмеялась она, но открыла коробочку и ее смех сменился восхищением. В коробочке лежало прекрасное ожерелье из бриллиантов и изумрудов. — Алекс! — восторженно произнесла она. — Неужели для меня?

— Нет, для кухарки. Конечно, я понимаю, что деньги тебе безразличны, но иногда они имеют свои преимущества.

Он вынул ожерелье из коробочки и надел ей на шею. Она сидела у туалетного столика в главной спальне дома на Пятой авеню. Она только что приняла ванну и была одета в банный халат, когда вошел муж и удивил ее подарком. Драгоценные камни казались холодными на голой коже.

— Господи, — прошептал он, наклоняясь над ней. — Эти камешки на твоих грудях действительно могут свести меня с ума. Сними свой халат. Я

хочу близости с тобой, когда на тебе ничего нет, кроме ожерелья.

— Но мы договорились — «минутных» вальсов больше не надо. Через час мы должны быть на ужине, а тебе еще надо переодеться.

— К черту ужин. — Он запустил руки под ее халат и сжал груди. — Знаешь, во сколько мне обошлось это ожерелье? Я заслужил некоторого удовольствия...

Она оттолкнула его и поднялась.

— У тебя удивительная способность говорить, что не надо. — Она сердито отстегнула ожерелье. — Алекс, купить ты меня не можешь. Я не продаюсь.

Она бросила ожерелье на кровать и пошла в ванную комнату. Он подбежал к ней, схватил за кисть.

— Ты все еще любишь его, правда?! — выкрикнул он. — Ты все еще любишь Адама?

Она вздохнула.

— Ах, какое это имеет значение?

— Я хочу, чтобы ты полюбила меня, черт подери!

— Я рожу тебе ребенка. Разве это не любовь?

Он поразился.

— Ребенка? Действительно?

— Сегодня после обеда приезжал доктор Логан. Я забеременела.

Его лицо просветлело.

— Почему же ты мне не сказала?

— Еще не успела.

— О, Лиза, Лиза... Значит, я буду отцом! Дьявол! — Он обнял ее. — Прости меня! Мне просто хотелось сделать тебе приятное, а теперь ты меня осчастливила... О, Лиза, обожаю тебя! Скажи, что ты меня любишь!

Она опять вздохнула.

— Хорошо, я люблю тебя. А теперь одевайся. Ты ужасно хотел пообщаться с Асторами, и теперь, когда они, наконец, нас пригласили, нам не следует опаздывать.

— Ты права. Гм... Лиза, ты *наденешь* ожерелье?

Она спокойно взглянула на него.

— Да. — И пошла одеваться. Она знала, что Алекс покупал дорогие украшения не затем, чтобы порадовать свою жену, но и порисоваться ими перед другими.

Через пятнадцать минут, одевшись, она опять возвратилась в спальню, подошла к кровати и надела ожерелье.

— Алекс, ты готов? — спросила она.

Молчание. Она посмотрела на дверь в его ванную комнату. Дверь была слегка приоткрыта. Она подошла к двери и распахнула ее.

— Алекс!

Ее муж, голый и мокрый, лежал лицом вниз на плитках пола. Она бросилась к нему, встала на колени и попыталась нащупать пульс. Он застонал. Она осторожно перевернула его на спину.

— Алекс, что случилось?

Он с трудом раскрыл глаза.

— Лиза... Не знаю... Я вылез из ванной, у меня закружилась голова...

Она протерла его лицо полотенцем.

— Я вызову доктора Логана.

— Нет, не надо. Все будет в порядке... Нам надо ехать к Асторам.

Он сел на полу.

— Алекс, тебя надо показать доктору! Это может быть серьезно!

— Лиза, мне тридцать один год, за всю жизнь я не был болен ни одного дня. Наверное, я переволновался, узнав о твоей беременности. Думаю, упал в обморок. Во всяком случае, сейчас я чувствую себя нормально.

Оба поднялись.

— Обещаешь мне показаться доктору завтра утром?

— Ладно. А теперь не беспокойся. Я оденусь, и мы поедem.

Она вышла из ванной, но не могла отделаться от дурных предчувствий.

— Насколько я понимаю в подобных вещах, у Алекса вчера вечером был микроинфаркт, — сообщил доктор Логан, снимая свои пенсне. Он только что вышел из спальни, где осмотрел Алекса. — Конечно, могло быть что-нибудь и еще. Но, судя по его матери, по наследственности, думаю, что можно предположить возможность сердечного приступа.

— Его матери? — Лиза вспомнила развалину в инвалидной коляске, которая не отрываясь смотрела на нее.

— Существует научная теория, утверждающая, что склонность к сердечным приступам переходит по наследству. Его отец умер от инфаркта в молодом возрасте. Поэтому тревожная вероятность удваивается.

Лиза нервно хлопнула ладонями и отвернулась.

— Он так молод, так энергичен, — воскликнула она. — Я даже выговаривала ему за то, что он слишком носится, слишком торопится. Подумать, что он может...

— Достоверно мы этого не знаем, миссис Синклер. Но думаю, что

Алекс должен кое-что изменить в своей жизни, в порядке перестраховки. Ему надо снизить обороты, позаботиться о себе. Я рекомендовал ему несколько дней оставаться в кровати, и...

Дверь из спальни отворилась, и вышел Алекс, одетый в деловой костюм.

— Алекс, доктор Логан велел тебе оставаться в постели!

— Чепуха. Никогда в жизни я не чувствовал себя лучше, чем сейчас. Спасибо, док. Ценю ваши советы, но я слишком молод, чтобы хоронить меня. Не забудь, дорогая, что на сегодняшний вечер у нас назначен ужин в «Делмонико». До вечера.

Он начал спускаться по лестнице.

— Алекс, — закричала Лиза. — Ты должен послушаться доктора! Тебе надо притормозить!

— Притормозить? Проклятье, если в этом городе притормозить, то тебе крышка.

И он вышел из дома.

Лиза повернулась к доктору.

— Что я могу поделывать? — вздохнула она.

— Да, остается только молить Бога...

Фабрика в Мэндевиле была длинным, безобразным строением с высокими трубами. Большая вывеска гласила: «Белладон Текстайлз, Лимитед. Фабрика № 3». Адам, держа кепку в руке, вошел в дверь с надписью «Наем рабочих» и пошел по узкому коридору к окну с железной решеткой. За решеткой в конторке сидел ужасно толстый мужчина с совершенно лысой головой и ел куриную ножку.

— Простите, сэр, — обратился к нему Адам. — Могу ли я видеть мистера Хоксвуда?

— Он перед вами.

— Мне стало известно, что вам нужен дворник. Меня послал к вам мистер Гриви.

Мистер Хоксвуд отложил в сторону куриную ножку.

— Гриви, вы говорите? Ну, тогда другое дело. У дворника трудная работа. Но если вы человек старательный, то в один прекрасный день можете стать надсмотрщиком. Думаю, что мистер Гриви имел в виду для вас именно это. Но, работая пока что на уборке помещений и территории, вы окажетесь на самом дне кучи, даже ниже уборщиц. И рабочий день довольно длинный: с половины шестого утра до половины восьмого вечера. — «Бог мой, — подумал Адам, четырнадцать часов в день!» — У

нас две формы оплаты, — продолжал мистер Хоксвуд. — Один шиллинг в неделю плюс бесплатное жилье и питание в общаге...

— В общаге?

— В общежитии. Там спят большинство рабочих. Находятся такие общаги за фабрикой, рядом с баракком столовой, где они едят. Или мы платим два шиллинга и шесть пенсов в неделю и вы устраиваетесь с жильем и едой сами.

— Простите меня, сэр, — заметил Адам, — но в этом практически нет выбора. Разве может мужчина прожить на два шиллинга и шесть пенсов в неделю?

— Поэтому-то более сообразительные ребята выбирают первый вариант оплаты. Сдельщикам мы платим от двух до шести шиллингов в неделю и позволяем им жить в общаге, но дворник оплачивается ниже.

Адам ужаснулся. В бумагах, которые он читал в парламенте, и намек не было на то, что заработки могут быть такие мизерные. А согласно закону о десятичасовом рабочем дне, держать людей на работе по четырнадцать часов было противозаконно.

— Тогда мне лучше тоже оказаться сообразительным, — сделал он выбор.

— Ваше имя и фамилия.

— Адам Филдинг.

— Можете ли вы читать?

— Да, сэр.

— Прочтите вот это и, если согласны, подпишите.

Он просунул под решеткой листок бумаги. Адам взял его и прочитал:

УСЛОВИЯ НАЙМА

Нижеподписавшийся соглашается с тем, что, пока он работает на фабрике «Белладон Текстайлз, Лимитед», он не будет присоединяться ни к какой организации, которая ставит своей целью объединить в профсоюз рабочих компании.

Согласен.....

— Ну? Будете подписывать? — спросил мистер Хоксвуд. — Если не подпишете, то можете утром не приходить сюда. Мистер Белладон не хочет иметь ничего общего с новоявленными чартистами и радикальными организаторами профсоюзов.

— Это понятно без слов, — ответил Адам, а сам подумал: «Это же

настоящее рабство! Неприкрытое рабство».

— Дайте мне перо.

— Надо сказать — дайте мне перо, сэр.

— Дайте мне ручку, сэр.

Мистер Хоксвуд обмакнул гусиное перо в чернильницу и через решетку просунул его Адаму. Подписываясь своей вымышленной фамилией, Адам прикинул, что при таком заработке в один шиллинг в неделю ему бы пришлось проработать примерно 228 лет, чтобы получить свой нынешний доход в сто тысяч фунтов стерлингов.

— Можно ли мне осмотреть фабрику, мистер Хоксвуд? — спросил Адам, подписав бумагу и подсунув ее вместе с пером под решетку.

— Нет причин отказать вам, — ответил толстяк, принимая бумагу и убирая ее в ящик. Он шумно поднял свое огромное тело со стула. — Идите к первым воротам, я впущу вас, и вы сможете посмотреть.

Адам опять вышел на улицу. Преодолевая сильный ветер, он прошел вдоль здания к большим деревянным двустворчатым воротам с надписью «Ворота I». До его ушей даже через закрытые окна донесся рев машин. Он подождал, пока мистер Хоксвуд откроет ворота.

— Заходите, Филдинг, — пригласил он. Адам вошел во двор. — Не правда ли, здесь приятно?

Первое впечатление осталось от жары, шума и вони. Жара на фабрике, машины которой работали от пара, превышала тридцать градусов, а шум — бесконечный рокот тысяч шипящих колес — напоминал настоящий адский гул. Но особенно потрясло Адама то — хотя он и подозревал это, когда касались его возраста, — что в цехе не было никого, если не считать его самого, мистера Хоксвуда и двух сурового вида мужчин с кожаными ремнями в руках, кто был бы старше пятнадцати лет! Мальчики и девочки, грязные, в лохмотьях, семи или восьми лет, составляли основную рабочую силу на фабрике.

— Вон там Клифф Буртон, наш главный надсмотрщик, — во все горло крикнул мистер Хоксвуд, пытаясь перекричать гул. — Пареньки и девчушки уважают его, можете поверить мне. Если они задремлют или ошибутся, отпустят нить, от чего пряжа становится хуже, Буртон хлещет их или привязывает к столбу.

— К какому столбу? — провопил Адам. — Как хлещет?

— Хлещет он их кожаными ремнями, которые у него в руках. А привязывает вон к одному из тех толстых металлических столбов, вон там, над нитями. — Он показал на уродливый столб высотой в девять футов. — Эти мелкие негодяи вынуждены стоять там на носках. А в большинстве

своим они именно негодяи. Мы два-три раза ездим в Лондон каждый год и набираем их в трущобах. Они живут там в такой грязи, что наши общаги представляются им настоящим раем.

Адам смотрел на детей — у большинства впали щеки, посерели и пожелтели лица, у некоторых проглядывались увечья вроде согнутых ног, страшно вспухших коленок, оторванных пальцев.

— Они все спят в общаге? — прокричал Адам.

Мистер Хоксвуд неприлично подмигнул.

— Ага, парень.

— Мальчики и девочки вместе без надзора?

— Надзора? — Хоксвуд хохотнул. — Никакого дурацкого наблюдения.

Некоторые девчушки недурно выглядят, хотя самых смазливых мы посылаем в другое место. Парень вроде вас может вполне порезвиться, если есть такое желание.

Намек был такой непристойный, что Адаму пришлось сдержаться, чтобы не дать мистеру Хоксвуду по его толстой морде. Ведь этот человек, в конце концов, вводил его в курс дела. Он уже узнал, что Горас Белладон не выполняет закона о десятичасовом рабочем дне, заставляя детей работать по четырнадцать часов. Белладон не соблюдал санитарных правил, превратив цех в непроветриваемую парную баню, и он нарушал закон, принятый в 1844 году, который требовал, чтобы опасные машины огораживались сетками.

Но Адаму предстояло узнать гораздо больше.

— Бернсайд атакует Фредериксбург! — воскликнул Алекс Синклер. Он бросил на стол утреннюю газету и подпрыгнул на стуле, не закончив завтрака в своем каменном доме на Пятой авеню.

— Алекс, куда ты собрался? — спросила Лиза, сидевшая на другой стороне стола.

— Поеду на Уолл-стрит, — ответил Алекс, торопливо направляясь к двери. — Джим Фриск сказал мне, что всякий раз, когда происходит сражение, на бирже творится сумасшествие! Поеду в его контору и постараюсь воспользоваться ажиотажем. До вечера, дорогая.

Послав ей воздушный поцелуй, он выбежал из комнаты в главный зал. И почти тут же она услышала, как хлопнула дверь на улицу.

— Куда он опять полетел? — спросила Лиля, толстая чернокожая кухарка, которая вошла в столовую из кухни с серебряным подносом. — Мисс Лиза, вы вышли замуж за непоседливого зайца, а не за мужчину.

— Думаю, что ты права, Лиля, — вздохнула Лиза.

— Я слышала разговор, что Алексу надо притормозить свою прыть, а он только и делает, что разгоняется все быстрее. Уф! Куда же мне девать его завтрак? А держать нет смысла, потому что сразу не съеденные яйца потом уже никуда не годятся. Хотите взять себе его сосиски?

— Пожалуй, не стоит. Я толстею, становлюсь, как гусыня.

— Мисс Лиза, вы просто в положении. Вам и надо пополнить. Съешьте еще одну сосиску.

Лиза улыбнулась ей.

— Нет, правда. С меня довольно. Но кофе выпью еще.

— Ну, как хотите. Но, по-моему, вы сильно осунулись.

Лиля поставила поднос на рабочий столик и взяла с него кофейник, чтобы снова наполнить чашку Лизы.

— Мистер Алекс, он сказал мне утром, что снял коттедж на это лето на берегу моря. Отличная новость, потому что Нью-Йорк — это не то место, где можно оставаться летом. Нет, мадам. В июле тут можно просто с ума сойти от жары, даже тараканы падают в обморок.

— Лиля, пожалуйста.

— Да, да. Я не забыла, что вы терпеть не можете насекомых. Во всяком случае, вы, я и этот маленький ангел Аманда, все сможем поехать на берег моря и порадоваться прохладе морского ветра, а мистер Алекс пусть себе носится по городу и зарабатывает деньги. Неужели ему не надоедает все время хлопотать о деньгах? Делать деньги, делать деньги — он думает только об этом.

Лиза засмеялась.

— Думаю, он неисправим.

— Ха. Во всяком случае, на берегу Нью-Джерси он охладится.

В столовую вошла Аманда.

— Доброе утро, мама. Доброе утро, Лиля.

— Доброе утро, дорогая.

— Я приготовлю вкусную яичницу с сосиской, солнышко, — сказала Лиля, когда Аманда поцеловала мать в щеку и села на стул слева от нее. — Последнее время ты кушаешь, как птичка, поэтому я хочу, чтобы ты ничего не оставила на тарелке. Ты хочешь поджаристый ломтик?

— О, да, Лиля. И немного вашего клубничного варенья. Оно такое вкусное.

— Ха, еще бы. Я делала его сама. Так, кто там еще звонит в дверь?

Она вперевалку поплыла в главный зал, а Аманда прикрепилась у своей шеи салфетку.

— Чем ты будешь заниматься сегодня? — спросила ее мать.

— Ко мне придет Джимми Брэди, мы с ним будем играть в саду.

— Ну, день сегодня великолепный, приятно поиграть на улице. Тебе нравится Джимми, правда?

— Ну, он ничего, как я думаю. Но он всегда подшучивает над моим акцентом. Он говорит, что я «смешная» иностранка. И очень злит меня этим.

— Скажи ему, что он тебе тоже кажется смешным.

— Уже сказала один раз. Он надулся на целых десять минут.

— Простите меня, мисс Лиза. — На пороге опять появилась Лиля. — Пришел джентльмен из полиции, который хотел бы вас видеть.

— Полицейский?

— Да, мадам.

Лиза поднялась и вышла из столовой. В передней стоял высокий бородатый полицейский, держа свой шлем под мышкой.

— Доброе утро, — приветствовала его Лиза, подходя к нему. — Я — миссис Синклер. Вы хотите видеть меня?

— Да, мадам. Это касается вашего мужа.

— Что-нибудь случилось?

— Боюсь, что да. Несколько минут назад мистер Синклер пытался сесть в свою карету и свалился.

— Алекс!

— Ваш кучер повез его в клинику к доктору Логану. Мы подумали, что при сложившихся обстоятельствах так будет лучше.

Она попыталась сохранить спокойствие.

— Уверена, что вы поступили правильно. Лиля, подай мне шляпу... серую шляпку.

— Да мэм, надеюсь, что у хозяина все будет в порядке.

Она торопливо подошла к стенному шкафу. Лиза опять взглянула на полицейского.

— Спасибо, — поблагодарила она его. — Не могли бы вы вызвать мне экипаж?

— С удовольствием, мадам.

Доктор Логан жил и работал на Пятой авеню, в пяти кварталах от Синклеров, в таком же доме из коричневого камня. Десять минут спустя Лиза уже вышла из экипажа, торопливо поднялась по лестнице и позвонила. Вскоре дверь открыла медсестра.

— Я — миссис Синклер.

— Заходите, пожалуйста.

— Что мой муж...

Медсестра закрыла дверь.

— Он у доктора. Присядьте в приемной, пожалуйста. Доктор Логан сейчас же выйдет к вам.

— Но как мой муж... он в порядке?

— Доктор все объяснит вам сам.

Лиза вошла в приемную. Она помнила, как свалился Алекс в ванной комнате. Она помнила предостережение доктора Логана. Но, как заметила Лиля, чем больше она пыталась остепенить Алекса, тем больше он разгонялся. Когда Джим Фиск открыл брокерскую фирму на Уолл-стрите, Алекс начал играть на бирже, что еще больше взвинтило его лихорадочную деятельность. А теперь вот это. «Ах, эта несносная медсестра! — подумала она. — Почему она ничего мне не сказала?»

— Миссис Синклер?

Она повернулась от высокого окна, из которого открывался вид на Пятую авеню, и увидела, что к ней направляется доктор Логан, вытирая носовыми платком свое пенсне в золотой оправе.

— Как он, доктор? — взволнованно спросила она.

— Присядьте, пожалуйста.

— Ради Бога, пусть хоть кто-нибудь скажет мне! — в отчаянии воскликнула она. — В каком он состоянии?

— В плохом. Боюсь, что у него произошел обширный инфаркт, сильный сердечный удар. Конечно, пока рано говорить с полной определенностью, но, во всяком случае, в данный момент его парализовало.

— Господи, Алекс... парализован!

— Он знал, что такая возможность не исключается. Господь предупредил его.

— Знаю, но он не захотел послушаться нас... Можно мне его увидеть?

— Да, конечно. Но я должен вас предупредить: говорить он может с трудом. Он испуган, что вполне естественно. Его нельзя расстраивать. Никаких слез. Никаких сцен.

— Понимаю.

— Пройдемте вот сюда.

Из приемной он провел ее по коридору в свой кабинет. Алекс без галстука с расстегнутым воротом рубашки лежал на спине на кожаном диване. Сестра снимала с него дорогие полуботинки.

Лиза подошла к нему. Алекс взглянул на нее, в его глазах застыл страх.

— Дорогой... — Она улыбнулась, стараясь не обнаруживать своих опасений, которые усилились, как только она увидела его. Она взяла его

руку и слегка пожала. — Все будет хорошо. «О Господи, неужели я говорю ужасную ложь?» Он попытался что-то сказать ей, зашевелил губами. — Не утруждай себя.

— Я...

Она встала на колени возле дивана и прильнула к нему щекой.

— ...люблю...

— Тш, дорогой. Пожалуйста. Тебе *нужен* отдых.

— ...тебя.

Она была вынуждена отвернуться, чтобы скрыть слезы.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ СЕДЬМАЯ

Зах думал, что находится на пороге преисподней, если таковой существует. Только что пробило полночь 14 декабря 1862 года, стоял страшный холод, а небеса освещались северным сиянием, что было большой редкостью в Виргинии. Скрючившись, он лежал за каменной стеной, которая спасла минувшим днем ему жизнь, смотрел на горы трупов, валявшихся на холме перед ним. В битве этого дня он получил боевое крещение, и какое крещение! По слухам, которые рождались среди конфедератов, янки за один этот ужасный день потеряли пятнадцать тысяч человек, и Зах верил этому. Весь день янки лезли на холм от Фредериксбурга, волна за волной атакуя войска Конфедерации, окопавшиеся на холме Мэри Хайтс, откуда был виден город и река Раппаханнок. Зах и другие восставшие косили их практически непрерывным огнем из-за каменной стены. Генерал Бернсайд, командующий федеральными войсками, бросил все наличные силы против повстанцев, янки без передышки атаквали и гибли. Теперь доносились стоны раненых. Он видел мародеров-конфедератов, которые перелезали через стену, чтобы раздеть и разуть трупы, собрать ружья и снаряжение. Было так холодно, что трупы превращались в ледышки, что придавало этой ночи еще более нереальный вид.

Но несмотря на все эти ужасы, у Заха было приподнятое настроение. Он не сомневался, что в этот день они одержали большую победу для Юга. Популярность Эйба Линкольна все больше падала, и это поражение может оказаться решающим, для того чтобы он пошел на мировую.

Эта ужасно холодная декабрьская ночь может ознаменовать собой окончание войны.

— Шарлотта рассказала мне, что произошло вчера, — заявила Элли Мэй Уитни своему зятю. Клейтон, растянувшись на диване в гостиной особняка плантации «Феарвью», допивал бутылку вина «Шамбертин», которую взял в подвальном помещении. — Просто не могу поверить в это, Клейтон. Просто не могу!

— Ну, придется все-таки поверить. Это правда.

— Ты... путался с этой черномазой...

— Неужели вы не знаете, что тут происходило за последние два столетия?..

— Но ты заразил мою дочь этой ужасной болезнью! Ты порочный человек, Клейтон. Порочный! Ты предал все, за что мы боремся, всю добродетель и благородство Юга...

— Ах, пропади пропадом вся эта добродетель и благородство Юга! — взвизгнул он, допивая бутылку и ставя ее на пол.

— Когда Пинеас узнает об этом, он отстегает тебя кнутом!

— Так же, как он сечет своих слуг? Может быть, пороть белого человека не так интересно, но, думаю, он порадуетя и этому. — Клейтон с трудом слез с тахты и взял свои костыли. — Вот что я хочу сказать вам, дорогая маменька. Вы знаете об этом сундуке с деньгами в подвальном помещении, догадываетесь, откуда они? Это взятки, которые ваш муж, великий генерал Уитни, берет с торгашей! Молодых южан убивают и калечат — как меня, — а ваш муж набивает свои карманы золотом! Там лежат деньги, окропленные кровью, Элли Мэй. Поэтому ни слова больше о пресловутом благородстве. Юг насквозь прогнил, и гниль эта идет от рабства, самой мерзкой организации общества, которая когда-либо отравляла нашу землю.

Он заковылял по комнате к двери. Элли Мэй смотрела на него во все глаза.

— Я тебе *не верю!* — прошептала она.

— Спросите у моего брата. Он уверяет, что в армии об этом знают все. А теперь прошу извинить меня, мадам, я иду за другой бутылкой вина. Единственный способ отделаться от зловония коррупции, которым все здесь пропиталось, это напиться до полного беспамьятства.

Он открыл дверь и, постукивая костылями, вышел. Оставшись одна, Элли Мэй, закрыв рот рукой, прикусила указательный палец.

— Я не верю этому, — прошептала она. — *Не верюэтому.*

* * *

В ту ночь на плантации «Феарвью» шел дождь. Проливной. Элли Мэй, лежа в кровати, смотрела на темный потолок и слушала стук дождевых капель по крыше... Она не знала, что ждет ее семью в будущем. Содеянное Клейтоном было хуже всяких слов, она не знала, как отнестись к этому.

И в это время она услышала, как он распевает «Дикси».

— «О, мечтаю оказаться в стране хлопка, минувших дней мне не забыть, где ты, где ты, где ты, земля Дикси!..»

По лестнице в свою спальню поднимался Клейтон, как обычно, пьяный. Веселый напев, написанный незадолго до войны специально для шоу Брайана Минстрела, которое показывалось не где-нибудь, а в Нью-Йорке, в его устах звучал не совсем точно и совсем невесело. Элли Мэй отнесла это за счет того, что он напился. Ее воспитали как леди, но целый поток неприятностей смирил ее гордыню. Она решила было вылезти из кровати и накричать на него, но вдруг пение внезапно прекратилось. Она вспомнила ночь, когда Пинеас возвратился из Европы и запел «Дикси», делаясь с ней душераздирающими новостями о том, что война проиграна. Но, конечно, большая победа при Фредериксбурге говорила об обратном, не так ли? О Господи, она не знала этого, но хотела, чтобы Пинеас сейчас оказался дома. Он знал бы, как обойтись с Клейтоном. И она ни на мгновение не верила этой ужасной лжи о том, что ее любимый муж берет взятки.

Где-то в доме прозвучал выстрел. На мгновение она замерла, потом торопливо зажгла лампу. В соседней комнате, в спальне Шарлотты, раздался вопль, потом грохнул другой выстрел.

— О Господи! — Элли Мэй выскочила из кровати, схватила лампу и побежала к двери в зал.

Донесся третий выстрел, и потом что-то тяжелое грохнулось на пол.

Элли Мэй вбежала в зал, подергала за ручку двери в комнату Шарлотты. Дверь была заперта — она вспомнила, что ее дочь стала запирает дверь, чтобы не впускать к себе мужа. Она увидела, что дверь в следующую комнату, где спала Дулси, распахнута. Элли Мэй кинулась в комнату. Она взглянула на кровать и издала вопль. Половину лица Дулси разнесло выстрелом из ружья.

Еще раз пронзительно вскрикнув, она подбежала к двери, ведущей в спальню Шарлотты. Дверь была открыта, комната освещена. Она вошла. На полу лежал Клейтон, рядом валялось охотничье ружье Пинеаса и костыли. Он выстрелил себе в рот.

— Шарлотта! — взвизгнула она.

Ее дочь лежала на кровати. Половина ее лица была снесена, как и у Дулси.

— Элтон, ты прав, — сказала Сара через четверть часа, подавая на кухне старому рабу чашку кофе. На втором этаже не прекращались истерические вопли Элли Мэй, соперничая по громкости с шумом дождя. — Месть надо оставить на усмотрение Господа. Всевышний отомстил этой семье лучше, чем смогла бы сделать это я.

Старик горестно покачал головой.

— Господу виднее, — произнес он. — Но мне очень жалко мисс Шарлотту. И бедная мисс Элли Мэй, как бы она не сошла с ума.

Сара ничего не помнила, кроме искромсанного тела своего сына Такера, которое вывалилось из той бочки смерти с гвоздями.

Обозрение, напечатанное в ведущей французской газете «Ла Пресс», написанное музыкальным критиком, выступавшим под псевдонимом Сальери, было датировано третьим января 1863 года:

Вчера вечером в зале «Плейель» произошло сенсационное событие. Американец по имени Гавриил Кавана дал сольный концерт на фортепьяно. Необычайность события носила двоякий характер. Во-первых, месье Кавана только двенадцать лет, и хотя музыкальная общественность быстро привыкает к поразительно одаренным *вундеркиндам*, все равно вызывает благоговейный трепет, когда мальчик раскатисто исполняет сонату без малейшей ошибки. Во-вторых, сам факт, что мистер Кавана американец, первый виртуоз с дальних берегов, которого Париж услышал со времени концерта ослепительного Луиса Моро Готтчока. Возможно, пришло время для нас, жителей Старого Света, начать пересматривать свое отношение к уровню культуры в Новом свете. Возможно, в Америке можно увидеть больше, чем индейцы, томагавки и рабство.

Это подводит нас к третьему и, возможно, самому поразительному аспекту вчерашнего концерта. Мальчик, то есть мистер Кавана, негр, сын раба. Это породило много толков в Париже. Этот факт, а также то, что его спонсором выступил Франц Лист, вызвали такой интерес, что зал оказался переполненным. Перед тем как мистер Кавана появился на сцене, среди публики раздавались вульгарные подтрунивания. Продета ли в его носу кость? Будет ли он пританцовывать, как дикарь? Будет ли он жевать бананы? Но когда подросток вышел на сцену, шутников заставили замолчать. Он не только не походил на африканского дикаря, но был удивительно

красив и держал себя с достоинством. Он сел за рояль и сразу, уверенно начал зажигательно исполнять первое скерцо Шопена в си-миноре. Такого исполнения раньше я не имел удовольствия слышать. С первых чарующих аккордов до возбуждающего открытия темы — что нередко смазывается менее умелыми музыкантами — подросток продемонстрировал мастерство владения клавиатурой и просто всех ошеломил. Но самое удивительное заключалось в утонченности его исполнения. В части *ажитато* мистер Кавана вместо того, чтобы лихорадочно стучать по клавишам, как мы привыкли слышать, играл хотя и с поразительной быстротой, но с чрезвычайной элегантно мягкой. Мистер Кавана создавал своим исполнением такие музыкальные ощущения, которые раньше мне не встречались. Пленительный раздел си-мажор *мотто пью ленто* оказался божественным, настоящим шоколадным муссом. Потом возвращение к главной теме, варварский деревенский галоп коды с визгливыми диссонансами, действующими на барабанные перепонки, и, наконец, финальный порыв на клавиатуре в хроматической гамме. Заключительные аккорды подняли всю аудиторию на ноги. Зал наполнили приветственные возгласы, как будто люди почувствовали, что родилось чудо.

Но все это еще была присказка к настоящей музыкальной сказке. Мистер Кавана опять сел на скамеечку, чтобы сыграть очаровательную интерпретацию Листом темы «*Фауста*» композитора Гуно. Он легко преодолел необычайные технические трудности этого бравурного произведения, чем окончательно развеял оставшиеся сомнения в его мастерском владении клавиатурой. Затем, после небольшого перерыва, он опять возвратился на сцену, чтобы исполнить сонату Бетховена. И если я заметил некоторые недостатки, свойственные юности — в его интерпретации чувствовалось отсутствие зрелости, — все равно, можно только с уважением относиться к его отваге, когда он обратился к такому трудному шедевр.

В завершение этого обзора приходится писать стандартные фразы о том, что произошло. Аудитория просто сошла с ума. И неловко даже упоминать об этом, но многие женщины в зале учинили бешеную *вакханалию*— визжали и даже падали в обморок на руки своим кавалерам. Престарелая салонная пианистка, принцесса Белгийозо, которая несколько лет назад сумела собрать на своем вечере шесть выдающихся пианистов Европы, вбежала на сцену и бесстыдно бросилась к ногам мистера Кавана с криком «Грандиозно! Величественно! Вы божественны!» Ее примеру последовали другие представительницы женского пола, и вскоре сцена заполнилась женщинами, которые хватались за одежду и за самого подростка, пока изумленный мистер Кавана не убежал от них с разорванным фраком и чуть не сорванной с него рубашкой. Таким манером жаждущий знаменитостей Париж создал себе нового кумира. Конечно, обаяние мальчика частично объясняется его африканским происхождением: Франция заинтригована своей новой империей на черном континенте. Его удивительно привлекательная внешность также частично объясняет его возбуждающее воздействие на женщин в этот вечер.

Но было бы печально, если бы это затмило самое главное и замечательное — появление подлинно великого музыкального таланта. Даже если бы цвет его кожи был зеленый, то мне как критику все равно приятно сказать, повторяя слова герра Шумана на приеме в честь дебюта Шопена много лет назад: «Снимите шляпы, джентльмены, перед вами гений!»

Сальери.

Молодой солдат Конфедерации стоял под дождем и мочился на могилу брата.

— Зах! — взвизгнул Пинеас Уитни, торопливо выходя из задней двери дома на плантации «Феарвью», держа в руке зонтик. — Что ты делаешь, черт возьми?

— А как вы думаете, что я делаю, генерал? Писаю на могилу Клейтона, на могилу убийцы и предателя, и не собираюсь скрывать этого.

Зах застегнул ширинку своих серых брюк. Зонтика у него не было, и дождевая вода, стекавшая по его лицу, смешивалась со слезами.

Пинеас, тоже одетый в военную форму, положил руку на плечо юноши.

— Понимаю твои чувства, Зах, — заметил он, посмотрев на могилу дочери, похороненной рядом. Клейтон и Шарлотта были погребены на семейном участке. Тело Дулси отправили на плантацию «Эльвира» для похорон на негритянском кладбище для рабов, так как даже смерть не могла соединить эти две расы.

— Я любил его, генерал, — сказал Зах, глаза которого покраснели. — Он был лучшим из всех братьев на свете. — Но потом, когда он обратился... — Он поднес руку к глазам. — Проклятье, янки и без этого твари, но когда они твоего собственного брата... — Он отнял руку от глаз и посмотрел на Пинеаса. — Это янки посеяли семена сомнений в его голове, когда он учился в Принстоне. Эти проклятые аболиционисты!

— Мы должны продолжать борьбу, Зах. Мы должны драться независимо ни от чего.

— Поверьте мне, сэр, обо мне вы можете не волноваться. Я до смерти буду ненавидеть этих влюбленных в негров янки.

— Ты крепок духом, сын. Пока у нас есть такие люди, как ты, наше славное дело никогда не погибнет. *Никогда.*

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВОСЬМАЯ

Проработав только один день на фабрике «Белладон Текстайлз» в Мэндевиле, Адам стал поражаться выносливости детей, которые работали на хлопковых веретенах. Четырнадцать часов работы вымотали его самого, а ведь он был в расцвете сил. Как могли выдержать четырнадцать часов семилетние дети, имея всего получасовой перерыв на обед из овсяной каши и куска черствого хлеба, и не свалиться с ног, просто невероятно. Он узнал, что у многих сильно распухли колени потому, что они много часов проводили на ногах, и все это ради жалкой заработной платы в два шиллинга и шесть пенсов в неделю.

Фабрика управлялась с помощью террора и надзирателей, как и на плантациях американского Юга, командовали надсмотрщики, применяя грубую силу. В свой первый рабочий день Адам увидел Тима, хлипкого мальчика одиннадцати лет, которого жестоко избил Клифф Буртон за то, что он задремал на рабочем месте. Адам с ужасом наблюдал, как надзиратель отхлестал сыромятной кожаной плетью спину и плечи мальчика, но, не ограничившись этим, повесил на шею паренька до конца рабочего дня груз в двадцать фунтов. Адама бесило, что он не мог остановить надзирателя, так как знал, что его просто тут же уволят, в то время как он не все еще разведал. Скоро он поможет не только этому мальчику, но и другим детям.

Девочки, работавшие уборщицами, непрерывно обмахивали машины и подметали пол, чтобы собрать пух и хлопковые волокна, поскольку от ткацких станков летели тучи хлопковых кусочков. Девочкам иногда приходилось подлезать под быстро двигавшиеся приводные ремни, чтобы собрать пух, и Адам думал, что это просто чудо, что их волосы не затягивало в машины. Уборщицы относили пух в конец цеха, где Адам сгребал его в огромные белые кучи и выносил во двор, в тяжелые металлические баки. Теперь он понимал, почему они нанимали взрослого на эту работу. Даже самый сильный мальчик не смог бы поднять тяжелый бак. Работа в парном текстильном цеху, где непрерывно оглушающе гудели машины и где не было питьевой воды, чтобы компенсировать большое количество влаги, выделявшейся с потом, физически изматывала и умственно отупляла. Адам понял, что эти несчастные дети-рабы не только теряли свое детство и губили здоровье, но и не получали никакого образования, если не считать сильных пинков и подзатыльников. И так обращались с будущим Англии!

Условия работы на фабрике были ужасными, но общага еще хуже. В мрачном кирпичном доме за фабрикой размещались пятьдесят детей обоих полов без всяких возможностей умыться или помыться и без туалетов. Во дворе была колонка и грязный сортир на два толчка. Внутренняя часть дома представляла собой один большой зал, заполненный дешевыми койками — грязное, провонявшее, ужасное общежитие.

— Тут полно клопов, — сказал Адаму мальчик по имени Лэрри. — И мы приручаем крыс.

Адам не был ханжой, но, будучи там единственным взрослым человеком, он был потрясен отсутствием у детей застенчивости как по отношению к нему, так и друг к другу. Они так выматывались, что большинство сразу валились спать, а на следующее утро в пять часов утра фабричный гудок поднимал их, и тогда ночная смена приходила сюда спать на тех же самых грязных кроватях.

Рыжеголовый мальчуган Лэрри, койка которого стояла рядом с кроватью Адама, казался смышленным пареньком, и на вторую ночь Адам затеял с ним разговор шепотом.

— Почему ты работаешь в таком ужасном месте? — спросил Адам.

— Здесь не так плохо, — ответил мальчуган. — Там, откуда я приехал, хуже.

— Откуда же?

— Из Уайтчепеля в Лондоне. Там крысы здоровые, как слоны.

— Кто твои родители?

— Не знаю. Никогда их не видел. Здесь, по крайней мере, я что-то зарабатываю, и живу не на улице. И если я буду работать хорошо, тогда миссис Абернати не приедет за мной.

— Кто такая миссис Абернати?

— Она дама, которая забирает плохих мальчиков и девочек.

— Куда же она их забирает?

— Не знаю. Потом их уже никто не видит. Она приезжала сюда в прошлом месяце и увезла с собой Дженни и Нелли и трех других девочек. А иногда она забирает и мальчиков.

— Замолчите, — шепнул мальчик за Лэрри. — Мешаете мне спать.

— Прости.

Лэрри повернулся на бок. Адам пытался заснуть, но хотя он и ужасно устал, эта новая информация взбудоражила его мозг. Через несколько минут он поднялся с койки и вышел на улицу, чтобы подышать свежим воздухом и подумать. Подтекст действий загадочной миссис Абернати, которая забирала «миловидных детей», ужасал. Забирали ли этих детей,

чтобы превратить их в проституток? Он вспомнил замечание мистера Хоксвуда о том, что самых внешне привлекательных детей они посылают «в другие места». Не продавали ли владельцы фабрики детей организациям разврата?

Подышав холодным ночным воздухом, он возвратился в общагу и попытался уснуть.

Это случилось на следующее утро в десять тридцать. Адам сметал хлопковый пух в углу цеха, где стояли двадцать огромных механических ткацких станков, когда услышал разгневанные вопли главного надзирателя Клиффа Буртона. Адам обернулся и увидел, как Буртон колотит кожаной плетью юного Лэрри, сироту из Уайтчепеля. Мальчик взвыл от боли. Отбросив в сторону метлу, Адам побежал по каменному проходу между двумя огромными станками со снующими челноками. Большинство детей прекратили работу и молча с ужасом следили за избиением. Адам подбежал к Буртону и схватился за плеть.

— Бей своего возраста и веса! — выкрикнул он, вырвав плеть и огрев ею по голове Буртона. Дети начали кричать, возбужденные тем, что кто-то поднял руку на ненавистного надзирателя. Буртон был здоровым бородатым мужиком. Хотя он еще не совсем протрезвел, он был готов к схватке. Он прыгнул на Адама, схватил его за пояс и бросил навзничь на каменный пол. Адам с Буртоном, сцепившись, начали крутиться на полу под улюлюканье детей. Буртон изловчился и хлопнул своим кулаком, похожим на кувалду, по носу Адама. Из носа брызнула кровь. Но Адам саданул надзирателя в живот так сильно, что тот взвыл от боли и выпустил Адама, который с трудом поднялся на ноги и рукавом вытер кровь.

Буртон тоже вскочил на ноги и двое мужчин стали петухами ходить вокруг друг друга, а механические станки продолжали гудеть и крутиться, челноки летать взад и вперед между нитями. Вдруг Буртон сделал бросок на Адама, в буквальном смысле прыгнув на него. Адам ловко отскочил в сторону, и Буртон угодил на один из станков — его левая рука застряла в вертикальном передаточном ремне. Буртона потащило вверх, к железному потолку. Надзиратель заревел от ужаса, лихорадочно стараясь высвободиться из приводного ремня, который крутился от большого металлического махового колеса у потолка. Маховое колесо, насаженное на стальной стержень, протянувшийся через всю длину цеха, вращался со скоростью 120 оборотов в минуту, приводя в движение все двадцать ткацких станков. Буртона резко стукнуло о потолок, и он полетел вниз на лес колес, шестеренок и челноков механического станка, где его мгновенно

искромсало насмерть.

Ликующие дети окружили Адама, обнимали его и восхищенно постукивали по нему своими кулачками.

Адам опять превратился в героя, на этот раз в глазах совершенно неожиданной аудитории.

— В свете ваших многочисленных благотворительных даров в прошлом, — говорила леди Гвендолин Деспард за чаем с Горасом и Леттис Белладонами в обитой панелями библиотеке их дома, — мы надеемся уговорить вас сделать щедрое пожертвование Манчестерскому обществу сохранения и записи птичьего пения.

Горас, который каждый год толстел в поясе на дюйм, казался озадаченным.

— Простите меня, леди Гвендолин, но я вас не совсем понимаю. Как можно сохранять и записывать пение птиц?

— Удивительно предприимчивый молодой человек, некто мистер Уиппл, разработал метод записи на бумаге пения различных птиц. Мы надеемся, что при должном финансировании сможем распространить соответствующие брошюры по школам всей Англии. В то время как всего несколько поколений назад рядовой английский ребенок рос в сельской местности, то ныне он, скорее всего, живет в городе и, таким образом, совершенно отрезан от живой природы. Наше общество надеется поправить это, привнеся в школы записи пения птиц.

В комнату вошел мистер Клайд, дворецкий Белладонов, и подошел к креслу Гораса.

— Простите меня, сэр, — шепнул он. — Пришел мистер Гриви и желает вас видеть. Говорит, что дело срочное.

Горас нахмурился.

— Пардон, леди Гвендолин. Я сейчас вернусь.

Он вышел из библиотеки и направился в прихожую, где висела огромная картина художника Лендсира, изображавшая собак с грустными глазами.

— Что такое, Гриви? — проворчал Горас, входя в зал.

— Сэр, в Мэндевиле произошел несчастный случай. Главный надзиратель Буртон упал на один из ткацких станков и его искромсало насмерть.

— Черт. Буртон был хороший работник. Ну, найди замену.

— Простите, сэр. Это еще не все. Вероятно, Буртон подрался с новым дворником, Филдингом. И теперь я узнал, кто такой Филдинг.

— Понимаешь ли ты, что отрываешь меня от чая с леди Гвендолин Деспард? — начал кипятиться Горас. — Может быть, она и из какой-то дурацкой благотворительной организации, но она жена лорд-мэра!

— Простите меня, сэра, я бы не стал отрывать вас, если бы дело не было таким важным. Несколько дней назад в забегаловке «Виктория и Альберт» появился молодой человек, который искал работу на фабрике. Я подумал, что впоследствии он может подойти для надзирателя, и направил его в Мэндевилль на вакантное место дворника. Еще тогда я подумал, что где-то его видел, но не вспомнил и махнул рукой. Но сегодня я зашел в комнату к сыну, а он у меня большой поклонник лорда Понтефракта и держит у себя на столе его фотографию. Мальчик заболел корью. Я пробыл в его комнате несколько часов и увидел эту фотографию. Могу поклясться, что человек, которого я отправил в Мэндевилль, лорд Понтефронт!

— Ты с ума сошел! Зачем это богатому аристократу... — Горас замолчал, лицо его побагровело. — Маскировка, — прошептал он. — Он любит переодеваться под других... — На его лице отразился испуг. — И ты направил его в Мэндевилль?

— Сэр, если бы я только знал...

— Ты осел! Олух царя небесного! — Он вскинул оба кулака, чуть не ударив Гриви, но воздержался.

— Сейчас же отправляйся туда, — прошипел он. — Отделайся от него.

— Вы хотите сказать...

— Говорю же тебе, *отделайся* от него! Если он расскажет об увиденном, то я разорен... я погиб!

— Насколько далеко я могу зайти? Он же герой...

— *Прикончи его!*

Горас повернулся спиной и зашагал из прихожей обратно в библиотеку, где леди Гвендолин все еще распространялась о пении птиц. Но, не дойдя до двери, он передумал и возвратился к Гриви.

— Сначала доставь его к старой мельнице. Я хочу задать ему несколько вопросов.

— Есть, мистер Белладон.

Он мог к этому делу привлечь и еще кого-нибудь.

В эту ночь, примерно в полночь, Адам вышел из общаги, чтобы глотнуть немного свежего воздуха. Стояла холодная лунная ночь. У двери он увидел Гриви и еще троих мужчин.

Неожиданно кто-то стукнул его по затылку, в глазах Адама потемнело.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ДЕВЯТАЯ

— Всякий раз, когда я смотрю на Алекса, его вид просто убивает меня, — заметила Лиза Джиму Фиску за ужином в своем каменном доме на Пятой авеню. Толстяк Фиск уписывал дикую утку, — Алекс такой энергичный — конечно, чересчур активный — и вот, лежит наверху как ребенок, еле говорит... У меня просто разрывается сердце.

— Считает ли доктор Логан, что он поправится? — спросил Фиск, отправляя куски утки себе в рот.

— Ах, он не знает. Он считается одним из лучших докторов в Нью-Йорке, но что знают доктора? Но он говорит, что может наступить некоторое улучшение. Каждый день приходит массажист-швед и растирает Алекса, но, похоже, это мало что дает. И от этого нет никаких лекарств... Это самое страшное, что с ним могло приключиться. Самое скверное. А он так молод, ему еще не исполнилось и тридцати двух лет.

— Что вы собираетесь делать с магазином? Я знаю, что Алекс почти все делал сам, начиная от подсчета выручки до чуть ли не подметания пола. Кто теперь займется магазином?

— Не знаю. Поэтому-то я и решила поговорить с вами. Дорогой мистер Фиск, вы знакомы с этим бизнесом, а для меня это китайская грамота. Могу ли я обратиться к вам за советом?

— Ну, конечно, миссис Синклер. Алекс — мой приятель, а также клиент моей брокерской конторы, поэтому я с удовольствием поделюсь с вами всеми своими знаниями. Но хочу сказать вам одно: заниматься магазином — дело мудреное. Это каждодневное занятие, и вы должны быть всегда *на месте*, за всем смотреть — или потеряете последнюю рубашку. Вы можете нанять управляющего, но он начисто *обчистит* вас, если вы зорко, как сокол, не будете смотреть за ним. Вот, но если Алекс узнает, что я сказал вам это, он убьет меня, но все-таки скажу. Подумайте о том, чтобы продать магазин «Синклер и сын», если только не собираетесь лично заняться этим делом и целыми днями пропадать там.

— Это исключено! И дело не только в том, что в этих делах я ничего не понимаю. Я в положении, должна заниматься воспитанием Аманды, ухаживать за мужем. Я не в состоянии заняться этими делами.

— Тогда, считаю, вы должны подумать о продаже магазина. И послушайте: у меня на примете может оказаться покупатель. Когда-то в Бостоне я работал на фирму «Джордан, Марш» и мне известно, что их

подмывает проникнуть на рынок Нью-Йорка. Держу пари, что смогу добыть от них для вас хорошую цену за магазин «Синклер и сын». Да-да, действительно хорошую цену. И по дружбе я все устрою без комиссионных, но, конечно, с компенсацией произведенных расходов.

— Мистер Фиск, вы настоящий друг. Честно говоря, я уже сама пришла к такому заключению. Надо продавать. У меня просто нет иного выбора. Как вы думаете, сколько вам удастся выторговать?

— Ну, конечно, мне надо просмотреть отчеты. Но на глазок могу сказать, что, может быть, миллиона три. Разрешите кое-что предложить?

— Пожалуйста, предлагайте.

— Давайте сделаем так. Вы ничего не говорите Алексу, особенно в связи с его состоянием здоровья. Потому что это взбудоражит его, чего нельзя допустить.

— Уверена, что вы правы.

Она заколебалась. Продать магазин! Она знала, что магазин был гордостью и радостью для Алекса. Она знала, что это причинит ему боль, возможно, настроит его против нее, чего ей совершенно не хотелось. Но он — беспомощный, едва двигается, требует круглосуточного ухода медсестер, которые кормят его, купают, выносят за ним судно. У нее не было альтернативы.

— Тогда давайте так и поступим, — согласилась она.

— Договорились. Послушайте, эта утка удивительно вкусная. Не дадите ли вы мне еще маленький кусочек?

— Ну конечно! — Она позвонила, вызывая кухарку. — О, мистер Фиск, вы — настоящее сокровище. Друг в беде.

— Пожалуйста, мадам. Для друзей я просто Джимми.

И он улыбнулся ей.

* * *

После ухода Джима Фиска Лиза через прихожую прошла на кухню, где Лиля задувала свечи.

— Ты приготовила очень вкусный ужин, Лиля, — похвалила она кухарку, входя в комнату. — Мистер Фиск восторгался твоей уткой.

— Угу. Если бы я хоть немного была умна, то положила бы в фарш крысиного яда.

— Почему ты так говоришь?

Лиля повернулась к ней.

— Мисс Лиза, вы замечательная женщина, очень милая. Вы относитесь к своим цветным слугам как к людям, а не как к чернокожим. Я слышала, что вы сделали там, в Виргинии — освободили рабов еще до начала войны, вы оплачиваете обучение этого мальчика Гавриила, его поездку в Европу, чтобы он мог стать настоящим музыкантом. Вы мне нравитесь и я вас уважаю. Ну, вы можете сказать, что это не мое дело и что я ничего не знаю о бизнесе, но я бы не стала верить Джиму Фиску ни на понюшку табаку. Ну вот, я все-таки сказала это и рада.

— Лиля, мистер Фиск — друг.

— Ха.

— *На самом деле.* Сегодня он предложил мне свою помощь...

— О, я слышала, когда в третий раз накладывала этому обжоре утки... Если хотите знать, он просто дерьмо с Уолл-стрита, может продать родную бабушку и недорого взять за это. Можете уволить меня, если хотите, но все-таки я скажу, что если вы дадите хоть копейку этому человеку, то обязательно пожалеете об этом. Ну, а теперь я иду спать. Спокойной ночи, мисс Лиза.

Она вышла в кладовку дворецкого, оставив Лизу в одиночестве. Немного постояв, она тряхнула головой, привернула газовые светильники и, пройдя в зал, стала подниматься по лестнице. Она прониклась теплыми чувствами к Лиле, комната которой находилась на верхнем этаже. У Лили было золотое сердце, и Лиза всегда считала, что она проникательная женщина. Неужели она увидела в Джиме Фиске что-то такое, чего сама Лиза не заметила? Да, этот мужчина был неотесанный, но это не беда, и его предложение, сделанное в этот вечер, с ее точки зрения, было проявлением большой доброты. И он не просил даже комиссионных.

Поднявшись на второй этаж, она сказала себе, что Лиля непонятно почему просто невзлюбила его. Лиза пошла в свою спальню, задержавшись у двери спальни Алекса.

— Как он? — шепотом спросила она белого санитаря Джо, который подошел к двери.

— Ему предстоит тяжелая ночь. Он не может заснуть.

Лиза вошла в комнату. Алекс лежал на кровати. Она наклонилась, чтобы поцеловать его в лоб.

— Лиза, — с трудом прошептал он. Говорить он стал немного лучше, но она знала, что каждое слово дается ему с большим трудом.

— На ужин приходил Джим Фиск, — сообщила она ему. — Он все-таки понравился мне.

— Как... на... бирже?

— Сегодня рост на девять пунктов, и не беспокойся за акции.

— Как... с магазином?

— Дела в нем идут отлично, дорогой. Просто великолепно. А теперь поспи.

Она еще раз поцеловала его и вышла из комнаты. В каком-то смысле она чувствовала себя такой же беспомощной, как и Алекс. Она не знала, как поступить с домом, который они строили чуть дальше на Пятой авеню. Она видела счета, которые приводили в ужас, но строительство зашло так далеко, что было нецелесообразно прекращать его, к тому же продать незаконченный готический особняк будет не так-то просто. С другой стороны, не разорится ли она, если продолжит его строительство? Дом был задуман для того, чтобы Алекс мог щегольнуть своими успехами перед всем миром. А теперь, когда его парализовало, это строение будет выглядеть скорее как мавзолей.

Теперь ей предстояло принимать очень много решений, поэтому она с радостью приняла помощь Джима Фиска.

Войдя в свою спальню, она закрыла дверь. Лиза вдруг почувствовала себя очень уставшей. Она легла на кровать и закрыла глаза. Прележав так некоторое время, начала раздеваться.

Ей было стыдно признаться, но сердце ее болело за Адама. Верный ее рыцарь Адам знал бы, что ей надо делать. Но Адам находился на другом конце света.

— Придется все делать самой, — сказала она себе. — Надеяться не на кого, кроме как на самое себя.

Когда Адам пришел в себя, то обнаружил, что его руки были так сильно связаны за спиной, что нарушилась циркуляция крови. Голова разламывалась от зверского удара. Он сидел на деревянном стуле, к ножкам которого привязали его колени. Стул стоял посередине комнаты, которая раньше, видимо, использовалась под фабричное помещение, а потом была заброшена. В старинной кирпичной печи горели дрова, и в неярких отсветах пламени он увидел ржавые остатки машин, валявшиеся на полу. Большинство оконных рам выломали, часть крыши насквозь проржавела, так что он мог видеть ночное небо — бегущие облака иногда закрывали бледную луну.

— Он очнулся, — произнес один из четырех мужчин, которые набросились на Адама возле общежития. У одного из них — Джона Гриви — в руках был пистолет. — Пойди, скажи мистеру Белладону, — велел он.

Один из мужчин направился к двери. Остальные подошли к Адаму.

— Каунпур, — напомнил Гриви. — Каким образом вы убили Нана Саиба.

— О чем это вы говорите?

— Игра закончилась, милорд, — отозвался Гриви. — Мы знаем, кто вы такой. Правда ли, что Нана Саиб и другие чучмеки насильовали англичанок во время мятежа?

Но Адам не успел ответить. В дверях показался Горас Белладон в сопровождении посыльного. На Горасе был цилиндр и черное пальто с меховым воротником — воплощение богатого фабриканта, которым он и был на деле. Он приблизился к Адаму. На его лице появилась улыбка, бакенбарды в лунном свете приобрели серебристо-серый цвет.

— Какая любопытная ситуация, — заявил он. — Насколько я знаю, мы с вами официально не знакомились, милорд. Но я много о вас слышан от жены, которая, как вам известно, приходится сестрой миссис Кавана. Если вы меня не знаете, то представляюсь. Я — Горас Белладон, ваш... скажем так... работодатель.

— О, это мне известно, — возразил Адам. — И довольно гадкий хозяин, на которого приходится работать людям. И не пытайтесь прикидываться, что вы не знаете, что творится на ваших мерзких фабриках. — Он взглянул на Гриви и других. — Вы, Гриви, знаете, что он продает детей для проституции?

— Вопросы задавать буду я! — взвизгнул Горас. — Кто еще вместе с вами занимается этим делом?

— Это мое дело.

Горас обратился к одному из головорезов и показал на огонь в печи.

— Принеси мне одно из тех поленьев, — приказал он. Мужчина повиновался, а Горас опять повернулся к Адаму. — В течение ряда лет вы причиняли мне значительный ущерб, — продолжал он. — Сделка, которую я мог бы заключить с генералом Уитни и правительством Конфедерации, принесла бы мне миллионы. Но вы помешали этому своей путаной речью в палате лордов. Мне это не понравилось. Сильно не понравилось.

— Это вы с Уитни наняли людей, чтобы похитить мою дочь?

— Я уже сказал, что вопросы буду задавать я. Расстегните ему рубашку.

Посланный к печи принес Горасу головешку с обуглившимся концом, ночной ветер раздувал пламя, лизавшее середину палки. Горас взял в руку горящую деревяшку, а один из подручных нагнулся и рванул рубашку на груди Адама.

— Итак, — заявил Горас. — Повторяю: кто еще замешан в это дело?

Назовите имена.

— Ну, королева Виктория получила место уборщицы, а принц Уэльский пошел на сдельную работу.

— У него, оказывается, есть и чувство юмора, ребята! Ну, тогда, милорд, пошутим вот таким манером.

Он подался вперед и приложил обугленный конец деревяшки к животу Адама. Адам скорчился и взвыл от боли, в комнате запахло горелым мясом. Когда Горас отнял от тела палку, там остался ожог шириной в три дюйма.

— Разве это не забавно? — спросил он. — Великие инквизиторы старых времен почти не обладали юмором, но понимали толк в физической боли. Такая боль может сломить дух человека. Может быть, еще разок, милорд? Или вы ответите на мой вопрос?

— Я занялся этим один, мерзавец, — охнул Адам. Боль была нестерпимая. — Неужели вы думаете, что найдется другой полоумный, чтобы пуститься на то, чем занялся я?

— Тут вы правы. И чего же вы хотели добиться? Разоблачить меня в парламенте?

— Вы правы, будь вы прокляты! Мне доставило бы удовольствие сделать это. Вы мразь, Белладон. Даже хуже, чем мразь. Превращать детей в проституток, ниже пасть нельзя! Сколько же миссис Абернати платит вам за девочек и мальчиков?

— Убейте его, — рявкнул Горас. — Ты, Гриви, вышиби ему мозги, привяжи груз к ногам и сбрось его в реку. Остальные идемте со мной.

Он повернулся и пошел к двери.

— Миссис Абернати? — шепнул один из головорезов Адаму. — Вы имеете в виду мадам из Манчестера?

— Вот именно, черт возьми! — подтвердил Адам, блефуя. Он никогда не слышал про мадам из Манчестера, но, возможно, в этих краях она была видной птицей. — Человек, на которого вы работаете, продает ей детей! Что скажет вам ваша совесть?

— Гриви, — шепнул один из них, глядя на других. — Вы знали об этом?

— Конечно, — ответил Гриви. — Это же дерьмо из лондонских трущоб. — Убирайтесь отсюда ко всем чертям, не мешайте мне прикончить это!

Его сообщники торопливо вышли из комнаты. Гриви повернулся к Адаму. Держа пистолет обеими руками, он медленно поднял его и нацелил Адаму между глаз. Адам напряженно смотрел в дуло, находившееся от него меньше чем в шести дюймах. Смерть. Последнее приключение. Он гадал,

будет ли ему больно. Гриви вздрогнул от выстрелов за стенами фабрики.

— Что за черт...

Он повернулся к двери. В помещение вбежали Бентли Brent и еще трое. Бентли вскинул пистолет и выстрелил. Гриви получил пулю в грудь. Он крутанулся и свалился замертво лицом вниз.

— Господи! — воскликнул Адам. — А я-то терялся в догадках, куда вы подевались!

Бентли торопливо подбежал к нему.

— Простите, старина, — извинился он. — Нас слегка задержали на улице. Ни в коем случае не позволил бы застрелить вас.

Адам, который нанял Бентли обеспечить ему прикрытие в его опасной аванюре в Мэндевиле, произнес:

— Рад это слышать... О Господи, мой живот...

Несмотря на ночной холод, Адам весь покрылся потом. Когда Бентли разрезал веревки на его коленях, Адам повалился со стула вперед и без сознания упал на пол. Бентли осмотрел свежую рану на его животе, от которой все еще поднимался пар.

— Отвезем его поскорее к доктору.

Письмо от королевы Виктории лорду Пальмерстону.

Виндзорский дворец. 23 января 1863 года

Королева с ужасом и возмущением прочитала газетные отчеты о разоблачениях лордом Понтефрактом условий жизни и работы на фабриках Белладона. И опять этот благородный человек сослужил Англии великую службу. Мне сообщили, что лорд Понтефракт находится сейчас вне опасности, что он вышел из больницы, но что шрам на его животе останется на всю жизнь. Только подумать, английский бизнесмен прибегает к физическим пыткам, как какой-нибудь болгарин или турок! Это ужасно постыдно! К счастью, на этот раз никакие внутренние моральные соображения, вроде романа лорда Понтефракта с миссис Кавана, не помешают Королеве наградить его орденом Подвязки, и Королева твердо намерена сделать это.

Но, награждая лорда Понтефракта, следует наказать это подлое чудовище, мистера Белладона. Королева всем сердцем поддержит призыв лорда

Понтефракта к английской нации не покупать товаров, произведенных компанией «Белладон Текстайлз». Этот бесстыдный человек вполне заслужил, чтобы его поставить на колени в финансовом отношении, но я также поручила министру внутренних дел изучить возможность предъявления Белладону уголовных обвинений не только за нарушение закона о десятичасовом рабочем дне и закона 1844 года, требующего ограждения опасных для здоровья людей машин, но и за его отвратительную торговлю детьми. Однако Королеве подсказали, что таскание этого гнусного человека по судам может возыметь отрицательный побочный эффект на общественность, которая узнает о неблагоприятных деталях его преступлений, так как мы никогда не должны упускать из вида свой долг оберегать чистоту английского семейного очага.

В. Р. (Виктория Регина)

Семилетний лорд Генри, первый граф Кастлфорд и будущий маркиз Понтефракт, сидел на коленях у отца, засунув свой пальчик под рубашку Адама.

— Это здесь плохой дядя прижег тебя, папа? — спросил он.

— Да, — подтвердил Адам. Ожог заживал, но прикосновение все еще вызывало боль.

— Он поступил ужасно. Он, наверное, очень, очень злой.

— Да, очень злой.

Генри, обвив шею Адама ручонками, прижался к нему.

— О, папа, я так горжусь тобой! Ты настоящий герой! — воскликнул он.

— Что такое герой? — спросил четырехлетний Артур, который сидел у ног отца в детской комнате Понтефракт Хауза и играл оловянными солдатиками. У Артура, как и у отца, были черные волосы. Оба мальчика были удивительно красивы.

— Ну, ты задал хороший вопрос, — отозвался Адам, думая о бале, который они с Сибил давали в этот вечер. Сибил сказала ему, что Дизраэли пригласил на бал Эдгара Масгрейва, надеясь повлиять на развитие романа между ним и Эмилией Макнер. Адам не представлял себе, получится ли что-нибудь из этого, но с большим уважением относился к способностям

Диззи убеждать. И он должен был признать, что если бы Эдгар и Эмилия заинтересовались друг другом, то это было бы двойным облегчением. Сибил рассказала ему о втором случае шантажа со стороны Эдгара, и он согласился, хотя и неохотно, выплачивать ему в год по десять тысяч фунтов, чтобы он не болтал. Теперь, глядя на своих двух обожаемых сыновей, он внутренне содрогался при мысли о тучах, сгущавшихся над их головами. Нынешний наследник по сути не был наследником, настоящим наследником фактически был младший сын. Несмотря на все почести (Адам гордился тем, что Королева наградила его орденом Подвязки), будущее его детей все еще оставалось под большим вопросом.

— Никакой я не герой, Артур, — объяснил он мальчику. — Я просто делаю то, что считаю правильным.

— А я думаю, что ты герой, — возразил отцу лорд Генри. — Все газеты пишут про это, и королева дает тебе орден Подвязки. Поэтому если ты не герой, то кто же тогда герой?

— Может быть, настоящим героем является Лэрри, — ответил отец.

— Кто такой Лэрри?

— Сирота, с которым я познакомился в Мэндевиле, у которого нет таких замечательных преимуществ, как у тебя с Артуром. Маленький мальчик, жизнь которого отвратительна. Может быть, именно Лэрри настоящий герой.

— Про Лэрри я ничего не знаю, — не соглашался сын, — но он мне не кажется героем. Для меня героем являешься ты, папа.

— И для меня, — подхватил Артур, продолжая сидеть на полу.

— Диззи говорит, что либералы в парламенте возмущены тобой из-за того, что ты сделал с мистером Белладоном, — поведала Сибил этим вечером Адаму, когда они, выйдя из своей спальни, направлялись к лестнице. Сибил эффектно выглядела в шелковом платье лимонного цвета с ожерельем из бриллиантов и рубинов на шее. Драгоценные камни сверкали и на ее серьгах, и на диадеме.

— Это потому, что Белладон делает крупные взносы для этой партии, — отозвался Адам. Он выглядел тоже шикарно в своем фраке, с лентой ордена Подвязки, наискось перепоясавшей его накрахмаленную белую сорочку, с бриллиантовой звездой ордена Подвязки, прикрепленной к левому лацкану его фрака. На бал ждали двадцатидвухлетнего принца Уэльского и поэтому на приглашениях были слова «Награды» и «Строго по этикету», что означало: ожидается присутствие члена королевской семьи. Принц, который недавно объявил о своей помолвке с датской принцессой

Александрой, осуществлял теперь все социальные функции королевской семьи, поскольку его мать, королева Виктория, ушла практически в полное затворничество в связи с трауром по своему любимому мужу, принцу Альберту. — Белладон должен радоваться, что я не подал на него в суд за покушение на убийство. Думаю, что достаточно разорить его компанию. Не хочу, чтобы ты и мальчики стали косвенными участниками еще одной судебной драмы.

— Это благоразумно с твоей стороны, дорогой, ценю это. Мальчики очень гордятся тобой, как и я. Ты выглядишь очень красивым с орденом Подвязки.

— Спасибо. — Они начали спускаться по лестнице. — Но должен сказать тебе, что я очень беспокоен в связи с тем, что сегодня сюда приходит Эдгар Масгрейв. Я знаю, что Диззи планирует соединить Эмилию с ним, но Эдгар, по-моему, неуправляем. Вся эта затея может выйти боком.

— Знаю. Я тоже беспокойна. Но, похоже, Диззи уверен в успехе, и думаю, что в данном случае надо оставить это дело на его усмотрение. Он сказал мне, что у него большие надежды на твою политическую карьеру. Он думает даже, что в будущем ты можешь стать вице-королем Индии.

— Диззи может быть исключительно сладкоречивым.

— Знаю, но, Адам, подумай, разве это не ослепительная перспектива? Стать вице-королем!

— Должен признать, что звучит это заманчиво. Но поживем, увидим. А, кажется, наши первые гости уже прибыли.

Они остановились на лестничной площадке, чтобы встречать гостей.

Эмилия Макнер никогда раньше не была в таком блестящем обществе. Список Диззи включал самых влиятельных людей Лондона, правителей примерно четверти планеты. Все они тесно столпились в Понтефракта Хаузе. Эмилия со своими родителями медленно поднималась по лестнице среди других гостей, выстроившихся в очередь, чтобы поздороваться на верхней площадке с Сибил и Адамом. Неожиданно шум говора смолк, она оглянулась и увидела принца Уэльского с его великолепной невестой, которые только что прибыли. Люди, стоявшие на лестнице, расступились, неуклюже приседая по мере того, как прибывшие поднимались. Эмилия сделала реверанс и невольно задержала взгляд на удивительно красивом блондине, который стоял за ней на ступеньках.

Эмилия сказала себе, что она все еще влюблена в Адама. Но когда движение очереди возобновилось, она невольно оглянулась назад, пытаясь

над головами разглядеть заинтриговавшего ее незнакомца.

— У меня есть молодая леди, с которой я хотел бы познакомить вас, — сказал Диззи Эдгару Масгрейву через пятнадцать минут. — Ее зовут Эмилия Макнер. Отец ее, сэр Карлтон Макнер, живет в Калькутте и является одним из богатейших чайных плантаторов Индии. Думаю, что вам было бы полезно познакомиться с мисс Макнер. Она очаровательная девушка.

Эдгара нельзя было упрекнуть в застенчивости, но Дизраэли нагонял на него благоговейный страх. Его поразило, что такой могущественный политический деятель не только запомнил его имя, но и проявил к нему необычайную любезность.

— Вы очень добры, мистер Дизраэли, — ответил он и последовал за ним по бальному залу, который заполнялся гостями, уже поздоровавшимися с хозяевами.

— В душе я сводник, — улыбнулся Диззи. — Люди принимают меня за старого циника, но истина заключается в том, что я неисправимый романтик. Бедняжка мисс Макнер мало кого знает в Лондоне, и я подумал, что, может быть, вы ей покажете кое-какие достопримечательности нашего города. — Он понизил голос. — Мне, между прочим, известно, что сэр Карлтон мультимиллионер, а Эмилия у него единственный ребенок. Можно только гадать, каких размеров окажется приданое у этой наследницы, верно? — Он опять стал говорить нормальным голосом. — Вон она, златокудрая в белом платье с розовыми бантами. Правда, выглядит потрясающе?

— Да, правда, — искренне подтвердил Эдгар.

— В Лондоне очень много проходимцев, которые подобно ищейкам вскоре ринутся по ее следам, чтобы заполучить наследство. Увы, в палате общин полно таких беспринципных, но внешне привлекательных молодых парней. Но я знаю, что Эмилия с вами будет в безопасности, Эдгар. Мне говорили, что вы человек благородных принципов и характера.

— Кто вам говорил обо мне?

— Леди Понтефракт, — Диззи улыбнулся. У Эдгара хватило стыда, чтобы слегка покраснеть.

— Сэр Карлтон! — воскликнул Диззи, подходя к плантатору. — И леди Макнер. Разрешите мне представить вам мистера Эдгара Масгрейва. А это очаровательное создание — Эмилия.

Эмилия повернулась и увидела перед собой привлекательного блондина, которого она заметила на лестнице.

— Мисс Макнер, — промурлыкал Эдгар, поднося к губам ее руку в перчатке, — не согласитесь ли вы танцевать следующий вальс со мной?

Эмилия, так же как и ее родители, выказала явное удовольствие.

— Где спальня лорда Генри? — спросил Эдгар одного из сорока слуг в белых париках и ливреях, которые обслуживали прием. Это происходило двадцать минут спустя. Эдгар станцевал с Эмилией два вальса и был уверен, что произвел благоприятное впечатление на девушку.

— На третьем этаже, сэр, в конце дома. Дверь с левой стороны, рядом с детской комнатой.

Эдгар оглянулся. Оркестр наигрывал быстрый галоп и танцующие носились по бальному залу, даже несколько раскачивая дом, о чем свидетельствовало позвякивание хрустальных люстр.

Держа в руках бокал шампанского, Эдгар поднялся на третий этаж. Он пытался понять, почему Дизраэли начал им манипулировать. Как и все в Лондоне, он знал, что Дизраэли сблизился с Сибил. Возможно ли это, что они оба — и даже, возможно, Адам — подбрасывают ему Эмилию в качестве приманки, чтобы оторвать его от своего наследника? Этого нельзя было исключать. Проходя по коридору третьего этажа, он подумал, что наступило время сделать шаг, который он вынашивал уже несколько лет. Генри — его сын, а не Адама! Это было мощным оружием.

Подойдя к двери, он постучал.

— Кто там?

Эдгар открыл дверь и заглянул внутрь. Лорд Генри лежал на кровати в ночной рубашке и читал. Светловолосый мальчик взглянул на блондина в дверях.

— Разрешите войти? — спросил Эдгар, но не стал ждать, когда Генри ответит «да». Притворил дверь и подошел к кровати.

— Кто вы такой? — спросил Генри.

— Меня зовут Эдгар Масгрейв. — Я друг твоей мамы. Много наслышан о тебе. Мне захотелось повидать тебя. Что ты читаешь?

— Французскую грамматику.

— Французская грамматика — ужасно нудная вещь, верно? Ты не против? — Он пододвинул стул и сел рядом с кроватью. Генри с любопытством наблюдал за ним.

— Вы знаете моего папу? — спросил он.

— Ну, конечно.

— Мой папа герой, правда?

— Да. Он также очень богатый. Когда-нибудь и ты станешь богатым,

верно?

Вопрос озадачил мальчика.

— Наверное.

— Кажусь ли я тебе... знакомым?

Генри нахмурился.

— Да, немного, — наконец, утвердительно ответил он.

Эдгар допил свое шампанское, подошел к столику, взял там маленькое зеркало. Потом возвратился к кровати и поднес зеркало к лицу Генри. Мальчик взглянул на свое отражение. Потом перевел взгляд на Эдгара, который напряженно наблюдал за ним.

— Что мы... родственники? — спросил Генри.

— Да, родственники.

— Кем же вы мне приходитеесь? Я прежде не слышал вашего имени.

— Это длинная история, — ответил Эдгар, отнеся зеркало обратно на столик. — Когда-нибудь я тебе расскажу об этом. А пока мне просто захотелось повидать тебя. У нас с тобой много общего. — Он подошел к двери. — Спокойной ночи, Генри.

— Спокойной ночи, мистер Масгрейв.

Эдгар вышел и мягко притворил дверь. Оставшись один, Генри вылез из кровати и подбежал к столику. Взяв зеркало, он опять посмотрел на свое отражение в нем.

Потом взглянул на дверь, на его лице отразилось замешательство.

Пять минут спустя Эдгар подошел к Адаму, который стоял у стены бального зала и смотрел на танцующих.

— Замечательный вечер, милорд, — улыбнулся Эдгар. — Поздравляю вас с выбором шампанского. Только что выпил еще один бокал. Первосортное. Но у вас и все остальное тоже первосортное.

Адам холодно посмотрел на него.

— Масгрейв, — произнес он тихо, — достаточно того, что вы шантажируете мою жену. Бог мой, мне не надо делать вид, что вы мне нравитесь, и быть учтивым с вами. Буду признателен, если вы выпьете моего шампанского с кем-либо еще.

— Вот как, старина, это звучит не очень-то дружелюбно. Да, определенно, недружелюбно. А ведь у нас имеются немалые основания для дружбы. Я только что поднимался наверх, чтобы поболтать с лордом Генри. Восхитительный мальчик.

Глаза Адама расширились.

— Держитесь подальше от него, Масгрейв, — прошипел он. — Не то,

видит Бог, я...

— Ну, что же вы сделаете? — улыбнулся Масгрейв. — Он же ведь все-таки мой сын, а не ваш. Я не вижу причин, по которым я не мог бы видеть его, если того захочу. Полагаю, кстати, что суд может решить этот вопрос в мою пользу.

В глазах Адама отразился страх.

— Вы ему сказали об этом?

— Пока нет, но могу сказать. — Эдгар отпил шампанское, с удовольствием наблюдая, как влиятельный лорд извивается подобно червяку на рыболовном крючке. — Вы только что произнесли слово «шантаж», — продолжал он. — Мне оно не очень нравится. Такое неприятное словечко. Но полагаю, что здесь можно говорить о незаконнорожденном ребенке... Однако мне пришло на ум, что все эти годы я шантажировал не того человека, мне следовало бы шантажировать вас. — Он сделал еще глоток шампанского. — Возможно, я так и поступлю, старина.

И отошел.

— У нас теперь большие неприятности, — сказал Адам в четыре часа утра. Последние гости только что уехали вместе с принцем Уэльским, и хозяин с хозяйкой поднимались по лестнице, а слуги занялись уборкой. — Эдгар поднялся в комнату Генри и представился ему.

— Что?! — спросила пораженная Сибил.

— Я же говорил, что он неуправляем. И теперь он открыто намекает на то, что вместо тебя начнет шантажировать меня. Грозит сообщить Генри, кто его настоящий отец.

— Но это нечестно. После того как мы заплатили ему столько денег... тысячи фунтов...

— Эдгару наплевать на честность. Этот проклятый человек — кровососная пиявка! Не знаю, *что* мне делать. Такая идиотская ситуация. В любом случае ужасно пострадает один из мальчиков.

— Убей его! — прошептала Сибил, кладя свою ладонь на его руку. — Убивать ты умеешь. Это единственное средство заткнуть ему рот. Ах, Адам, знаю, что это моя вина. Эдгар — моя детская страсть...

— Как Лиза была моей страстью.

— Да, правильно. Но с Лизой ты был счастлив, а Эдгар ничего кроме горького несчастья не принес мне. Но мы должны оградить Генри. Было бы жестоко лишить этого восхитительного ребенка наследства...

— Но несправедливо и жестоко также лишать наследства Артура, который является *подлинным* наследником. Но с Эдгаром можно справиться

и другим способом. Необязательно перерезать ему глотку, хотя это и доставило бы удовольствие. Такие вещи больше подходят для него. А вообще-то, возможно, я допустил ошибку, что сам не рассказал об этом Генри.

— Адам, ты не должен этого делать!

— Вначале я тоже так думал. Но сам я рос, не зная, кто я на самом деле, и я бы не хотел, чтобы мой собственный сын, вернее сын Эдгара, оказался бы в таком же положении. Нет, Генри должен узнать правду. Это будет справедливо по отношению к нему. А самим Эдгаром пусть займется Диззи.

Они подошли к спальне.

— Любишь ли ты Генри так, как если бы он был твой собственный сын?

— Да.

— Слава Господу за это. — Она помолчала. — Но, Адам, что будет, если он возненавидит нас обоих за это? Что если они оба возненавидят нас?

— Не думай, что я и сам не прихожу в ужас от такой мысли. Но если это случится, ну что же, ничего не поделаешь.

— Все это по моей вине. Простишь ли ты когда-нибудь меня?

Он обнял ее.

— Я уже давно простил тебя, — шепнул он. — Ведь я тоже обманывал тебя с Лизой на протяжении многих лет. Не мне читать кому-нибудь мораль. Но молись за нас, Сибил. Думаю, что предо мной возникла самая трудная задача за всю мою жизнь.

— Может быть, нам сделать все это вместе?

Он немного подумал.

— Хорошо. Утром мы поговорим с ним.

— Ты... *немой* папа? — поразившись, Генри вытаращил глаза.

— Не твой.

Адам сидел на краю кровати сына. Сибил стояла рядом, с волнением наблюдая эту сцену.

— Значит, тот человек вчера... Мистер Масгрейв..?

— Твой папа — он, — негромко подтвердила Сибил.

Генри взглянул на мать, потом опять на Адама. По его щекам потекли слезы.

— Ты был моим героем, — прошептал он. — Кем же ты стал теперь?

— Надеюсь, ты позволишь мне оставаться твоим папой, — сказал

Адам. — Для меня ты был сыном, и всегда будешь им.

— А Артур твой сын? — спросил Генри.

— Да.

— Значит, наследником станет он, а не я.

Адам и Сибил обменялись взглядами.

— Мы хотим, чтобы наследником продолжал оставаться ты, — сказала Сибил. — Иначе, ну, может возникнуть скандал.

Сидевший на кровати мальчик как будто оцепенел. Он долго молчал. Потом сказал:

— Я должен хорошенько заботиться об Артуре, правда? Я должен быть особенно честным по отношению к нему, потому что ко мне несправедливо переходит так много от него. Я не хочу обманывать своего собственного брата. — Он опять посмотрел на родителей. — Ах, мама и папа, зачем же вы это *сделали*?

Адам наклонился и обнял его.

— Сможешь ли ты простить нас? — прошептал он.

После долгой паузы он попросил:

— Разрешите мне побыть одному...

Адам отпустил его и поднялся. Сибил наклонилась и поцеловала сына. Потом они вышли и тихо притворили за собой дверь.

Они молча ждали в зале. Через некоторое время они услышали, как Генри начал всхлипывать.

Они пошли по залу, стараясь не притрагиваться друг к другу. Потом Адам взял ее за руку.

— Ему это надо было сказать, — шепнул он.

— Знаю. Но я почувствовала себя такой... низкой.

— Эдгар попросил меня стать его женой! — воскликнула на следующей неделе Эмилия Макнер в гостиной Понтефракта Хауза. Она выглядела особенно привлекательно в темно-синем шелковом платье.

— Поздравляем, — сказал Адам. — Настоящее ураганное ухаживание.

— Не правда ли? Но, ах, Адам, я так влюбилась. И Дизраэли добивается рыцарского звания для Эдгара, поэтому я стану леди Масгрейв.

— Да, Диззи сообщил мне, что его назначают новым английским консулом во Флоренции.

— Эдгар с ума сходит по Италии и говорит мне, что я тоже люблю эту страну. Не правда ли, все вышло великолепно? — Она повернулась к Сибил, которая сидела на диване. — Вы знаете, леди Понтефракта, я должна вам признаться... Одно время я была влюблена в вашего мужа. Я

бесстыдно бросилась ему на шею. Я просто краснею, признаваясь в этом, но я ведь даже сняла номер в «Кларидже» и пригласила Адама на обед. Намерения мои, — она с вызовом посмотрела на Адама, — были неблаговидные. Но ваш муж оказался настоящим джентльменом. Думаю, именно тогда я разлюбила его. — Она засмеялась. — Удивительная вещь жизнь, не правда ли?

— Но вы влюбились в Эдгара? — спросила Сибил.

— О, да. Он замечательный человек. Конечно, я не слепая, вижу его недостатки. Думаю, что он немного мошенник. Но некоторая жуликоватость делает его еще более привлекательным. — Она опять посмотрела на Адама. — Ваш муж тоже был *когда-то* некоторой степени проказником, — добавила она довольно сухо. — Кстати, Адам, Эдгар попросил меня передать вам вот эту записку. Не знаю, о чем она.

Она вынула из своей сумочки конверт и передала его Адаму. Тот открыл конверт и извлек оттуда записку, где было написано: «Понтефракт, я согласился на сделку с Дизраэли. Я получаю титул и консульство во Флоренции. Вы получаете моего сына. Передайте Сибил, что она может больше не высылать мне денег, поскольку приданое Эмилии превратило меня в богатого человека. Вы оба можете успокоиться. Я буду помалкивать и больше не играть в такие игры. В конце концов, мы должны быть достойны Империи, так ведь?» И подпись: «сэр Эдгар Масгрейв».

Все это выглядело настолько цинично, что Адам не мог сдержать улыбки. Он вспомнил, что ему однажды сказал Дизраэли: «Зачем же тогда нужна Империя, если вы не можете в ней купить своим бедным родственникам и врагам работу и титулы?»

ГЛАВА ТРИДЦАТАЯ

— В Геттисбурге завязалась схватка! — зычно крикнул своим солдатам капитан Зах Уитни. — Некоторые из наших ребят отправились сегодня утром в город, чтобы купить башмаки, и наткнулись на кавалерию янки. Генерал Ли приказал всем ротам двинуться в город. Вперед марш!

Это происходило в нестерпимо жаркое утро 1 июля 1863 года. Когда рота Заха двинулась вперед, то в отдалении послышались залпы артиллерийских орудий. Прошлой зимой после битвы при Фредериксбурге Пинеас Уитни позаботился о том, чтобы Заха произвели в офицеры. И поскольку Шарлотта и Клейтон погибли, Пинеас и Элли Мэй усыновили Заха, сделав его своим наследником, если останется что-нибудь из того, что можно будет унаследовать.

Обе стороны предчувствовали, что кровавая война приближается к какому-то апогею. Черeda побед генерала Ли опустошила Виргинию, и командование южан решило, что боевые действия следует перенести на вражескую территорию. Поэтому восставшие вторглись на территорию Пенсильвании через долину Шенандоа, и последние недели прошли довольно приятно. Пенсильвания была такой же обильной, как и Виргиния до войны. Большинство здешних фермеров охотно, хотя некоторые со страхом, продавали продовольствие солдатам Юга, принимая в качестве оплаты деньги Конфедерации. Повстанцы бросились за покупками, быстрее всего раскупали ботинки и сапоги, потому что кожа на Юге почти совсем пропала из продажи. Пинеас перевел своему приемному сыну пять тысяч долларов в ассигнациях Конфедерации, часть своих взяток наличными, которые хранились в сундуке в подвальном помещении дома на плантации «Феарвью». Зах купил себе отличные ботинки, столь необходимое нижнее белье, дюжину кусков мыла, а в одной из таверн города Чамберсбурга, где-то в долине Самберленд, к юго-западу от Гарисбурга, устроил обед из жареного мяса для своих коллег офицеров. Тот факт, что на все это он израсходовал большую часть пяти тысяч долларов, показывает цену денег Конфедерации за пределами Юга. Но теперь желудок его был полон, он ощущал себя чистым, хорошо обутом и был готов немного прославиться.

На следующее утро после того как пришли сообщения о столкновении у Геттисбурга, он подумал, что, возможно, ему выпадет шанс прославиться. Но, маршируя по шамберсбургской дороге впереди своей роты, он также

опасался и того, что может с ним произойти. Он вспомнил нагромождение ужасных трупов в ту ледяную ночь декабря прошлого года под Фредериксбургом. Зах знал, что через несколько часов или даже раньше он может и сам превратиться в труп, и хотя он старался не думать об этом, настроение было прескверным. Его лицо заливал пот, когда они приблизились по нестерпимой жаре к Геттисбургу. Зах был мужественным человеком, но и ему было страшно.

Примерно в одиннадцать часов утра Зах начал различать широкий хребет горы к востоку, где проходило сражение. Он назывался хребет Макферсона, хотя Зах и не знал этого. Высота хребта достигала четырехсот футов, и с одной точки их движения Зах заметил, что хребет пересекала расщелина, прорытая в этой небольшой горе для железной дороги. Когда солдаты Заха проходили мимо другого холма, называвшегося хребтом Герр, то они увидели солдат в серых мундирах повстанческой армии, которые бежали с холма по направлению к хребту Макферсон, пересекая извивающийся ручей Виллоуби Ран.

— Вот туда нам и надо, друзья! — зычно крикнул он своим разгорячившимся и запыхавшимся солдатам. — Враг на этом хребте! Присоединимся к нашим у излучины ручья!

Испустив знаменитые воинственные возгласы повстанцев, рота рассыпалась и побежала вместе с другими с примкнутыми штыками, зарядив и держа ружья наготове.

Как и под Фредериксбургом, во время сражения беспокойство и страх сменялись у Заха нарастающим возбуждением. Вопли, стоны раненых, трескотня выстрелов и несносная июльская жара создавали у солдат приподнятое настроение. Федеральные войска на хребте Макферсон находились под командованием генерал-майора Джона Ф. Рейнольдса, у которого были веские основания удерживать хребет. Поскольку повстанцы наступали с запада, хребет Макферсон прикрывал все подходы к городу Геттисбургу. Небольшая рощица примерно в центре хребта обеспечивала защиту янки. Они могли вести оттуда продольный огонь по неприятельским колоннам, которые продвигались по шамберсбургской дороге, или на юге по феарфилдской дороге, или по обеим дорогам сразу. Самая уязвимая сторона позиции Рейнольдса заключалась в ее открытости для артиллерийского огня с правого фланга, со стороны Оук Хилл к северу, и к нападению пехоты, которая в качестве прикрытия могла бы воспользоваться высокой пшеницей соседних полей. Именно в этом месте Зах повел в атаку своих людей. Бегом устремившись через пшеничное поле, не обращая внимания на пули, свистевшие над его головой, на пот, от

которого взмокла вся его одежда, он думал, какое это было бы счастье остаться в живых.

Когда Зах выбрался из пшеничного поля, он увидел всю панораму битвы. Повстанцы в серых мундирах массивованно наступали на хребет Макферсон, шла горячая схватка.

— Вперед на холм! — громко скомандовал он своим людям. — Враг наверху! Вперед на холм!

Они карабкались до тех пор, пока не оказались в радиусе вражеского огня. Тогда и они открыли пальбу, останавливаясь, чтобы перезарядить свои энфилдские винтовки, как учил их Зах, делая по три выстрела в минуту. Все смешалось, но у Заха было такое впечатление, что его потери пока были небольшими. Но он не мог оглядываться назад. Как командир, он рвался вверх на холм и продвигался так быстро, что через несколько минут обнаружил, что оторвался от своих людей и потерял их, или, если сказать точнее, все повстанцы перемешались, слившись в одну большую массу стреляющих, издающих возгласы солдат.

Зах остановился за деревом, чтобы отдышаться и перезарядить ружье. Он увидел федерального офицера на лошади примерно в ста футах от себя, которого окружали еще несколько офицеров. Зах не знал, кто это такой, но он выглядел важно. Зах прицелился и выстрелил. Лошадь офицера попятилась назад, а сам всадник свалился вперед на землю. Окружавшие его офицеры тут же соскочили со своих коней и подбежали к упавшему. Зах ухмыльнулся.

— Думаю, я накрыл его, — пробормотал он.

И действительно, он попал в него и сразил. Но капитан Захарий Уитни не мог знать, что он только что застрелил генерал-майора Джона Ф. Рейнольдса, федерального командующего войсками на хребте Макферсон. Благодаря глупой, слепой удаче, что всегда бывает решающим фактором во время войн, Зах обеспечил войскам Конфедерации большой успех в первой же стычке в первый день трехдневной битвы под Геттисбургом. После полудня федеральные войска начали отступать, перегруппировываться на следующем хребте к востоку, на Семинари Ридж. К сумеркам федеральные войска, в первую очередь ударная железная бригада, последний раз попыталась удержаться на хребте Семинари. В течение семи или восьми минут разгорелась, возможно, самая отчаянная схватка между артиллерией и пехотой на близком расстоянии без малейшего прикрытия с обеих сторон. Повсюду жужжали и свистели пули, грохотала канонада. Беспощадная схватка — дым, пыль, кровь, обломки... Железная бригада полегла почти целиком. Двадцать четвертая мичиганская бригада потеряла восемьдесят

процентов личного состава. К вечеру хребет Семинари оказался в руках конфедератов, а янки отступили в Геттисбург, пытаясь занять новые позиции на кладбищенском холме, рядом с раскрытыми воротами кладбища Эвергрин к югу от города.

Когда вымотавшийся, но веселый Зах попытался уснуть, он думал, что сражение закончилось, возможно, закончилось и сама война, и что его любимое дело восторжествовало.

Зах ошибался.

— Похоже, что федеральные войска одержали победу около этого небольшого городка в Пенсильвании, — прочитала Лиза заметку из газеты три дня спустя. Они сидели на крылечке дома на берегу океана в штате Нью-Джерси, который Алекс снял на лето.

— У Гутенбурга? — спросил Алекс, сидевший в инвалидной коляске. Ему на плечи была наброшена шаль, чтобы укрыть его от прохладного морского ветра.

— Нет, дорогой, у Геттисбурга. Армия генерала Ли бежит обратно в Виргинию, бежит «спотыкаясь», если можно так сказать. Это похоже на его разгром, потери с обеих сторон ужасающие.

— Северу уже пора бы и победить, — с трудом проговорил Алекс. Хотя он оставался частично парализованным, но выздоровление после паралича шло неплохо, и его речь значительно улучшилась. У него даже немного порозовели щеки. — Это хорошо для бизнеса, — продолжал он. — Как дела... на бирже?

— Вчера акции поднялись на несколько пунктов, но сегодня после получения новостей о победе цены просто взлетят. Мы можем заработать на этом кучу денег.

Он наблюдал, как на пляже играли в мяч дети. Выдалось великолепное утро. Воды Атлантики сверкали серебром в лучах солнца.

— Какие... акции... ты приобрела? — спросил он.

— Алекс, ты знаешь, что я ничего не понимаю в бизнесе. Я все отдаю на усмотрение Джима. Последний раз, когда я разговаривала с ним, он сказал, что закупает большое количество акций какой-то железной дороги или что-то в этом роде.

— Не очень-то... доверяйся Джимми. Он хитрая лиса.

— Но ты сам доверял ему.

— Да, но я его контролировал.

— Дорогой, он для нас зарабатывает так много денег! Вот только на прошлой неделе он прислал мне двадцать тысяч долларов.

Алекс взглянул на нее с удивлением.

— Сколько... сколько денег ты... инвестировала через него?

Лиза отложила в сторону газету «*Нью-Йорк таймс*», мысленно ругая себя. Алекс все еще не знал, что она продала его магазин.

— Мисс Лиза, — обратилась к ней Лиля, выплывая покачиваясь из покрашенного белой краской домика на крылечко.

— Ваш ребенок опять весь обмочился. Клянусь, что этот мальчик поливает, как из реки Гудзон.

— Ты сменила ему пеленки? — спросила Лиза, благодарная за то, что ее прервали. Шесть недель назад она родила замечательного мальчика, которого назвали Сомерсет.

— Да, мэм. Не хотите ли вы еще чашечку кофе?

— Нет, спасибо.

— А вы, мистер Алекс? Налить вам еще кофе?

Алекс покачал головой.

— Лиза, будете ли вы кормить ребенка?

— Конечно.

— Тогда я пойду застелю кровати. Разбужу эту соню Аманду. Девочка совсем изленилась.

Лиля вернулась в дом. Алекс продолжал смотреть на жену.

— Сколько... денег? — повторил он.

Лиза сделала несколько шагов к перилам крыльца. Ветерок раздул ее золотистые кудри.

— Ну, несколько тысяч долларов, — соврала она.

— Нельзя заработать... несколько тысяч долларов за один месяц... вложив несколько тысяч долларов.

Она обернулась к нему.

— Алекс, я без конца повторяю тебе, не беспокойся о делах. Доктор очень доволен твоим выздоровлением, но о делах ты не должен волноваться.

— Магазин, — продолжал он. — Ты взяла... деньги под залог магазина?

— Нет, в магазине все обстоит нормально.

Он посмотрел на нее с подозрением.

— Я хотел бы... вернуться в город.

— Мы не можем это сделать. Там жарко, вспыхивают мятежи. Об этом сообщается в газетах... что-то из-за нового закона о призыве в армию. — Она подошла к нему, наклонилась и поцеловала его. — А теперь, пожалуйста, расслабься. Ты крепнешь с каждым днем. Доктор говорит, что

к Рождеству...

— Лиза, не продала ли ты магазин, а?

Она выпрямилась.

— Почему это тебе пришло в голову? — вопросительно заметила она. — Конечно, нет.

— Я соскучился по магазину, — произнес он задумчиво.

Лиза понимала, что когда-нибудь он узнает о продаже. «Но не теперь», — думала она. Она знала, как дорог ему магазин «Синклер и сын», но у нее не было выбора. Джим Фиск предложил ей от имени «Джордана и Марша» два с половиной миллиона, и она просто не могла не согласиться. Теперь, однако, у нее появились новые тревоги. Она позволила Фиску пустить почти все деньги на ценные бумаги биржи, и хотя она питала большое доверие к его деловым способностям, цены на бирже так прыгали вверх и вниз, что иногда ее охватывал большой страх, а что если?.. Что если Джим Фиск ошибся? Что если окажется, что он скорее плут, чем гений бизнеса? Что если Лиля права?

Но ей больше некому было довериться.

— С днем рождения тебя, Алекс! — поздравила она его тремя днями позже, когда Лиля внесла большой белый торт в столовую летнего коттеджа.

— С днем рождения, папа! — повторила Аманда.

Алекс расслабился в своей инвалидной коляске и попытался улыбнуться. Лиза вместе с санитаром одели его в просторный белый костюм для такого случая, но Алекс не проявлял особой радости.

Лилиа поставила торт перед Алексом.

— Загадай желание, дорогой, — улыбнулась Лиза.

Алекс обиженно посмотрел на нее.

— Хочу, — произнес он, — хочу... опять оказаться в своем магазине.

Потом он наклонился вперед и дунул. Погасли только семь из тридцати двух свечей.

— Миссис Синклер?

Кто-то постучал в дверь спальни. Лиза зевнула и посмотрела на часы на ночном столике. Было уже почти четыре часа утра. Прошла неделя со времени дня рождения.

— Да?

— Это Джо.

— Боюсь, что что-то случилось.

Сон с нее как рукой сняло.

— О Господи... Иду...

Вывернув фитиль керосиновой лампы повыше, она вылезла из кровати, набросила на себя халат, надела шлепанцы и торопливо направилась к двери. За дверью стоял санитар Джо.

— Что случилось?

— Думаю, что у него случился еще один удар.

— Он...

Джо кивнул.

— Умер от сердечного приступа, так же как его мать.

На мгновение она зажмурилась, прислонясь к косяку двери.

— Он был таким хорошим человеком, — произнесла она. — Как это несправедливо.

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

МИР

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ПЕРВАЯ

В туманную промозглую ноябрьскую ночь 1868 года у клуба «Карлтон» в Лондоне остановилась карета, из которой вышел Бентли Brent. Огромный бородатый мужчина вошел в клуб. Вручив шляпу и плащ с капюшоном привратнику, он сказал ему:

— Меня ждет лорд Понтефракт.

Привратник провел его в библиотеку. Адам поднялся с кожаного кресла и пожал руку своему старому приятелю. Мужчины сели рядом друг с другом и заказали себе виски.

— Ну, — начал Адам, как там в Америке?

— Америка бурно развивается. По крайней мере, ее Север. Теперь, когда они покончили с системой рабовладения, похоже, что страна переживает экономический бум.

— А как поживает моя Лиза?

— Ну, что же, старина. Мне хотелось бы то же самое сказать и о ней. Но случилось ужасное.

— Что же именно?

— Приехав в Нью-Йорк, я отправился в ее дом на Пятой авеню. Огромная, дурацкая махина, больше похожа на собор в Солсбери. Можно представить себе, какие у этих американцев понятия о вкусах!

— Да, да, но что же произошло?

— Адам, я стараюсь рассказать обо всем как можно лучше. Когда я позвонил и мне открыл дворецкий, я сразу же понял, что что-то изменилось за последние полгода. Дверь мне открыл другой человек. Я спросил, как и раньше, миссис Синклер, а молодой человек ответил мне: «Она больше не живет здесь. Она продала этот дом два месяца назад такому-то мистеру...» Фамилию я забыл. Поэтому я спросил дворецкого, где же проживает миссис Синклер теперь, и он ответил мне, что она с детьми переехала в гостиницу «Давен-порт».

— Где это?

— В старой части Бродвея, не очень хорошая гостиница, к сожалению. Ну, место довольно респектабельное, но уже не то, если вы понимаете, что я хочу сказать. Лиза с детьми снимает двухкомнатный номер на втором этаже.

— Две комнаты? — воскликнул Адам. — Но у нее ведь были миллионы! Куда девались ее деньги?

— Их спустил Джим Фиск. Она сказала мне, что поручила этому авантюристу вложить все свои деньги в ценные бумаги, и все они накрылись в тяжбе из-за железной дороги в районе озера Эри. Вы наверняка читали об этом?

— Что-то видел в газетах... не обратил особого внимания...

— Самая крупная афера в истории Уолл-стрита. Она призналась, что сглупила, и чувствует за собой большую вину, что потеряла все деньги. Но ничего не напишешь, деньги исчезли. Чтобы рассчитаться с долгами, ей пришлось продать свой особняк на Пятой авеню.

— А как же плантация в Виргинии?

— Тоже ушло. Дом сожгли янки в последний год войны, землю продала проходимцу с Севера по три доллара за акр. Юг опустошен. Разгром им обернулся тем, что они стали нищими, как церковные мыши. Действительно, печальная история.

— Вы говорите, что она осталась без средств?

— Знаете, у нее нет деловой жилки. Но ведь она не больше, чем обыкновенная женщина. Все еще чертовски хороша собой. Но разве может женщина правильно распорядиться деньгами? Нелепо даже подумать такое.

— А Аманда? Как она?

— Ну, она в порядке. Ей теперь одиннадцать лет, как куколка, но избалованна, Адам. И должен сказать, что ей совсем не нравится быть бедной. Подрастает также Сомерсет, сын от Алекса Синклера. Ему пять, красивый мальчик, но ей приходится воспитывать двоих детей всего в двухкомнатной квартире в гостинице. Как можете представить себе, это нелегко. К счастью, ей оказалась верна цветная служанка Лиля, которая не ушла от нее.

— Тогда на что же они живут?

— Вот в этом отношении получилось любопытно. Она живет в достатке, несмотря на то, что потеряла все деньги. Вы помните сына раба, за обучение которого она платила?

— Конечно. Пианист Гавриил Кавана.

— Она рассказала мне, что весной прошлого года он был в Нью-Йорке, пытался организовать концерт. Из этого ничего не вышло, ему никто не захотел сдать помещение. Он заехал к ней и предложил ей любую сумму денег, которые ей понадобятся. Какая ирония судьбы, верно? Но она отказалась взять деньги. Любезно сказав ему, что пока не нуждается в благотворительности. Я тоже предложил ей денег, потому что был убежден, что вы это одобрите, но она отказалась взять их и у меня. Лиза очень гордая женщина.

— Гордость — это приятно, но гордостью за квартиру не заплатишь. Так на что же она все-таки живет?

— Она стала актрисой.

Адам поразился.

— *Актрисой?*

— Ну, вы же знаете, она потрясающая женщина.

— Но актрисы...

— Надеюсь, вы не хотите сказать «непристойные», старина?

Адам не стал скрывать своего смущения.

— И получается ли у нее это? — наконец спросил он.

Бентли вздохнул.

— Она ужасна, — ответил он. — Она дала мне билет на представление, в котором выступает, — кажется называется «Вновь обретенная добродетель». Я пошел посмотреть этот спектакль. Она держит себя на сцене так, как будто проглотила аршин, с трудом запоминая слова своей роли. Справедливости ради надо сказать, что это была лишь вторая ее роль, но все равно, я не думаю, что из нее получится примадонна. Забавно то, что зрителям она понравилась, потому что чертовски мила.

— Об этом ты можешь *мне* рассказывать, сам знаю. Значит, Лиза артистка? Некоторое понижение после Пятой авеню.

— Да, конечно. Но она довольно широко известна. Все знают, кто она такая. Только из-за нее и раскупают билеты.

— Возможно, но мне не нравится, что она и Аманда живут в гостинице. Очень не нравится.

Бентли заказал себе вторую порцию виски, потом наклонился еще ближе к собеседнику.

— Послушайте, Адам. Диззи стал премьер-министром, вам светит большой политический пирог. Не начинайте вынашивать новые затеи.

Адам холодно посмотрел на него.

— Я не считаю, что, помогая близким мне людям, я «вынашиваю затеи».

— Я не хотел вас обидеть. Просто желаю вам добра.

— Бентли, всю жизнь я пытался уяснить для себя, что же лучше всего для меня, но так и не определил этого.

— Я бы сказал, что пост вице-короля Индии *лучше всего* для вас.

— Да, полагаю, что вы правы. Но Диззи продолжает отделяться обещаниями. Во всяком случае, пока что этого поста он мне не предоставил.

— Разве не в этом заключается существо политика?

Адам засмеялся. Он знал, что ему надо сделать в сложившейся ситуации. Каким бы счастливым он не чувствовал себя с Сибил, он продолжал оставаться верным рыцарем Лизы.

* * *

Узколицый молодой человек с пушистыми черными усами сидел в четвертом ряду партера театра на Бродвее и сосредоточенно смотрел спектакль. Шла переводная пьеса Муссе «С любовью шутить нельзя». По нью-йоркским меркам вещь не совсем пристойная. В главной роли выступала несколько заносчивая французская актриса по имени Эдвиг Мерсье, но молодой человек не отрывал глаза от служанки, которую играла Лиза. Девятнадцатилетний студент Йельского университета, приехавший домой в Нью-Йорк на рождественские каникулы, никогда раньше не видел такой ослепительной красавицы. Впервые в жизни он дико и страстно влюбился.

Когда занавес в конце спектакля закрылся, зрители вежливо похлопали вышедшим на сцену ведущим артистам. Но когда вышла и поклонилась Лиза, которая выглядела очень привлекательно в черном платье служанки, сшитом так, чтобы получше показать ее ноги, то зрительный зал, почти целиком заполненный мужчинами, включая студенческую молодежь, просто взорвался. Лиза, может быть, и не стала хорошей актрисой, но она научилась срывать аплодисменты, — соблазнительно улыбаясь, она посылала зрителям воздушные поцелуи. За кулисами мадемуазель Мерсье, примадонна, готова была задушить ее.

— Сука! — прошипела она. — Если вы еще раз вылезете передо мной в последнем акте, я укушу вас! — И чуть не бегом отправилась в свою гримерную.

В зале толпа медленно растекалась по проходам. Молодой человек по имени Джеффри Шенберг прошел в гардероб, чтобы получить шляпу и пальто, потом стал проталкиваться через толпу к выходу на морозную декабрьскую улицу. Он нервничал, но твердо решил познакомиться на этот раз с этой женщиной, которая в программе спектакля была названа «Елизавета Синклер». Он выскочил в переулок, вошел в служебную дверь для артистов, дал пожилому привратнику пять долларов, потом за сценой пошел к артистическим комнатам. Если бы ему даже и не сказали, где находится ее комната, он бы легко определил местонахождение Лизы, когда

увидел у одной из дверей шесть студентов примерно своего возраста. Английская красавица-блондинка быстро завоевала Нью-Йорк.

— Посмотрите-ка, кто идет? — воскликнул один из студентов колледжа, когда заметил Джеффри. — Джеффри Шенберг решил, что сможет познакомиться с божественной миссис Синклер. Думаю, ребята, есть над чем поохотать, верно? — воскликнул старшекурсник из Гарвардского университета, весьма неточно изобразив английский акцент. Остальные прыснули со смеху, а Джеффри вспылал.

— Что же вы нашли во мне отрицательного? — спросил он.

— Ах, скажите, *надо* любить ему?

— Пошел ты к дьяволу, ван Брант.

Теодор ван Брант надел пенсне и изучающе осмотрел длинный, аристократический нос Джеффри.

— Может быть, мы, христиане из Гарварда, проучим этого йельского еврейчика, чтобы он проникся к нам некоторым уважением? — сказал ван Брант, подойдя к Джеффри и толкнув его. Джеффри тоже толкнул парня в грудь. Брант хотел ударить его, но Джеффри, который в институте занимался боксом, занял оборонительную стойку, сделал выпад правой и ударил в благородный нос ван Бранта. Пенсне со звоном свалилось на пол. Остальные накинулись на Джеффри, и началась потасовка. Подбежали некоторые рабочие сцены, стараясь растащить драчунов, но тут отворилась дверь артистической комнаты и появилась Лиза, укутанная в желтую японскую накидку. Завидев ее, драчуны остановились, как будто в класс вошла учительница.

— Что здесь происходит? — спросила она с досадой.

— Просто некоторые преданные вам поклонники пытаются защитить вас от дерьма, — объяснил ван Брант, отряхивая свои рукава, презрительно усмехаясь над Джеффри. — Мы — группа студентов из Гарварда, пришли засвидетельствовать вам свое уважение и просить разрешения проводить божественную миссис Синклер в «Дельмонико», устроив в ее честь ужин с шампанским...

— У вас течет кровь! — воскликнула Лиза, показывая на нос Джеффри, у которого из одной ноздри сочилась кровь. — Право, вы, мальчики, как дети! Идите сюда, молодой человек, я дам вам мокрое полотенце.

Джеффри, с трудом веря своей удаче, протиснулся через студентов, высокомерно улыбнулся, искоса взглянув на ван Бранта.

— Садитесь, — велела Лиза, закрывая дверь и показывая на стул возле гримировального столика. Он послушно сел, а она, намочив полотенце в

раковине, подала его, сняв с его головы цилиндр. — Откиньте голову назад. — Он поступил, как она сказала, и приложил полотенце к носу. — Ну, из-за чего все это вышло? И кто такой этот гарвардский хлыщ?

— Тед ван Брант, — пробормотал Джеффри через полотенце. — Его отец владеет пароходной компанией. Тед провел целый месяц в Лондоне и теперь может имитировать речь Дизраэли.

Лиза засмеялась.

— Он не первый американец, который забавляется этим. И не последний. Как я понимаю, вы не из Гарварда?

— Из Йельского университета.

— А зачем вы пришли за сцену?

— Сказать вам, что... что я влюбился в вас...

Лиза отняла от его лица запятнанное кровью полотенце, в ее глазах был гнев.

— Кровь остановилась. Можете теперь уходить. И прекратите влюбляться в артисток. Это кончится тем, что вы попадете в беду, и ваш отец отшлепает вас.

Джеффри поднялся со стула.

— Это несправедливо, миссис Синклер. Мне уже девятнадцать и я знаю, что делаю. Разрешите мне пригласить вас на обед. Когда вы ближе узнаете меня, то убедитесь, что мои чувства к вам не просто мимолетный каприз зеленого юнца, но глубокое и искреннее увлечение.

— Да, уверена в этом. Как вас зовут?

— Джеффри Шенберг.

— Это фамилия как будто бы мне знакома.

— Мой отец — Отто Шенберг, президент банка и трастовой компании «Шенберг».

Выражение лица Лизы похолодело.

— Уолл-стрит, — выговорила она, как будто выплевывая слова. — Благодарю вас, друг мой, но я на всю жизнь насытилась общением с Уолл-стритом. А теперь отправляйтесь домой и спросите у отца, не знает ли он, как я могу вернуть свои деньги у этого растолстевшего подлеца, Джима Фиска. Вот ваша шляпа.

Она практически насильно сунула шляпу ему в руки, потом села за гримировальный столик, чтобы снять с себя грим.

— Значит, вы потеряли какие-то деньги, связавшись с Фиском?

— *Какие-то* деньги?! Он начисто обчистил меня! Почему, вы думаете, я пошла на сцену? Мне бы следовало послушать Лию.

Джеффри был озадачен.

— Кто такая Лиля?

— Моя служанка. Она сказала мне, что Джим Фиск дерьмо, и оказалась значительно более дальновидной, чем я.

— Ну, Джим Фиск — дерьмо! Я согласен с этим. Но мой отец очень честный человек.

— Не сомневаюсь. Я ужасно устала, поэтому если вы не возражаете...

Она взглянула на его отражение в зеркале.

— Миссис Синклер, не найдете ли вы время пойти со мной поужинать завтра вечером?

Она вздохнула.

— Джеффри, я на десять лет старше вас, у меня двое детей. Поэтому не будем предаваться пустым фантазиям. Поверьте, вы зря тратите свое и мое время.

Он нахмурился.

— Большинство женщин находят меня очень привлекательным, — возразил он. — Даже более пожилые чем вы женщины.

— Великолепно. Будьте здоровы.

— Знаете ли, я очень настойчивый. — Он вышел из артистической комнаты. Лиза тряхнула головой, потом опять принялась удалять со своего лица грим.

— Мисс Лиза, вам прислали пакет, — сообщила на следующее утро Лиля, когда вошла в спальную комнату Лизы в гостинице «Давенпорт». Когда выросли доходы Лизы в театре, она договорилась с администрацией гостиницы и переехала вместе с семьей из тесного двухкомнатного номера на верхний этаж, в номер «квартирного» типа. В нем была просторная гостиная с видом на Бродвей, крохотная кухонька, которой все же можно было пользоваться, две спальни, ванная комната. Хотя всю эту квартиру можно было бы разместить в одном из уголков ее бывшего особняка на Пятой авеню, она все равно несравненно выигрывала перед ее прежним номером. Лиза, сидя на кровати, взяла из рук Лили конверт.

— А что в пакете?

— Не знаю, но пакет большой.

Лиза вскрыла конверт. Внутри находилась толстая карточка с именем «Джеффри Лиман Шенберг». На карточке было написано от руки: «Я люблю вас. Я настойчивый. Сегодня в час дня буду ждать вас в «Дельмонико». Если вы не приедете на обед со мной, то я не отвечаю за свои поступки. Нежно любящий вас, Джеффри. P.S. Сегодня нос почти зажил. Спасибо, что уняли кровь».

Лиза нахмурилась.

— Послушайте, что тут пишут.

— Кто такой Джеффри? — спросила Лиля.

Лиза рассказала ей, что произошло накануне.

— Ха, мне он кажется сумасшедшим. Что он хочет сказать этим, что не отвечает за свои поступки, если вы не придете? Что он, кого-нибудь застрелит или что сделает?

— Ничего подобного он, конечно, не сделает, это просто хвастовство подростка. — Она поколебалась. — Все-таки думаю, нужно открыть пакет.

— Я сейчас сделаю это, мисс Лиза. Я сказала вам, когда вы подались в актрисы, что вы наживете себе много хлопот. В этом городе Нью-Йорке полно сумасшедших.

Она вышла из комнаты. Лиза перечитала записку. Она вспомнила, как пристально смотрели на нее его черные глаза, но она считала, что так смотрят молодые люди, одурманенные любовью к пожилым женщинам. Но, может быть, в этом кроется что-то еще? Она вспомнила ужас своего состояния в Эре, когда возвратилась в коттедж и обнаружила исчезновение Аманды. Нью-Йорк славился разбойными преступлениями, и газеты постоянно напоминали об этом своим читателям. Что если..?

Она посоветовала себе не смешить кур. Джеффри Шенберг просто самовлюбленный молодой человек.

— О мама, только посмотрите, что находится в этой картонке!

Лиза обернулась и увидела в руках Аманды шиншилловую шубу такого большого размера, что она почти загородила целиком служанку. Лиля подошла к хозяйке.

— Может быть, этот Джеффри и ненормальный, — поделилась своими соображениями Лиля, — но он наверняка очень богатый. Только посмотрите, что он вам прислал!

К кровати матери подбежала Аманда и накинула на плечи шубу из красивого южноамериканского зверька.

— Какая красивая! — воскликнула она. — Какой мягкий пушистый мех. Можно я немного поношу это пальто, мама?

— Конечно, нет. Не стану надевать его и я. Лиля, я не понимаю американцев. Они постоянно стараются купить кого-нибудь.

— Понимаю, что вы имеете в виду, мисс Лиза. Подозреваю, что у них это в крови. Они так долго покупали и продавали рабов, что это вошло у них в привычку. Как вы поступите с этим Джеффри?

Лиза согнала Аманду с кровати.

— Думаю, у меня нет особого выбора, верно? Поеду на обед в

«Дельмонико». И можешь не сомневаться, закажу самые дорогие блюда в меню.

Лиля причмокнула, когда Лиза примерила шубу и прошлась по комнате, демонстрируя ее Аманде и Лиле.

— Она очень хороша на вас, мисс Лиза.

— Не удивится ли он, если я приму ее? — спросила Лиза с многозначительной улыбкой. — Могу держать пари, что, сколько бы она ни стоила, расходы он отнес на счет отца. Из какого магазина оберточная картонка?

— Из какого же еще? Из «Синклер и сын».

— Мистер Шенберг... — обратилась Лиза три часа спустя.

— Пожалуйста, просто Джеффри.

— Хорошо, Джеффри. Вы раздосадовали меня. Я не люблю, когда мне грозят и когда меня подкупают, а сегодня утром вы поступили со мной именно так.

Лиза сидела напротив Джеффри за удобным столиком в ресторане «Дельмонико», лучшем ресторане Нью-Йорка, расположенном недалеко от площади Мэдисон, возле гостиницы на Пятой авеню и дома Гоффмана с мраморным фасадом.

— Если вы считаете, что шиншиловая шубка это взятка, — возразил Джеффри, — то вы глубоко заблуждаетесь. Я купил ее для вас в качестве вещественного выражения своей преданности к вам. Разрешите мне взять вашу руку?

— Нет, не разрешаю.

— Хотите еще шампанского?

— Пожалуйста.

Джеффри сделал знак официанту, который снова наполнил их бокалы шампанским «Вёв Клико».

— Я просто без ума от вас, миссис Синклер. Можно я буду называть вас Лиза?

— Нельзя. Так вот, что вы имели в виду, когда написали, что не будете отвечать за свои поступки, если я не приду на обед? И не пытайтесь убедить меня в том, что это не угроза.

— Я бы покончил с собой.

Она посмотрела на него. Потом рассмеялась.

— Серьезно говорю вам, — подтвердил он. — Похоже, вы не понимаете, что я твердо решил добиться вас любой ценой. А любой ценой включает и жизнь.

Ее смех прекратился.

— Разрешите мне сказать вам вот что, Джеффри. Жизнь так просто не бросаются, даже не бравируют этим. Вы напоминаете мне моего покойного мужа. Он возбуждался, как вы. Он торопился вроде вас и умер в тридцать два года. Если бы я хоть на мгновение поверила в серьезность ваших намерений покончить с собой из-за обеда, я бы стала презирать вас как глупца. Ну, а пока что была бы признательна, если бы вы никогда, ни при каких обстоятельствах не брали бы себе в голову такую нелепую мысль. Ну, а теперь давайте заказывать обед. Я проголодалась.

Он почтительно воззрился на нее.

— Обожаю вас, — прошептал он.

Лиза закатила глаза. Она поняла, как надо поступать дальше.

Особняк «Италианата» на Пятой авеню занимал весь квартал и был похож на дворец Медичи во Флоренции, это, собственно, и задумал архитектор. Гражданская война привела к бурному росту цен на бирже Уолл-стрита, который не повторялся в последующие шестьдесят лет. И хотя многие в это время обнищали, подобно Лизе, состояния, которые нажили себе другие, породили класс мультимиллионеров, подобных которым Америка не видела за всю свою предшествующую недолгую историю. Самым ярким проявлением этого огромного нового богатства было строительство помпезных особняков, которые затмевали вызывавшие в прошлом уважение здания из коричневого камня. Алекс оказался в авангарде этого движения толстосумов со своим готическим нагромождением, до завершения строительства которого он так и не дожил. Но Отто Шенберг не замедлил последовать его примеру и к моменту капитуляции Ли в 1865 году дворец Медичи, как быстро прозвали его особняк, уже поднялся на Пятой авеню, его мрачные каменные стены выглядели не только как дворец, но и как крепость-тюрьма.

Пятидесятилетний Отто Шенберг стал одним из самых удачливых банкиров Нью-Йорка, а его банк — американским филиалом крупнейших европейских банков, которые вливали деньги в бурно развивающуюся экономику Америки. Отто не только пожелал построить дворец в Нью-Йорке, он захотел заполнить его сокровищами прошлого. Как и большинство нуворишей, он вознамерился подмаслить свои социальные позиции искусством — религией влиятельных людей. Поэтому на стенах просторных салонов и гостиных повесили огромные, мрачного вида итальянские полотна в тяжелых рамах в стиле барокко. Гобелены, а также подходящую для этого дворца мебель, приобрели у обедневших

европейских аристократов. Когда особняк обставили, Отто въехал в него. Теперь финансовый магнат, сын портного из Мюнхена, почувствовал удовлетворение.

Вернувшись домой после обеда в «Дельмонико», Джеффри поднялся в свою спальню, чтобы проспаться после значительного количества принятого за обедом с Лизой вина. Примерно в пять его разбудил стук в дверь.

— Да? — сонно отозвался он.

— Мистер Джеффри. — Голос принадлежал одному из слуг. — Ваш отец желает вас видеть в комнате для игр.

— Опять пристают, — пробормотал Джеффри. — Ладно, сейчас спущусь.

Умывшись и прополоскав горло с одеколоном, он вышел из своей комнаты и стал спускаться по громоздкой каменной лестнице в огромный зал в два этажа, где висели бесценные картины Тициана. Прошел по мраморному полу, его шаги эхом отражались в сумрачных нишах, окружавших зал. Вошел в длинный, покрытый ковром зал, в котором висели другие картины, стояли сундуки восемнадцатого столетия, уставленные статуями, безделушками, табакерками, усыпанными драгоценными камнями, которые собрал его отец, чтобы утолить ненасытную жажду обладания утонченным, редким и прекрасным. Наконец он подошел к двери орехового дерева и постучал.

— Входите.

Прозвучал знакомый, басистый голос его отца с характерным немецким акцентом. Джеффри отворил дверь и вошел. Гигантский дом отапливался большими угольными котлами, установленными в подвальном помещении и сделанными по новейшей технологии, и несмотря на то, что в камине высотой в восемь футов в комнате для игр полыхал огонь, Джеффри почувствовал себя довольно зябко, подойдя к отцу, хотя дело было в июле. Отто Шенберг был внушающим почтение отцом.

— Ты хотел видеть меня, отец? — спросил Джеффри, остановившись перед позолоченным французским письменным столом, на котором великий банкир раскладывал карты. Отто Шенберг был красивым человеком — высоким, стройным и худощавым. У него были свисающие усы а-ля Бисмарк и совершенно гладкая лысина, макушка настолько гладкая, что в ней отражалась газовая люстра, висевшая над его головой. Любой человек с юмором воспринял бы название «Комната для игр», как шутку. Стены были покрыты темными панелями, тяжелый бильярдный

стол на толстых ножках, столики для игры в трик-трак — все выглядело скорее как в музее. Но Отто эта комната нравилась.

Он взглянул на своего единственного сына. Его темно-голубые глаза, казалось, пробуравили череп Джеффри.

— Некоторое время назад я получил записку от женщины по фамилии Синклер. Она утверждает, что ты пристаешь к ней. Неужели это правда?

Джеффри почувствовал себя неловко, напрягся.

— «Приставать» — это не то слово, которое здесь подходит, сэр.

— Значит, правда, что ты знаешь эту женщину?

— Э... да, сэр. Между прочим, я угостил ее сегодня в «Дельмонико» обедом.

Отец уставился на него.

— Ты... ходил в общественное место с этой женщиной? Ты что, спятил? Разве тебе неизвестно, кто она такая? Разве ты не знаешь, что она из себя представляет?

— Я только знаю, что она самая красивая женщина на свете! — выпалил Джеффри. — И если мне удастся уговорить ее когда-нибудь выйти за меня, то клянусь, что женюсь на ней!

— *Женишься?* Значит, это серьезнее, чем я представлял себе. Тебя придется образумить, сэр, или ты, наконец, расскажешь мне, в чем здесь дело! Она написала, что возвращает меховую шубу, которую ты ей купил. Разреши поинтересоваться, чем ты заплатил за такую покупку?

— Я записал это на твой счет в магазине «Синклер и сын».

— *Проклятие, сэр!* ПРОК-ЛЯ-ТИЕ! Я не допущу этого! Покупать шубу артистке, женщине с ее репутацией!

— Папа, ты все время поносишь ее — почему? Что она сделала такого?

Отто остыл.

— Может быть, я несправедлив по отношению к тебе, — признался он. — Возможно, ты ничего не знаешь о ней. Позволь мне привести тебе несколько фактов о миссис Синклер, фактов, которые стали мне известны от лондонских друзей. Известно ли тебе, что она пользуется дурной славой в Англии, потому что была любовницей маркиза Понтефракта?

— Да, конечно, — тут же отозвался Джеффри. — Очаровательно, не правда ли? Я просто восхищаюсь этим человеком.

Отто опять уставился на сына.

— У тебя удивительно потворствующее отношение к морали, сэр, — произнес он. — Возможно, дорогостоящее обучение в Йеле, за которое я плачу, страдает недостаточным вниманием к таким основополагающим

истинам, как приличия и честь. Известно ли тебе о слухах, что ее старшая дочь, Аманда, рождена от некоего аристократа?

— Я слышал об этом, сэр. Да.

— Тебе известно также, что ее судили в Лондоне по обвинению в убийстве отца?

— Да, и ее помиловали. Всю эту историю подстроили рабовладельцы Виргинии. Отец, то, что ты говоришь, не меняет простой истины — она просто ангел, и я обожаю ее.

— Меня радует лишь одно, что твоей дорогой матушки нет в живых и она не слышит твоих слов. — Отто поднялся, поправил свой сюртук, остановился у огня камина, заложив руки за спину. Через некоторое время он повернулся и опять посмотрел на сына. — Запрещаю тебе встречаться с этой женщиной, — твердо сказал он.

— Ты не можешь остановить меня.

— Помилуй, я-то могу тебя остановить! — проревел Отто. — Я могу вышвырнуть тебя на улицу!

— Ты это можешь сделать, но не станешь, — отозвался Джеффри, изумленный своей собственной смелостью. — Ты не пойдешь на скандал в семье. Отец, если ты не будешь мешать естественному ходу событий, то все будут счастливы. Думаю, что как только добыю Лизы, стану самым счастливым человеком на свете.

— Человеком? Тебе еще расти и расти, чтобы стать им, а пока ты просто ребенок, охваченный детской одержимостью. Единственно, почему она может выйти за тебя замуж, — это из-за моих денег. Но я слишком много работал всю свою жизнь, чтобы мои деньги оказались в жадных руках какой-то... стяжательницы и проститутки!

Джеффри рассмеялся.

— Папа, ты неправ. Может быть, это тебе покажется забавным, но Лиза не из тех, кого можно купить. Почему, ты думаешь, она возвратила шубу? Я действительно не мог поступить глупее. Не хочу обижать тебя, но когда речь заходит о Лизе, то ты просто не знаешь, о чем говоришь. И... — Он наклонился, опершись руками о стол. — Я намерен добиваться ее. Между прочим, шестерка червей кладется после семерки пик.

Сделав поправку в игре отца, он направился к двери и вышел из комнаты. Оставшись один, Отто вытащил носовой платок из кармана и отер свой лоб.

— Черт! Я должен прекратить это, — пробормотал он. — Но как это сделать?

Он подошел к письменному столу и положил шестерку червей на

семерку пик.

— Вы — сука! — взвизгнула Эдвиг Мерсье, открыв дверь в артистическую комнату Лизы в театре на Бродвее. — Я говорю вам тысячу раз не высовываться передо мной на сцене, а вы все равно гнете свое. Если вы будете выпячивать себя в моих лучших сценах и слегка заигрывать со зрителями, я убью вас!

Лиза надевала на себя костюм служанки.

— Но это же неправда, Эдвиг, и вы это знаете. Я не заигрываю со зрителями и если я иногда двигаюсь во время ваших реплик, то, право же, это не преднамеренно!

— Ха! Так говорите вы! Я опять пожалуюсь месье Монтгомери и он уволит вас!

— Возможно. Но поскольку аплодируют только мне, то он, может быть, вашу роль поручит мне.

— Ах вы сука! — Эдвиг подлетела к Лизе и схватила ее за волосы. Женщины сцепились, как кошки. В это время на пороге появился мужчина в пальто с собольим воротником. Увиденное заставило Отто Шенберга просто ахнуть. Лиза оттолкнула от себя Эдвиг, которая порвала ей платье у лифа.

— Кто вы такой, черт возьми? — выпалила француженка.

— Меня зовут Отто Шенберг.

— У вас полчаса! — крикнул работник сцены из-за Отто. — Занавес поднимется через тридцать минут!

Работник побежал дальше.

— Я отомщу вам за это, — бросила Эдвиг Лизе. Потом вышла из комнаты, обойдя Отто. Лиза подошла к своему туалетному столику и резкими движениями начала расчесывать волосы.

— Прошу извинить за вульгарную потасовку, — сказала она. — Эдвиг играет *графиню* спектакле, но воспитывалась она на свиноводческой ферме под Тулузой. Получили ли вы шубу из шиншиллы?

— Да, благодарю вас за то, что вы ее прислали. Джеффри поступил возмутительно. Он записал ее на мой счет, не предупредив меня.

— Во всяком случае, у него хороший вкус. Шубка великолепная, как, впрочем, и все меховые изделия в магазине «Синклер и сын». Знаете ли, этот магазин когда-то принадлежал мне, пока один из ваших коллег по Уолл-стрит не обокрал меня дочиста.

— Да. Насколько я понимаю, вы одна из пострадавших в схватке в районе озера Эри.

— Одна из пострадавших? Меня свалили наповал. Надеюсь, вы уговорили Джеффри оставить меня в покое. Уверена, что он славный мальчик, но у меня хватает желторотых Ромео, которые мне докучают.

Отто наблюдал, как она закалывает булавками платье, лиф которого порвала Эдвиг. Потом она попудрила открытую часть груди большой белой пуховкой. Она обернулась и посмотрела на него.

— Что-нибудь еще, мистер Шенберг?

Отто откашлялся.

— Джеффри поехал на Лонг-Айленд проведать свою бабушку, проведет там несколько дней. Скажите, не согласились бы вы поужинать со мной сегодня после спектакля, чтобы поговорить о сыне?

Лиза помолчала в нерешительности.

— Согласилась бы. Почему нет? — вопросительно ответила она.

— Может быть, мы поужинаем у меня дома. Это всего в трех кварталах от вашего бывшего дома.

— Я и не подозревала, что мы соседи. Да, это было бы мило. Уолл-стрит заставил меня покинуть Пятую авеню, эта улица, по крайней мере, может вознаградить меня ужином. Хотите посмотреть спектакль? Могу достать для вас контрамарку.

— Спасибо. Я купил билет. Вообще-то, — он слегка смутился. — Я уже видел этот спектакль. Дважды.

«Яблоко от яблони...» — подумала она.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ВТОРАЯ

— *О, этот вундеркинд великолепен!* — воскликнул прусский принц, обращаясь к своей жене, принцессе Фредерике. Они восседали на золотых креслах в музыкальном зале нового дворца в Потсдаме в сопровождении половины двора. Все с энтузиазмом аплодировали. Восемнадцатилетний Гавриил Кавана в эффектном фраке с белым галстуком стоял у рояля «Бехстейн» и кланялся знатным зрителям. Он только что исполнил сольную часть концерта «Император», а Франц Лист играл оркестровку на втором рояле.

— Я попрошу маму пригласить его сыграть в Виндзорском дворце, — сказала принцесса Фредерика своему мужу. Она была старшей дочерью королевы Виктории и матерью будущего немецкого кайзера Вильгельма.

— Бис! — крикнул кто-то из публики. — Бис!

Шум стих, когда Гавриил снова сел за рояль и из уважения к маэстро начал играть вальс Листа «Мефистофель».

— Для многих ли королей ты уже играл? — спросила Эльза, рожденная в Берлине, любовница Гавриила, три часа спустя. Она нагишом сидела на кровати в номере люкс в гостинице «Адлон» дома номер один на Унтер ден Линден, самой шикарной гостинице Берлина и одной из лучших во всей Европе. «Адлон» был несравненно более шикарно обставлен, чем не очень элегантный королевский дворец, в котором не было ванных комнат. Когда король Пруссии хотел принять ванну, то шесть слуг отправлялись в соседнюю гостиницу «Рим» и приносили оттуда в королевские покои ванну.

— Он не король, — ответил Гавриил, который лежал рядом с ней и подравнивал свои ногти. Он тоже был голый. — Он — коронный принц.

— Прости, я забыла, что ты стал знатоком в вопросах королевских иерархий.

— Еще бы. Я играл для трех королей, для вдовствующей королевы, нескольких герцогов и для папы римского. К тому же, я сам — король пианистов.

— И к тому же, скромный.

— Ну, а разве нет?

— Что и говорить. — Она зевнула и потянулась, продемонстрировав свои потрясающие груди. Эльза была эффектная блондинка. — Скажи,

Гавриил, откуда у тебя взялся такой талант?

Он не ответил. Она посмотрела на него.

— Почему ты не отвечаешь?

— Потому что я не знаю, — отрезал он.

— Не надо злиться. Мне просто любопытно.

Он бросил маникюрный набор через всю комнату, поднялся с кровати и подошел к окну, чтобы посмотреть на Унтер ден Линден.

— Дело в том... — он замолчал.

— Что?

Он опустил в кресло и закрыл лицо руками.

— Дело в том, что я ничего не знаю о своем прошлом, кроме того, что мой отец и моя мать были рабами. — Он взглянул на Эльзу. Она удивилась тому, что он плачет. — Миссис Синклер знает не больше моего за исключением того, что в моих жилах есть примесь белой крови. Все это ужасно запутанно. Это все равно, что выйти из ниоткуда! Я бы что угодно отдал за то, чтобы узнать о себе побольше.

— Тогда почему бы тебе не заняться этим и не выяснить.

— Где?

— На плантации, где жил твой отец.

— Там все сожгли во время войны.

— Но некоторые рабы, наверное, остались... Они что-нибудь знают, не так ли?

Гавриил вытер слезы.

— Ненавижу Америку. Там мне не позволили даже снять зал для концерта.

— Потому что у тебя черная кожа?

— Потому что я черномазый. Тут есть разница.

— В чем же она состоит?

— Черный человек имеет будущее. А у черномазого только прошлое.

— А у тебя даже нет и этого. Думаю, тебе надо съездить в Виргинию и выяснить то, что тебе хочется узнать.

Гавриил молчал.

Но два дня спустя, когда они шли по прекрасному, запорошенному снегом Тиргартену, Гавриил остановился и сказал:

— Ты права. Мне надо поехать в Виргинию. Там я узнаю, кто я такой.

Лиза с трудом узнала Гавриила, когда он вошел в гостиную ее номера в гостинице «Давенпорт».

— Ты такой высокий! — воскликнула она, беря его за руки. — И такой

прославленный! Теперь мне понятны сообщения о женщинах, которые рвут твою одежду.

— Они перестали делать это. — Он улыбнулся. — Появился двенадцатилетний болгарский виолончелист, теперь они гоняются за ним. Одна женщина в Риме украла его нижнее белье. Но насколько мне известно, вы сами превращаетесь в крупную звезду. Я видел афиши с вами по всему городу. Вы играете Катю Хардкастл в новой постановке пьесы «Она унижается, чтобы победить».

— Да. Я очень захвачена этой работой. И также напутана до беспамятства. Ну, присаживайся. Разреши налить тебе чего-нибудь?

— С удовольствием выпил бы чашечку кофе. В Германии мы только этим и занимаемся — пьем кофе. — Он подумал об Эльзе. — Ну, и еще кое-чем.

Он сел на диван, а Лиза повернулась к двери на кухню и увидела, что на пороге стоит Лиля.

— Лиля, это Гавриил, о котором я тебе рассказывала.

— Угу. Очень симпатичный мужчина! — сказала Лиля. — Мистер Гавриил, вы собираетесь что-нибудь сыграть для меня до своего отъезда?

— С удовольствием, если мы найдем пианино.

— Внизу живет учитель пения, у него есть. Господи, как же скверно он играет, всю ночь напролет! Пойду сварю кофе.

Лиля направилась на кухню, а Лиза села в кресло.

— Мне так хочется, чтобы ты посмотрел на моих детей, — заметила она. — Они много слышали о тебе. Скоро они возвратятся из школы. Как поживает Тадеуш?

— О, у него с Анной все хорошо. Они купили дом в Фонтенбло, где они живут между нашими концертными турне.

— А ты? Приобрел ли ты себе дом?

— Пока нет, живу в гостиницах. Но думаю, что скоро куплю.

— Есть ли у тебя девушка?

Он улыбнулся.

— Да, она родилась и выросла в Германии.

— Значит, ты счастлив?

Улыбка слетела с его лица.

— Да... и нет. Я хочу сказать, конечно, я счастлив, что сделал себе такую карьеру, чем я обязан вам.

— Я лишь создала условия... У тебя обнаружился необычайный талант.

— Но откуда он взялся? От белой или от черной крови, текущей в

моих жилах?

— Разве это имеет значение?

— Для меня имеет. Видите ли, я не знаю, кто я такой. Я американец, живущий в Европе. Я черный, но живу и разговариваю, как белый. Я черный пианист, который исполняет музыку белых людей для белой аудитории. Маэстро Лист сказал однажды, что я могу добиться успеха как какой-нибудь выродок, и я иногда задумываюсь, не прав ли он был. Вот почему я еду в Виргинию, чтобы узнать о своем происхождении, узнать о своем прошлом.

Из кухни пришла Лиля с чашкой и блюдцем.

— Мистер Гавриил, верно ли я поняла? — спросила она. — Вы сказали, что поедете в Виргинию?

— Да.

— Простите меня, но вы, наверное, сошли с ума.

Гавриил нахмурился.

— Почему это?

— Там создали Ку-клукс-клан.

— Она права, — поддержала ее Лиза. — Тебе следует проявить осторожность.

— Почему Клан может заинтересоваться мною?

— Потому что вы вырвались из системы, — объяснила Лиля, ставя чашку с блюдцем на стол. — Вы стали кем-то. Тамошние люди этого не любят, очень им это не нравится. Это ведь не нравится и здешним зрителям. Но там они могут что-то выкинуть. В гробу они видели цветного, вроде вас, который хорошо одевается, известен во всем мире и с кучей денег. Сразу заведут разговор о «наглости». Ха, вы с ума их сведете!

Гавриил улыбнулся, отпивая кофе.

— Я буду осторожен, но все равно поеду. — Он обратился к Лизе. — Я помню тетю Лиду. Интересно, жива ли она?

— О, да. Живет на плантации «Эльвира» в маленьком домике за сгоревшим во время войны особняком. Она могла бы рассказать о твоём прошлом. Она многое знает о жизни рабов.

— Ха, — буркнула Лиля, опять отправляясь на кухню. — Только ненормальные могут ездить теперь в Виргинию.

— В Ричмонде появился богатый чернокожий, — крикнул Зах Уитни, прискакавший на плантацию «Феарвью» и спрыгнувший со своего коня. Пинеас вышел на веранду. Дело было в середине февраля.

— Что за богатый черномазый? — спросил Пинеас поднимающегося

по ступенькам приемного сына. — Теперь их хоть пруд пруди. — Когда-то богатый плантатор был теперь одет в костюм девятилетней давности, который выглядел очень поношенным. Пинеасу исполнилось семьдесят лет и он выглядел не моложе своего возраста. Особняк на плантации «Феарвью» не красили еще с довоенных лет. Большую часть обстановки большого дома продали, чтобы расплатиться с долгами и получить крайне нужные наличные деньги. Война разорила Пинеаса. Он был полон ненависти.

— Этот богатый черномазый особого сорта. Тот, которого обожающая негров миссис Кавана направила в Европу. Тот, который стал пианистом.

— Ах, вот кто, понятно. — В глазах Пинеаса сверкнул огонек интереса. — Я читал, что в Европе он выступал с большим успехом. Трудно понять, почему люди ходят слушать, как черномазый исполняет Моцарта, и вообще, трудно представить себе, чтобы черномазые могли исполнять музыку Моцарта. Заходи, Зах.

Он обнял Заха за пояс, и они оба вошли в помещение. Элли Мэй сидела возле горящего камина в почти пустой гостиной и вязала. Когда вошел ее приемный сын, она взглянула на него и улыбнулась. Элли Мэй никогда не была красивой, а теперь превратилась просто в сморщенную каргу. Плохой уход за зубами привел к тому, что она потеряла свои лошадиные зубы, а у Пинеаса не было денег, чтобы сделать искусственные, поэтому ее губы впали, прижимаясь к нездоровым деснам.

— Дорогой Зах, добро пожаловать домой, — произнесла она. — Как прошла поездка в Ричмонд?

— Как вы думаете? — отозвался Зах, целуя ее в лоб. — По-прежнему полный застой, и я не могу найти себе оплачиваемую работу.

Она похлопала его по руке.

— Неважно, Зах. Как-нибудь проживем. Мы пережили войну, как-нибудь проживем и дальше.

— Зах привез любопытные новости, — вставил Пинеас, грея руки у камина. — В Ричмонд приехал черномазый протезе миссис Кавана. Чего он хочет, Зах?

— В гостинице сказали...

— Они пустили *черномазогов* гостиницу? — ужаснулась Элли Мэй.

— О, да. Если у вас есть деньги, то для вас в Ричмонде теперь все доступно. Во всяком случае, он расспрашивал там, как проехать на плантацию «Эльвира».

— Зачем это? — поинтересовалась Элли Мэй.

— Возможно, он хочет побывать на могиле отца, — высказал

предположение Пинеас. — Но какая бы ни была причина, я начинаю думать, что нам представляется прекрасная возможность свести старые счета с этой покровительницей негров миссис Кавана.

— Ужасная женщина, — поддакнула ему Элли Мэй. — Джек Кавана допустил страшную ошибку, когда женился на ней.

— Что ты задумал, отец? — спросил Зах.

— Ну, может быть, нам оказать особый прием этому необыкновенному черномазому. Такого, которого бы он никогда не забыл — да и другие тоже.

Элли Мэй оторвалась от вязания и посмотрела на своего мужа и сына. На ее страшном морщинистом лице появилась улыбка.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ТРЕТЬЯ

Шел снег, когда Гавриил вылез из нанятого экипажа и стал осматривать руины особняка на плантации «Эльвира». У него были смутные воспоминания о том, как он выглядел до войны. Он полагал, что здесь стоял прекрасный дом, но мысленно он всегда представлял его себе отвратительным. Теперь остались только стены, почерневшие от копоти. Крыша провалилась, дырами зияли глазницы окон, тисовый кустарник не подстрижен. Настоящая могила по ушедшему образу жизни.

Он обратил внимание на черного мальчика, который уставился на него из-за дерева.

— Эй там, — крикнул он. — Не поможешь мне?

Мальчик вышел из-за дерева и боязливо подошел к нему.

— Как тебя зовут? — спросил Гавриил.

— Буфорд.

— Ты живешь здесь, Буфорд?

Мальчик махнул рукой в сторону, где, как помнил Гавриил, располагался квартал рабов. Он до сих пор помнил вонь мочи...

— Чем занимается твой отец? — спросил Гавриил.

— Работает испольтником на мистера Буна.

— Кто такой мистер Бун?

— Хозяин плантации «Эльвира».

— Понятно. Сколько же здесь имеется испольтников?

— Примерно двадцать. Вы политик?

— Почему ты спрашиваешь об этом?

— Потому что вы одеты так необычно.

Гавриил засмеялся.

— Жаль разочаровывать тебя, но я просто пианист. Вот, возьми. — Он вынул из кармана пятидолларовую золотую монету и бросил ее Буфорду. Мальчик с изумлением смотрел на монету.

— Спасибо! — зажав монету в кулачке, он поманил за собой Гавриила. — Пойдемте. Тетя Лида в своем домике.

— А жив ли Чарльз?

— Нет... Умер два года назад.

По снегу они обошли разрушенный дом. Гавриил вспомнил небольшие кирпичные домики, где проживала старшая домашняя прислуга. Показал на второй домик слева.

— Вот здесь я жил в детстве.

— Вы жили здесь? На плантации «Эльвира»?

— Вот именно. Мой отец был кучером.

Они подошли к первому домику. Буфорд постучал в дверь, потом толкнул и открыл ее.

— Тетя Лида, — позвал он. — К вам пришли. Он говорит, что его отец был здесь кучером.

Гавриил вслед за Буфордом вошел в помещение и закрыл дверь. У печки сидела очень старая женщина в полосатом платье, набросив на плечи шаль. Она с любопытством посмотрела на вошедшего. С чувством священного трепета Гавриил понял, что он смотрит на историю своей семьи.

— Меня зовут Гавриил Кавана, — представился он. — Моего отца звали Мозес. Кучер, которого убили. Вы помните Мозеса?

— Да, конечно, — ответила тетя Лида. — Ты, наверное, тот мальчик, которого выкупила мисс Лиза и отправила учиться в школу на Север.

— Совершенно правильно.

— Слышала, что у тебя хорошо все вышло, что ты играешь музыку в других странах.

Гавриил улыбнулся.

— Я играл для королей, — похвастался он. — Играл даже для папы римского.

— Вот это да. Очень хорошо, молодой человек, просто прекрасно. Думаю, ты увидел такое, что большинство цветных никогда не видели. Зачем же ты тогда возвратился на плантацию «Эльвира»?

Гавриил пододвинул к ней стул и сел на него, а Буфорд наблюдал за происходящим, стоя у двери.

— Мисс Лиза сказала мне, что в моих жилах течет белая кровь, — заметил он. — Кто это мог быть?

— Капитан, — ответила без колебаний Лиза. — Отцом твоего отца был капитан. Он всегда крутился в квартале негров.

— Что за капитан?

— Капитан Кавана, отец массы Джека. Потому-то масса Джек так и ненавидел Мозеса. Он был его брат, так же как Дулси приходилась ему сестрой. Теперь они все покойники. Наконец-то, во всем уравнились.

— Мистер Джек? — прошептал Гавриил, смутно припоминая мужчину, которого он ненавидел и которого боялся в детстве. — Значит, я родственник миссис Кавана?

— Похоже на то. Ты ей родня со стороны мужа.

— Будь я проклят. Тогда, во всяком случае, фамилия моя действительно Кавана. Тетя Лида, были ли музыкальные способности у капитана?

— Никаких. Медведь на ухо наступил.

— Тогда откуда же у меня взялся этот талант?

— От твоей бабушки Иды. От рабыни, матери Мозеса. У нее был великолепный голос. Она, бывало, пела в церкви, и все горько плакали, когда она ушла из хора. Я как сейчас помню, как она пела церковные псалмы. Вот откуда ты получил свой талант. А внешность ты перенял у своего отца. Он был самым красивым черным человеком, которого я видела в жизни.

— Ида, — повторил Гавриил. — Спасибо тебе, Ида, где бы ты ни находилась.

— Она на кладбище рабов со всеми остальными. Чувствую, что совсем скоро и я отправлюсь туда.

— Где оно находится?

— Рядом с нашей церковью. Если хочешь, я могу тебя проводить туда. И может быть, хотя ты играл для королей и для папы римского, может быть, ты что-нибудь сыграешь и для нас. В церкви есть хорошее пианино. Мы сами купили его в складчину.

— Для меня это будет большой честью.

— Буфорд!

— Да, тетя Лида.

— Беги и скажи всем, чтобы через час приходили в церковь. Скажи им, что для нас будет играть мистер Гавриил Кавана, который выступал перед королями и перед папой римским. Предупреди преподобного Пила, пусть он зажжет свечи. А теперь беги, паренек.

— Хорошо, тетя Лида. — Он распахнул дверь и помчался на заснеженную улицу.

— Гавриил, помоги мне подняться. Гавриил встал и помог старушке.

— Не знаю, как и благодарить вас за то, что вы мне рассказали про Иду, — произнес он. — Я рад, что свой талант получил... от своего народа.

Она похлопала его по руке.

— Мы все тобой гордимся, Гавриил, — похвалила она его. — Очень гордимся. А теперь сыграй получше для нас, для цветных. Сыграй так же хорошо, как ты играл для папы римского.

— Постараюсь изо всех сил.

Он поддерживал ее, когда они выходили на улицу, огибали дом, направляясь к его экипажу.

* * *

Начало смеркаться, когда они приехали в небольшую церковь в лесу. Гавриил помог тете Лиде выйти из экипажа, и они прошли на кладбище возле церкви.

— Вон там лежит мой Чарльз, — сказала тетя Лида, показывая на простой камень, который возвышался на полдюйма над уровнем снега. — Привет, Чарльз. А вон там бедная Дулси. Привет, Дулси. А там лежит твой папа Мозес. Привет, Мозес.

Гавриил остановился возле могилы. Хотя ему показалось странным, что старая женщина разговаривала с умершими, он не мог сдержаться и не сказать:

— Привет, отец.

— А вон там Ида.

Он подошел еще к одному камню.

— Привет, Ида, — произнес он. — Спасибо тебе.

Он не смог сдержать слез.

К шести часам вечера небольшая церковь с деревянными скамьями заполнилась бывшими рабами, их женами и детьми. Преподобный Пил, церковный священник, рослый мужчина с седыми волосами, стоял за кафедрой проповедника и смотрел на своих прихожан. Церковь освещалась свечами.

— Сегодня у нас особый случай. — Преподобный улыбнулся. — Один человек из нашей среды прославился на весь мир, приехал навестить нас в родных краях.

«Родные края, — подумал Гавриил. — Разве я могу их считать такими! Или все же могу?»

Он сидел в первом ряду рядом с тетей Лидой.

— Отец Гавриила Кавана был здесь кучером до войны. Вы все знаете о том, как его убили и как мисс Лиза, да благословит ее Господь, дала его сыну образование. Аминь!

— Аминь! — хором отозвались прихожане.

— А теперь брат наш Гавриил сыграет для нас на нашем замечательном пианино. Брат Гавриил, жаль, что у нас не было времени настроить его.

Гавриил встал и поднялся на помост. Разбитое от долгого использования пианино выкатили в центр помоста. Он подошел к

инструменту, потом обернулся, чтобы посмотреть на лица присутствующих. Как это ни странно, но впервые за всю свою жизнь он почувствовал сценический страх.

— Я сыграю для вас... — он в нерешительности остановился, — ... восьмую прелюдию фа-диез минор Фредерика Шопена.

Он сел на заскрипевшую скамейку. В церкви было холодно. Он подул на свои пальцы, опробовал клавиши пианино. Инструмент был изготовлен малоизвестной компанией в Филадельфии. В Европе Гавриил привык играть на лучших инструментах, но все равно решил про себя, что заставит это пианино звучать так, как оно никогда не звучало.

Он страстно начал исполнять прелюдию. Великолепная музыка, настоящий вихрь мелодичных звуков заполнил небольшую церковь. Гавриил исполнял эту вещь в головокружительном темпе. Исполнял безукоризненно, превосходно. Ему удавалось получать летящие ввысь звуки, как на рояле «Стейнвей».

Когда он закончил играть, прихожане продолжали сидеть молча. Смущенный, он посмотрел на лица слушателей. Только тут преподобный Пил начал аплодировать, и бывшие рабы, следуя его примеру, тоже захлопали. Гавриил встал и поклонился, но он понял, что сыгранное не очень им понравилось. Когда аплодисменты умолкли, преподобный Пил улыбнулся ему.

— Благодарю вас, брат Гавриил, — сказал он. — Это было замечательно. Но, может быть, теперь вы сыграете для нас что-нибудь из нашей музыки?

Он понял. Шопен для них ничего не значил. Шопен представлял музыку белых.

— Что же вы хотели бы услышать? — спросил он, чувствуя неловкость.

— Может быть, вы сыграете что-нибудь из церковной музыки, брат Гавриил?

— Я... я ее не знаю.

Среди прихожан раздался приглушенный шум голосов, как будто они удивились, что черный человек не знает церковных псалмов.

— Вы не знаете церковного песнопения? — спросил преподобный Пил. — Ах, брат Гавриил, мы сумеем вас тоже порадовать. Ведь церковное песнопение — это самая благозвучная музыка по эту сторону небес. Аминь!

— Аминь! — раздался общий возглас прихожан.

— Мы научим вас церковному псалму. Тогда вы сможете сыграть его

для нас. Как вы смотрите на это?

Гавриил улыбнулся.

— Это будет очень мило, — отозвался он.

Преподобный Пил повернулся на кафедре, обратившись к прихожанам.

— Давайте споем для него «О, Ханаан, милая земля обетованная, я отправляюсь на землю Ханаан...»

Двери церквушки с шумом распахнулись. Внутрь вошли восемь мужчин в белых балахонах с капюшонами. В руках они держали ружья. Прихожане прервали пение, раздались вопли.

Преподобный Пил жестами призвал всех к тишине.

— Это храм Божий, — крикнул он. — Как вы смеете врываться сюда?

— Заткнись, черномазый! — рявкнул один из них. Это был Зах. — Мы никого не тронем, — продолжал он, идя по проходу с двумя другими вошедшими. — Нам нужен только этот необыкновенный черномазый.

Гавриил сообразил, что они имели в виду его.

— Это богохульство, — крикнул преподобный. — Богохульство! Это храм Божий!

Зах подбежал к нему и дулом ружья ударил в лицо — старик упал навзничь, свалив скамейку для хористов.

— Я же сказал, заткнись! — взвизгнул Зах.

Два других куклуксклановца схватили Гавриила и потащили его по проходу к выходу.

— Помогите! — закричал он. — Помогите кто-нибудь! Господи милостивый, помоги мне!

Один из бывших рабов, возмущенный тем, как обошлись с преподобным Пилом, вскочил со своей скамьи и бросился на помощь Гавриилу. Это был Броувард, который еще подростком заменил Мозеса в качестве кучера Джека Кавана. Теперь он стал испольтником, отцом двоих детей, мускулистым негром. Он подбежал сзади к высокому куклуксклановцу и сорвал с его головы капюшон. Все присутствующие в церкви замерли, увидев лицо человека.

— Генерал Уитни! — воскликнул преподобный Пил, который к этому времени опять вскарабкался на кафедру, его лоб был окровавлен. — Не поверил бы, что вы способны на это. Вы — в прошлом сенатор, бывший посол — наденете на голову белый колпак и оскверните храм Божий! Позор вам, сэр! Когда вы предстанете перед очами Господа, сэр, что вы ответите Творцу, когда Он спросит вас об этом низком преступлении?

Пинеас посмотрел холодно на проповедника.

— Я скажу ему, — ответил он звонким голосом, — что я горжусь содеянным.

Он медленно опять надвинул капюшон на голову. Два куклуксклановца подтащили Гавриила к дверям церкви. Броувард было опять бросился за ними, но Зах выстрелил в воздух. Прихожане громко кричали, когда куклуксклановцы выбегали из церкви, с грохотом захлопнув за собой двери.

— Позор всем нам, — причитал преподобный Пил с кафедры. — Мы позволили им сделать это.

— Он прав! — выкрикнул Броувард. — Если мы не научимся давать сдачи, то навсегда останемся рабами. — Правительство говорит, мы свободные люди, а я говорю, мы никогда не будем свободными, пока клановцы будут врываться в наши дома и церкви и выволакивать нас на улицу, чтобы убивать. Они собираются убить Гавриила Кавана, но мы должны помешать им. Мы можем стать такими же, как он, если будем драться. Не позволим клановцам убить Кавана!

Раздались шумные возгласы одобрения.

— Братья! — закричал преподобный Пил, размахивая руками, призывая к тишине. — Мы не должны применять насилие. Нам надо остановить их, но остановить молитвами.

— Преподобный, — заорал Броувард. — Мы можем молиться, пока не отупеем, но это не мешает им убить Гавриила Кавана! Я скажу, если они применяют насилие, значит мы тоже применим насилие! Пошли, ребята! И захватите свои ружья! Пора постоять за себя!

Гавриил лежал на спине на дне крытой повозки. Ему связали руки за спиной, заткнув рот кляпом. Повозка прыгала холодной ночью по заснеженным колдобинам. Восемь куклуксклановцев в капюшонах сидели по обеим сторонам Гавриила на скамейках и смотрели на него. Картина была ужасающей. Но вот двое клановцев сдернули свои колпаки.

Зах и Пинеас улыбались.

— Мы слышали, что ты играл для папы римского, — заметил Пинеас. — Тебе повезло, потому что тебе понадобятся его молитвы.

Куклуксклановцы захохотали.

— Посмотрите-ка, он трясется, — сказал Зах. — Думаете, он испугался? Ну, нет, просто продрог. Ты замерз, правда, черномазый? Но это ничего. Скоро тебе станет очень жарко.

Новые взрывы хохота куклуксклановцев. Зах вытащил из-под своего балахона нож, слез со скамейки, наклонился над Гавриилом, встав одним

коленом ему на грудь. Поднес кончик лезвия к горлу Гавриила.

— Мы воевали из-за тебя, черномазый, — сказал он. — Ты знаешь, что я потерял в этой войне? Я потерял отца, дом и брата. Ты знаешь, сколько родственников потеряли люди, сидящие в этой повозке? Не меньше сорока пяти. Сорок пять покойников, черномазый. Они теперь на небе, потому что воевали из-за вас, черномазых. Когда-то мы были богатыми, теперь обеднели. И у вас, черномазых, хватает нахальства сорить у нас на глазах деньгами, швырять их нам в лицо, пробиваться на политические посты... Ты играл для папы римского? Ну, а мы можем поиграть вот с этим!

Он повернулся и занес нож над половым органом Гавриила. Гавриил с кляпом во рту, задыхаясь от ужаса, попытался перевернуться на бок. Пинеас наклонился и успокаивающе положил руку на плечо Заха.

— Не надо, — остановил он его. — Мы придумаем что-нибудь получше.

Зах неохотно слез с Гавриила и опять сел на скамейку. Гавриил подвывал от страха. Повозка катилась по заснеженной земле к дьявольской цели. Через двадцать минут она остановилась. Куклуксклановцы начали вылезать из нее. Зах, который все еще не надевал своего капюшона, схватил Гавриила за одну руку, а другой, с поднятым капюшоном, — за другую. Рывком они поставили его на ноги и подтащили к задней части повозки. На снегу стояли четыре клановца с ружьями наизготовку. Зах подтолкнул Гавриила в спину, тот спрыгнул на землю.

Они находились на опушке соснового леса, снежные хлопья, покрывшие ветви деревьев, придавали этому месту жуткую красоту. Когда он увидел, что они соорудили в центре опушки, по его спине поползли мурашки.

Они построили большую деревянную решетку над кучей поленьев, высотой почти в шесть футов. Вокруг костра установили дюжину горящих деревянных крестов, которые освещали всю сцену.

— Догадайся, что сегодня на ужин? — спросил Зах, с улыбкой ткнув Гавриила пальцем в грудь. — Ты, — сам же и ответил он. — Сегодня мы зажарим здесь черномазого.

Куклуксклановцы захохотали. Гавриил попытался убежать. Но Зах выкинул ногу, подставив ему подножку. Гавриил упал лицом в снег.

— Ну, кто у нас командует? — крикнул Зах. — Кто у нас за шеф-повара?

— Как бывший посол, — отозвался Пинеас, подходя к своему приемному сыну, — как человек, побывавший в лучших ресторанах Европы и Вашингтона, полагаю, что мои притязания на эту роль вполне

заслуживают поддержки.

— Верно! Правильно! — одобрительно закричали куклуксклановцы.

— Тогда, сэр шеф-повар, приготовьте главное блюдо.

— С удовольствием, сын, — игриво выкрикнул Пинеас. — Но мне надо помочь.

Двое мужчин стали на колени возле Гавриила и начали его разувать. Гавриил отчаянно брыкался.

— Попродержите его колени, — скомандовал Зах.

Один из куклуксклановцев придавил колени Гавриила, встав на них коленями. Пинеас и Зах стащили с него ботинки, потом носки.

— Так, теперь брюки, — скомандовал Зах.

Третий куклуксклановец слез с коленей Гавриила. Тот опять начал брыкаться, дергаясь на земле как обезумевшее от ужаса животное. С некоторыми затруднениями Зах и Пинеас все-таки стащили с него и штаны. Потом рывком поставили его на ноги. Ножом Зах разрезал надвое сначала его пиджак, потом рубашку. Стащил с него обрезки. Гавриил остался в одном нижнем белье, дрожа от холода.

— Принесите вертел, — велел Зах.

Куклуксклановцы подняли деревянную слегу с двух деревянных рогатин, на которых она лежала, и поднесли к Заху.

— Стяните с него подштанники, потом привяжите его к вертелу, — распорядился Пинеас жестко.

Зах и другой клановец спустили подштанники Гавриила и сдернули их. Теперь он стоял совсем голый, дрожа от холода и обливаясь потом от ужаса.

Вертел лежал на снегу. Зах схватил Гавриила со спины, а другой клановец за колени. Они приподняли его.

— Засовывайте вертел между его связанных рук, потом привязывайте к его коленям.

Приказание тут же выполнили.

— Прекрасно. Кладите этого черномазого на решетку.

Взялись за оба конца вертела и приподняли его. Гавриил под тяжестью своего веса перевернулся и повис на слеге лицом вниз. Страшная процессия понесла его к куче поленьев, и слегу опять положили на вкопанные в землю рогатины.

Пинеас и Зах взобрались на кучу поленьев и оказались на уровне головы Гавриила.

— Пусть мы проиграли войну, — заявил Пинеас куклуксклановцам. Потом он повернулся к Гавриилу, в его глазах аристократа отразились

ненависть и презрение. — Но в конце концов мы победим. Когда пыль осядет, все увидят, что наши братья северяне так же ненавидят вас, черномазых, как и мы. Ты слышишь меня, черномазый? Ты напялил на себя одежду белых и поехал колесить по Европе. Но теперь ты дома. У себя в Америке. Где же теперь твоя одежда? Ее нет. Поможет ли она тебе? Нисколько. Потому что ты с нами, своими господами. И боишься драться...

Из чащи леса прозвучал выстрел. Пинеас Тюрлоу Уитни, на лице которого отразилось изумление, схватился за грудь, потом упал вперед, скатился по куче поленьев на заснеженную землю. Прогремели другие выстрелы. Куклуксклановцы завопили, заметались, панически кинулись к своим ружьям. Зах соскочил с кучи поленьев, схватил с земли приготовленный факел, зажег его от одного из горящих крестов. Пропитанная маслом ветошь тут же вспыхнула ярким пламенем. Он подбежал к поленьям и стал разжигать костер, когда раздался новый залп выстрелов. Пуля попала Заху в спину. Он вскрикнул, шагнул вперед и свалился на принесенный им же факел, которым намеревался поджечь костер и поджарить на нем Гавриила. Теперь он упал бездыханным рядом со своим приемным отцом Пинеасом. Матерчатый балахон Заха загорелся, его тут же охватил столб пламени. Загорелась одежда и лежавшего рядом с ним Пинеаса. Гавриил, все еще висящий на вертеле, с ужасом смотрел, как языки пламени, охватившие его незадачливых палачей, лижут нижние поленья подготовленной для костра кучи дров.

Замертво попадали в снег пятеро других куклуксклановцев. Последний оставшийся в живых, вопя от ужаса, вскочил на повозку и, огрев лошадей, помчался в ночь.

Из лесу выбежали Броувард и двенадцать других прихожан.

— Тушите огонь! — громко крикнул он, бросая ружье и подбегая к горящим трупам. Он стал кидать на них снег.

— Помогайте мне! — завопил он. — И снимите Гавриила!

Через несколько минут огонь загасили, трупы бывшего сенатора и его приемного сына — героя Конфедерации продолжали дымить. Гавриила отвязали, накинули на него одеяло, прикрыв его наготу.

— Спасибо, — пробормотал тот, находясь в шоке. — Благодарю всех вас.

— Эти куклуксклановцы обкакались от страха, — ликовал Броувард.

— Да, но они вернутся, — заметил другой прихожанин. — Нам стоит некоторое время не высовываться. Из-за этого у всех будут большие неприятности.

— Ничего, — успокаивающе произнес Броувард. — Мы теперь знаем,

как надо драться. А как быть вам, брат Гавриил? Вам лучше поскорее убраться отсюда в Нью-Йорк.

— Да, я сразу же уеду, — ответил Гавриил со слезами на глазах. — Но теперь я понял, какое у меня было прошлое. И знаете что? Несмотря на всю мерзость случившегося, в этом есть и свой смысл. Потому что мы, пережившие все это в Америке, не из тех, у кого кишка тонка.

— Аминь, — дружно откликнулись остальные.

— Просто не верится, — заметила Лиза два дня спустя в разговоре с Отто Шенбергом. Она смывала свой грим в артистической комнате театра «Эмпайр», где проходили репетиции пьесы «Она уступает, чтобы победить». — Да, действительно, не могу поверить в это, — продолжала она. — Пинеас Уитни оказался сумасшедшим! Пытаться заживо зажарить Гавриила — чудовищно! Слава Господу, что Уитни погиб. Он больше многих других заслуживал смерти.

— А Гавриил уже в Нью-Йорке? — спросил банкир.

— Да. Он обедал у меня недавно. Гавриил чуть ли не со слезами рассказывал обо всем этом. Он все же рад, что съездил в Виргинию. По крайней мере, теперь он узнал о своем происхождении.

— Что же он будет теперь делать?

— Говорит, что уедет обратно в Европу, потому что здесь он может выступать только в негритянских кварталах. Ах, Отто, разве это не преступление, что такой талантливый человек, как Гавриил, не может снять для своего концерта даже пивной бар, потому что он черный! Можно было думать, что после стольких страданий во время войны обстановка начнет понемногу меняться. Но Лиля рассказывает мне, что в Нью-Йорке распространены такие же предрассудки, как и на Юге.

Отто немного поразмыслил, не сводя своих глаз с Лизы. Потом поднялся.

— Музыкальная академия просила меня сделать пожертвование на благоустройство концертного зала. И как вы знаете, я уже пожертвовал значительную сумму филармонии Нью-Йорка. Возможно, мне удастся организовать первое выступление Гавриила в Нью-Йорке.

Лиза отложила в сторону салфетки и повернулась к нему. Она вся просияла.

— Отто! — воскликнула она. — Если вы устроите это, то сделаете меня самой счастливой женщиной на свете. Вы знаете, что Гавриил для меня почти как сын. Если ему удастся сыграть в Нью-Йорке!.. — Вскочив, она подбежала к нему и, обняв его за шею, расцеловала. — О, милый

человек! Устройте ли вы это?

Отто слегка покраснел.

— Вы оставили следы помады на мне...

— Сейчас сотру. — Она бросилась к своему туалетному столику. — Во сколько это обойдется?

— Они намекают на шестизначную цифру.

— И это стоит того — до последнего цента. Пожалуйста, скажите, что вы это устройте.

Она торопливо стерла краску с его щеки. На суровом лице банкира неожиданно появилась улыбка.

— Завтра утром я переговорю с комитетом, — пообещал он.

Лиза опять поцеловала его, еще больше испачкав его лицо гримом.

* * *

Через неделю у парадных дверей музыкальной академии на Четырнадцатой улице собралась толпа. Собравшиеся там, все белые граждане, держали в руках плакаты с коряво написанными словами. «Не позволим выступать черномазым!», «Театры только для белых!», «Негритянские концерты, ДА! Черных пианистов НЕ НАДО» — скандировали они и ходили по овальному кругу перед парадным входом в освещенной газовыми фонарями концертный зал, перед дверьми которого висели огромные афиши, извещавшие:

Великий американский виртуоз

ГАВРИИЛ КАВАНА

Выступит 3 марта 1868 года

8.30 вечера

с гастролирующим дирижером Нью-йоркской
филармонии

Гансом фон Бюлоу

В ПРОГРАММЕ:

Первый концерт... Листа

Пятый концерт... Бетховена

Стоимость билета: 2 доллара

Когда Лиза и Отто подъехали на экипаже, она ахнула, увидев толпу.

— Это превосходит все мои опасения, — воскликнула она.

— Нас предупреждали.

Толпа начала освистывать вышедшую из кареты Лизу. Она вместе с Отто торопливо юркнула в концертный зал, где контролер провел их по проходу на их места.

Далеко не все кресла в зале оказались занятыми. Но когда ослабили яркость осветительных огней, она с облегчением увидела, что пришло не менее ста любителей музыки, среди них музыкальные критики трех центральных газет.

На сцену вышли оркестранты и расселись по своим местам за большим черным роялем «Стейнвей».

Гавриил стоял за кулисами в ожидании своего выхода, вытирая с лица пот. Гастролирующий дирижер Ганс фон Бюлоу, зять Листа, — его перетянул на свою сторону Вагнер, — который пытался забыть все дразги во время своего американского турне, похлопал его по плечу.

— Не волнуйтесь, — подбодрил его немецкий маэстро. — Ваш сегодняшний концерт войдет в историю.

— Может быть, — пробормотал Гавриил.

Фон Бюлоу вышел на сцену и поклонился вежливо зааплодировавшей публике. Потом он встал на возвышение.

Гавриил глубоко вдохнул и тоже вышел на сцену. Его встретила абсолютная тишина, когда он подошел к роялю и поклонился. Он сел, расправив фалды своего фрака. Посмотрел на фон Бюлоу и кивнул. Маэстро поднял дирижерскую палочку. Драматические звуки увертюры к концерту заполнили зал.

Гавриил смотрел на клавиатуру, думая о своем убитом отце, о погибших до него поколениях рабов, незаметных личностей в мучительной истории, чьих имен он никогда не узнает. Он думал о Пинеасе Тюрлоу Уитни и о Захе. Вдруг его охватила злость.

Когда закончились такты увертюры, сыгранной оркестром, зазвучали мощные аккорды Гавриила на рояле, полились захватывающие пассажи нарастающих октав.

Лиза, сидевшая в третьем ряду, сжала руку Отто.

Когда концерт подошел к волнующему завершению, опять воцарилась тишина. Весь вспотевший Гавриил поднялся. Он знал, что сыграл великолепно. Посмотрел на зал.

Лиза вскочила со своего места.

— Bravo! — крикнула она и начала хлопать. К ней присоединился

Отто.

И вдруг прорвалось. Захлопали и другие присутствующие. Раздалось несколько свистков, но они утонули в возгласах «Браво!» Гавриил не совсем уверенно поклонился. Но он мог уже не сомневаться в успехе. Это выступление стало его триумфом.

Этот вечер стал историческим для Гавриила Кавана.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

Театральное обозрение в «Нью-Йорк геральд», 5 марта 1868 года:

«Вчера вечером в театре «Эмпайр» выступила в новой постановке пьесы Оливера Голдсмита «Она уступает, чтобы победить» известная английская красавица миссис Синклер. На мою долю выпала печальная обязанность сообщить, что миссис Синклер не завоевала симпатий критика. На миссис Синклер необычайно приятно смотреть, но роль она исполняла деревянно, говорила невпопад. Однако — таковы капризы театральной жизни — зал наградил ее овацией. Похоже, что на небосводе Бродвея появилась теперь новая звезда. По слухам из театральных кругов, эту звезду вознес какой-то ангел с Уолл-стрита».

В яркий, солнечный, но ветреный послеобеденный час в одно из воскресений марта Аманда читала в гостиной номера гостиницы «Давенпорт», когда зазвонил звонок входной двери.

— Я открою, — крикнула она Лиле, которая хлопотала на кухне.

Аманда встала. На ней было белое платье с белым бантом в светлых волосах, и она, как всегда, выглядела исключительно привлекательно.

Она подошла к двери и открыла ее.

— Папа! — крикнула она. — Папа!

На пороге стоял Адам, протянувший к ней руки. Аманда бросилась в его объятия, прижалась к нему и расцеловала.

— Как же ты выросла, Господи! — воскликнул Адам. — И как похорошела. Ах, Аманда, по тебе, наверное, уже сохнут молодые люди. Посмотри-ка скорее, что я привез тебе.

Только тут она заметила щенка спаниеля, которого Адам держал на ремешке и который обнюхивал пол, чтобы наделать в гостиной.

— Это для меня? — недоверчиво воскликнула Аманда. — Такой красивый щенок! Как его зовут?

— Это ты решишь сама.

— Он просто замечательный!

Она взяла на руки щенка, тут же начавшего лизать ей лицо.

— Спасибо, спасибо! Заходи же! Долго ли ты пробудешь здесь?

Почему ты не приезжал раньше? Я так скучала по тебе!

— А я по тебе, дорогая.

Он снял шляпу и пальто, оглядел комнату, уютно обставленную подержанной мебелью.

— Лиля, идите сюда и познакомьтесь с моим папой. Сомерсет, и ты тоже.

Из кухни вышла Лиля.

— Папа, это Лиля, самая милая женщина на всем свете. Лиля, знакомьтесь, это лорд Понтефракт.

— Как вы поживаете, Лиля?

Лиля, которая несколько разволновалась, постаралась сделать реверанс.

— Как вы поживаете...

Она в смущении повернулась к Аманде и шепотом спросила ее:

— Как мне обращаться к нему? Ваша милость?

— Называйте меня мистер Торн, — улыбнулся Адам. — Я оставил свой титул на корабле, на котором приплыл сюда. А кто этот красивый молодой человек?

Из спальни вышел Сомерсет, крупный шестилетний мальчик с черными волосами.

— Это Сомерсет, мой непослушный братец, — представила его Аманда.

— Неправда, ты сама озорная, — отпарировал Сомерсет, потом повернулся к Адаму и с большой серьезностью пожал ему руку. — Как вы поживаете, сэр? Рад познакомиться с вами.

— А я рад познакомиться с тобой, Сомерсет. А где ваша мама?

— Она поехала на весь день к мистеру Шенбергу.

Такой ответ озадачил Адама.

— Кто такой мистер Шенберг?

Лиля покашляла, прочищая горло.

— Это, э... хороший знакомый Лизы, — объяснила она, с беспокойством поглядывая на детей.

Маркиз Понтефракт был удивлен.

***

— Я зарабатываю на тебе деньги, — объяснял ей Отто Шенберг, — что

является для меня приятным сюрпризом. Мистер Грей сообщает мне, что он каждый день распродает все билеты.

Лиза кивнула.

— Действительно, это удивительно, особенно если учесть все эти ужасные отзывы, — поддакнула она.

— Много ли понимают критики? Если бы они все так хорошо понимали, то написали бы хорошую пьесу и разбогатели. Сегодня я получил письмо от Джеффри.

— О, дорогой! Он все еще недоволен нами?

— Нет, похоже, он примирился с тем фактом, что его отец больше подходит для тебя.

— Дорогой, не обольщайся.

— Кроме того, он познакомился с девушкой, мисс Лоуелл. И, похоже, очень увлекся ею.

— Хорошо. Чем быстрее он забудет обо мне, тем лучше.

Вошел слуга, налил в их бокалы вина и удалился.

— Лиза, ты принесла мне счастье, — продолжал Отто. — Единственное, что мне не нравится — это делить тебя со зрителями.

— Будь благодарен, что такие зрители находятся.

— Не думаешь ли ты бросить театр?

Лиза засмеялась.

— Если верить критикам, театр с удовольствием отпустил бы меня.

— Я говорю серьезно.

— Конечно, готова уйти оттуда. Я пошла в театр только для того, чтобы подработать.

На пороге столовой появился дворецкий.

— Простите меня, сэр. Некий мистер Адам Торн хотел бы увидеть миссис Синклер.

Лиза напряглась.

— Адам... — прошептала она.

— Кто это такой? — спросил Отто.

— Лорд Понтефракт.

Она поднялась, лицо ее побледнело.

— Где он находится? — спросила она дворецкого.

— В гостиной.

Нахмурившийся Отто наблюдал за Лизой, которая торопливо направилась к двери.

Адам рассматривал в гостиной картину Рембрандта, когда туда вошла Лиза. На ней было бежевое шелковое платье, длинный подол которого

сзади был закручен в турнюр — последний крик моды.

— Адам!

Она закрыла за собой двухстворчатую раздвигающуюся дверь. Он обернулся и холодно посмотрел на нее.

— Я приехал из Англии, чтобы помочь тебе, потому что Бентли сообщил мне, что ты потеряла все свои деньги, — заметил он. — Но теперь вижу, что ты опять обрела кое-что.

— Отто финансировал постановку, в которой я занята...

— Что еще он финансировал?

Она нахмурилась.

— Адам, ты так холодно смотришь на меня.

— Вот как? Вспомни, что ты писала мне? «Адам, ты должен быть хорошим». Знаешь, я принял к сердцу этот твой совет. Старался быть хорошим. Остался верен Сибил, и наша семейная жизнь наладилась. А теперь я узнаю, что мать моей дочери *не*очень-то хорошо себя вела. А проще говоря, стала дорогостоящей проституткой...

Она подошла к нему и дала звонкую пощечину.

— Не смей так говорить со мной!

— Разве это не правда? Моя Лиза, женщина, которую я полюбил на всю жизнь, стала любовницей нувориша, банкира с Уолл-стрита.

— Ладно. Признаю, что я его любовница. Но он не нувориш!

— Это не важно!

— Хорошо, пусть он и нувориш, но это исключительно культурный человек, которым я очень дорожу!

— Лиза, ты ходишь вокруг да около! А дело-то в том, какое ты оказываешь влияние на Аманду. «Где мамочка? Мамочка проводит день со своим знакомым, мистером Миллионером». Аманда невинный ребенок, но это продлится недолго, когда она узнает о поступках мамочки.

Лиза отвернулась, на ее глаза навернулись слезы.

— Дай мне время, — прошептала она. — Думаю, что Отто хочет жениться на мне, но пока он не заводил разговор об этом. Ты должен дать мне время. И не будь таким самонадеянным. Не относись жестоко к человеку, которому ты так дорог.

Он смягчился.

— Прости. Я действительно повел себя жестоко. Просто меня это ужасно удивило...

— Здесь суровая страна, Адам, и суровый город. Хорошо просто так рассуждать о морали, но когда дело доходит до уплаты за жилье, тогда приходится вертеться. Я многое узнала от этого жулика Джима Фиска. Я

походила на голубя, которого можно было общипать, и он общипал меня. Но такое не повторится. Может быть, я говорю слишком жестко, но если хочешь уцелеть, надо проявить жесткость.

— Ладно, подождем еще. А пока разреши мне забрать с собой в Англию Аманду на некоторое время, пока вы с мистером Шенбергом не придете к какому-то решению. Мне хочется видеть ее возле себя, а ей хочется побыть со мной.

Лиза задумалась.

— Полагаю, это хорошая мысль, — наконец сказала она. — Да, возьми Аманду с собой в Англию.

— Лиза?

— Да?

— Ты знаешь, зачем я приехал в Нью-Йорк? Частично, чтобы увидеть Аманду, но... но главным образом, чтобы еще раз повидать тебя. Я чертовски скучал по тебе.

— Но ты же счастлив с Сибил?

— Да. Но это... не то же самое. О Господи, Лиза, я все еще люблю тебя! Проклятье!

Он обнял ее и жадно поцеловал. Она тут же ответила ему.

Открылись двери и появился Отто.

— Дорогая моя, — произнес он ледяным голосом. — Может быть, ты представишь меня лорду Понтефракту, который, похоже, почувствовал себя здесь как дома.

Адам отпустил ее.

— Простите, мистер...

— Шенберг. Отто Шенберг. Лиза, театральные критики ошибались. У тебя отлично получается роль из французского фарса.

— Во всем виноват я, — произнес Адам.

— Понимаю, милорд. Лиза — колдунья. Она, несомненно, околдовала вас, как она околдовала меня. И скольких еще поразили твои чары, дорогая моя?

Лиза вся похолодела.

— Я не стану выслушивать такое ни от одного из вас, — заявила она, направляясь к двери.

— Куда ты идешь?

— Домой.

— Но ужин еще не закончился.

— К дьяволу этот ужин! К дьяволу вас всех! — Она подошла к двери, обернулась, глаза ее метали молнии. — К дьяволу всех *мужчин!*

Она вышла в прихожую. Отто хотел было последовать за ней, но Адам остановил его.

— Пусть уходит, — сказал он. — Я накинулся на нее из-за вас, что, возможно, было ошибкой. Пусть она остынет.

Отто сердито повернулся к нему.

— Сэр, это мой дом. Как вы смеете указывать мне, что мне делать? И как вы посмели целовать Лизу?!

— Мистер Шенберг, вы становитесь нестерпимым.

Лицо банкира побагровело. Он готов был взорваться. Потом стал отходить.

— А теперь, — предложил Адам. — Давайте обсудим все это как два цивилизованных джентльмена. Поскольку у Лизы нет отца, то, думаю, я могу выступить в качестве своего рода опекуна. Каковы, сэр, ваши намерения в отношении ее?

Отто окрысился, хотел было что-то сказать, потом передумал.

— Любите ли вы ее? — спросил Адам.

Отто обмяк.

— Никогда не думал, что страсть может быть такой всепоглощающей. Да, я люблю ее.

— Понимаю ваши чувства. Намереваетесь ли вы жениться на ней?

— Боюсь, что она мне откажет. Ведь я намного старше ее.

— *Спросите* об этом ее, — посоветовал Адам. — А пока что я заберу Аманду в Англию. Образно говоря, это расчистит поле действий, пока вы с Лизой все не утрясете. Всегда в первую очередь надо подумать о детях. В конце концов, это наше будущее.

Отто с восхищением посмотрел на него.

— Милорд, — спросил он. — Вы уже ужинали?

— Нет.

— Почему бы вам не присоединиться ко мне? Думаю, что нам надо познакомиться поближе.

— Это доставит мне удовольствие.

Они вместе направились в столовую.

— С каким банком вы имеете дело в Лондоне? — спросил Отто.

— «Куттс».

— Необычайное совпадение. Я их представитель в Нью-Йорке. Кстати, я попросил «Шато Марго» к жаркому. Вам нравится «Шато Марго»?

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ПЯТАЯ

Теплым летним днем 1874 года Адама и Сибил ввели в шумные гостиные залы королевы Виктории в Виндзорском замке. Королева — полная, коренастая, невысокая дама, одетая во все черное с белым кружевным чепчиком на голове, сидела в кресле. Адам поклонился, а Сибил сделала реверанс.

— Мне доставляет большое удовольствие видеть вас обоих, — сказала королева. — Конечно, ваши подвиги на протяжении многих лет захватывали мое воображение, лорд Понтефракт. Как ваш суверен, я пыталась вознаградить вас за многие услуги Англии и Империи. Сегодня я хочу предложить вам еще одну почесть. Но увы, я не могу делать вид, что это место не связано с опасностью. Вы, несомненно, слышали вести о лорде Мэйо? Наш вице-король совершал поездку в тюрьму на Андаманских островах, где на него набросился сумасшедший заключенный и омерзительно убил его.

— Да, я слышал, мадам, — подтвердил Адам.

— Уже несколько лет мистер Дизраэли говорил мне, что вы подходите для поста вице-короля, если возникнет такая необходимость. До сегодняшнего дня мы полагали, что вы, возможно, слишком молоды для такого ослепительного приза. Но теперь, когда вы... возмужали, я считаю, что лучше вас никто не подходит для этого места. Хотите вы стать нашим вице-королем, милорд?

— Адам! — прошептала Сибил. В ее взгляде отразилась гордость.

— Перед тем как я отвечу, мадам, — произнес Адам, — я должен известить вас об одном факте, о котором знают лишь я, моя жена и несколько других лиц. Это может заставить вас изменить обо мне свое мнение.

— Что же это за факт, говорите.

Адам глубоко вдохнул.

— Я не чистокровный англичанин, мадам. Моя прабабушка была индуской из Калькутты.

— Неужели? — отозвалась королева. — Дорогой мой лорд Понтефракт! Не вижу оснований, чтобы это обстоятельство помешало вам занять пост вице-короля. Больше того, это делает ваше назначение еще более уместным, чуть ли не идеальным. Нам известны сложившиеся в Индии условия, и нас сильно беспокоят сообщения о существующей там

расовой вражде. Я королева всех своих подданных в Империи, независимо от цвета их кожи. Думаю, что индийское население полуострова придет в восторг, если я назначу вице-королем человека, в жилах которого течет и их кровь. Думаю, что мы делаем просто великолепный выбор.

Адам подумал о годах страха и чувства вины, которые он испытывал по поводу своей смешанной крови. И вдруг, как по мановению руки, и страх, и чувство вины пропали. Действительно, какое это в общем-то имело значение?

— В таком случае, мадам, для меня огромное удовольствие и честь принять ваше предложение.

— Отлично. Вы оба достойно украсите этот пост. И должна сказать, — она понизила голос и к их удивлению подмигнула, — немногие из моих вице-королей и вице-королев были такими красивыми, как вы! — Она позвонила в колокольчик. — Ну, а теперь идемте ужинать.

— Ах, Адам, — говорила Сибил ночью того же дня, лежа с Адамом в спальне Виндзорского замка. — Я самая счастливая, самая гордая из всех живущих женщин. Вице-король Индии! Какая высочайшая честь.

— Сибил, думаю, что тебе понравится Индия.

— Я люблю тебя, дражайший мой Адам. Я буду счастлива везде, где рядом со мной будет находиться мой дорогой супруг.

Когда завершились их любовные утехы, Адам заметил:

— Если иметь в виду романтические влечения, то следует обратить внимание на то, что Генри постоянно говорит об Аманде. Не кажется ли тебе, что он увлекся ею?

— Конечно, увлекся, — подтвердила она. — Это совершенно очевидно. Всякий раз, когда она навещает нас, он становится неразговорчивым и неуклюжим. Она замечательная девочка. — Сибил помолчала. — Правда, это было бы замечательно?

— Что именно?

— Неужели тебе непонятно, что если бы Генри женился на Аманде, то это стало бы идеальным решением. Потому что это возвратило бы Аманде как наследнице де Веров по крови — твоей наследнице — титул, а их сын, третий маркиз, получил бы этот титул на полных законных основаниях.

— Да, — согласился Адам. — Такая мысль приходила мне в голову. Когда Аманда приедет опять на следующей неделе, нам надо кое-что сделать, чтобы посватать их.

«Да, это было бы здорово», — подумал он.

Теперь, когда Лиза вступила в счастливый брак с Отто Шенбергом,

было бы действительно прелестно, если бы Аманда стала его невесткой.

— Мне пришла одна мысль, — обрадовалась Сибил. — И нам практически не надо будет заниматься сватовством.

— Аманде исполнилось семнадцать лет, — размышляла вслух Лиза, сидя за длинным обеденным столом во дворце Отто на Пятой авеню. — И она опять отправилась в Англию. Она сказала мне, что питает самые нежные чувства к лорду Генри. Разве не прекрасно было бы, если..?

Она не закончила фразу. Муж, подняв глаза от тарелки, взглянул на нее.

— Но дорогая моя, — произнес он довольно-таки шокированным тоном, — она же сводная сестра лорда Генри.

— Не совсем, — возразила Лиза с загадочной улыбкой.

— Что ты хочешь этим сказать?

— Адам не является отцом лорда Генри. Конечно, об этом старались помалкивать. Но действительно нет препятствий к тому, чтобы Аманда стала будущей маркизой Понтефракт. Разве это было бы плохо?

«Судьба не нарекла мне Адама, — думала она. — Но моя дочка... если она станет его невесткой, это будет не менее замечательно».

Двое семнадцатилетних подростков галопом скакали по торфяникам, пока не достигли разрушенных стен старого аббатства. Там, где столетия назад монахи возносили свои молитвы незримому Богу, выросли дикие цветы. Лорд Генри спрыгнул с коня и подошел к Аманде, чтобы помочь ей сойти с лошади.

— Мой отец гулял здесь с твоей матерью, — когда они были еще детьми, — сказал он, проводя ее через зияющую дыру двери.

— Великолепно, — воскликнула Аманда. — Как называется это место?

— Аббатство Ньюфилд. Отец сказал мне, что он поклялся в любви твоей матери и сказал ей, что всегда останется ее верным рыцарем.

— О, мне нравится это! Так романтично.

Лорд Генри, встав на одно колено, взял ее правую руку. Лучи июньского солнца золотили его волосы.

— Милая Аманда, торжественно обещаю тебе, что всегда буду твоим верным рыцарем, и какая бы ни стряслась с тобой беда, где бы это ни случилось, я всегда приду тебе на помощь.

Аманда хихикнула.

— Генри, какой ты глупый.

— Глупый? Я думал, что это удивительно прелестно, Аманда, этим самым я говорю, что люблю тебя.

— Я это знаю и тоже люблю тебя.

— Нет, я не имею в виду *это*. Я имею в виду... ну... по-настоящему.

— Не понимаю, что ты говоришь.

— Я хочу сказать, я люблю тебя не как твой сводный брат. Я люблю тебя как... ну, как рыцарь любит даму сердца.

— Но это нельзя, Генри. У нас общий папа.

Молодой красивый наследник маркиза Понтефракта слегка покраснел.

— На самом деле, — возразил он, — это не так.

Аманда уставилась на него.

— Ты хочешь сказать, что мы не кровные родственники?

— Нет. Не кровные.

— Тогда кто же твой отец?

— Другой человек. В общем-то, это небольшой секрет. Об этом нельзя болтать повсюду.

— Генри, — тихо произнесла она. — Думаю, что ты действительно станешь моим настоящим рыцарем.

Он поднялся на ноги, обнял ее.

— Милая Аманда, — прошептал он.

— Сладкий мой.

Их поцелуй затянулся неблагоразумно долго.

Внимание!

Текст предназначен только для предварительного ознакомительного чтения.

После ознакомления с содержанием данной книги Вам следует незамедлительно ее удалить. Сохраняя данный текст Вы несете ответственность в соответствии с законодательством. Любое коммерческое и иное использование кроме предварительного ознакомления запрещено. Публикация данных материалов не преследует за собой никакой коммерческой выгоды. Эта книга способствует профессиональному росту читателей и является рекламой бумажных изданий.

Все права на исходные материалы принадлежат

соответствующим организациям и частным лицам.

---

notes

1

Напротив (*фр.*).

2

Остановите! Остановите дилижанс! (фр.).

3

Анри! Сумасшедший! Осторожно! (фр.).

4

Большой шестнадцатый (фр.).

Table of Contents

[Фред Стюарт Блеск и будни](#)

[ПРОЛОГ АДАМ И ЛИЗА](#)

[ЧАСТЬ ПЕРВАЯ НАСЛЕДСТВО ПОНТЕФРАКТА](#)

[ГЛАВА ПЕРВАЯ](#)

[ГЛАВА ВТОРАЯ](#)

[ГЛАВА ТРЕТЬЯ](#)

[ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ](#)

[ГЛАВА ПЯТАЯ](#)

[ЧАСТЬ ВТОРАЯ КОНФЛИКТЫ](#)

[ГЛАВА ШЕСТАЯ](#)

[ГЛАВА СЕДЬМАЯ](#)

[ГЛАВА ВОСЬМАЯ](#)

[ГЛАВА ДЕВЯТАЯ](#)

[ГЛАВА ДЕСЯТАЯ](#)

[ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ](#)

[ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ](#)

[ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ](#)

[ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ](#)

[ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ](#)

[ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ ВОЙНА](#)

[ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ](#)

[ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ](#)

[ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ](#)

[ГЛАВА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ](#)

[ГЛАВА ДВАДЦАТАЯ](#)

[ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЕРВАЯ](#)

[ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВТОРАЯ](#)

[ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ТРЕТЬЯ](#)

[ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЕРТАЯ](#)

[ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЯТАЯ](#)

[ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ШЕСТАЯ](#)

[ГЛАВА ДВАДЦАТЬ СЕДЬМАЯ](#)

[ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВОСЬМАЯ](#)

[ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ДЕВЯТАЯ](#)

[ГЛАВА ТРИДЦАТАЯ](#)

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ МИР

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ПЕРВАЯ

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ВТОРАЯ

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ТРЕТЬЯ

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ПЯТАЯ

1

2

3

4